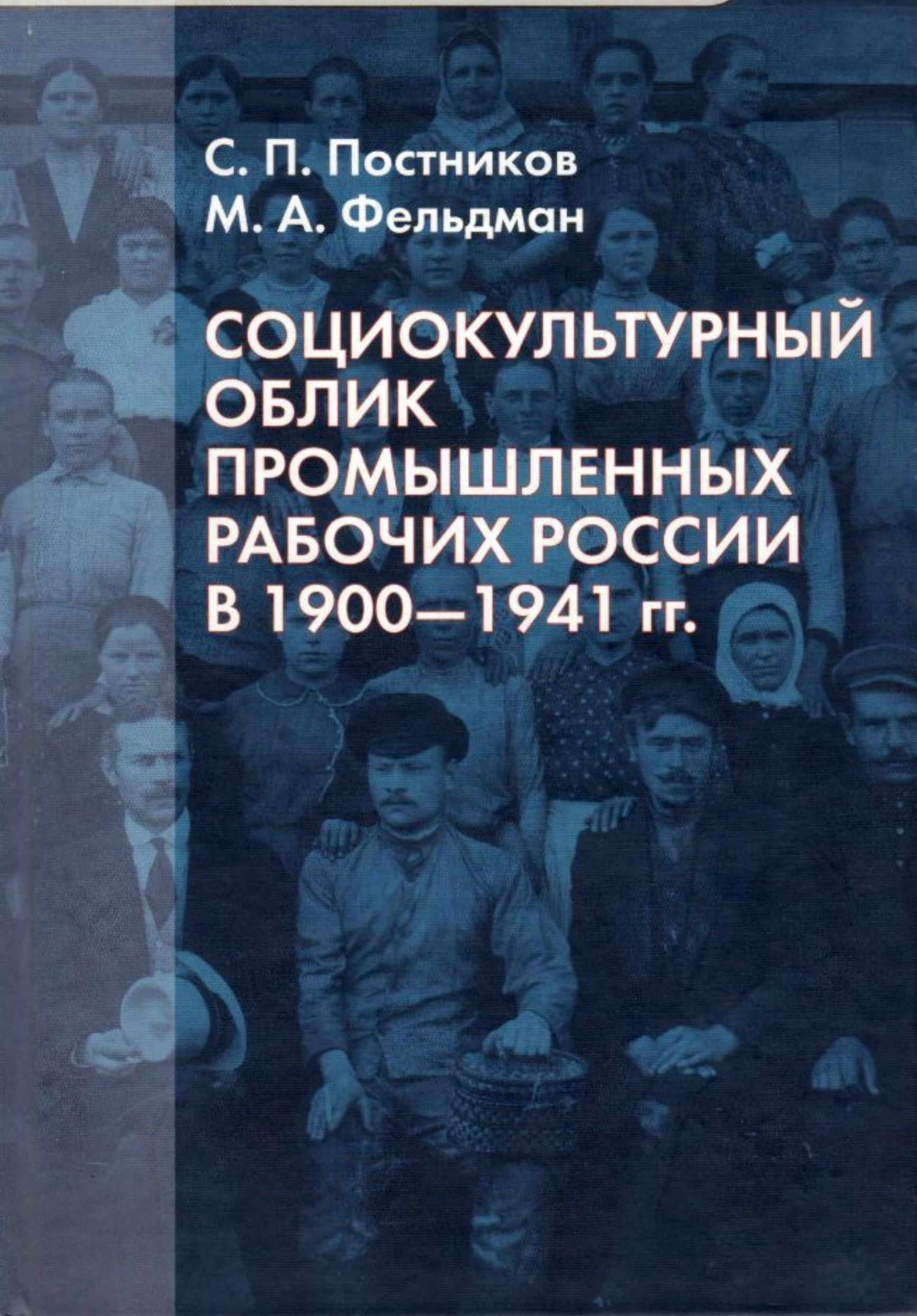

Экономическая история
Документы, исследования, переводы

С. П. Постников
М. А. Фельдман

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ОБЛИК
ПРОМЫШЛЕННЫХ
РАБОЧИХ РОССИИ
В 1900—1941 гг.**

Экономическая история
Документы, исследования, переводы

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО РОССИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТР ПО РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖАРХИВНЫХ ПРОГРАММ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРХИВОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ РОССИИ В 1900—1941 гг.

Москва
РОССПЭН
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)61
П63

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор С.В. Яров

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Н.А. Иванова
доктор исторических наук, профессор А.В. Сперанский
кандидат исторических наук В.С. Терехов

Рекомендовано
Ученым советом ИИиА УрО РАН

Постников С.П., Фельдман М.А.
П63 **Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг.** — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 367 с. — (Серия «Экономическая история. Документы, исследования, переводы»).

ISBN 978-5-8243-1109-9

В монографии раскрыты масштабные изменения в социальной структуре, общеобразовательных и квалификационных характеристиках, духовной среде рабочих в первые четыре десятилетия XX в. Авторы широко использовали материалы переписей 1897, 1927 и 1939 гг., рассекреченные архивные документы, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Книга адресована историкам, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов университетов.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)61

ISBN 978-5-8243-1109-9

© Институт истории и археологии УрО РАН,
2009
© С.П. Постников, М.А. Фельдман, 2009
© Российская политическая энциклопедия,
2009

ВВЕДЕНИЕ

Первые четыре десятилетия XX в. ознаменовались трансформацией условий, уклада, образа жизни, социокультурного облика населения России, в том числе и промышленных рабочих. В последнем случае речь идет о характеристиках крупнейшего по численности в России социума в XX веке. В эволюции социокультурного облика промышленных рабочих отразился весь ход модернизационных процессов.

Насколько социокультурный облик рабочих России соответствовал потребностям преобразований индустриальной сферы? Какой стала для промышленных рабочих цена революционных потрясений и форсированной индустриализации в нашей стране? Как строились и видоизменялись отношения различных социальных групп внутри рабочего класса? Насколько культурный потенциал рабочих позволял осуществить преобразования в духовной жизни? Был ли покорным и послушным «социалистический» рабочий класс к концу 30-х гг.? От ответов на поставленные вопросы зависят многие оценки истории России.

Анализ исторической и историографической литературы подвел нас к еще одному вопросу, который мы рассматриваем как важнейший для современных исследований: как соотносился социокультурный облик рабочих дореволюционной России, Советского Союза с аналогичными показателями ведущих стран Запада?

На наш взгляд, указанные проблемы следует отнести к наименее изученным в отечественной историографии. Причина подобного явления заключается в том, что советские историки зачастую анализировали не конкретный феномен рабочего класса СССР, а мифические схемы, созданные на основе идеологических постулатов, нередко под прямую диктовку сверху. В 90-е гг. темы истории рабочего класса в целом, социокультурного облика трудящихся оказались на периферии научных исследований не только историков, но и философов, политологов, культурологов. Тем не менее наличие целого ряда историографических обзоров по истории рабочего класса в исследуемый период в советскую эпоху¹ и в постсоветское время на общероссийском² и региональном материалах³ позволяет нам сконцентрироваться на наиболее важных аспектах данной проблемы.

Хронологические рубежи исследования (1900—1941 гг.) определены методологическим подходом к изучению заявленной проблемы. Только на протяжении длительного временного этапа могут успешно доказать свою эффективность примененные в монографии комплексный (взаимосвязанное изучение источниковедения, историографии и конкретной истории) и междисциплинарный (диалектическое сочетание экономических, правовых, социальных и политических проблем) подходы.

Единство модернизационного перехода⁴ позволяет видеть общность досоветского и советского периодов, в частности, необходимость проведения и завершения индустриализации; милитаристский характер модернизации; растущую централизацию государственной жизни, формирование государством сложной иерархии в рабочем социуме. Наряду с этим, несмотря на ряд социальных катаклизмов, в качестве единого, рассматривается и процесс культурного развития России. Мы исходим из того, что результаты воздействия смены государственного устройства, успехов индустриализации в годы первых пятилеток на корневую структуру социокультурного облика рабочих в научной литературе должны основываться на результатах научного анализа, а не комментариях к партийным документам, несущих неадекватно завышенную оценку. Наш подход позволяет выявить взаимообусловленные единство и связь социокультурных характеристик рабочих России в переломных точках истории, на протяжении значительного исторического периода.

Наряду с теорией модернизации, методологической основой нашего исследования стал и цивилизационный подход с его социокультурной моделью исторического объяснения, отрицающей априорную иерархию материальных и идеальных факторов социальной жизни. Цивилизационный подход позволяет рассматривать цивилизацию как процесс универсализации и генерализации культуры и истории, как большую социокультурную общность, обладающую собственной иерархией ценностей и идеалов⁵. Понимание цивилизаций как социокультурных макросистем дает основание для изучения реальных характеристик конкретных исторических социальных структур, обладающих качественной спецификой. Такой подход делает возможным изучение не только влияния процессов индустриализации, государственной власти на систему ценностей и формы поведения граждан (в нашем случае — промышленных рабочих), но и не менее важного: воздействия людей на трансформацию культурной, социальной, экономической политики государства, ведущей, в свою очередь, к историческим изменениям, к формированию новых социальных групп. Групп, чьи черты, параметры, призна-

ки зачастую не совпадали с общепризнанным, официальным социальным строением общества.

В силу этого историку необходимо на конкретном исследовательском поле установить характер выявленных связей, конфигурацию переплетения и взаимодействия социальных и культурных факторов, а также те смыслы, которыми люди наполняли свои действия⁶.

В работе над монографией мы учитывали достижения социальной психологии, в частности трудов П. Сорокина, обосновавшего роль войн и революций XX в. в изменении ценностей и поведенческих реакций масс. Изучение исторического материала позволило критически подойти к тезису П. Сорокина о дезинтеграции культурных, моральных, правовых ценностей россиян в результате фундаментальных потрясений первых десятилетий XX в.⁷ По нашему мнению, процесс социокультурной деформации имел свою, ярко выраженную специфику у конкретных социальных групп российского общества.

Начало XXI в. позволяет по-новому взглянуть на состояние исторических исследований по рабочей истории в России. Появление ряда крупных отечественных и зарубежных исследований, посвященных различным проблемам истории рабочих промышленности⁸, свидетельствует о возрождении интереса исследователей к наиболее популярной тематике советской исторической науки. В этой связи методологическое замечание А.К. Соколова о рабочем классе России и СССР как конкретно-историческом образовании⁹ наполняется как раз реальным содержанием. Истина достаточно далека как от утверждений об отсутствии в России в начале XX в. и в СССР к 1941 г. настоящего рабочего класса индустриального общества, так и от заявлений о завершении формирования такого класса.

Реконструкция социального поведения рабочих России немыслима без понимания эволюции подлинной социальной структуры объекта исследования — рабочих промышленности России/СССР. Отсутствие такого понимания стало непреодолимым препятствием на пути многих историков прошлого и настоящего. Наши собственные исследования¹⁰ подтверждают справедливость теории социальной стратификации, согласно которой понятие «рабочий класс» правомерно рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. Поскольку собственность в СССР была национализирована, постольку исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными. На первый план в этакратическом обществе выходит и этакратический тип стратификации¹¹.

Согласно данному делению общества, дифференциация между социальными группами происходит прежде всего по их положению во властно-государственной иерархии. Специфика системы этатического типа заключается в том, что каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. В этом корневое сходство сословного деления дореволюционного социума и иерархии послереволюционного общества: в России и СССР сохранялась слоистая социальная система, основанная на властных отношениях. Поддерживая подобную концепцию, заметим, что она имеет важное значение для изучения истории социокультурного облика рабочих промышленности России и СССР вне деления на досоветский и советский период.

Рассмотрение указанной проблемы предполагает исследование социальных характеристик состава рабочего класса России в сравнении с аналогичными показателями развитых стран Запада в контексте «новой социальной истории», возникшей во второй половине XX в. Родоначальником «новой социальной истории» считается Э. Томпсон, выпустивший в 1963 г. книгу «Становление английского рабочего класса». «Старая» социальная история изучала обычно только классовое или имущественное расслоение в обществе. «Новая» социальная история акцентирует внимание на выяснении подлинной картины существующих в обществе социальных групп, на уточнении конкретных связей между этими группами, фиксирующими общественное положение, права и обязанности, статус и престиж индивидов и социальных организаций. При этом культура рассматривается в качестве неотъемлемой характеристики человека как социального существа и неразрывно связана с социальным поведением индивидов, составляющих определенную социальную группу¹².

Акцент сделан на изучение различных сторон культурного облика в их развитии и взаимосвязи; на взаимодействие социальных и культурных характеристик в рамках общего исторического процесса эволюции общества, влияющего на формирование социокультурного облика промышленных рабочих. Термин «социокультурное» в литературе последнего времени подразумевает процесс взаимодействия социального и культуры, т.е. понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Социокультурное понимается как социальное пространство, в котором творит социальный субъект. Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия: че-

ловека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности¹³.

Рассмотрение истории общества сквозь жесткую схему классовой структуры предполагало изучение **характеристик культурного уровня рабочего класса**. *Социокультурный подход* предполагает исследование взаимодействия социального пространства, в котором самостоятельно действуют *различные слои* рабочего класса. В силу этого исследование социокультурного облика рабочих предполагает:

- выявление подлинных социальных групп внутри рабочего класса;
- нахождение характеристик культурного потенциала каждой из выявленных социальных групп;
- определение характера взаимосвязи культурных потенциалов конкретных социальных групп рабочих;
- создание синтезирующей модели социокультурного облика рабочих.

Если социокультурный облик конкретной социальной группы промышленных рабочих отмечен совокупностью конкретных показателей, то синтезирующая модель социокультурного облика рабочих промышленности отличается обобщенными, абстрагированными сведениями.

Однако необходимо выяснить параметры самого понятия «рабочий класс». В историографической науке известны попытки разделить рабочий социум на пролетариев (собственно промышленных рабочих) и остальной «рабочий класс в целом», отрицания, например, общих черт уральских рабочих и пролетариев Центра России¹⁴. Диапазон взглядов современных исследователей на понятие «рабочий класс» замечен, например, при сравнении определений В.С. Аллаяровой («Пролетарии — подлинные промышленные рабочие») и В.В. Скоробогачко («Пролетарии существуют на всех ступенях европейской цивилизации, а рабочие — порождение индустриального общества»)¹⁵. Мы разделяем и поддерживаем последнюю точку зрения. Наша аргументация не претендует на новизну: в марксистской историографии рабочие, живущие только продажей своей рабочей силы, — «чистый пролетариат» — отделялись от той части рабочих, которая не порвала связи с землей, «образуя массу переходных типов, обладающих признаками граничащих классов»¹⁶. В составе рабочего класса выделялся авангард — промышленные рабочие, как «первенцы промышленной революции», к которым предъявлялись наиболее высокие требования к уровню развития рабочей силы¹⁷. Ядром промышленного рабочего класса всегда являлись

кадровые рабочие. Но кого же можно причислить к категории **кадровые промышленные рабочие?**

Мы выделяем такую категорию, так как в литературе, посвященной рабочей истории, утвердилось положение о том, что **производственная школа продолжительностью** до пяти лет является вполне достаточной для воспитания качеств кадрового рабочего¹⁸. Понятия «непрерывный стаж» и «общий стаж» — конечно, разные вещи. Однако постоянно возрастающая сложность технологических процессов требовала постоянных кадров. Бесспорно, что масштаб текучести на протяжении первых десятилетий XX в. девальвировал признаки и параметры категории кадровых рабочих.

Сложность решения поставленной задачи обусловлена отсутствием в современной литературе исследований, раскрывающих:

- численность и социальный состав рабочих СССР в 30-е гг. (с учетом рабочих оборонного комплекса и вне идеологических отступлений);

- роль землепользования в формировании социального облика российских и советских рабочих;

- динамику эволюции бытовых условий рабочих; культуры поведения в быту;

- изучение отношений рабочих и иных социальных групп городского населения;

- подлинную историю системы мотивации труда промышленных рабочих; реального социального поведения рабочих на производстве;

- образовательные и квалификационные характеристики рабочих России и СССР в динамике и внутренней взаимосвязи, в сравнении с аналогичными показателями стран Запада;

- изменение отношения рабочих к культурным ценностям; подлинной роли рабочих в сфере культуры;

- эволюцию политических настроений и поведенческих норм рабочих.

Неизученные проблемы рабочей истории определили совокупность задач исследования и его основную цель: проследить эволюцию и взаимодействие социальных и культурных характеристик рабочих промышленности России.

Проблемы, связанные с характеристиками социокультурного уровня рабочих России, не могут быть разрешены без определения сроков и степени завершенности промышленного переворота в России в целом. Отсутствие новейших исследований по указанной теме заставило нас обратиться к проблеме промышленного переворота. Основные выводы исследования были опубликованы в 2005 г. в журнале «Отечественная история»¹⁹.

Сопоставление истории промышленного переворота за рубежом и в России²⁰ подвело к выводу о специфике нашей страны: индустриализация в силу огромной территории Российского государства длительный срок могла носить только «островной», локальный характер с волнообразной технической революцией. Длительный срок индустриализации, завершившийся в 30-е гг. XX в. только в тяжелой промышленности, представляя собой общую закономерность мировой истории, обусловил и основную тенденцию становления рабочего класса нашей страны. Качественная неоднородность структуры и технического состояния промышленности закономерно формировала разнородный состав промышленных рабочих регионов России.

На несовпадение процессов технической и социальной сторон промышленного переворота, на *более медленные темпы социального классообразования*, в частности, на отставание хода формирования рабочего класса России (фактически — отличия от идеальной конструкции в ленинских трудах) еще в 1958 г. обоснованно указал Л.М. Иванов²¹. По его мнению, возникновение в ходе промышленного переворота потомственного, связанного не одним поколением с работой в промышленности, пролетария, стоит в прямой зависимости от разрыва с землей и вообще со всеми формами собственного хозяйства²².

Масштабность историка проявляется не только в том, что он успел сказать, но в создании условий для появления новых научных концепций. Непредвзятый читатель работ 60-х — начала 70-х гг. Л.М. Иванова, В.В. Адамова, Ю.И. Кирьянова, Ю.И. Серого²³ самым содержанием публикаций подводился к выводу, который в силу цензурных ограничений (внешних или внутренних) не мог прозвучать в то время: незавершенность промышленного переворота, капиталистических преобразований в экономике полуфеодальной самодержавной империи не могла не сохранить в среде рабочих промышленности **разнородные социальные группы сословного характера**.

По обоснованному мнению Н.А. Ивановой, историки «нового направления», рассматривая многоукладность как особую, отличную от капиталистической, систему, подходили к пониманию *завышенности* официальных оценок развития буржуазного общества в России²⁴.

Жесткая критика взглядов Л.М. Иванова, близких к нему оценок историков «нового направления»²⁵ имела печальные последствия. В СССР на *полтора десятилетия* было приостановлено осмысление одного из важнейших направлений отечественной истории. Приостановлено, как подчеркивает современная исследовательница, методами, далекими от научных²⁶.

В научной литературе вновь, вне научной конкуренции, по сути, вне осмысления, оказалась господствующая в 30-х — первой половине 80-х гг. концепция истории, основывающаяся на парадигме быстрого превращения российского пролетариата (априори обладавшего всеми признаками индустриального рабочего класса, ни в чем не уступающего западноевропейским собратьям) в социалистический рабочий класс — полноправного хозяина государства.

Эта концепция базировалась на сталинской трактовке трех слоев рабочего класса. Согласно этой концепции, только слой чистокровных пролетариев, прочно порвавших связи с классом капиталистов (т.е. не имевший частной собственности), является надежной опорой марксизма. Остальные рабочие: выходцы из крестьянства, мещан, интеллигенции; высококвалифицированные, наиболее обеспеченные рабочие — по мысли Сталина, представляют собой политически незрелую и неблагонадежную массу²⁷.

Вопрос остается актуальным и сегодня в свете нападок представителей старых, консервативных подходов к истории на публикации, продолжающие поиск ведущих исследователей рабочей тематики советской эпохи. Подобно стремлению ряда авторов принизить и замолчать значение научного вклада историков «нового направления» в конце 80-х гг.²⁸, аналогичные попытки предпринимаются и в начале XXI в.

Речь идет, прежде всего, о статье Д.В. Гаврилова «Диссидентская “теория многоукладности”: испытание временем на достоверность и жизнеспособность», опубликованной в 2003 г. По сути, автор повторяет все те обвинения историкам «нового направления», которые были выдвинуты партийными функционерами более 30 лет назад. Например, указывая на стремление историков «нового направления» исключить Россию из всеобщего модернизационного процесса²⁹. Каждый, кто ознакомился с трудами историков «нового направления», не мог не заметить, что в них шла речь совсем об ином: о причислении дореволюционной России к странам «второго эшелона капитализма», со свойственным им сравнительной отсталостью и своим типом капиталистического развития (мозаичностью многоукладной экономики, повышенной ролью государства)³⁰. Не случайно, Д.В. Гаврилов не может привести соответствующих аргументов, подтверждающих подобные обвинения.

Сущность проблемы осложняется для отстаивающих данную позицию историков еще и тем, что преобладание аграрного полufeодального сектора в экономике России, развитие российской тяжелой промышленности под эгидой феодальной монархии, в

частности, сохранение на Урале до декабря 1917 г. вотчинных горнозаводских округов, т.е. явлений, указывающих на **незавершенность капиталистической эволюции**, процесса формирования классов и слоев буржуазного общества, опровергнуть невозможно. Такое заключение подтверждено исследованиями последних лет и для Урала³¹, и для России в целом³².

Монографии и статьи И.Ю. Кирьянова 70—90-х гг. XX в.³³ стали своеобразным историографическим мостом между историками «нового направления» и современной историей рабочего класса России. Научное творчество И.Ю. Кирьянова показывает, во-первых, тот максимум научной объективности, который мог позволить себе добросовестный исследователь в советский период истории. Правдивая информация о материально-бытовом положении рабочих, даже окрашенная в соответствующую идеологическую оболочку, позволяла критически взглянуть на подлинное положение вещей; например, на тезис о непрерывном обнищании рабочих при капитализме. Во-вторых, публикации И.Ю. Кирьянова демонстрируют притягательный пример постоянного научного переосмысления взглядов прошлого, включая собственные работы.

Кризисные явления в жизни советского общества в первой половине 80-х гг., при некотором вынужденном ослаблении (или «одряхлении») цензуры, дали импульс научной мысли советских историков. Характерным можно считать вывод, сделанный Л.В. Гордоном и А.К. Кузнецовым в 1985 г. Сохранение доиндустриального и раннеиндустриального укладов, порожденных незавершенностью индустриализации, писали авторы, закономерно консервировали в промышленном рабочем классе страны значительный массив **работников доиндустриальных профессий**, а также неквалифицированных занятий³⁴. В условиях домонополистического капитализма³⁵ внутри рабочего класса существовали ярко выраженные типологические группы рабочих, подобные тем, какими были фабричные и мануфактурные рабочие³⁶. То есть четкие внутриклассовые группы и слои доиндустриального или раннеиндустриального общества. В 20—30-е гг. XX в. процессу классобразования мешал «громадный масштаб “внерабочих” пополнений, создававший условия, при которых рабочие массы на некоторый период становятся... гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде. Удельный вес новых пополнений выходит далеко за “нормальные” пределы»³⁷.

Поддерживая такую концептуальную позицию, Н.Н. Разуваева в 1992 г. указала на то, что особый социальный состав населения дореволюционной России — в значительной степени, крестьянский — определил и особый состав рабочего класса:

«Кадровые рабочие составляли в нем чрезвычайно тонкий слой. В послеоктябрьский период рабочий класс стремительно рос за счет крестьянских пополнений, становясь менее пролетарским по своему составу»³⁸.

Анализ исторических трудов предшественников, освобожденный от идеологических догм, позволяет распространить вывод о наличии в первые десятилетия XX в. в среде рабочих промышленности **разнородных социальных групп сословного характера** в масштабах всей России.

В современной исторической литературе социокультурный облик рабочих в первые десятилетия XX в. рассматривается чаще всего как «производное влияния крестьянской психологии и традиций на рабочую среду»³⁹. Исходя из концепции несформировавшегося классового менталитета рабочих, социокультурные характеристики пролетариата историки трактуют как явление переходного порядка между городской и сельской системами культурных ценностей⁴⁰. Речь идет не только о рабочих российской провинции. И на ведущих предприятиях Москвы в 20—30-е гг. XX в. рабочий класс находился в стадии социальной трансформации, активно пополняясь за счет выходцев из деревни, не имевших культуры и навыков индустриализации⁴¹. В этой связи мы разделяем мнение о ненаучности утверждений, представляющих рабочий класс советского государства 20—30-х гг. как принципиально «новый класс», возникший после победы социалистической революции, и об автоматическом причислении потомственных рабочих к «передовому слою» рабочего класса в марксистском понимании этого слова⁴². Региональные исследования имеют особое значение для гигантских по территории, многоуровневых по социально-экономическому развитию районов Российской державы. Попытки обобщения, подведения к единому знаменателю без учета специфики регионов зачастую могут обернуться для исследователя неверным суждением применительно к конкретному региону. Так, по мнению авторитетного и уважаемого американского историка Л. Хаймсона, между 1905—1917 гг. процесс урбанизации рабочих отразился в ослаблении связи с землей, а также в кристаллизации в больших городах более стабильных и сплоченных рабочих кварталов, в которых рабочие жили постоянно со своими женами и детьми⁴³. Однако материалы, например, уральского региона⁴⁴ опровергают подобный вывод.

К концу XIX — началу XX в. сословная структура российского общества находилась в стадии непрерывной трансформации, вызванной складыванием социальной структуры общества буржуазного типа. В монографии А.К. Соколова, подводящей свое-

образный итог советской рабочей истории, использование результатов переписи 1918 г. позволило выделить в рабочем классе дореволюционной России две противоположные группы: наиболее развитую часть, состоящую из квалифицированных рабочих крупных предприятий (примерно 1/3 всех рабочих), а также низшую группу — неквалифицированных, низко оплачиваемых, частично — временных, сезонных рабочих (примерно 1/4 часть всех пролетариев). Как вытекает из дальнейшего текста, большинство промежуточного слоя пролетариев (т.е. оставшиеся примерно 2/5 пролетариата страны) составляли малоквалифицированные рабочие⁴⁵.

Интересный и содержательный материал подводил исследователей к вопросам о критериях понятия «квалифицированные рабочие»; о сущности такого явления, как доминирование неквалифицированных и малоквалифицированных, низко оплачиваемых пролетариев; о взаимосвязи признаков квалификации с остальными компонентами социокультурного облика рабочих; сущности социального состава рабочего класса России, его соответствии преобразованиям индустриальной сферы. Однако на пути к подобным размышлениям до конца 80-х гг. стояли идеологические препоны и сила традиций мышления в последующие годы. Одна из причин тенденциозного освещения российской истории XX в. как раз и заключалась в том, что коммунистическая идея рассматривала пролетариат как однородную, недифференцированную, монолитную величину, как единственного носителя истинных социалистических и коммунистических идей⁴⁶. Немногим изменилось положение дел и в 90-е гг. XX в. Более того, стремление исследователей к объективному, научному анализу «рабочей истории» встречает яростную критику. В ее основе — отстаивание марксистских тезисов о победе капиталистического уклада в экономике России, наличии в нашей стране объективных предпосылок для социалистической революции и т.д. Все иные взгляды характеризуются как «диссидентские» и «архаичные»⁴⁷.

Вместе с тем в историческую литературу последних лет были внесены весомые фактические сведения о социальном положении рабочего класса России и СССР⁴⁸. Следует приветствовать появление в 90-е гг. новых обобщающих работ по рабочей истории⁴⁹. К сожалению, упомянутые работы Н.Р. Коровина и Ю.К. Калистратова зачастую несут черты переходного характера: лишены широкой архивной базы, массива вновь вводимых в литературу источников, содержат немало устоявшихся штампов.

Своеобразным подведением итогов как советской, так и постсоветской литературы 90-х гг. стало издание Б.Н. Мироновым в

1999 г. фундаментальной «Социальной истории России». Автор пришел к весьма интересному выводу о том, что «нет достаточных оснований думать, что большинство рабочих осознавало или хотя бы ощущало себя особым сословием, со своими представлениями и своим особым поведением. Оно прочно сохранило в своем сознании традиционные общинные ценности, под влиянием которых сложились де-факто рабочие коллективы, воспроизводившие в специфических условиях промышленного предприятия самоуправляющиеся сельские общины»⁵⁰.

Влияние устойчивых традиций в рабочей среде было преобладающим. «Крестьянское происхождение рабочих, — отмечает Б.Н. Миронов, — мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению»⁵¹. Менталитет рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений. И хотя революционные события 1905—1907 гг. произвели его корректировку, она не была существенной. Легко понять, почему крестьянский менталитет сделал рабочих легкой добычей социал-демократов, а крестьян в деревне — добычей эсеров. Крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была привнесена в город крестьянами и естественно усвоена рабочими промышленности⁵². Вывод Б.Н. Миронова, адресованный к рабочему классу России рубежа XIX — XX вв., может быть обращен и к значительной части промышленных рабочих первых десятилетий XX в.

Важное значение имеют выводы Б.Н. Миронова о разрушительных перегрузках городской жизни для новых пополнений рабочих промышленности, в частности, о более высокой (в 19 раз!) криминогенности промышленных рабочих, чем крестьян, живущих в общине⁵³. Близки к приведенным характеристикам и взгляды Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой. По их мнению, удельный вес переходного слоя рабочих-крестьян в России в начале XX в. был весьма значительным. Большая часть их трудилась на заводах и фабриках сравнительно недолго (от одного до трех лет). При этом крестьянское происхождение рабочих накладывало отпечаток на социальное поведение⁵⁴.

Проанализировав *зарубежную* историческую литературу, посвященную российскому рабочему классу, Н.А. Иванова и В.П. Желтова выделили три типологические группы авторов. По их мнению, одни исследователи (Р. Зелник, Д. Броуэр) рассматри-

вают фабрично-заводских рабочих России как «сегмент» аграрного общества и органическую часть крестьянского населения; другие (Р. Джонсон, О. Крисп, Л. Энгелстайн) видят в рабочих промежуточную социальную группу, у которой сохранилось сильное тяготение к деревенской среде. Третьи (Д. Кенкер, В. Боннел, М. Малиа) определяют русских рабочих как новую социальную общность развивающегося индустриального общества, не утратившую полностью крестьянского характера и не превратившуюся окончательно в класс⁵⁵.

Соглашаясь с оценкой современных авторов третьей типологической группы о направлениях и содержании духовного влияния крестьянства на промышленных рабочих, заметим, что все перечисленные характеристики как раз говорят в пользу рассмотрения рабочих как особой сословной группы. К такому выводу пришла и уральская исследовательница Н.Н. Алеврас⁵⁶.

Вместе с тем представляется возможным уточнить социальную направленность вывода Н.Н. Алеврас о сохранении общинной психологии в рабочей среде⁵⁷. В *наибольшей степени* сохранение общинной психологии следует адресовать к той производственной и социальной группе пролетариев, которую составляли «пришлые», малооплачиваемые, занятые тяжелым физическим трудом рабочие; к рабочим законсервированных предприятий; к не имеющим ни собственного жилья, ни образования, ни самой возможности повышать свой культурный уровень. В *наименьшей* — к квалифицированным рабочим казенных округов. Сама Н.Н. Алеврас обоснованно связывает упомянутые поведенческие установки, прежде всего, с *потерявшими работу и пришлыми*⁵⁸.

У наиболее развитых рабочих — квалифицированных, грамотных, социально активных — тяга к образованию была связана с надеждой на духовно богатую жизнь, повышение производственной квалификации, улучшение материального положения. Именно эта категория участвовала в деятельности таких культурно-просветительных организаций, как рабочие клубы⁵⁹.

Значительным вкладом в изучение проблемы социальной психологии можно считать работы московских исследовательниц В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук, создавших обобщающие исследования на стыке истории и этнографии, раскрывающие ряд сторон культуры и быта рабочих Урала как до 1917 г., так и в послереволюционную эпоху⁶⁰. Авторы сформулировали важные в методологическом и фактологическом отношении выводы о неоднородности культурно-бытового уклада рабочих семей в зависимости от квалификации и грамотности, заработка, срока проживания в городском поселении и возраста. Отсюда логич-

ным был вывод о **возрастании в первые десятилетия XX в. различий** в социальном облике рабочих в зависимости от конкретных производственных групп. На наш взгляд, значение данного вывода, как и в целом работ В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук, обращенных к рабочим крупной промышленности, не получили заслуженной оценки в советской и российской историографии.

Как видно, указанные работы подвели историков к выводу: изъяны в методологии, главным образом, сведение под одну гребенку — «рабочий класс» — различных социальных групп, в сочетании с некритическим использованием массива источников могут привести к выводам, весьма далеким от научных.

С именами Ю.И. Кирьянова, С.В. Ярова связано начало переосмысления социокультурных факторов *политического поведения* промышленных рабочих России. В их трудах прослежены общие черты социальной психологии промышленных рабочих в первые десятилетия XX в.⁶¹ В монографии С.В. Ярова на основе изучения широкого круга малоизвестных источников (протоколов рабочих собраний, донесений информаторов ВЧК) выделено несколько типов политического поведения рабочих Петрограда в 1917—1923 гг.: политическая апатия, характерная для большинства рабочих; участие в акциях, подготовленных сверху: одобрение коллективных просоветских постановлений, участие в коллективных демонстрациях, подписание коллективных писем; противопоставление государственным структурам⁶². Изученный материал подвел автора к выводу: антибольшевистские настроения прежде всего возникали не в тех группах, которым в значительной мере был присущ патриархальный быт и малый опыт профессионального общения, а именно в передовых (и в политическом, и в культурно-бытовом отношениях) рабочих коллективах, для которых был характерен высокий уровень образования и рабочей идентичности⁶³. Наши собственные исследования подтверждают последний вывод С.В. Ярова на материалах Урала.

Причины краха социального партнерства рабочих и предпринимателей в 1917—1918 гг. были исследованы Д.О. Чураковым⁶⁴. Интересным, хотя и требующим большего числа доказательств, представляется вывод Д.О. Чуракова о способности большевиков погасить рабочий протест, перевести его из политической в экономическую сферу и направить его в созидательное русло⁶⁵.

Переломными работами в области изучения политических взглядов населения российской провинции стали труды И.В. Нарского, опубликованные в 90-е гг. XX в.⁶⁶ И.В. Нарский пришел к важному выводу: не только до, но и после 1905 г. политизация населения Урала и рост его оппозиционности продолжали отставать от аналогичных процессов в центре страны. Это положение

касалось и рабочего класса крупного промышленного региона⁶⁷. Специфический статус горнозаводского населения сказывался на рабочем движении в регионе, для которого были типичны выдвижение требований аграрного характера, жалобы на недостаток работ и притеснения администрации⁶⁸. В монографии выдвинуто весьма интересное, но, к сожалению, недостаточно аргументированное положение о том, что деление городского и сельского населения на верноподданническое и оппозиционное проходило не столько по сословному, сколько по возрастному принципу⁶⁹. В опубликованной в 2001 г. монографии И.В. Нарский, отталкиваясь от небольшого удельного веса горожан и рабочих промышленности, рассматривает уральское население к 1917 г. как типичное для **доиндустриальных обществ**⁷⁰. Ни мировая война, ни революции, ни Гражданская война не могли изменить сущностных черт социокультурного облика уральских рабочих. «В образе жизни рабочего Урала сохранялось полукрестьянское происхождение, доставляющее властям немало хлопот»⁷¹.

Вместе с тем эволюция политических настроений промышленных рабочих в исследуемый период принадлежит к разряду малоизученных тем. Взаимоотношения рабочих с большевистской партией как до, так и после 1917 г.; реальная картина участия рабочих в профсоюзах и комсомоле, органах РКИ; история выдвиженчества как социального явления и в разрезе микроистории — в советский период получили обширное освещение в литературе. Однако, к сожалению, речь идет о публикациях, весьма далеких от науки. В настоящее время можно говорить только о первых шагах по переосмыслению статуса, социального облика, роли рабочих-выдвиженцев⁷².

Процесс роста технической оснащенности предприятий в 20—30-е гг. наряду с мероприятиями по осуществлению профессионально-технической подготовки рабочих кадров сопровождался изменениями в характере и уровне квалификации рабочих. Рост культурно-технического уровня советских промышленных рабочих в 30-е гг. признают и зарубежные исследователи⁷³. Менялось и само понятие «квалифицированный рабочий».

Противоречие между официальным статусом рабочего класса в СССР и небольшим числом обстоятельных монографий, посвященных рабочим крупной промышленности страны и региона, базирующихся на обширном статистическом материале⁷⁴, может показаться парадоксом, если не вспомнить действительные приоритеты государственной политики; недоступность данных по численности персонала растущего числа оборонных предприятий. Вот почему, отдавая должное предшественникам,

следует сказать: характерными чертами публикаций по рабочей тематике в советский период стали, во-первых, как правило, ограничение исследований рамками пятилеток, причем подробное изложение планов **не сопровождалось детальным анализом их выполнения**. В научный оборот вводились материалы, главным образом подтверждающие верный курс правящей партии. Можно выделить труды сибирских историков, связанных с Академгородком (Г.А. Докучаева, А.С. Московского), в которых хотя бы частично освещались проблемы формирования социокультурного облика советских рабочих.

Внимательное прочтение трудов советских историков позволяло выявить, нередко по крупинкам, информацию о реальном положении дел. Так, в монографии А.А. Матюгина можно было прочитать о постоянном совершенствовании духовного облика советских рабочих и в качестве примера узнать, что в 1923 г. 32% рабочих семей (в столицах — 40 %) имели дома книги, а 28% столичных и 20% провинциальных рабочих не имели в доме икон⁷⁵. Несложные подсчеты позволяли увидеть подлинную картину: несмотря на давление со стороны власти, более 2/3 рабочих Советской России не имели дома ни одной книги, а почти 4/5 рабочих сохранили иконы.

К сожалению, и после разрешения допуска в архивы, в силу жесткой цензуры, начинавшейся уже в читальных залах архивов, исследователи были вынуждены опираться в основном на опубликованные материалы, что, естественно, суживало источниковую базу исследования⁷⁶. Исключением в определенной степени можно считать труды, посвященные количественным и качественным изменениям в отраслевом отряде рабочих-металлургов⁷⁷. Причинами такого явления следует считать не столько значимость металлургии для региональной экономики, сколько большую открытость конкретных архивных материалов. Кроме того, акцент делался на освещение только позитивных моментов (количество рабочих, повышение квалификации и общеобразовательного уровня и т.д.). Результатом подобных процессов стала фрагментарность и односторонность картины изменений численности и состава рабочих крупной промышленности СССР, отдельных регионов.

Наличие таких основополагающих источников, как Всесоюзные переписи населения в 1926 г. и 1939 гг., а также выборочных профсоюзных переписей 1929 и 1932/33 гг., несущих в целом объективную информацию об уровне общеобразовательной подготовки рабочих, наложило отпечаток на характер исследований, посвященных культурному облику рабочих СССР: суживалась сама возможность для субъективных выводов. В трудах В.А. Ку-

манева, А.С. Московского, Г.А. Докучаева, В.Г. Чуфарова, Н.Я. Кемеровой, других авторов⁷⁸ были сформулированы положения о *незавершенности процесса преодоления неграмотности у промышленных рабочих в 30-е гг.*, приводились сведения об общеобразовательном уровне рабочих отдельных предприятий, звучала информация об ограниченном участии рабочих в работе культурно-просветительных учреждений.

Вместе с тем в перечисленных работах, нередко выполненных в историко-партийном ключе, изменения в культурном облике рабочих зачастую выступали как комментарии к работе партийных организаций. В исторической литературе отсутствовали сводные данные, раскрывающие динамику изменений общеобразовательных характеристик рабочих между переписями 1926 г. и 1939 г. в отраслевом и региональном аспекте.

Выход в свет в 1980 г. статьи новосибирского историка Ф.А. Лукинского «Повышение уровня образования рабочих Сибири (1938—1941 гг.)»⁷⁹ не мог не вызвать изумления у историков, занимающихся предвоенным периодом. Мало того, что автор спокойно оперировал данными по «засекреченной» в то время Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ф.А. Лукинский вводил в научный оборот данные по распределению рабочих Сибири по уровню образования. Этим не мог похвалиться **ни один исследователь**, изучавший региональный или общесоюзный аспект состояния культуры рабочих в 30-е гг. XX в. Показатели уровня неграмотности рабочих — 22,1% от всех рабочих Сибири в январе 1939 г. (в том числе 30% в Новосибирской области!); удельного веса рабочих, грамотных, но без школьного образования — 62,3% — звучали ошеломляюще, даже с оговоркой автора о «величайших заслугах партийных и советских органов по повышению общеобразовательного уровня рабочего класса»⁸⁰. Получалось, что “после победы социализма” в СССР 84,4% рабочих гигантского региона не имели стационарной школьной подготовки. Только 4,8% рабочих Сибири имели семь классов образования и выше. Уровень образования у остальных 11,8% рабочих колебался от одного до шести классов школьного обучения⁸¹. По нашему мнению, именно Ф.А. Лукинским был совершен научный прорыв, не отраженный в современной историографии. В целом же в советский период авторы привыкли высказываться по вопросу эволюции общеобразовательного уровня рабочих с максимальной деликатностью: стремясь не оторваться от статистики, не забывали про идеологические каноны. В конце 80-х гг. влияние идеологии на научные исследования стало слабеть. В коллективной монографии «Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941 гг.» отмечалось, что в интересах бес-

печения преимущественного представительства рабочих, в вузах и техникумах допускались *некоторые отступления* от установленных правил приема в учебные заведения⁸². Однако далее авторы прямо указывали: в годы первой пятилетки не уровень знаний абитуриентов, а классовый критерий играл первенствующее значение при зачислении в вуз или техникум⁸³.

Значимо и другое замечание: удельный вес рабочих-студентов в вузах возрастал только до начала второй пятилетки. К 1938 г. этот показатель практически вернулся на уровень конца 20-х гг. В коллективной монографии такой факт объясняется следующим образом: были отменены мобилизации и командировки рабочих в учебные заведения, сокращена сеть рабфаков и т.д.⁸⁴ Как представляется, дело не только в этом. Пагубность искусственного тотального «орабочивания» корпуса специалистов стала ясной и для высшего руководства СССР. Сказалось и исчезновение иллюзий у Сталина и его окружения в отношении подлинных интересов и настроений рабочих, о чем говорится в нашей работе. В целом на сегодняшний день в исторической литературе отсутствуют исследования, раскрывающие эволюцию общеобразовательных характеристик конкретных социальных групп внутри рабочего социума на протяжении длительного исторического периода. Только на рубеже XX — начале XXI в. появились работы, раскрывающие с научных позиций отдельные проблемы социокультурного облика рабочих⁸⁵.

Были опубликованы статьи и монографии зарубежных исследователей рабочей истории. Важное значение для понимания положения советских рабочих имеет публикация французского историка А. Безансона «Советское настоящее и русское прошлое»⁸⁶. Автор убежден, что лишённые реальной организационной силы, взаимопомощи, прав на достойные заработки рабочие в СССР вряд ли представляли собой класс, в том смысле, в каком понимала его социология в прошлом. Вместо него существовала профессиональная категория фабрично-заводских рабочих. Взамен советская власть через систему образования, СМИ, книги, фильмы давала иллюзию причастности к великим преобразованиям и воспитывала человека, умеющего находить удовольствие в советской жизни⁸⁷. Всячески подчеркивая идею классовой принадлежности, советское государство фактически вернулось к прежней, столь презируемой *сословной структуре* в зависимости от отношения человека к государству, отмечает Ш. Фицпатрик⁸⁸. Что же касается мнения автора об «обуржуазивании» быта части советских людей, включая рабочих, с середины 30-х гг.⁸⁹, содержание этого раздела, на наш взгляд, говорит о восстановлении *традиционных* форм развлечений, культуры досуга, отношения к

бытовой стороне жизни. Заметим, что зарубежные авторы еще в 50-е гг. обратили внимание на серьезные конфликты внутри самого рабочего класса между «старыми» и «новыми» рабочими; мужчинами и женщинами; квалифицированными и неквалифицированными работниками⁹⁰.

Появление трудов Л.С. Белоусова, посвященных истории рабочего класса Италии в 20—30-е гг. XX в., позволило нам выявить *общие черты* развития промышленного пролетариата среднеразвитых европейских стран на этапе завершения раннеиндустриальной модернизации; *общие черты* политики тоталитарного режима по отношению к рабочим⁹¹. Так, обновление технологического парка в промышленности Италии и СССР во второй половине 20—30-х гг. повлекло за собой прогрессирующую диспропорцию в составе рабочего класса, в частности увеличение удельного веса рабочих низкой квалификации, выполнявших простейшие операции. Деквалификация сопровождалась не только потерями в заработной плате, но также ломкой сознания, тяжелыми душевными переживаниями и психологическими травмами⁹².

Сопоставление индекса номинальной зарплаты и индекса стоимости жизни в 1922—1941 гг. позволило Л.С. Белоусову обоснованно резюмировать: фашизм не принес с собой явного улучшения качества жизни промышленных рабочих. Индекс реальной зарплаты во второй половине 30-х гг. в целом соответствовал показателю 1913 г. и был ниже рубежа 1922 г. Никто из историков, отмечает Л.С. Белоусов, не подвергает сомнению факт снижения покупательной способности рабочего класса Италии в 1922—1940 гг. примерно на 25—35%⁹³. Заметим, что к подобным выводам относительно советского рабочего класса пришли и современные российские историки⁹⁴.

Отсутствие аналогичных трудов по истории рабочего класса развитых стран Европы в 20—30-е гг. XX в. мы рассматриваем как одно из самых серьезных упущений современной исторической науки: исчезает возможность для полноценного сравнения социокультурных процессов в нашей стране и за рубежом. Отсюда наше обращение на страницах представляемой монографии к таким источникам, как профессионально-промышленная перепись 1907 г. и перепись населения 1939 г. в Германии.

В начале XXI в. появились монографические работы О.С. Поршневой и М.А. Фельдмана, С.П. Постникова, раскрывающие с позиций новых методологических подходов отдельные стороны социокультурного облика рабочих России в 1900—1941 гг.⁹⁵ При наличии у большинства рабочих России низкой политической культуры, отмечает О.С. Поршнева, становится понятным тот

масштаб коррозии христианских этических норм и ценностей в общественном сознании, который произошел под влиянием Первой мировой войны. По мнению автора, слой передовых рабочих требовал демократизации политического строя, а массив политически инертных рабочих — улучшения экономического положения⁹⁶. Вместе с тем на устойчивость традиционных культурных ценностей в социокультурном сознании рабочих в 20-е гг. указывают исследования Л.Н. Бехтеревой⁹⁷. Важное методологическое значение имеет вывод В.И. Михайленко о том, что хотя советское государство, используя методы социалистического воспитания, принуждения и насилия, ликвидировало сословную дифференциацию традиционного общества, на смену ей пришла более современная иерархия функций (т.е. служебная карьера); было минимизировано влияние негосударственных структур — родового общества, семьи, гражданского общества, религии⁹⁸. Ввод в научный оборот большого (хотя и далеко не полного, по мнению историков) массива ранее секретных источников открывает широкие возможности перед исследователями. Так, помимо опубликованных источников при написании работы были использованы документы центральных архивов: Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА). Особый интерес для нас представляли материалы, еще недавно засекреченные и по этой причине не введенные в научный оборот. Рассекреченные архивные дела, извлеченные из фондов ЦСУ СССР (РГАЭ. Фонд ЦСУ. Ф. 1562), объединяет Опись 329 («секретка»).

Региональный срез рассматривался на материалах уральских архивов: Государственного архива Свердловской области (ГАСО); Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО); Государственного архива Челябинской области (ГАЧО); Центра документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО); Государственного архива Пермской области (ГАПО); Государственного архива новейшей истории общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО).

Важным блоком источников стали материалы центральных и региональных изданий, многотиражных газет, содержащие неограниченную информацию по социальным и культурным проблемам, реакции рабочих коллективов на основные исторические события в стране. Сама возможность мыслить, не оглядываясь на идеологические догмы, позволяет по-новому подходить, казалось бы, к известным, опубликованным источникам. В истори-

ческой литературе, применительно к дореволюционному периоду, уже высказывалось мнение о сходстве законов о труде стран с протекционистской моделью развития⁹⁹. Представляется возможным выдвинуть положение о сходстве аналогичных документов и в период 20—30-х гг. Заметим, что в середине 20-х гг. журнал «Вопросы труда» провел широкий (и довольно объективный) обзор законов о труде практически всех стран Европы. Достоинством содержания постоянной рубрики «Хроника труда и трудового законодательства в зарубежных странах» было, во-первых, указание на эволюционный характер зарубежного законодательства о труде. Во-вторых, на общие принципы и конкретные черты эволюции законов о труде всех европейских стран. В-третьих, беспристрастный анализ позволял читателю сделать заключение о том, что **советское** трудовое законодательство не опережало, но соответствовало уровню аналогичных документов капиталистических стран Европы **в 20-е гг. XX в.**¹⁰⁰

Резюмируя, можно отметить, что задача создания комплексного исследования по указанной сложной проблеме на базе всестороннего изучения социального и культурного потенциала рабочих во взаимодействии и конкретно-исторической связи базовых характеристик социальных групп, составляющих рабочий социум, в контексте социально-экономического, политического и культурного развития России остается нереализованной.

По примеру московских историков требуется возобновить изучение заводской «микроистории» — реконструкции картины истории социокультурной эволюции трудовых коллективов заводов России и СССР.

Первостепенной задачей в исследовании советской истории является углубленное изучение опосредованного взаимодействия общества и власти как единой системы¹⁰¹. Наличие существующего сегодня **кривого историографического зеркала** частично объясняется историографической традицией, частично — пренебрежением к чисто социальной тематике. Отсюда критическая ситуация с отсутствием специальных исследований о рядовых гражданах сталинской поры. Так, в области изучения истории советского законодательства основной упор делался на исследование **потенции** юридических норм вне анализа особенностей их **реального** применения¹⁰². Подлинная картина конкретных социальных групп советского общества в историческом контексте, развитии и взаимосвязи только начинает складываться. При этом российские и западные историки подчеркивают значимость региональных исследований для изучения советской эпохи.

Мы отдаем себе отчет, что слабая изученность названной проблемы вынудила нас сконцентрироваться на проблемах рабо-

чей «макроистории». Следующим приоритетным направлением исследований должна стать проблема внутренних связей и соотношения различных компонентов социокультурного облика промышленных рабочих в ракурсе «микроистории»; активизация исследований менталитета рабочих, включенных в исторически сложившиеся социальные группы.

Монография включает введение, пять глав и заключение. Введение, заключение, главы 4—5 написаны д.и.н. С.П. Постниковым и д.и.н. М.А. Фельдманом. Главы 1—3 — М.А. Фельдманом.

Примечания

¹ Обобщающий историографический очерк дан в первом томе «Истории рабочего класса». См.: История рабочего класса: в 6 т. Т.1. М., 1984. С. 13—15, 29—35. См. также: Ворожейкин И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975; Гордон Л.В., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985. С. 3—13; Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. М., 1987. С. 22—45.

² См. например: Разуваева В.В. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х — начале 90-х гг. М., 1992. С. 4—30; Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 30-е гг. Иваново, 1994; Кириянов Ю.И. Зигзаги изучения экономического положения рабочих капиталистической России // Россия в XX в. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 197—206; Калистратов Ю.К. Рабочий класс и советская культура в 20—30-е гг. Автореф... док. дисс. Н.Новгород, 1998; Соколов А.К. Перспективы рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4—5; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 20—57; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX в. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. М., 2005. С. 10—12.

³ Голубев В.В. Уровень жизни советских рабочих в годы нэпа (1921—1927 гг.) / На материалах губерний Верхнего Поволжья. Дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 1995; Кулинич Н.Г. Социальный облик рабочих Дальнего Востока РСФСР в 20-е гг. (ноябрь 1922 — 1929 г.). Дисс... канд. ист. наук. Хабаровск, 1998; Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. (историографический очерк). Тюмень, 1997; Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. Первая глава. Екатеринбург, 2001; Заболотный Е.Б., Карамзин А.С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20—30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Вып. 2. Екатеринбург, 2004. С. 68—89.

⁴ О теоретико-методологических основах модернизационного подхода см. подробно: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006.

⁵ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 12 — 13.

⁶ Там же. С.14.

⁷ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 29—30.

⁸ См. подробно: Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4, 5. Среди новейших работ выделим монографии, написанные в ракурсе социальной истории: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920—1930-х гг. М., 2000; Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004.

⁹ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история, 2003. № 4. С. 132.

¹⁰ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 — 1941 гг. Екатеринбург, 2001; Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг. Екатеринбург, 2004; Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900—1941 гг.). Екатеринбург, 2006.

¹¹ Радаев В.В., Шкоротан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 198.

¹² См. подробно: Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. С. 39—76.

¹³ См.: Андреева Т.М. Социокультурная дифференциация молодежи и проблема становления субъекта социального обновления. Автореф... канд. дисс. филос. наук. М., 1994; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. 2000. № 7.

¹⁴ Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. С. 102, 146.

¹⁵ Там же; Скоробогатский В.В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997. С. 160.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 583; Т. 4. С. 238.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 260.

¹⁸ Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М., 1976. С.192.

¹⁹ См.: Фельдман М.А. Промышленный переворот в России: попытка переосмысления // Отечественная история. 2005. № 4. С. 167—178.

²⁰ См.: Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70—92.

²¹ Иванов Л.М. К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России // История СССР. 1958. № 4. С. 27—51.

²² Там же. С. 41.

²³ См., например: там же; Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года. Одесса, 1967. С. 160—167; Кирьянов Ю.И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971; Серый Ю.И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913 гг.) Ростов-н.-Дону, 1971.

²⁴ Иванова Н.А. Проблема многоукладности на современном этапе развития науки // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 595—602.

²⁵ См.: Поликарпов В.В. «Новое направление» 50—70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 376.

²⁶ Иванова Н.А. Проблема многоукладности на современном этапе развития науки. С. 592.

²⁷ Сталин И.В. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад 7 декабря 1926 г. на VII расширенном конгрессе ИККИ // Сталин И.В. Сочинения. М., 1948. Т. 9. С. 9—11; см. также: Депрет-то Ж.-П. Официальные концепции рабочего класса в СССР (1920—1930-е гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 93—114.

²⁸ См. подробно: Поликарпов В.В. «Новое направление» — в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3.

²⁹ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, 2003. С. 5—22.

³⁰ Поликарпов В.В. «Новое направление» — в старом прочтении. С. 44.

³¹ См., например: Сапоговская Л.В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX — начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19—34; Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // С. 76—88; Гуськова Т.К. Индустриализация по-уральски // Три столетия уральской металлургии. Сборник докладов и сообщений Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001. С. 94.

³² См., например: Иванова Н.А. Промышленный центр России 1907—1914 гг. М., 1995.

³³ Кирьянов Ю.И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971; Он же. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начала XX в.). М., 1979; Он же. Менталитет рабочих России на рубеже XIX — XX в. // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб, 1997. С. 55—76; Он же. Мотивация труда в России 20-х гг. XX в. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 13—26; и др.

³⁴ Гордон Л.В., Кузнецов А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985. С. 20—21.

³⁵ О преувеличении степени монополистического развития в экономике России в начале XX в. в советской исторической литературе см.: Фельдман М.А. О противоречиях в оценке процесса монополизации в России в начале XX в. // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 108—117.

³⁶ Гордон Л.В., Кузнецов А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. С. 101.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Разуваева В.В. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х — начале 90-х гг. М., 1992. С. 23.

³⁹ См.: Полишук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997.

⁴⁰ См.: Алеврас Н.Н. Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в событиях 1917—1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 169; Кулинич Н.Г. Социальный облик рабочих Дальнего Востока РСФСР в 20-е гг. (ноябрь 1922—1929 г.). С. 12.

⁴¹ Журавлев С.В., Мухин М.Ю. Крепость социализма: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. С. 5. См. также: Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962. С. 248.

⁴² Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. С. 37—38.

⁴³ Хаймсон Л. Рабочий класс в революционных процессах // Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 110.

⁴⁴ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 105—108.

⁴⁵ Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. С. 119.

⁴⁶ Михайленко В.И. Непреодолимое прошлое: Россия и судьба коммунистической идеи в XX в. // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 7.

⁴⁷ См.: Гаврилов Д.В. Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая концепция В.В. Адамова) // Мониторинг региональной модели истории общего и профессионального образования. Сб. статей. Екатеринбург, 2005. С. 69—79.

⁴⁸ См. например: Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5; Михайлов Н. Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906—1907 гг. СПб., 1998; Алеврас Н.Н. «Уральский кризис» в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры; Бородин Л.И., Сафонова Е.И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа // Экономическая история. Обзорение. Вып. 5. М., 2000; Ашмарина С.В., Бородин Л.И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Обзорение. Вып. 9. М., 2003. С. 44—58; Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих

Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. Вып.4. С. 149—164; Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца и др.

⁴⁹ См.: Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 30-е гг. Иваново, 1994; Калистратов Ю.К. Рабочий класс и советская культура в 20—30-е гг. Автореф. докт. дисс. Н.Новгород, 1998.

⁵⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII—XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 344.

⁵¹ Там же. С. 343.

⁵² Там же. С. 344.

⁵³ Там же. Т. 2. С. 95.

⁵⁴ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX— начале XX вв. М., 2004. С. 486.

⁵⁵ Там же. С. 493—486.

⁵⁶ См.: Алеврас Н.Н. Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры. С. 165—175; Она же. Уральский рабочий с наделом: дискуссия в середине 20-х — первой половине 30-х годов XX в. // Историк и время. 20—50-е годы XX в.: А.М. Панкратова. М., 2000. С. 41—48.

⁵⁷ См.: Алеврас Н.Н. Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры. С. 167.

⁵⁸ Там же. С. 170.

⁵⁹ Там же. С. 126, 128.

⁶⁰ Крупянская В.Ю., Полещук Н.С. Культура и быт рабочих горно-заводского Урала. Н.Тагил, 1971; Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970 гг.). М., 1974.

⁶¹ Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX—XX вв. // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 гг. СПб, 1997. С. 55—76; Яров С.В. Рабочий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб, 1999.

⁶² Яров С.В. Рабочий как политик. С. 8—15; 170—177.

⁶³ Там же. С. 220—221.

⁶⁴ Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998; Он же. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004.

⁶⁵ Там же. С. 3.

⁶⁶ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Ч. 2. Челябинск, 1995.

⁶⁷ Там же. С. 22.

⁶⁸ Там же. С. 224, 229.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 139—140.

⁷¹ Там же. С. 142—143.

⁷² См.: Яров С.В. Рабочий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг.; Гимпельсон Е.Г. Орабочивание советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5.

⁷³ См., например: Anderle V. Workers in Stalins's Russia: Industrialization and social change in a planned economy. N.Y., 1988. P. 204.

⁷⁴ Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг.; Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962; Панфилова А.М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М., 1964; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917—1921 гг.). М., 1974; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны. 1937 — июнь 1941 гг. Новосибирск, 1966; Московский А.С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920—1937 гг. Новосибирск, 1979; Дзенискевич А.Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны. 1938—июнь 1941 г. Л., 1983; и др.

⁷⁵ Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). С. 243.

⁷⁶ Примером опоры на максимально узкую источниковую базу можно назвать диссертацию В.Г. Черемных «Рабочий класс Урала в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1928—1937 гг.». Пермь, 1966. Автор практически не использовал архивные материалы; выхода аналогичной монографии не последовало.

⁷⁷ См., например: Айрапетов В.Г. Деятельность профсоюза рабочих черной металлургии Урала и Востока по развитию производства (1937 — июнь 1941). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1971; Щербак Н.М. Металлургическая промышленность Урала в 1926—1940 гг. // Вопросы истории Урала. 1973. № 12.

⁷⁸ Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны. 1937 — июнь 1941 г.; Московский А.С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920—1937 гг.; Чуфаров В. Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920—1927 гг. // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917—1937). Свердловск, 1982; Кемеров Н.Я. Руководство партийных организаций Урала ликвидацией неграмотности среди рабочих Урала (1933—1939) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск. 1978.

⁷⁹ Культура и быт рабочих Сибири в период развитого социализма. 1938—1958 гг. Новосибирск, 1980. С. 5—22.

⁸⁰ Там же. С. 30—31.

⁸¹ Там же.

⁸² Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941 гг. М., 1988. С. 134.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 135.

⁸⁵ Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 170—177; Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты. См. также: Заболотный Е.Б., Карамзин А.С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20—30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Вып. 2. Екатеринбург, 2004. С. 68—89.

⁸⁶ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998.

⁸⁷ Там же. С. 9, 129.

⁸⁸ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2001. С. 20.

⁸⁹ Там же. С. 114—117.

⁹⁰ См.: Индустриализация: исторический опыт и современность. СПб., 1998. С. 104.

⁹¹ Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в период фашизма. М., 1997; Он же. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

⁹² См.: Фельдман М.А. Рабочие и диктатура. Размышления над книгой Л.С. Белоусова «Режим Муссолини и массы» // Урал. Вестник международных исследований. Вып. 3. Екатеринбург, 2005. С. 155.

⁹³ Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. С. 38, 46, 90.

⁹⁴ См., например: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 гг. М., 1997; Черных А.И. Становление России советской. 20-е гг. в зеркале социологии. М., 1998.

⁹⁵ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг.; Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900—1940 гг.; Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

⁹⁶ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 324—325.

⁹⁷ Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг.

⁹⁸ Михайленко В.И. Непреодолимое прошлое: Россия и судьба коммунистической идеи в XX в. С. 11.

⁹⁹ Степанов В.Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2.

¹⁰⁰ См., например: Вопросы труда. 1925. № 5. С. 79—84; 1926. № 5—6. С. 138—139; 152—157; 1927. № 5. С. 113—114.

¹⁰¹ Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920—1930-х гг. М., 2000. С. 5.

¹⁰² Там же. С. 6—8.

Глава 1. ЖИЗНЬ НА ПРОИЗВОДСТВЕ: УСЛОВИЯ ТРУДА И СТИМУЛЫ К ТРУДУ У РАБОЧИХ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

§ 1. Условия труда промышленных рабочих

Важной характеристикой уровня развития общества являются материальные условия жизни людей, в том числе условия труда на производстве. Образ жизни промышленных рабочих закономерно связан с конкретной ступенью промышленной революции. Однако если характеристики условий труда промышленных рабочих России до 1917 г. нашли освещение в исторической литературе¹, то этого нельзя сказать об изученности аналогичного вопроса в 1920—1930-е гг.² Причинами являлись существование идеологических барьеров в советский период истории, отсутствие компаративных исследований состояния условий труда в различные исторические периоды и в сравнении со странами Запада, а также недостаточная изученность проблемы промышленного переворота в России.

Как в советской, так и в постсоветской исторической литературе вывод о быстром завершении промышленного переворота, доминировании в промышленности крупных, технически более хорошо оснащенных заводов, по своему оборудованию не уступавших заводам Западной Европы³, сочетался с утверждениями о неизменно тяжелых условиях труда всех пролетариев⁴.

Принципиальный момент — сохранение значительного массива небольших, маломощных заводов с устарелой технической базой, являющихся в то же время градообразующими предприятиями, — оказал значительное влияние на судьбу российской промышленности, образ жизни рабочих в первые десятилетия XX в. Но и крупные заводы отличались доминированием ручного труда. Символичными можно назвать слова крупного специалиста в области экономики И.Х. Озерова, относящиеся к крупному Надеждинскому заводу, построенному в конце XIX в.: в первые годы после запуска все погрузочные работы осуществлялись вручную. Только после реконструкции (т.е. с 1906 г.) Надеждинский завод стал похож на современное производство. Но и тогда он в целом по уровню механизации труда отставал от южных заводов⁵.

Закономерные результаты выявило комплексное обследование черной металлургии Урала в 1928 г., показавшее, что основные производственные процессы осуществляются преимущественно вручную. Так, подача шихты производилась вручную на 54,4% всех печей, загрузка засыпных аппаратов — на 65% (при помощи ручных лебедок), исключительно вручную осуществлялась такая трудоемкая операция, как уборка чугуна⁶. Все это формировало определенную среду заводских работ пролетариев Урала. Приведенный пример был показателен для значительной части промышленных предприятий России в силу «типичности индустрии Урала для группы старых районов»⁷.

Исследование состояния санитарно-гигиенических условий и медицинского обслуживания рабочих позволяет прийти к выводу о том, что **практически все виды работ в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности велись в неблагоприятных условиях для здоровья людей**: резкие перепады температур; воздух, наполненный угольной и металлургической пылью; ядовитые газы и т.д. Наиболее опасными для здоровья и жизни рабочих были предприятия металлообработки, т.е. с высокой степенью интенсивности работ⁸.

Удивительное явление советской историографии: отсутствие *крупных работ* — исследований условий труда в дореволюционной России⁹ довольно просто объяснимо: историки опасались сравнения мало изменившихся условий труда на производстве в годы перед Первой мировой войной и в 20—30-е гг. О значении проблемы становилось известно из косвенных источников, например из статистики стачек¹⁰.

Между тем условия труда в промышленном производстве в начале XX в. носили ярко выраженный антигуманный характер. Исследователи отмечают быстрый рост травматизма и числа смертных случаев в российской промышленности: на горных и горнозаводских предприятиях России в 1895 г. пострадали 10 954 рабочих и 326 несчастных случаев завершились смертью (30 смертей на тысячу пострадавших). В 1900 г. — соответственно 29 141 рабочий (или почти втрое больше) и 640 смертей (22 смерти на тысячу пострадавших). В 1907 г. число несчастных случаев вновь утроилось, превысив черту 70 тыс. пострадавших рабочих¹¹.

Судя по статистике, в 1912 г. число несчастных случаев на тысячу рабочих горнозаводской промышленности России достигло 171,8. Это означало, что каждый шестой рабочий горнозаводской промышленности России в течение года получал травму. Отметим и несовершенство «усредненной» статистики: если на Мотовилихинском пушечном заводе (в 1913 г.) на тысячу рабочих

приходилось 146 несчастных случаев, то на предприятии с рядом новых, мало освоенных производств — Воткинском заводе — этот показатель составил 1079 несчастных случаев, т.е. превысил списочный состав пролетариев¹².

В фабрично-заводской промышленности России показатели травматизма были ниже, хотя число несчастных случаев стремительно росло: с 14,6 на тысячу рабочих в 1901 г. до 45,8 в 1912 г. При этом полную или частичную инвалидность повлекли за собой 170 из тысячи несчастных случаев в 1901 г. и 240 в 1908 г.¹³ В 1910 г. доля потерявших трудоспособность на три дня и более по всей металлопромышленности России составила 9,9% от общего числа рабочих-металлистов, в металлургической отрасли — 11—12%¹⁴. Негуманный характер ранней индустриализации проявился в том, что в среднем по российской цензовой промышленности, несмотря на рост механизации производственных процессов, потери рабочего времени в год на одного рабочего были примерно равными: в 1885, 1904, 1913 гг. они составляли 19 дней, в том числе **по болезням — 8 дней**¹⁵. В 1910 г. на каждую тысячу пострадавших в металлопромышленности России приходилось три смертельных случая, в металлургической отрасли — четыре¹⁶. Как видно, технический прогресс в начале XX в. имел свои пределы и оборотную сторону: к усложнению и повышению интенсивности труда были готовы далеко не все рабочие.

В интересной статье Б.Н. Миронова «Отношение к труду в дореволюционной России» отмечается, что производственный травматизм является показателем низкой дисциплинированности рабочих. Качество труда, дисциплина, соблюдение правил поведения на производстве, подверженность производственному травматизму зависят от грамотности рабочих и социального происхождения. Грамотность благоприятно, а крестьянское происхождение отрицательно сказывались на отношении к труду¹⁷. Однако и приведенные выше данные по казенным округам, и подсчеты Б.Н. Миронова говорят о более широком комплексе факторов, влияющих на показатель травматизма у рабочих. Так, исследователь вывел следующую зависимость: на предприятиях, где преобладал ручной труд, дисциплина была лучше, число штрафов было меньше, чем на крупных предприятиях, использующих машинную технику¹⁸.

Противоречия в этом нет, если вспомнить о весьма фрагментарной механизации на ранней индустриальной стадии развития российской промышленности¹⁹. Следует согласиться и с тем, что рабочие коллективы мелких и крупных предприятий различались по характеру межличностных отношений. На мелких предприятиях, напоминающих большую семью или рабочую артель,

нарушить незаметно для остальных дисциплину было трудно. На крупном — преобладали анонимные, формальные отношения рабочих и администрации²⁰. На общую тенденцию понижения уровня трудовой дисциплины рабочих России в 1901—1913 гг. влияли рост и радикализация рабочего движения²¹. Заметим, что уже в конце 20-х гг. в научную литературу были внесены положения, раскрывающие более широкие взаимосвязи между образованием, стажем, возрастом, квалификацией и эффективностью труда рабочих²².

Характерно, что наиболее развитая в промышленном отношении уральская губерния — Пермская — занимала первое место в России по такому показателю, как средняя смертность²³. Закономерность такого явления вытекала из отставания в техническом плане уральской промышленности; незавершенности промышленного переворота на Урале. Показательно, что в подобных условиях в 1911—1914 гг. каждый рабочий промышленности Урала в среднем за год болел 2—3 раза; преобладали такие болезни, как анемия, изнурение, заболевание сердца и легких²⁴. Болезни (в среднем на одного уральского рабочего) отнимали 7,5 дней в году²⁵.

О состоянии здоровья поколения рабочих можно судить и по их детям. Проведенное в 1927 г. обследование учащихся ФЗУ Урала — подростков 15—19 лет (81% из которых были выходцами из рабочих семей) — показало, что у 23,5% молодых рабочих родители страдали алкоголизмом, у 19 — туберкулезом, у 17% — нервными болезнями²⁶. Перед нами важное социальное явление: *довольно частое болезненное состояние рабочих, влияющее на их поведение в обществе, на формирование в сознании рабочих картины индустриального производства. Судя по результатам обследования, каждый четвертый рабочий был подвержен алкоголизму; каждый шестой — нервно-психическим заболеваниям.*

Вместе с тем если практически все работы на промышленных предприятиях России велись в неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях, то обеспечение рабочих медицинской помощью во многом зависело от ведомственной принадлежности и величины производственного объекта. Расходы на медицинское обслуживание одного рабочего на казенных предприятиях страны в 1913 г. на 42% превышали средний общероссийский для рабочих ценовой промышленности. Однако, как показывают подсчеты, даже в казенных горнозаводских округах расходы на медицинское обслуживание в среднем составляли 88% от нормы, а в остальных округах — менее 63,5%. Несложно подсчитать, что в среднем по России в 1913 г. **расходы на медицинское обслуживание одного рабочего промышленности составляли 62% от нормы**²⁷.

Аналогичная тенденция просматривалась и в наличии больничных коек в заводских госпиталях: больничными койками выше нормы (1 больничная койка на 100 рабочих) обладали крупные казенные заводы; не добирал до нормы (1 койка на 114 рабочих) — усредненный показатель по всем казенным заводам; хуже было положение на частновладельческих предприятиях. Статистика свидетельствует о закономерности: более высокий расход на врачебную помощь на крупных казенных заводах. Если средний расход на медицинское обслуживание одного рабочего в казенных округах вырос с 3,2 руб. в 1899 г. до 5,4 руб. в 1907 г. и 8,8 руб. в 1913 г., то на крупных Мотовилихинском и Воткинском этот показатель превышал 12 руб. при норме расходов на эти цели 10 руб.²⁸ Масштабным и качественным был комплекс бесплатных медицинских услуг, предоставляемый рабочим Ижевского завода. Они могли лечиться в госпиталях, других военно-медицинских заведениях за счет государства до двух месяцев, а при производственной травме или увечье — до выздоровления. При необходимости казна оплачивала лечение в земских и других больницах на основе норм, установленных для нижних чинов. За рабочими сохранялась на срок болезни заработная плата, как правило, в половинном размере²⁹. **Только в казенных горнозаводских округах бесплатная медицинская помощь оказывалась и постоянным, и временным рабочим.** Судя по воспоминаниям рабочих казенных горнозаводских округов, осознание значимости такой формы социальной защиты ощущалось современниками³⁰.

На частновладельческих предприятиях больницы, отвечающие требованиям заводской медицины, существовали только на ряде крупных предприятий (например, на ряде ткацких мануфактур ЦПР, Верх-Исетском, Нижнетагильском заводах). Их основание и содержание во многом зависело от инициативы предпринимателя³¹. Так, на заводе Гужона, одном из крупнейших металлургических и металлообрабатывающих предприятий ЦПР, больница появилась только в 1905 г.³²

На остальных предприятиях существовали, как правило, фельдшерские пункты, а приисковые, лесные и куренные рабочие были фактически лишены медицинской помощи³³. Иерархия прав и возможностей рабочих на медицинскую помощь очевидна: от превышения норм расходов на крупных казенных заводах до вдвое меньших ассигнований на частновладельческих предприятиях; фактической беззащитности в этом отношении горных и лесных рабочих. Та часть рабочих, на долю которых выпали неудовлетворительные, унижавшие человеческое дос-

тоинство условия труда, остро ощущала свою социальную приниженность.

В тесной связи с условиями труда находилась продолжительность рабочего дня, являющаяся одним из основных показателей положения промышленных рабочих. Материалы за 1913 г., касающиеся всей промышленности России, обработаны и опубликованы³⁴. За 1904—1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у рабочих фабрично-заводской промышленности сократилась с 10,6 до 9,9 часа, в том числе у мужчин до 10 часов, у женщин и подростков — до 9,7, у малолетних — до 7,7 часа. Характерно, что 7,9% рабочих предприятий, подведомственных фабричной инспекции, трудились по 8 часов; 36,5 — 9 и менее часов; 61,1 — более 9 часов, в том числе 15,5% — более 11 часов. На предприятиях, подведомственных горной инспекции, 15% рабочих трудились по 8 часов, 20 — 9 и менее; 80% — 9 и более часов, в том числе 14% — 11 и более часов³⁵. Продолжительность чистого «урочного» времени рабочих в 1913 г. Ю.И. Кирьянов определял в 9—10 часов без учета полутора часов, отводимых на обед³⁶.

Близкими к этим цифрам были показатели рабочего времени на предприятиях Урала, где в 1913 г. в горячих цехах большинства горнозаводских предприятий действовал 8-часовой, в остальных и в горнодобывающей промышленности — 10-часовой рабочий день³⁷. Исходя из соотношения численности уральских рабочих в указанных видах производства, продолжительность рабочего дня в горнозаводской промышленности Урала с начала XX в. до 1913 г. сократилась в среднем с 10,5 до 9,3—9,5 часа. Обратим внимание на наличие среди горнозаводских рабочих края двух примерно равных полярных групп: кадровых пролетариев из основных цехов, перешедших на 8-часовой рабочий день, и труженников вспомогательных профессий, вынужденных трудиться по 10 и более часов. Однако в данном случае (символичен приведенный выше пример Мотовилихи) на первый план выступал объединяющий признак: неблагоприятные условия для здоровья рабочих всех профессий на всех видах работ в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности.

В качестве поясняющего примера приведем слова из воспоминаний рабочего передового в техническом отношении предприятия Урала — Надеждинского металлургического завода — Чащина об условиях труда в первые годы XX в.: «В прокатном цехе болванки из нагревательной печи подавались на стан вручную... Раскаленные болванки, весом не менее тонны, подвозили люди. Трое рабочих с шести утра запрягались в тележку и, как взмыленные лошади, бегали весь день — двенадцать часов — рысью, чтобы своевременно подать болванку к стану. Это была

адская работа! Когда я наблюдал, как они в рубашках без пояса, потные, взлохмаченные, обожженные, с рубцами и шрамами на руках волочили металлическую грохочущую тележку с раскаленной тяжестью и, сбросив груз, быстро отбегали, чтобы не быть искалеченными, я всегда смотрел на них глазами, полными ужаса. ...Если только рабочий был утомлен, взволнован или отвлечен, то сейчас же происходил несчастный случай». Не менее тяжелой была работа и в других цехах самого современного на Урале завода, где «...рабочий ничем не был защищен от жары. И часто одежда на нем начинала дымиться и тлеть, а кожа на руках и на лице запекалась, как у яблока»³⁸.

Наряду с продолжительностью рабочего дня важнейшим компонентом исследуемого вопроса является число рабочих дней в году. В 1904 г. средняя продолжительность рабочего года в фабрично-заводской промышленности Европейской России равнялась 287,3 дня; т. е. была меньше, чем определялась законом 1897 г. (296 дней)³⁹. Большим число рабочих дней было в *регионах, где завершился промышленный переворот*: в Петербурге, Прибалтике, Польше 290—295 дней. В горнозаводском производстве средняя продолжительность рабочего года составляла 290,9 дня, в горнодобывающем — 291,2 дня. К 1913 г. произошло дальнейшее сокращение средней продолжительности рабочего года в фабрично-заводской промышленности до 276,4 дня⁴⁰.

Анализируя отмеченный процесс сокращения рабочего года, Ю. И. Кирьянов писал: предоставление отпуска рабочему в России было исключительным делом. Однако исследователь подчеркивал, что в большинстве случаев время отпусков специально не фиксировалось и входило как основной элемент в так называемый нерабочий период, составлявший в среднем на одного рабочего по России 10—14,4 дня; в губерниях ЦПР — 10 дней; в Петербурге — 14,4 дня⁴¹. Анализ социального состава рабочих России позволяет утверждать, что значительная часть «нерабочего периода» посвящалась различным видам сельскохозяйственных работ. Оторвавшись от индустриального труда, российский рабочий включался в мир крестьянских забот и представлений.

Спецификой восточных районов России оставалось более короткое, чем в России в целом, число рабочих дней: на предприятиях ценовой промышленности оно составляло 250—260 рабочих дней при 290—295 днях в наиболее развитых промышленных регионах⁴². К последним были близки показатели на предприятиях Урала, подведомственных фабричной инспекции (287—291 день); обработки металлов, прежде всего на казенных оружейных заводах, — 293 дня. Либо непрерывно, либо за вычетом воскресных дней работали горячие цеха технически передовых заводов Ура-

ла. Вместе с тем на устарелых в техническом отношении заводах сохранилась такая традиция, как закрытие предприятия на весь полевой сезон. Даже на небольших казенных заводах, не имевших постоянных заказов, Серебрянском и Артинском, число рабочих дней в году не превышало 157⁴³.

Но и в восточных районах к началу Первой мировой войны в меньших размерах, чем в начале XX в., сохранялось такое явление, порожденное избытком рабочей силы, как «гулевые дни». Число гулевых дней в наибольшей степени сократилось на казенных заводах, получивших в 1900—1913 гг. крупные военные заказы, и составляло, например, на Мотовилихинском оружейном заводе не более 12% от объема рабочего времени⁴⁴. Что же касается труда на лесозаготовках, здесь сохранилась сезонность работ, и рабочий год (за исключением печей углежжения) составлял 66—120 дней⁴⁵. Таким образом, **только трудовой год пролетариев основных цехов крупных частных и казенных предприятий соответствовал распорядку работы и отдыха категории рабочих индустриального общества. Незавершенность промышленной революции не могла не влиять на ритм промышленного труда.**

По мнению Б.Н. Миронова, «в начале XX в. существовал слой рабочих, вероятно, *не слишком многочисленный*, отличавшийся современным отношением к труду; склонных адаптироваться к правилам жизни, диктуемых капитализмом. Они осуждали пьянство, недисциплинированность, невежество и отсутствие культуры у рабочих... являясь проводником современной трудовой этики в среде рабочих»⁴⁶.

Что же касается характеристики облика остальной части промышленных рабочих, как любителей умеренной работы и праздников, «не потому, что были ленивы или глупы, а потому, что в их системе ценностей труд не занимал высокого места»⁴⁷, заметим следующее. Такой вывод не учитывает того, что для выживания российскому рабочему (и только ли ему) за пределами заводской черты приходилось едва ли не постоянно трудиться: огород, ремесло, домашнее хозяйство, лес-кормилец оставляли весьма небольшое время для отдыха⁴⁸. Некоторым исключением выступали пришлые рабочие, пролетарии-маргиналы.

Годы Первой мировой и Гражданской войн стали временем изнурительных испытаний для рабочих промышленности России. Разруха на предприятиях, слабые материальные стимулы к труду, напряженность в отношениях со специалистами привели к росту прогулов в рабочей среде. В среднем рабочий России «прогуливал» в 1920/21 г. 21,6 дня⁴⁹, или в два раза больше, чем в 1913 г.⁵⁰ В 1921 г. болезни отнимали у рабочих Урала в среднем на одного человека в 2,5 раза больше, чем до революции: соответ-

ственно 18,9 и 7,5 дня в году⁵¹. Как будет показано ниже, такая тенденция была характерна и для России в целом.

Установление советской власти дало толчок эволюционным изменениям в сфере условий труда рабочих. 30 октября 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде (КЗОТ), закрепивший ряд важных положений в области охраны труда: 8-часовой рабочий день, 2-недельный оплачиваемый отпуск, социальное страхование, ряд конкретных мер, направленных на охрану труда⁵². Содержание КЗОТ 1922 г. фиксировало и отказ от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: так, отсутствовало положение о предоставлении всем без исключения трудящимся месячного отпуска, обещанного Второй программой РКП(б) после окончания Гражданской войны; не упоминались вопросы страхования временных и сезонных рабочих; ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существовавшему уровню экономики Советской России, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму. Этим, в частности, можно объяснить довольно сдержанную оценку Кодекса о труде 1922 г. в советской литературе⁵³.

Советские исследователи, руководствуясь марксистскими положениями о труде, создали теорию освобождения труда при условии смены общественного строя. Согласно ей, по мере движения к коммунизму происходит формирование нового отношения к труду, а сам труд перестает быть только средством к существованию, превращается в первую потребность жизни⁵⁴. Однако теория труда при социализме, созданная учеными-обществоведами в советский период, оказалась, в сущности, виртуальной, выдававшей желаемое за действительное, и обходившей стороной реальное состояние трудовых отношений на советских предприятиях. Особенно это было свойственно истории советского рабочего класса, где научный анализ подменялся иллюстрацией идеологических схем и догм⁵⁵.

Положения Кодекса 1922 г. закрепляли за профсоюзами и Наркоматом труда дальнейшее регулирование трудового законодательства. Однако в 1923—1928 гг. изменения и дополнения статей кодекса носили фрагментарный характер⁵⁶. Более того, в ряде случаев просматривается некоторый откат назад в области страхового законодательства. Так, число особых дней отдыха, установленных на местах и, как правило, связанных с религиозными праздниками, было сокращено с 15 до 8 в мае 1925 г. и до 6 в июле 1928 г.⁵⁷, расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение⁵⁸ и т. д. Вместе с тем законодательство 20-х гг. вопрос о религиозных праздниках

адресовало местным органам труда, разрешив вводить 6 «особых» дней отдыха⁵⁹.

Серьезной проблемой оставалась практика применения сверхурочных работ. В среднем по промышленности к сверхурочным работам в 1923—1926 гг. привлекались от 1/6 до 1/5 всех рабочих, а в горной и горнозаводской — до половины пролетариев. Число сверхурочных часов в месяц на одного промышленного рабочего в СССР, трудившегося сверх нормы, составило в 1923 г. — 26,6 часа, в 1924 г. — 22 часа, в 1925 г. — 21,5 часа⁶⁰.

«Современный рабочий, — подчеркивал известный экономист В.А. Овсянников, — отдает работе времени больше, чем в довоенное время, а отдыхает вдвое меньше»⁶¹. Но может это были голословные утверждения? В публикации журнала «Вопросы труда» приводились следующие данные. В 1913 г. рабочий российской промышленности (как это отмечалось выше) трудился в среднем 287,3 дня, а отдыхал 78 дней. В 1922/23 хоз. г. эти показатели для рабочих промышленности СССР (с учетом простоев предприятий) соответственно составляли 262,4 и 31,4 дня⁶².

В принципе большевистские лидеры могли не придавать значения таким публикациям: фактически они играли роль громоздкого отвода в политической системе Советского государства в 20-е гг. Однако существовали и иные факторы. В 1923—1927 гг. сохранялся значительный масштаб трудовых конфликтных ситуаций в рабочей среде. При тенденции к уменьшению ежегодных массивов бастующих рабочих в 1922—1928 гг., общая численность участников стачек (в среднем — 74 тыс. в год⁶³), по оценке Ю.И. Кирьянова, превышала показатели 1895—1904 гг.⁶⁴ Наибольшую стачечную активность в начале 20-х гг. проявляли горнорабочие (более половины стачечников в 1923 г.) и металлисты (28%). К концу нэпа государству удалось заметно снизить забастовочную активность названных отраслевых отрядов рабочих. Для этого были использованы не только репрессивные меры. В 1927 г. в пользу рабочих окончилось более трети стачек; еще треть окончилась в пользу рабочих частично⁶⁵.

В советской историографии обоснованно отмечались позитивные сдвиги в улучшении условий труда на фабриках и заводах, прежде всего **в деле сокращения рабочего дня**. В обобщающих исторических трудах такое сокращение определялось следующим образом: с 10 часов в 1913 г. до 7,6 часа в середине 20-х гг.⁶⁶ Печатный орган Наркомата труда — журнал «Вопросы труда» — давал несколько иную трактовку: с 9,7 часа в 1914 г. до 7,6 часа в 1926 г., определяя сокращение рабочего времени на 25%⁶⁷.

Представляет интерес и сводная динамика продолжительности среднего рабочего дня в промышленности России за 1913—1926 гг.: 1913 г. — 10 часов; 1914 — 9,7; 1915 — 9,7; 1916 — 9,9; 1917 — 8,9; 1918 — 8,5; 1919 — 8,3; 1920 — 8,6; 1921 — 8,5; 1922 — 7,9; 1923 — 7,8; 1924 — 7,8; 1925 — 7,6; 1926 г. — 7,6 часа⁶⁸. Приведенный статистический материал подводит к двум выводам. Во-первых, опровергает утвердившийся в исторической литературе (и, признаемся, в головах авторов) тезис о *значительности* увеличения продолжительности среднего рабочего дня в промышленности России в годы Первой мировой войны. Во-вторых, свидетельствует о сокращении продолжительности среднего рабочего дня в годы Гражданской войны более чем на час в сравнении с периодом Первой мировой войны.

Этот же журнал отмечал и масштаб сверхурочных работ: на каждого рабочего, по данным ЦСУ, в 1926 г. в среднем в месяц приходилось от 15 до 18 сверхурочных часов. Особенно велики были сверхурочные работы в металлопромышленности. Часть сверхурочных работ происходила без законного разрешения инспекции труда: если последняя разрешила около 8 млн сверхурочных часов в квартал, то в реальности только в ценовой промышленности этот показатель составлял 10—12 млн сверхурочных часов в квартал⁶⁹.

Наличие Наркомата труда, сохранение элементов гласного обсуждения в общественной жизни 20-х гг., по крайней мере на страницах профсоюзной печати, позволяло формировать разностороннюю картину положения рабочих в сфере труда. «Вопросы труда», региональные профсоюзные журналы, например уральский «Рабочий журнал» до своего закрытия в 1926 г., статистические сборники, издаваемые профсоюзами, предоставляют обширный массив источников по интересующему нас вопросу. Увеличение вдвое ассигнований на технику безопасности и санитарии в промышленности в 1922—1926 гг. позволило навести элементарный порядок с вентиляцией на производстве, обеспечением рабочих спецодеждой, спецпитанием, очками, респираторами. На одного рабочего промышленности в 1926/27 хоз. г. в среднем тратилось 17,7 руб. на охрану труда и 14 руб. на спецодежду и спецпитание⁷⁰.

Вместе с тем следует отметить, что во второй половине 20-х гг. требования профсоюзов по технике безопасности выполнялись **только на 50 %**; при этом реализация средств на улучшение условий труда в промышленности составляла 57—61%⁷¹. С начала 30-х гг. отчетливо проявилась тенденция к сокращению уже запланированных средств на мероприятия по охране труда⁷².

Значительным оставалось число несчастных случаев на производстве. Статистические данные, отмечалось в статье наркома труда В.В. Шмидта, говорят о росте числа несчастных случаев в советской промышленности как за период 1925—1927 гг., так и в сравнении с довоенным временем. Так, на предприятиях Москвы и Московской области общее число несчастных случаев в 1926 г. выросло вдвое в сравнении с 1912 г.: со 100 на тысячу рабочих до 193,5 в 1926 г. в металлопромышленности и с 23,9 до 48 — в текстильной отрасли. Однако коэффициент смертельных случаев на тысячу рабочих снизился соответственно за период с 1913 по 1926 г. с 0,5 до 0,1 и с 0,05 до 0,02. На порядок сократилось число тяжелых случаев, заканчивавшихся инвалидностью⁷³. Аналогичная картина прослеживалась и в других регионах СССР⁷⁴.

По данным Уралпрофсовета, число несчастных случаев в 1925 г. в крае заметно превышало аналогичные показатели 1912 г.⁷⁵ В узком кругу партийных лидеров звучали более откровенные цифры. В марте 1926 г. на пленуме Уралобкома ВКП(б) отмечалось, что в металлообрабатывающей промышленности Урала в 1912 г. на тысячу человек приходилось 103 несчастных случая, а в 1925 г. — 230⁷⁶.

Инспекция труда в середине 20-х гг. отмечала, что на предприятиях края медпомощь рабочим находится на чрезвычайно низком уровне. Квалифицированных медицинских работников на предприятиях очень мало. Во многих больницах работали только фельдшеры. Статистика профилактики заболеваний, а зачастую и заболеваний, не велась⁷⁷. Высокой оставалась смертность в результате несчастных случаев: так, на рубеже 20—30-х гг. от несчастных случаев ежемесячно погибали 12—13 уральских рабочих⁷⁸.

Согласно *официальной* статистике, на каждую тысячу рабочих крупных предприятий РСФСР в 1925/26 хоз.г. в среднем приходилось 97,6 несчастных случая с потерей трудоспособности, или 24,4 в квартал. В 1926 /27 хоз.г. этот показатель вырос более чем на 25%⁷⁹. Сравнение показателей количества несчастных случаев в дореволюционной России (171,8 в горнозаводской промышленности и 45,8 — в фабрично-заводской на тысячу рабочих за год) и в РСФСР в 1925/26 хоз.г. (97,6 несчастных случая) даже при различии массива предприятий (горнозаводские в одном случае и крупные предприятия ценовой промышленности в другом), на первый взгляд, говорит об улучшении в сфере труда, по крайней мере в сравнении с горнозаводской отраслью.

Однако опубликованные данные по отраслям в 1925/26 хоз. г. вызывают сомнение в таком выводе: количество несчастных слу-

чаев в деревообрабатывающей промышленности РСФСР составило 237,1 на тысячу рабочих; в лесопильной — 250,8; в металлургии — 172,5; в машиностроении — 200,4; в каменноугольной — 141,2, в химической промышленности — 117,7 несчастных случая. Следует учитывать и такой важный факт: как подчеркивалось в специальном обзоре, посвященном состоянию охраны труда в РСФСР, «**техническая инспекция расследует обычно лишь около 20% всех несчастных случаев**»⁸⁰.

Заметим, что вскоре, в апреле 1928 г., журнал «Вопросы труда» привел статистику промышленного травматизма в Германии: в горной промышленности (т. е. наиболее опасной для работ) число несчастных случаев в 1920 г. составило 11 829 на 1084,5 тыс. рабочих, или 10,9 на каждую тысячу рабочих. В 1926 г. этот показатель вырос до 13,6 на каждую тысячу рабочих⁸¹. Сопоставляя аналогичные характеристики промышленного травматизма рабочих в 1926 г. в горной промышленности Германии (13,6) и каменноугольной промышленности СССР (141,2), читатель профсоюзного журнала мог сделать вывод о существенном отличии (**на порядок выше!**) важного показателя условий труда рабочих в советском государстве и в стране «загнивающего» капитализма.

Материалы расследований показывали, что основными причинами несчастных случаев являются ветхость производственных помещений, недостаток вентиляции в каждом втором из проверенных санитарной инспекцией зданий; недостаток освещения в каждом третьем⁸²; отсутствие предохранительных мер, неправильная организация работ, неисправность станков и инструментов, низкая квалификация рабочих⁸³.

Можно только благодарить авторов статей в журналах 20-х гг. за воссоздание реальных условий труда советского рабочего: **мира опасностей и тяжелых физических нагрузок**. Со второй половины 20-х гг. возрастает секретность, окутавшая подлинное состояние дел в сфере условий труда советских рабочих. Акцент в публикациях делается на качественные перемены в жизни рабочих СССР. Однако в качестве примера в основном приводились сведения о сокращении рабочего дня. И в архивных материалах сведения носят несистемный характер. Тем значимее отчеты профсоюзных организаций по рассматриваемой проблеме, а также все более редкие публикации Наркомата труда.

Профсоюзная печать неоднократно обращала внимание на то, что размер отпускаемых средств на охрану труда совершенно не соответствует самым неотложным нуждам. Сложность проблемы — оздоровления сферы труда рабочих — обусловила различные темпы реализации намеченных социальных программ: так, процент выполнения договоров по охране труда за 1926/27 хоз. г.

составлял, например, в Москве — 72% и только 43% по Уралу. При таком финансировании спецодежды для рабочих хватало на 20—30% от установленных норм⁸⁴. Проблемы спецодежды — брезентовых костюмов, фартуков, халатов, головных платков для работниц, кожаных сапог и ботинок, как отмечают современные исследователи, — обострялись еще и в силу небрежного отношения рабочих к «дармовой» спецовке. Кроме того, в условиях дефицита и дороговизны носильной одежды типичными были случаи, когда рабочие использовали спецодежду для повседневной носки вне предприятия, а увольняющиеся стремились не сдавать спецодежду обратно⁸⁵.

Будем справедливы: изменить коренным образом социальное положение рабочих в короткий исторический срок было действительно невозможно. **Кодекс законов о труде 1922 г. в общих чертах соответствовал уровню трудового законодательства развитых капиталистических стран**⁸⁶. Вместе с тем в период с 1923 г. и до осени 1927 г. произошла консервация трудового законодательства СССР, и это обстоятельство было подмечено наиболее принципиальными специалистами в области трудовых отношений.

И в силу цензурных соображений, и вследствие не столь долгого промежутка времени (1913 г. — середина 20-х гг.) в документах 20-х гг. редко присутствует обобщающая оценка состояния условий труда рабочих. Чаще встречается критика конкретных лиц или инстанций; реже — освещение положения дел в конкретной отрасли. Например, в резолюции коллегии НК РКИ от 28 августа 1928 г. основная вина за тяжелые условия труда рабочих возлагается на Наркомат труда. В духе времени было предложено пересмотреть состав руководящих работников наркомата⁸⁷.

Выскажем мнение, отличающееся от имеющихся в литературе: издание Манифеста ЦИК СССР от 16 октября 1927 г., заявившего о постепенном введении в СССР 7-часового рабочего дня, следует отнести к ряду мер, продиктованных исключительно идеологическими факторами. Парадоксальность этого заявления чисто внешняя: введение 7-часового рабочего дня представляло собой акцию неподготовленную, не просчитанную ни с экономической, ни с организационно-технической стороны. Уплотнение рабочего дня и другие организационные меры проводились не до введения 7-часового рабочего дня, а после; не учитывалась и невысокая квалификация рабочих промышленности СССР⁸⁸. Очевидность такого положения, опасность дезорганизации производства не были тайной не только для специалистов, профсоюзных работников, руководителей Наркомата труда, но и для думающих рабочих⁸⁹. «Результатом такого срочного и совершенно неподготовленного проведения сокращения рабочего дня были: недо-

выработка, падение производительности труда и трудовой дисциплины», — подчеркивали руководители Наркомата труда⁹⁰. Суточное использование оборудования в нашей промышленности в 1913 г. равнялось 12,8 часа, а в 1926 г. — всего 10,6 часа⁹¹.

Главной целью такого мероприятия было, во-первых, стремление лидеров СССР сбить волну недовольства рабочих условиями жизни⁹². Во-вторых, момент принятия решения определялся тем, что 10-летие Октябрьской революции давало весомый повод для анализа рабочим классом подлинных и мнимых достижений Советской власти. Естественно, сокращение рабочего дня должно было вызвать (и вызвало, как показывает изучение сводок ОГПУ) положительный эмоциональный подъем у населения. Издержки же подобного решения должны были оплатить «враги», в данном случае «старые специалисты», профсоюзные работники и... аппарат Наркомата труда.

1928 г. стал началом кампании проработки указанных профессиональных групп⁹³. Так, Наркомат труда обвинялся именно в том, в чем было виновато само руководство ВКП (б): в «потокании» хозяйственникам, протекционизму на биржах труда⁹⁴. Между тем установка на первоочередное устройство на работу членов партии, бывших красноармейцев была достаточно известна, закреплена в законодательном порядке⁹⁵ либо существовала в виде «телефонного права»⁹⁶. Таким образом, с 1927 г. выбор приоритетов политики в рабочем вопросе был сделан не в сторону последовательного, пусть и относительно медленного, улучшения жизни рабочих, а в направлении декларативных заявлений и, по мере возможностей, кампаний по улучшению отдельных сторон сферы условий труда. Конечно, сокращение рабочего дня и рабочей недели, расширение сферы пенсионного обслуживания стали наиболее значительными достижениями Советской власти в социальной сфере в рассматриваемый период, главными аргументами в пользу социализма в СССР. Введение более короткого рабочего дня не могло не стать мощной пропагандистской акцией, способствовало укреплению доверия рабочих к власти. Вместе с тем выскажем мнение о том, что переход по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. к 8-часовому рабочему дню и 7-дневной рабочей неделе был мерой не только военно-мобилизационного характера, но и признанием неэффективности предшествующего распорядка труда. В принципе такое явление следует рассматривать как частный случай общей неэффективности выборочной модели модернизации.

Новый этап индустриализации обострил проблему здоровья рабочих. В 1932—1937 гг. рабочий крупной промышленности СССР в среднем терял **12 дней в год по болезни**. Сравнение с ана-

логичной статистикой 20-х гг. показывает, что и в 1922—1926 гг. уровень заболеваемости рабочих имел примерно такую же величину⁹⁷. При стабильности ежегодных показателей заболеваемости 1932—1937 гг. (11,4—11,9 дня) выделяется всплеск 1936 г. — 13,83 дня⁹⁸. Такой рост объясняется *попыткой лидеров СССР резко усилить интенсивность труда рабочих посредством стахановского движения*. Для сравнения укажем, что, как уже отмечалось выше, в среднем по российской цензовой промышленности потери рабочего времени по болезням в год на одного рабочего в 1913 г. составляли **8 дней**. Конечно, в силу неполного учета заболеваемости рабочих в дореволюционный период к такому сравнению надо относиться осторожно. Тем не менее сравнение допустимо, показательно, хотя и требует дополнительного многофакторного исследования. В данный момент мы можем только отметить необоснованность распространенного суждения о существенном снижении заболеваемости рабочих в советский период.

Высоким, имеющим тенденцию к повышению во второй половине 20-х гг. оставался и показатель травматизма на производстве. В 1928 г. в наиболее травмоопасных отраслях он достигал 465 несчастных случаев на тысячу рабочих в каменноугольной промышленности и 320 в машиностроении. Снизившись до соответственно 339 и 169 случаев в 1934 г., уровень травматизма в последующие годы вновь стал медленно, но расти⁹⁹. В эти годы до 15% рабочих промышленности СССР (данные 1930 г.) вынуждены были оставлять свою работу вследствие болезней¹⁰⁰.

О масштабе травматизма можно судить по региональным сведениям. Если в 1928—1931 гг. число рабочих-пенсионеров Уральской области выросло в 1,65 раза, то число рабочих-инвалидов от профессиональных увечий и заболеваний — в 3 раза¹⁰¹.

С 1934 г. уровень травматизма и заболеваемость рабочих (в относительных величинах) стабилизируется¹⁰². Так, по данным ВЦСПС о производственном и бытовом травматизме за 1934—1937 гг., число травм на тысячу рабочих среди металлургов Урала и Сибири (профсоюз черной металлургии Восточных районов) составило: в 1934 г. — 162,1 случая; в 1935 — 146; в 1936 — 172,8; в 1937 г. — 168. В горнорудной промышленности Урала соответствующие показатели были примерно на 20% ниже, чем в металлургии, а на предприятиях деревообрабатывающей промышленности — в среднем на 10% выше. На Челябинском тракторном заводе в 1936 г. на тысячу рабочих приходилось 270 травм¹⁰³. Отчеты справедливо указывали на связь травматизма и массового притока новых рабочих. Что же касается всплеска травматизма на предприятиях металлообработки и машино-

строения в 1936 г. на 30—50%, это явление даже современники в косвенной форме связывали с появлением стахановского движения¹⁰⁴.

Важным источником по рассматриваемой проблеме является работа В.И. Величкина «Производственные и бытовые условия рабочих на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе)»¹⁰⁵. Работа Величкина представляет собой комплексное исследование санитарного и материального положения на производстве и в быту рабочих крупного предприятия Урала, имевшего двухвековую историю. Научные методы обследования создают достоверную картину жизни рабочих, имеющую уникальный характер для второй половины 30-х гг.

Сведения по условиям труда рабочих ВИЗа за 1913—1934 гг. можно систематизировать в виде следующей таблицы.

Таблица 1

Условия труда рабочих ВИЗа в 1913—1934 гг.
(в процентах от всех рабочих)

Вид сферы труда и быта	1913 г.	1934 г.
Работали в тесных помещениях	65	29
Работали в темных помещениях	60	15
Полагалась спецодежда	10,1	86,6
Пользовались теплыми туалетами	1,4	22,7

Источник: Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе). Свердловск, 1936. С. 47,49.

Анализ таблицы позволяет отметить наличие в 1913 г. части рабочих (10—40 % состава заводского коллектива), условия труда которых заметно отличались в лучшую сторону от большинства металлургов. Позитивные перемены для большинства рабочих-визовцев произошли к середине 30-х гг. К ним источник относит, в частности, появление **первых душевых, цехов с лучшей вентиляцией**. Аналогичную тенденцию отмечает и статистика несчастных случаев на предприятии. Картина на ВИЗе подтверждала общесоюзную картину: в 1926 г. на тысячу рабочих ВИЗа приходилось 297 несчастных случаев и 1611,3 потерянных вследствие этого дня. В 1934 г. — 155 несчастных случаев и 797,3 дня, или почти вдвое меньше¹⁰⁶. Как видно из приведенных данных,

при улучшении условий труда в 1926—1934 гг. и обусловленных этим практически в два раза сокращением величины несчастных случаев и потерянных дней, уровень травматизма у рабочих ВИЗа в 30-е гг. оставался весьма высоким. Значительным остался и показатель заболеваемости рабочих-визовцев. В 1933—1937 гг. продолжительность болезней в среднем на одного рабочего ВИЗа постоянно возрастала: с 15,6 до 19,4 дня в году¹⁰⁶. **За один 1937 г. 2,2% рабочих из более чем 4-тысячного коллектива ВИЗа перешли на инвалидность**¹⁰⁷. Не замечать высокую цену сохраняющегося негуманного характера индустриализации было бы невозможно.

В 20- и 30-е гг. условия труда на предприятиях СССР объективно сохраняли высокую планку травматизма и перехода рабочих на инвалидность. В профсоюзной печати начала 30-х гг. еще можно было встретить сведения о масштабе инвалидности в среде советских рабочих. По данным статсектора Наркомата труда СССР, в крупной промышленности на 1 января 1929 г. среди молодых рабочих до 19 лет инвалидов насчитывалось 1,9% у мужчин и 3,5% у женщин. В возрасте от 20 до 24 лет этот показатель возрастал до 11,7% у мужчин и 14,8% у женщин. Это означало, что **примерно каждый восьмой молодой рабочий в промышленности СССР к 24 годам становился инвалидом!** Молодые рабочие-инвалиды составляли 31,9% всех рабочих-инвалидов (!). Статья в профсоюзном журнале возлагала вину за такое явление на вредителей-специалистов¹⁰⁸. Но объяснить наличие столь огромной армии инвалидов труда — 467 555 рабочих в 1930 г. в СССР (в том числе 40 тыс. на Урале)¹⁰⁹ — только деятельностью вредителей было затруднительно. **И на Урале, и в масштабах всего СССР число рабочих — инвалидов труда превышало планку 10% от общей численности рабочих промышленности.**

При ряде позитивных сдвигов в рассматриваемой сфере следует подчеркнуть определенную стагнацию условий труда рабочих, вызванную объективным фактором: общим негуманным характером индустриализации вне связи с характером политического режима. Об этом, в частности, свидетельствует справка Госплана СССР для СНК СССР об итогах второй пятилетки в сфере труда¹¹⁰. Сведем основные показатели справки в форме таблицы и сопоставим с опубликованными ранее данными.

Данные таблицы несут весьма интересную и малоизученную информацию. Во-первых, об определенной стабилизации положения в сфере условий труда в промышленности. В двух случаях, исходя из статистики величины отпусков рабочих, а также показателей средней продолжительности болезней, приходящихся на

Показатели рабочего и потерянного времени рабочих промышленности СССР в 1922—1937 гг.
(в среднем на одного рабочего)

Год	Количество рабочих дней	Простои	Праздничные и выходные дни	Отпуска	Болезни	Отпуск по родам	Прогулы
1922/23	262,4	1,8	59,8	12,3	13,7	нет данных	9,6
1923/24	262,4	1,3	60,6	13,1	14,6	нет данных	9,3
1924/25	262,1	0,9	61,8	14	15,1	нет данных	7,2
1925/26	259,8	1,9	61,2	14	16,1	нет данных	8
1932	257,2	1,24	67,07	15,07	11,9	2,34	5,96
1933	265,9	1,77	64,87	13,68	11,4	1,85	0,93
1934	265,4	1,78	65,82	14,32	11,68	1,77	0,67
1935	266,2	1,62	65,07	14,01	11,38	2,58	0,76
1936	264,2	1,02	65,31	13,17	13,83	3,66	0,93
1937	260,2	1,33	65,84	13,68	11,62	6,01	1,05

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Он. 329. Д. 1831. Л. 36; Вопросы труда. 1927. № 5. С. 16.

одного рабочего в год, можно говорить о консервации ситуации высокого уровня заболеваемости.

Консервация величины отпусков отражала инерцию социальной политики государства, и не только в рабочем вопросе. Что же касается продолжительности болезней рабочих, здесь действовало множество факторов, но возросшая интенсивность труда в сочетании с низким уровнем квалификации новых рабочих в 30-е гг. могут рассматриваться как первостепенные причины.

Во-вторых, о наличии как позитивных, так и негативных тенденций. К позитивным факторам, упомянув о поистине «драконовских» законах, принятых в начале 30-х гг.¹¹¹, следует отнести сокращение величины простоев и прогулов. К негативным — сокращение, пусть и незначительное, в 1934—1936 гг. времени и без того небольших отпусков, а также некоторое увеличение продолжительности рабочего времени в 1933—1936 гг. Обращает внимание всплеск заболеваний рабочих в 1936 г. (рост на 21,5%) после «стахановской» осени 1935 г. и особенно января 1936 г. Аналогичные явления наблюдались и на рубеже 20-х и 30-х гг., в период штурмовых декад и месячников, когда показатели травматизма превзошли дореволюционный рубеж¹¹². Только в последние предвоенные месяцы укрепление трудовой дисциплины и сокращение текучести позволило сбить волну травматизма и заболеваний в рабочей среде¹¹³.

Фотографии заводских территорий крупных предприятий конца 30-х гг. наглядно говорят о переменах к лучшему в сфере условий труда: появлении обширных светлых цеховых зданий, асфальтированных дорог, озеленения вокруг цехов и участков. Об этом же говорят и заводские годовые отчеты; книги по истории предприятий. Объективный свидетель — американский рабочий Джон Скотт, трудившийся на Урале в 30-е гг., обратил внимание на наличие прекрасного механического цеха на Уралмаше, длиной в целую милю, оснащенного и укомплектованного передовым американским, английским и немецким оборудованием. «На заводе был также и прекрасный литейный цех, полностью механизированный, построенный и оснащенный новейшим оборудованием по американским стандартам»¹¹⁴. Перемены к лучшему были видны и на Магнитке. Так, в доменном цехе, где в первой половине 30-х гг. преобладали «отсутствие опыта и небрежность», приводившие к большим потерям (например, взрыву на домне-2), к 1935 г. был наведен внешний порядок: домны были чистыми, стены побелены, инструменты аккуратно висели на своих местах. Бригада спокойно и умело занималась своим делом¹¹⁵.

От взгляда внимательного наблюдателя не укрылись и серьезные нарушения в организации цеховой работы на Магнитке, ведущие к большим потерям. Так, в 1936 г. 1/4 часть общего времени работы мартеновских печей составляли простои¹¹⁶. Близкие к перечисленным изменения произошли и на «*Магнитке близ Садового кольца*» — московском заводе «Серп и молот»¹¹⁷, других предприятиях крупной промышленности СССР.

Сравнение показателей травматизма в промышленности России до революции и аналогичных показателей середины 30-х гг. позволяет выдвинуть положение лишь о частичном улучшении условий труда рабочих СССР к концу 30-х гг., вызванном прежде всего объективными факторами: низкой степенью механизации производства¹¹⁸ и невысоким уровнем общеобразовательной и профессиональной подготовки рабочих. Весьма высоким в 30-е гг. оставался и уровень травматизма у советских рабочих — показатель, более других характеризующий подлинное состояние условий труда. Все названные процессы в конечном итоге проецировались на такой критерий, как продолжительность жизни. В середине 20-х гг. (1927 г.) результаты выборочного обследования показали: из каждых 100 промышленных рабочих Урала (в возрасте старше 15 лет) до 30 лет доживали 85,2%; до 40 лет — 73; до 50 лет — 59, до 60 лет — 39,9%¹¹⁹. **До пенсионного возраста, как видно, могли дожить двое из пяти рабочих.**

Мы не располагаем аналогичными данными по рабочим на начало 40-х гг. Однако сопоставление показателей возрастного состава рабочего класса промышленности СССР в 1926 г. и 1939 г., в частности, удельного веса рабочих промышленности старше 50 лет по переписям 1926 и 1939 гг. (7,5% и 9%), позволяет сделать вывод о не столь значительных положительных сдвигах, как в показателях смертности, так и в целом, в состоянии условий труда на производстве для советских промышленных рабочих к 1941 г.

§ 2. Мотивация труда рабочих на производстве в 1900—1928 годах

Проблема стимулов к труду рабочих на производстве получила широкое освещение в исторических исследованиях¹²⁰. В качестве методологической основы исследования в современной литературе утвердилось следующая система мотивов и побуждений к труду: материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения и обязательства, а также принуждение и наказание. В разных сочетаниях эти три группы действовали применительно к различным странам, историческим условиям и

обстоятельствам. В материальном вознаграждении различаются прямые выплаты (денежная, натуральная зарплата, премии) и невидимые выплаты (воровство, нелегальные подработки на основном месте работы). Принуждения и наказание за нарушение правил могут применяться в трех основных сферах: области материальной ответственности (штрафы, вычеты), области дисциплинарной ответственности (выговоры, понижения в должности), области уголовной ответственности (уголовные наказания). Морально-нравственные побуждения и обязательства включают гордость за умение или высокие результаты, заводской патриотизм, желание всеобщего признания¹²¹. Мерами морального поощрения выступали грамоты, медали, ордена.

По мнению Ю.И. Кирьянова, границы понятия мотивации труда в фабрично-заводском законодательстве дореволюционной России могут быть сведены к двум компонентам: дисциплине труда и стимуляции труда¹²². Однако в такой трактовке выпадают морально-нравственные стимулы к труду, которые имели место и в промышленности России до 1917 г.¹²³

С учетом незначительности доли заработка за сверхурочную работу¹²⁴ основным стимулом к труду на производстве в дореволюционный период выступала обычная заработная плата. В советской литературе доминировала точка зрения, утверждавшая, что реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих России в 1900—1913 гг. не выросла, оставалась почти стабильной и претерпела даже некоторую тенденцию к снижению¹²⁵. Подобное явление, по мнению авторов, имело не только российское, но и мировое значение, обусловленное «общим кризисом капитализма, несущего рабочему классу отсутствие роста или тенденцию к снижению реальной заработной платы»¹²⁶.

Идеологизация указанной точки зрения просматривается уже при изучении приводимых статистических данных. Так, подсчеты по сведенным в таблицу Э.Э. Крузе данным о динамике номинальных и реальных заработков рабочих указывали на рост номинальной заработной платы фабрично-заводских рабочих России в 1900—1913 гг. на 37%, а роста цен — на 31,5%, что не подтверждало вывода исследовательницы (со ссылкой на С.Г. Струмилина) о снижении реальной заработной платы рабочих в России¹²⁷. При этом Э.Э. Крузе, внесшая весомый вклад в изучение истории российского рабочего класса, обоснованно писала, что «нельзя утверждать, что положение рабочих России из года в год ухудшалось. Росли духовные и физические потребности, возрастала и стоимость рабочей силы. Заработная плата должна была обеспечивать производство и воспроизводство рабочей силы. В начале XX в., в сравнении с дореформен-

ным периодом, увеличился ассортимент потребляемых рабочими продуктов, изменилась, особенно в городах, одежда»¹²⁸. Отмечая «относительно высокую плату» квалифицированных рабочих-металлистов Питера (в 2,5—3 раза превосходящую оплату труда рабочих по России), исследовательница выделяет «наиболее **щедрую оплату труда** (выделено нами. — *М.Ф., С.П.*) станочников, рабочих ряда других ведущих профессий» на крупных промышленных предприятиях¹²⁹.

Ю.И. Кирьянов, автор глубокого исследования по рассматриваемой проблеме, пытаясь уйти от прямолинейных выводов, указывал на «известное увеличение реальной заработной платы некоторых групп рабочих в эпоху капитализма». Рост цен уже не однозначно, а «часто сводил на нет рост номинальных заработков»¹³⁰. Ю.И. Кирьянов отмечал как увеличение доли заработка, выдаваемого наличными деньгами с 89,7% в 1901 г. до 92,5% в 1913 г. по России¹³¹ (в контексте освобождения от всяческого рода суррогатов зарплаты), так и заметное сокращение взимавшихся с рабочих штрафов, не превышавших в среднем одного рубля в год, идущих по закону 1886 г. в фонд пособий рабочим, потерявшим трудоспособность, и беременным работницам¹³².

С одной стороны, историки обращали внимание на рост реальной зарплаты в связи с расширением применения сдельщины, частичной механизацией труда, что объективно усиливало мотивацию труда рабочих¹³³. С другой стороны, стремление представить массив промышленных рабочих как единое целое приводило к нивелированию реальных процессов в оплате труда рабочих, относящихся к различным социальным группам, развитию стимулов на производстве. Справедливое замечание о чрезвычайно низком уровне заработной платы рабочих России по сравнению с заработками рабочих стран Западной Европы и США¹³⁴ автоматически адресовалось ко всем рабочим промышленности России.

Изучение вопроса о стимулах к труду на производстве рабочих России в целом следует начинать с того компонента, который в первую очередь определял доходы рабочих, т. е. с заработной платы.

С конца 1880-х гг. по 1897 г. сведения о заработной плате приводились в «Сводах данных о фабрично-заводской промышленности в России». В 1900—1914 гг. публиковались ежегодные «Сводь отчетов фабричных инспекторов» со сведениями о средней заработной плате рабочих в каждой губернии и в стране в целом. Наконец, в 1916 г. были собраны сведения о заработках рабочих промышленности за июнь 1914 г. и июнь 1916 г.¹³⁵

При всей сложности подсчетов в силу неоднородности источников, тенденции оплаты труда рабочих довольно очевидны. С 1897 по 1913 г. средний общероссийский заработок рабочего фабрично-заводской промышленности увеличился с 187 руб. до 264 руб., или на 41 %. На всем протяжении рассматриваемого периода *выше среднего общероссийского уровня* заработки рабочих были в Петербурге (132—141% к средней величине зарплаты рабочих) и Польше (110—122 %); близки к среднему уровню — на Юге России (94—109 %), в Бакинском районе¹³⁶. Мы назвали наиболее развитые в индустриальном отношении области; регионы, где завершился промышленный переворот.

В 1897—1913 гг. заработки ниже общероссийского уровня были отмечены в слаборазвитых в промышленном отношении губерниях. Как типичные в данном случае можно привести текстильные провинции России — Рязанскую, Владимирскую, Костромскую; уральские губернии, где заработки составляли в 1913 г. 67,7—71,9% от среднего общероссийского уровня¹³⁷.

В рассматриваемый период сохранялась общероссийская тенденция разрыва в оплате рабочих по половозрастному признаку. Накануне Первой мировой войны заработки женщин-работниц (как и подростков обоих полов) почти в два раза отставали от заработков рабочих-мужчин. Так, в июне 1914 г. зарабатывали в день более одного рубля 59% рабочих-мужчин, но только 13,4% работниц-женщин¹³⁸.

Самую высокую заработную плату в России получали рабочие-металлисты. В 1913 г. она достигла в среднем по России 417 руб. в год (около 35 руб. месяц). В Петербурге средний заработок рабочих-металлистов достигал 480 руб. в год; на ряде военных машиностроительных заводов столицы заработки превышали 1000 руб.¹³⁹ Рабочие по добыче нефти зарабатывали 373,7 руб. в год, или более 30 руб. в месяц. В бумажной, химической — около 300 руб. (25 руб.). В текстильной отрасли, на цементных, кирпичных, стекольных заводах заработки рабочих составляли 216—220 руб. (18 руб.)¹⁴⁰. Как видно, и отраслевой и региональный срез заработков рабочих показывает широкий, практически двойной диапазон оплаты труда. В случае с военными машиностроительными заводами столицы разница со средним общероссийским заработком рабочего фабрично-заводской промышленности достигала пятикратного размера.

До сих пор мы вели речь о номинальной оплате труда рабочих фабрично-заводской промышленности России. Что касается реальной заработной платы, она за 1900—1914 гг. выросла на 7,8%¹⁴¹.

Что может показать внутрирегиональный срез состояния оплаты труда? Зарботки рабочих на уральских заводах совпадали с величиной средней годовой зарплаты промышленного рабочего России в 1900 г. — 207 руб., однако заметно уступали оплате труда рабочих России, занятых в обработке металлов — 338 руб. и более чем в два раза зарботкам рабочих металлических заводов Петербурга — 431 руб.¹⁴² Существенные отличия регионального характера в оплате труда рабочих промышленности мы рассматриваем не только как проявление различий в механизации производства, но и как следствие сохранения неразвитости рынка труда, привилегий ведомственного характера для предприятий госсектора.

Так, среднегодовая зарплата рабочих на предприятиях Урала, подведомственных фабрично-заводской инспекции, составляла 210 руб.¹⁴³ Иной была оплата труда на казенных заводах края: от 280—285 руб. на Ижевском и Воткинском до 321 на Златоустовском и 432 руб. — на Мотовилихинском¹⁴⁴. Даже на средних по уральским размерам казенных заводах Гороблагодатского округа этот показатель равнялся 267 руб.¹⁴⁵

Среднегодовая зарплата рабочих горной (горнодобывающей) промышленности Урала в 1913 г. равнялась 175 руб.¹⁴⁶ Следовательно, зарплата рабочих казенных предприятий, во-первых, в 1,6—2,5 раза превосходила оплату труда рабочих горной отрасли и в 1,4—2 раза — на предприятиях, подведомственных фабрично-заводской инспекции, была существенно выше средней зарплаты в металлургической промышленности края (236 руб.)¹⁴⁷. Во-вторых, зарплата рабочих в перерабатывающих отраслях была на 20—40% выше, чем в добывающих, и в 2—2,5 раза выше чем на лесозаготовках¹⁴⁸. В-третьих, разница в размерах зарботков рабочих высокой и низкой квалификации составляла 2,7—3,3 раза, о чем свидетельствуют материалы таблицы.

Таблица 3

Размеры месячной зарплаты рабочих цензовой промышленности Урала в 1913 г. (в руб.)

Металлисты			Бумажники			Печатники			Пищевики		
квалификация			квалификация			квалификация			квалификация		
низ- шая	сред- няя	выс- шая	низ- шая	сред- няя	выс- шая	низ- шая	сред- няя	выс- шая	низ- шая	сред- няя	выс- шая
14,9	20,8	45	15	39	50	15	—	40	18	30	49

* Источник: Рабочий журнал. 1923. № 2. С. 9.

В-четвертых, величина оплаты зависела куда в большей степени от ведомственного характера, от технической и технологической новизны, чем от регионального, в данном случае губернского, аспекта. Характерно, что заработки рабочих в наиболее развитой в индустриальном отношении Пермской губернии не превосходили заработки пролетариев в Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а в легкой и пищевой отраслях даже уступали им¹⁴⁹.

Анализ статистических данных свидетельствует о повышенной норме оплаты труда в производствах, связанных с техническим прогрессом того времени: на электростанциях (378 руб.), в заводских железнодорожных цехах (339 руб.), вагоноборочном (311 руб.) и котельном производстве (411 руб.)¹⁵⁰. Именно здесь, как и на казенных предприятиях, оплата труда не уступала среднему общероссийскому показателю. На указанные производства и на казенные, как правило, военные, предприятия в первые десятилетия XX в. в наибольшей степени стремились попасть рабочие региона.

Подводящим определенным итог дореволюционного развития, объективным и, к сожалению, единственным соответствующим масштабным источником межотраслевого характера являются данные анкетного обследования заработков рабочих промышленности России в июне 1914 г. и июне 1916 г. Обследование всех видов производства показало: рабочих фабрично-заводской промышленности России, зарабатывающих в день более 2 руб. насчитывалось 9,7 %; 1—2 руб. — 27,4 %; менее 1 руб. — 63%¹⁵¹. Размышляя над результатами обследования, следует учесть важное обстоятельство: общероссийский учет охватил 54% рабочих фабрично-заводской промышленности¹⁵², т. е. носит репрезентативный характер. Однако отраслевые показатели имеют существенные отличия. Например, рабочих металлообработки России, зарабатывающих в день более 2 руб. насчитывалось 36%; 1—2 руб. — 42; и только 22,5% — менее 1 руб.¹⁵³

Попробуем проанализировать с учетом высказанных замечаний данные анкетного обследования в июне 1914 г. Во-первых, укажем на близость массивов рабочих России с заработком более 1 руб. в день (37,1%) и круга лиц, отнесенных А.К. Соколовым к разряду квалифицированных рабочих (1/3). Во-вторых, определим разницу групп всех рабочих России с заработком более 2 руб. в день (9,7%) и рабочих металлообработки (36%), или почти в четыре раза.

На наш взгляд, перед нами примеры *частичного* выполнения системой оплаты труда мотивационных задач. Косвенно это признавалось и в советской историографии, с оговоркой, что «пред-

приниматели... с целью сохранить основу производства — квалифицированные кадры — ...были вынуждены платить им относительно высокую заработную плату»¹⁵⁴, что, в свою очередь, подталкивало рабочих «концентрироваться на механизированных крупных предприятиях»¹⁵⁵. Но насколько широким был масштаб воздействия мотивации?

С учетом известных расчетных данных о среднем приходном бюджете для рабочих казенных заводов (360—380 руб. для семейных рабочих столиц; 310—360 руб. для провинции — данные 1902 г.)¹⁵⁶, а также росте цен за 1902—1914 гг., можно было бы сделать вывод о том, что сведение бюджета рабочей семьи без дефицита было возможным для рабочих с дневным заработком более 1,5 руб. в день.

Однако бюджет средней петербургской семьи, состоящей из двух взрослых и 2,53 ребенка, в 1908 г. равнялся 660 руб.¹⁵⁷ При 295-дневном рабочем годе это означало, что рабочий должен был зарабатывать не менее 2,3 руб. в день или должны были трудиться другие члены рабочей семьи. Приведенные расчеты показывают, что, по сути, только категория рабочих с заработком более 2 руб. в день (напомним: 9,7% рабочих России) в случае работы главы семьи могла гарантировать сведение бюджета семьи без дефицита. Выскажем мнение, что масштаб воздействия мотивации к труду соотносим прежде всего с категорией людей, способных обеспечить элементарные нужды своей семьи. Как показывают приведенные выше материалы обследований, такая категория рабочих была весьма немногочисленной.

Характерными для всей дореволюционной России можно считать данные переписи 1918 г., выявившие, что уроженцев городов в большинстве своем отличала потомственная принадлежность к рабочей среде, тесная связь с промышленностью, сравнительно высокий уровень профессиональной квалификации. Это выражалось и в *более высокой* оплате труда. Рабочие из числа потомственных горожан зарабатывали в среднем в полтора раза больше, чем уроженцы деревни¹⁵⁸.

В силу того, что размер заработка российского рабочего был в 2—3 раза ниже, чем в развитых странах Европы, и в 4 раза меньше, чем в США, а сдельные работы ввиду постоянного пересмотра расценок служили скорее одним из источников трудовых конфликтов, наградные выдавались в основном к праздникам — к Рождеству, общую характеристику положения с зарплатой в дореволюционной России, по справедливому замечанию Ю.И. Кирьянова, следует назвать **неблагополучной**¹⁵⁹. Поскольку заработная плата в дореволюционный период являлась основным стимулом к труду на производстве, можно сделать соответ-

ствующий вывод и касательно общей характеристики мотивации труда рабочих.

К числу стимулов к труду в дореволюционный период следует отнести и пенсии. Отличия социального статуса рабочих, относящихся к различным горнозаводским округам, отчетливо просматриваются на примере законодательных гарантий при увечьях, инвалидности и смерти. Дело в том, что система пенсионного обеспечения рабочих носила характер сословных прав. Только для рабочих казенных горнозаводских округов с 1806 г. существовал комплекс мер, включавший предоставление пособий по болезни или увечью, пенсий по старости¹⁶⁰. На казенных заводах еще с 60-х гг. XIX в. были созданы горнозаводские товарищества с вспомогательными кассами. С 15 мая 1901 г. при полной утрате трудоспособности рабочим казенных предприятий назначалась пенсия в 2/3 годового заработка. В случае смерти рабочего вследствие увечья или профессиональной болезни пенсии выплачивались его вдове, детям, родителям¹⁶¹.

Что же касается системы социального страхования рабочих частных предприятий, фрагментарность правовых актов позволяет говорить об отсутствии государственной политики в этом направлении. Организация страхового дела возлагалась на добрую волю заводоуправляющих, ее следы носят локальный характер¹⁶² в силу того, что на частных предприятиях социальные гарантии до июня 1903 г. отсутствовали. Пенсии, назначаемые нетрудоспособным рабочим, носили характер благотворительных подачек и были мизерными¹⁶³. О какой-то *массовой* системе получения рабочими частновладельческих предприятий пенсий при полной потере трудоспособности от несчастного случая можно говорить только в отдельных случаях. Например, на Коломенском машиностроительном заводе потерявшим трудоспособность рабочим пенсии выдавались пролетариям, достигшим 60 лет при стаже работы свыше 20 лет. В горнозаводском округе Нижнетагильских и Луньевских заводов Демидова рабочие имели право на пожизненную пенсию после 30 лет работы, а также в случае полной потери трудоспособности по увечью. Статистические данные о количестве пенсионеров в одном из крупнейших горнозаводских округов Урала — Нижнетагильских и Луньевских заводов — носят уникальный характер. Согласно им, в округе на 1 января 1904 г. насчитывалось 2284 пенсионера¹⁶⁴. Однако сведения о численности пенсионеров-рабочих по более широкому кругу предприятий отсутствуют.

Введение 2 июня 1903 г. пенсий для рабочих при **полной потере трудоспособности от несчастного случая** на частновладельческих предприятиях было шагом вперед в сфере социального

страхования. Пенсия в размере половины заработка выплачивалась вплоть до восстановления рабочего. По расчетам, такая пенсия должна была составлять 102,3 руб. в год у рабочего на заводах и 112,7 руб. на горных приисках¹⁶⁵. В случае признания рабочего инвалидом он получал 2/3 заработка. Проблема заключалась в том, что пенсия рабочим-инвалидам частновладельческих округов могла быть не начислена при признании фабричной инспекцией «грубой неосторожности». Этой оговоркой активно пользовались заводовладельцы. Положенные пенсии получало заведомое меньшинство рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности¹⁶⁶.

Обязательность страхования на частных заводах была введена только по закону 23 июля 1912 г., т. е. на 11 лет позже, чем на казенных, но и к лету 1914 г. только 54% рабочих промышленности России фактически воспользовались своим правом на страхование. К апрелю 1916 г. этот показатель вырос незначительно: до 62%¹⁶⁷.

Двойной стандарт в политике правительства по отношению к рабочим был продолжен в первые десятилетия XX в. К 1914 г. система социального обеспечения включала предоставление рабочим казенных предприятий пенсий *по старости*. Проблема заключалась в том, что число рабочих казенных предприятий, отработавших положенные 35 лет и получавших пенсию в размере половины прежней зарплаты, было невелико и составляло, например, на Урале 863 человека¹⁶⁸. На частных предприятиях по закону 1912 г. пенсии по старости рабочим не предоставлялись.

Пенсии рабочих по инвалидности были невелики. На частных предприятиях пенсия в среднем составляла 23—27 руб. в год¹⁶⁹. На казенных, по данным Е.Ю. Алферовой и Л.С. Юдиной, порядка 35 руб.¹⁷⁰ Однако в источнике, на который опираются исследовательницы, речь идет о пенсионных *окладах*, но не о выплаченных пенсиях. Наш анализ отчета Уральского горного управления за 1913 г.¹⁷¹ показывает: **средняя сумма годовых пенсий, временных пособий, бесплатного провианта, выдаваемая пенсионерам-рабочим казенных заводов, равнялась 52 руб., или вдвое выше, чем на частных предприятиях.** При этом даже на крупных заводах — Воткинском и Пермском пушечном — пенсия по инвалидности не превышала 68 руб. в год. Конечно, эта сумма была невелика. Таким образом, можно говорить о том, что сумма социальных пособий для рабочих казенных предприятий составляла примерно одну шестую часть зарплаты.

На частных предприятиях эта величина (23—27 руб.), даже с учетом меньшей зарплаты рабочих, составляла (если судить по

зарплате рабочих-металлургов) около одной десятой части средней зарплаты в фабрично-заводской промышленности России (264 руб.).

Среди факторов, формировавших социальный облик рабочих казенной промышленности, заметное место занимали меры морального поощрения на производстве. На предприятиях оборонного ведомства России, в том числе на уральских заводах, они сложились в разветвленную и отлаженную систему. Фундамент ее был заложен еще в первые годы правления Николая I⁷². Недостаточность материального поощрения для проведения эффективной социальной политики заставила власти включить весомые моральные стимулы в форме почетных кафтанов, золотых и серебряных медалей, звания личного почетного гражданина. В таком виде наградная система просуществовала до 1917 г. Эта иерархия наград была рассчитана прежде всего на поощрение высококвалифицированного труда, служила стимулом для производственного роста. По расчету нормы поощрений на Ижевском заводе на 16 834 рабочих причиталось 8417 наград, или на половину состава рабочих. Но заводская администрация считала достойными лишь 6,6%, или 1198 человек⁷³.

Причина заключалась в требовании администрации предприятий включать не только долговременную полезную службу, но и отличное поведение на производстве и в быту; отсутствие связей с «неблагонадежными». Из награжденных рабочих формировался слой младшего производственного персонала, которые несли низовые административные функции, были опорой заводского начальства. Такая политика государства накладывала на мировоззрение рабочих, их социальную психологию и поведение специфический «государственный» отпечаток. Понятия «государственная собственность», «государственная власть» не вызвали в среде рабочих казенных заводов отторжения: являлись важной составляющей ее жизненных ценностей и идеалов⁷⁴.

Сравнивая величину официальной нормы поощрения рабочих на Ижевском заводе (8417 человек) и количество реально поощренных рабочих (1198 человек), мы объективно получаем *диапазон различий государственной политики и действий заводской администрации*. В первом случае власть руководствовалась курсом на создание в рабочем коллективе массива верноподданных. Во втором случае речь шла о выделении круга рабочих с безупречной репутацией. Масштаб различий — почти в 8 раз! — представляет довольно емкую характеристику несовпадения курса государства и местных властей.

Подведем итог. В дореволюционный период у местных потомственных рабочих промышленности, прежде всего, казенных

горнозаводских округов, передовых частновладельческих предприятий обрабатывающей индустрии России существовали разносторонние и весомые стимулы мотивации к труду. Что же касается остальной массы российских пролетариев, то, отмечая в целом **ослабленную мотивацию** к трудовой деятельности, следует учитывать ряд факторов. Ограниченность выбора места работы для пролетария в поселке и деревне усиливали привязанность к «своему заводу», формируя особый характер относительно мирного социального поведения мастеровых. Предоставление заводладельцами рабочим земельного и лесного наделов, по сути, также выступало специфической формой мотивации к труду, особо значимой в периоды кризисного состояния региональной промышленности. Наконец, в узком социальном пространстве заводского поселка на характеристики стимулов к труду влияли конкретные отношения администрации и рабочих.

Различия стимуляции у неоднородных социальных групп рабочих рождали и весьма отличные социокультурные типы внутри российского пролетариата. Наряду с многочисленной группой рабочих индустриального типа, заинтересованных в своем труде на производстве, существовали еще более многочисленные группы рабочих, слабо или вовсе не заинтересованные в совершенствовании своего труда.

Все сказанное выше позволяет адресовать высказывание Ю.И. Кирьянова о том, что «даже там, где фабрично-заводское законодательство могло и должно было бы содействовать стимуляции производства и производительности труда, оно не действовало вследствие его регулярного нарушения предпринимателями, безучастного отношения к этим нарушениям чиновников и властей и нежелания рабочих доводить дело до суда (из-за боязни быть уволенным)»¹⁷⁵, не ко всем рабочим России, а к вполне определенным социальным слоям внутри рабочего класса страны, обладавшим ослабленными стимулами к труду.

Годы Гражданской войны охарактеризовались особой настойчивостью проведения принципа уравнительности в оплате труда. Распределение пайков привело к нивелированию заработков рабочих и лиц инженерно-технического труда. Государственная политика в области оплаты труда воплотилась сначала во введении в первой половине 1918 г. шкалы тарифов, установившей крайне низкое соотношение между 1-й и 15-й категориями в 2,1:1, а затем, в начале 1919 г., — 1,75:1. Соотношение заработка квалифицированного рабочего высшего, 12-го, разряда и черно-рабочего в августе 1917 г. составило 2,32:1, в сентябре 1918 — 1,3:1; в сентябре 1919 — 1,09:1, в сентябре 1920 г. — 1,04:1¹⁷⁶.

Уравнилительная тенденция оказалась разрушительной прежде всего для квалифицированных промышленных рабочих. Закономерным итогом такого положения дел стала потеря чувства рабочей гордости: оставшиеся на предприятии рабочие ориентировались не на мастеров своего дела, а на худших, наименее производительно работавших, так как паек и зарплата были одинаковы для всех¹⁷⁷. Относительная, внешняя простота системы оплаты труда в 1918—1921 гг. стала толчком ее к абсолютизации в сознании части управленцев Советской России, несмотря на отказ от принципов военного коммунизма.

После окончания Гражданской войны страна приступила к восстановлению народного хозяйства. Проблема заключалась в самом подходе к определению места и роли рабочего класса в обществе. Мы разделяем мнение А.К. Соколова о том, что на протяжении 20-х гг. прослеживается почти параноидальная боязнь «мелкобуржуазного заражения», тревога за «чистоту рядов рабочего класса»¹⁷⁸, добавив, что здравомыслящая часть специалистов и хозяйственников-коммунистов проявляла и иные подходы. В силу этого реалистические меры по повышению уровня жизни населения наталкивались на попытки приведения рабочих к единому знаменателю: пролетарию, лишенному собственности.

Глубина обнищания рабочего класса России в годы Гражданской войны просматривалась по многим направлениям. Наглядно она видна и в сфере оплаты труда.

Таблица 4

Динамика заработной платы в фабрично-заводской промышленности СССР в 1913—1922 гг.

Год	Абсолютная величина, в товарных руб.	Отношение к 1913 г., в %
1913	22	100
1918	8,19	37,2
1919	5,91	26,7
1920	5,29	24
1921	6,01	34,1
1922	7,52	55

Источник: Вопросы труда. 1924. № 2. С. 13.

Снижение реальной зарплаты промышленных рабочих в четыре раза в 1919—1920 гг. поставило на грань вымирания тот

класс, который рассматривался как главная сила обновления страны. Заметим, что данные таблицы дают представление только об общей тенденции динамики заработной платы фабрично-заводской промышленности СССР в 1913—1922 гг., но далеко не в полной мере. Не учитывалась инфляция в течение хозяйственного года, различия стоимости рубля в регионах России. По уточненным данным, с учетом названных факторов, в первом квартале 1922/23 хоз. г. заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности составила 42%, в последнем квартале — 49,2%. Это означало, что в первом квартале 1922/23 хоз. г. на среднемесячную зарплату, полагавшуюся согласно коллективному договору, рабочий цензовой промышленности СССР мог приобрести 1,19 бюджетного набора, или в 2,4 раза меньше, чем в 1913 г. (2,84 бюджетного набора)¹⁷⁹.

И до Первой мировой войны только меньшинство рабочих было способно «свести концы с концами». Но новая власть сохранила традицию прошлого: заработная плата в столицах на 33—50% превосходила средний показатель оплаты труда в провинциях¹⁸⁰. А.И. Черных объясняет такую тенденцию более высоким уровнем производства в столицах и, следовательно, более высокой квалификацией рабочих¹⁸¹. Соглашаясь с принципиальной постановкой вопроса, отметим, что она мало совместима с ситуацией 1922 г. — временем закрытия или консервации многих заводов столиц. Как представляется, речь идет о сознательной акции властей, носившей не экономический, а политический характер.

Сила уравнилельных традиций была заметно ощутима и в годы нэпа. Показательна статья Л. Забелина в журнале «Вопросы труда» в юбилейном номере за октябрь 1927 г. Автор с беспокойством указывал, что расхождение между зарплатой в наиболее высоко и наиболее низко оплачиваемой отраслях промышленности значительно уменьшилось. В 1913 г. оно выражалось коэффициентом 2,1; в 1922/23 хоз. г. — 2,2; в 1923/24 — 1,9; в 1924/25 — 1,8; в 1925/26 хоз. г. — 1,6¹⁸². Сопоставление различных источников показывает, что применительно к 1922/23 хоз. г. следует внести существенные уточнения. Только в металлообрабатывающей промышленности соотношение фактических заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 2,1:1. В текстильной и табачной отраслях заработка квалифицированных рабочих были выше, чем у неквалифицированных рабочих всего на 27,4%; в бумажном, кожевенном, типографском производствах — на 67%¹⁸³.

В той же статье Л. Забелин отмечал: реальная заработная плата в 1925/26 хоз. г. отстает от довоенной, составляя по всей про-

мышленности (планируемой ВСНХ) 90,8%; добывающей — 73,5; металлической — 81%. Только в химической, бумажной, легкой и пищевой промышленности наблюдалось превышение довоенного уровня оплаты труда¹⁸⁴. По сути, в косвенной форме, частью печатных органов, прежде всего, журналом Наркомата труда «Вопросы труда» давалась оценка политики Советского государства в области заработной платы. Оправдание такой политики, вроде: «...партия стремится постепенно выравнивать зарплату работников одинаковой квалификации во всех отраслях производства»¹⁸⁵ — нельзя отнести к разряду научных положений.

Ситуация в сфере заработной платы свидетельствовала: в самом трудном положении в первой половине 20-х гг. оказались рабочие промышленности СССР, прежде всего, тяжелой.

Трудно согласиться с утверждением о необходимости причисления к заработной плате рабочих целого ряда социальных программ: стоимости бесплатно предоставляемого помещения, бесплатного отопления, освещения, канализации и других расходов, доходящих до 10% к общей сумме зарплаты. Тем более неправомерно причисление к реальной заработной плате расходов на содержание фабрично-заводских училищ, санаториев, детских садов и яслей, финансируемых государством. С учетом последней группы трат официальные органы завышали величину реальной заработной платы рабочих еще на 20%¹⁸⁶.

Слова о «бесплатно предоставляемых помещениях», «бесплатном освещении» для рабочих звучали несколько саркастично, поскольку в печати еще публиковались сведения о повышении стоимости жилища рабочих в среднем с 5,7% в 1925 г. до 6,7% расходного бюджета в 1926 г., а более трети советских рабочих жили в ноябре 1926 г. без электрического света¹⁸⁷. «Экономический журнал» в 1931 г. уже как позитивный пример приводил данные о сокращении удельного веса рабочих, получавших бесплатное жилье от предприятия: 19,2% в 1927/28; 15,9% в 1928/29; 7,5% в 1929/30 хоз. году¹⁸⁸.

Следует согласиться с мнением А.И. Черных, что уравнивательные тенденции в распределении заработной платы объяснялись не только идеологическими причинами, связанными с декларированием правящей партией принципа равенства, но и социально-политическим моментом. Молодые рабочие-коммунисты «...в силу недостаточной квалификации не могли претендовать на высокие ставки, но, обладая политическим влиянием, всячески препятствовали квалифицированным, в большинстве своем пожилым рабочим и не членам партии получать достойное вознаграждение за труд...»¹⁸⁹ Что касается тезиса о разрухе всех областей хозяйственной жизни, приведшей к катастрофическому

падению заработной платы, как о решающем факторе уравнивающей тенденции¹⁹⁰, на наш взгляд, такое положение нуждается в дополнительном изучении. Опыт Первой мировой войны, действия большевиков по премированию рабочих ударных отраслей в годы Гражданской войны показывают и иные подходы к проблеме оплаты труда рабочих, заставляют не принимать высказанное утверждение без доказательств.

В исторической науке утвердилось мнение о том, что, несмотря на непоследовательность политики нэпа, за 1922—1928 гг. произошло улучшение материально-бытового положения рабочих¹⁹¹. Рассмотрим это положение на примере ситуации в области заработной платы.

В 1927/28 хоз. г., по официальным данным, средняя месячная зарплата рабочих цензовой промышленности СССР составляла 67,8 руб., или в переводе на довоенные рубли, 26,9 руб., т.е. 122,4% от уровня 1913 г.¹⁹² Однако в действительности при росте номинальной зарплаты рабочих в 3,1 раза в 1913—1927/28 гг. рост розничных цен (равновесных значений индексов цен) составил 443%¹⁹³. Как видно, рост цен на 42% обгонял повышение зарплаток рабочих. В результате в 1927/28 хоз. г. реальная средняя месячная зарплата рабочих цензовой промышленности СССР составляла 86% от уровня 1913 г. С учетом того, что в 1922 г. этот показатель не превышал 55%, можно говорить об улучшении материально-бытового положения рабочих за период 1922—1928 гг., определив и его границы.

Примечательная черта: ряд опубликованных источников конца 20-х гг. в косвенной форме признавал тот факт, что рабочие промышленности СССР в 1927/28 хоз. г. могли приобрести меньше товаров и продуктов, чем в 1913 г.¹⁹⁴

Наши подсчеты подтверждают мнение Ю.М. Иванова о том, что жизненный уровень российского пролетариата в 20-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России, и это был факт, признаваемый до 1927 г. (По официальным данным, средняя месячная зарплата рабочих цензовой промышленности СССР в 1925/26 хоз. г. достигла 91,3% уровня 1913 г.)¹⁹⁵.

Теоретическое обоснование сохранения такого положения рабочих, по мысли Ю.М. Иванова, было связано не только с экономической отсталостью России, но и общей политикой правящей партии, направленной на то, «чтобы рабочие больше трудились и не думали об улучшении своего положения». Политикой, исходившей из того, что ограничение потребления рабочих способствует росту социалистического накопления¹⁹⁶.

Вместе с тем существовала группа городских рабочих, чей жизненный уровень был заметно выше, чем до войны. Это были

рабочие частных предприятий цензовой промышленности. Так, у рабочих частных предприятий цензовой промышленности СССР в 1927/28 хоз. г. оплата труда была на 38% выше, чем в госсекторе; в 1928/29 хоз. г. — на 62%. Рабочим полагался 4-недельный (вместо 2-недельного в государственной промышленности) отпуск¹⁹⁷.

Кроме того, статистические исследования, указывая на введение в 1927 г. нового бюджетного индекса (построенного на основе бюджетного набора, включающего, помимо стоимости товаров и продуктов, также *оплату коммунальных услуг*), признавали нарушение единой методики подсчетов¹⁹⁸. Как нам представляется, и в этом случае в «юбилейном» 1927 г. руководство страны сознательно пошло на искажение единого измерителя бюджетной статистики: коммунальные услуги в 20-е гг. были дешевле, чем в дореволюционное время, и позволяли преуменьшить разрыв показателей уровня жизни 1913 г. и второй половины 20-х гг.

В отличие от начала 20-х гг., к 1928 г. рабочие пищевой, текстильной, бумажной отраслей вновь, как и в 1913 г., оказались в числе аутсайдеров по уровню оплаты. На первом же месте, как и до войны, были машиностроители (86,9 руб.)¹⁹⁹. Подобное изменение за годы нэпа свидетельствовало об активном вмешательстве государства в область заработной платы. Закономерность такого явления была связана с перекачкой государством средств из легкой и пищевой промышленности в тяжелую индустрию. Такая политика формировала и отношение рабочих к ценности своего труда в различных отраслях.

В процесс форсирования подобных ценностей вмешивалась идеология: искусственное выравнивание курсов заработных плат, существовавшее все годы нэпа, усилилось в 1926—1928 гг., на начальном этапе свертывания нэповских отношений, связанном с принятием обширных планов милитаризации страны. Прежде всего, речь идет о соотношении заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих. В 1928 г. эти показатели, если брать металлопромышленность, составили 1,84:1, тогда как в 1924 г. заработки квалифицированных рабочих на 108% превосходили оплату труда неквалифицированных рабочих²⁰⁰. Поскольку тарифная сетка позволяла увеличивать диапазон зарплат рабочих высшей и низшей квалификации до 3:1 (т. е. как и в 1913 г.), можно сделать вывод о том, что **возможности системы заработной платы, определенные тарифной сеткой, использовались на 2/3**. Государство — основной владелец промышленных предприятий сознательно недоплачивало тому социальному слою, который официально признавался хозяином страны.

Разница между средней заработной платой всех промышленных рабочих СССР и чернорабочих в 1926—1928 гг. сократилась с 47,3% до 38,1%²⁰¹. Отличием от довоенного времени стало то, что на крупных, технически передовых заводах заработка рабочих немногим отличались от заработков на средних²⁰².

Еще одним следствием уравнилельской политики стало уменьшение к 1928 г. удельного веса высокооплачиваемых рабочих. По всей стране, по нашим подсчетам, **доля рабочих, получавших зарплату в размере более двух средних заработков, сократилась до 5,8%**²⁰³, тогда как в 1924 г. она составила 6,7%, а в июне 1914 г. — 9,7%²⁰⁴. С точки зрения борьбы с «рабочей аристократией» результаты были налицо. В наибольшей степени такие идеологически выверенные результаты были «удачными» в металлопромышленности: в 1929 г. только 1,8% рабочих-металлистов мужского пола получали зарплату в размере более двух средних заработков²⁰⁵.

Незначительными были в 20-е гг. выплаты за сверхурочные работы: например, в 1927/28 хоз. г. на Урале они составили 0,8% от фонда заработной платы; в 1928/29 хоз. г. — 1%²⁰⁶, уменьшившись в сравнении с 1923 г.²⁰⁷

Искусственно сужая диапазон заработков индустриальных рабочих, *государство — главный собственник в цензовой промышленности получало меньший набор регуляторов политики в области труда, чем частновладельческие компании и казенные предприятия в дореволюционный период.*

Слабое использование роли премий в СССР во многом объяснялось плохо поставленным учетом индивидуальных затрат труда, почти полным отсутствием технического нормирования²⁰⁸. Все это вместе вело к слабости стимулов к труду на производстве. Таким образом, *недостатки тарифной реформы 1921/22 хоз. г., а отсутствие политической воли в ее реализации обусловили и сложную ситуацию с оплатой труда рабочих, и острую критику тарифной реформы.* Новая тарифная реформа 1927/28 хоз. г. сужала соотношение между высшим и низшим разрядами (например, 2,8:1 у металлистов); ввела уменьшение тарифных различий по мере роста разрядной сетки²⁰⁹.

Аналогичный вывод можно сделать и анализируя такой малоизученный аспект, как вопрос о пенсионном обеспечении рабочих в 20-е гг. Содержание Кодекса о труде 1922 г., во многом повторяя статьи закона 1912 г., фиксировало и отказ от некоторых норм, провозглашенных ранее на самом высоком уровне: так, ничего не говорилось о пенсиях по старости. Умеренность положений Кодекса 1922 г. отвечала существующему уровню

экономики в СССР, но противоречила обещаниям правящей партии о быстром переходе к социализму.

До 1928 г. пенсионное обслуживание охватывало только инвалидов труда и семьи, потерявшие кормильцев. Заметим, что по трудовому законодательству 20-х гг. на получение пенсии фактически могли претендовать **только рабочие**.

Что же касается размеров пенсий, то в 1926/27 хоз. г. средний размер пенсии составлял примерно *одну треть* заработной платы рабочих²¹⁰. В данном случае можно говорить об улучшении пенсионного обеспечения, так как в 1913 г. этот показатель у рабочих казенных заводов составлял немногим более одной шестой части зарплаты, у рабочих частных предприятий — одной десятой. Затянувшийся и незавершенный процесс формирования пенсионной системы рабочих не способствовал превращению гарантированного получения пенсии в весомый стимул труда на производстве. Соотношение пенсии и зарплаты объяснялось тем, что большинство рабочих-инвалидов было освидетельствовано как инвалиды третьей группы, чья пенсия в два раза уступала инвалидам первой группы²¹¹. В 1930 г. постановлением ЦИК и СНК условия получения пенсий были ужесточены: права на пенсию были лишены не только лица непролетарского происхождения, но и рабочие, служившие в белой армии²¹².

В годы нэпа слабое внимание уделялось и моральным стимулам к труду непосредственно на производстве. Наиболее значимым моральным стимулом 20-х гг. можно считать присвоение рабочим промышленности СССР звания «герой труда». Мы проанализировали в качестве типичных биографии 32 уральских рабочих, представленных к званию «герой труда» в 1925 г. В силу того, что из 32 рабочих 12 имели начальное образование, 8 являлись малограмотными, а 12 — неграмотными и только 5 рабочих являлись членами партии, обобщенный социальный портрет «героя труда» представлял собой преимущественно беспартийного, не имеющего школьной подготовки рабочего²¹³. Немаловажен и другой вывод, от обратного: моральные стимулы мало затрагивали квалифицированных, образованных рабочих как принадлежащих к партии, так и находящихся вне ее рядов.

В целом следует согласиться с мнением о том, что восстановление промышленности означало и восстановление свойственных дореволюционной России форм и способов труда, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями. Трудовые отношения в годы нэпа представляли собой сгусток противоречий, как унаследованных из прошлого, так и порожденных спецификой проводимой властью социальной и экономической политики²¹⁴. При всей явной недостаточности мотивации к труду 20-х гг.,

оценка стимулов к труду у рабочих на производстве должна учитывать не только совокупность материальных, моральных, принудительных рычагов. Присутствовал и политический фактор: выдвижение «передовых» по сути, лояльных рабочих в руководящий слой общества.

§ 3. Мотивация труда на предприятиях промышленности СССР в 1929 — июне 1941 года

В исторической литературе накоплен значительный материал по проблеме стимуляции к труду на предприятиях промышленности рабочих СССР²¹⁵. В работе А.К. Соколова и А.М. Маркевича в лаконичной форме обрисовано методологическое кредо, дан библиографический обзор исследований по указанной теме. Авторы выделили особую роль серийного издания «Экономическая история. Обзорение» в деле возрождения интереса к рабочей истории²¹⁶. Выявлены те ненаучные положения разработанной на рубеже 30-х гг. методики оценки жизненного уровня рабочих, на основе которых на долгие десятилетия в исторической литературе утвердились выводы о достигнутом скачке реальных доходов рабочих за рассматриваемый период. Малоизученными, однако, остаются такие вопросы, как оценка тарифных реформ 30-х гг., движение ударников и стахановского движения в едином контексте и с точки зрения стимуляции к труду, а также в плане формирования определенного социокультурного типа рабочего; **проблема соотношения моральных, материальных и принудительных стимулов к труду** в годы предвоенных пятилеток.

Рост доходов рабочих в значительной степени должен был произойти за счет заработной платы. Обратимся к едва ли не последнему опубликованному аналитическому разбору методологии намеченного роста зарплаты рабочих по пятилетнему плану²¹⁷. Прежде всего, отметим, что авторы М. и П. Иоффе, сохраняя традиции 20-х гг., анализируют динамику двух процессов: роста реальной и номинальной зарплаты рабочих. Рост первой на 56% должен был быть обеспечен приростом производительности труда на 95%, а с учетом сокращения рабочего дня — на 120%. Такой прирост при отсутствии запланированных кардинальных перемен в квалификации рабочих представлялся авторам (и не без оснований) **малореальным**²¹⁸. Сомнение вызывала и обоснованность роста реальной зарплаты на 35,9% за счет понижения розничных цен, тогда как в 20-е гг. наблюдалась иная тенденция. Статья журнала завершалась весьма своеобразно: необходим ускоренный рост номинальной зарплаты за счет наращивания денежной массы. Рост производительности труда «на ближайшие

годы» связывался, прежде всего, с усилением интенсивности труда²¹⁹. На наш взгляд, перед нами свидетельство близости взглядов управленцев разного уровня на саму стратегию организации оплаты труда рабочих в предвоенные пятилетки.

В обобщенном виде работы историков и экономистов (мы не затрагиваем труды публицистов) смысл политики государства в рассматриваемой сфере сводят к следующему. Одна тарифная система (плохая) по воле партии заменяется другой (хорошей). Характерен пример с заменой тарифной системы 1928 г. на аналогичную систему в 1931 г.²²⁰ В самом деле тарифная система, введенная в 1928 г., предполагала преодоление разрывов в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих на основе «затухающей кривой»²²¹. Но справедливо ли будет говорить о том, что именно тарифная система 1928 г. была «объективным условием уравниловки»?²²² Видимо, дело не в тарифной системе, а в том, в какой экономической структуре она функционирует; насколько власти учитывают законы денежного обращения; существует ли связь результатов деятельности предприятия и оплаты труда рабочих. Отметим, что тарифная реформа 1931 г., по сути, *восстанавливала* крайнее соотношение между разрядными категориями (с 2,6:1 до 3,8:1), введенное в 1921/22 хоз. г. и просуществовавшее в годы нэпа до 1927/28 хоз. г.²²³

Характерно, что в середине 30-х гг. в вину тарифной системе 1931 г. было поставлено то, что ранее выдавалось за достоинство: «шкалы системы оказались слишком крутыми», а «технически обоснованные расценки» оказались «произвольно установленными»²²⁴. Собственно говоря, перед нами пример отсутствия научности и стабильности в государственной политике, обращенной к рабочим.

Суть проблемы заключается в том, что с начала 30-х гг. фонды зарплаты предприятий были регламентированы сверху, минимизированы. Постановление СНК от 3 декабря 1932 г. под страхом уголовной ответственности запрещало повышение зарплаты рабочим и устанавливало твердые фонды зарплаты²²⁵. **Отсюда тарифные преобразования могли только перераспределить деньги внутри рабочего коллектива, но не привести к реальному повышению зарплаты.**

Введение новых расценок оплаты труда в 1931—1933 гг. не остановило ни текучести кадров, «зашкалившей» за 100% от численности состава, не способствовало укреплению стимулов к труду. Не менее существенным было и то, что в силу роста общего индекса цен в 2,5 раза произошло понижение на 20% реальной заработной платы рабочих промышленности в СССР²²⁶. Анализ итогов первой пятилетки позволяет сделать вывод: понижение

реальной зарплаты коснулось всех рабочих, однако в большей степени в проигрыше оказались рабочие легкой и пищевой промышленности.

Анализ законодательной политики 30-х гг. в сфере заработной платы говорит о том, что усилия правительства были преимущественно направлены на максимальное ограничение премиального фонда предприятий. СНК и наркоматы неоднократно принимали постановления, фактически сводящие к минимуму премиальные средства. Приведем некоторые примеры. В феврале 1931 г. постановлением ЦИК и СНК было запрещено выплачивать премию чаще одного раза в квартал²²⁷. О реализации решения власти можно судить по опубликованным итогам первой пятилетки на Урале: руководство Уральской области сообщало, что в 1932 г. за перевыполнение производственной программы было премировано всего лишь 32 рабочих на сумму 1840 руб., в 1933 г. — 268 на сумму 20 845 руб.²²⁸ **Таким образом, премии размером 60—80 руб. в год получила горстка рабочих.** Вряд ли такие меры связывали результаты работы предприятия и отдельного рабочего с величиной заработной платы. По сути, перед нами финансовая подоплека движения ударников, раскрывающая главную причину неудачи этой формы «социалистического соревнования»: **немотивированную интенсификацию труда.** Естественно, что большая часть рабочего класса в СССР не откликнулась на партийный призыв²²⁹. Вместе с тем на материалах Урала не прослеживается как массовое явление, указанное А.Д. Кузьмичевым: *сознательная ломка рабочими нового оборудования*²³⁰.

Моральные стимулы к труду на производстве приобрели широкое применение в годы первой пятилетки. Награждение рабочих различного рода ведомственными грамотами и, как правило, недорогими подарками; занесение на заводскую Доску почета; публикации о передовых рабочих в стенгазетах, многотиражках, местной и центральной печати — все это, без сомнения, имело положительное значение для формирования уважительного отношения к труду рабочего человека, прежде всего в рабочей же среде. Проблема заключалась в том, что приоритет моральных стимулов оказывался малоэффективным в период голода и тотального дефицита в стране в начале 30-х гг.

Трудно найти документ более выразительный, чем письмо рабочих Ижевского завода председателю СНК А. Рыкову в августе 1930 г.²³¹ В мирный 1930 г. 50 тыс. рабочих просили «вождя» спасти от голодной смерти так же, теми же словами, что и ихеды в крепостную эпоху. В таких условиях основным стимулом к труду выступали повышенные нормы питания. Льготами в

начале 30-х гг. пользовались 12% рабочих промышленности СССР, или менее 1/3 рабочих, числящихся ударниками²³², что еще раз подтверждает как условность определения категории «ударников», так и ограниченность государственных возможностей использования материальных стимулов для повышения производительности труда. Руководство страны искало выход из создавшейся ситуации, так как в начале 30-х гг. рабочих-ударников правящая партия рассматривала в качестве социальной опоры в рабочем классе²³³. При наличии групп молодых рабочих-энтузиастов в среде промышленных рабочих преобладающим становился массив рабочих, **формально причисленный к ударникам и осознающий условность такого положения**. На первый взгляд парадоксально, что об этом, под смех присутствующих, сообщил делегатам XVI съезда партии секретарь ЦК ВКП(б) Л. Каганович²³⁴. Однако на самом деле это был секрет Полишинеля: партийная и хозяйственная верхушка прекрасно знала подлинную картину движения ударников.

К середине 30-х гг. не только руководство партии, но и различные социальные группы в составе рабочего класса вынесли свой особый опыт из первых лет пятилетки. Значительная часть промышленных рабочих осознала ограниченность ударничества, основанного главным образом на применении моральных стимулов; тарифных реформ 1928 и 1931 гг., утверждавших уравнительство в оплате труда. Недоплата рабочим в таком масштабе лишала труд стимулов. Следствием этого стали девальвация звания ударника, сокращение темпов прироста промышленной продукции, численности рабочих в 1933 г.²³⁵ За 20-е гг. — первую половину 30-х гг. государством по отношению к рабочим были испробованы, казалось бы, противоречивые меры: как непоследовательные экономические методы, так и жесткие административные решения. Сторонники каждого направления подошли к 1935 г. со своим набором решений, и это наглядно проявилось в истории стахановского движения.

Чего же ожидали руководители государства от рекорда А. Стаханова? Обратимся к материалам печати тех месяцев. Ведущее место на страницах газет осенью 1935 г. занимала подробная информация: сколько зарабатывает А. Стаханов и его последователи. Цифры впечатляли не только шахтеров: заработки до десяти раз превышали среднюю оплату труда рабочих промышленности. В условиях острого жилищного кризиса рабочие с повышенным вниманием читали сообщения о выделении стахановцам отдельных квартир. «Стахановское движение... открывает перед рабочими дорогу к резкому улучшению материально-бытового положения», — подчеркивала газета «Правда»²³⁶. В духе времени

звучали слова о роли рабочего класса в социалистическом строительстве, однако фактически речь шла об оплате без ограничения. Именно с этим, а также с подъемом культурно-технического уровня рабочих руководство Наркомата тяжелой промышленности связывало стахановское движение²³⁷.

Но в то же время в печати все громче начинает звучать другая тональность. Тема принуждения, запугивания, угроз тем, кто не присоединится к стахановскому движению, прочно входит в обиход выступлений государственных деятелей²³⁸. Различные подходы к стахановскому движению нашли отражение в документах декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП(б). По мысли Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план (и это вошло в резолюции пленума) Сталин выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения»²³⁹. На что же было ориентироваться рабочим 1935 г., если незадолго до пленума передовая статья «Правды» важнейшей проблемой стахановского движения называла вопросы совершенствования оплаты труда рабочих²⁴⁰. Обращало на себя противоречие между высказыванием на пленуме секретаря ЦК А.А. Андреева: «Все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам» — и словами наркома НКТП С. Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учетом мнения самих рабочих²⁴¹. Приведенные факты говорят о различных подходах к методам достижения целей.

Сопоставление стандартной ситуации: щедрого денежного вознаграждения стахановцев; предоставления квартиры с мебелью, осуществленных в кратчайшие сроки на самых различных предприятиях промышленности, — приводит к выводу о запланированном и осуществленном по команде сверху широко рекламируемом эксперименте. На эту же мысль наводит и откровенный рассказ участника областного слета стахановцев военной промышленности в декабре 1935 г. в Свердловске начальника участка на Пермском авиамоторном заводе о том, как выбирались стахановцы: администрация отобрала наиболее подготовленных рабочих и создала им соответствующие условия²⁴². Об этом же говорит и стенограмма первого областного совещания стахановцев в Свердловске в ноябре 1935 г. Характерно и то, что все выступления рабочих — первых стахановцев отличались оптимистичным прагматизмом: при ритуальном упоминании Сталина и партии упор делался на высочайшие заработки²⁴³. Заметим, что оптимизм только немногих первых стахановцев (например, Янкина, Батуева) оказался долговременным. Что ка-

сается молодых 17—18-летних стахановцев, открывавших слет, — их фамилии не встречаются в печати более позднего времени.

С первого дня 1936 г. набирала силу кампания за проведение «стахановских суток» на каждом рабочем месте. Вера в магическую силу приказа, игнорирование того факта, что число стахановцев среди рабочих крупной промышленности, даже по официальным данным, не превышало 18,5%²⁴⁴, еще раз давали о себе знать. 20 января 1936 г. газеты страны сообщили о начале «стахановской пятидневки» на всех предприятиях, как о свершившемся факте. Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без учета материальных стимулов для основной массы рабочих. Газеты января 1936 г., печатая диаграммы ежедневного выпуска промышленной продукции, словно дрожали от напряжения. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. Однако тут же последовал призыв к «стахановскому году»²⁴⁵.

За счет чего же намечалось превзойти плановые рубежи? Исследование архивных источников 1936 г. дает ответ: прежде всего, за счет усиления интенсивности труда советских рабочих. Так, на Мотовилихинском (Молотовском) оружейном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250—300. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с 1935 г. Более чем на треть вырос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился удельный вес бракованной продукции. Например, в январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов Серовского механического завода²⁴⁶. Итоги января 1936 г. — «месяца рекордов» — были ошеломляющими: не только не произошло ожидаемого рывка в экономике, но, напротив, в ряде отраслей (например, в угольной промышленности) был зафиксирован спад промышленного производства²⁴⁷.

Немаловажно найти ответ: против кого же было направлено стахановское движение? Пропаганда сверхвысоких заработков молодых активистов объективно укоряла кадровых квалифицированных рабочих за «пассивность». Но зафиксированы и прямые обвинения в адрес старых рабочих. Казалось бы, наибольшие обвинения в саботаже стахановского движения были предъявлены инженерно-техническим работникам²⁴⁸. Однако, как нам представляется, призыв к труду «по-стахановски» ударял и по основной массе рабочих. Если для горстки «знатных рабочих» администрация создавала особые условия (о ночной подготовке к «штурму», привлечении вспомогательных рабочих в помощь

стахановцам прямым текстом говорилось на областном слете стахановцев военной промышленности в декабре 1935 г. в Свердловске²⁴⁹), **то большинству рабочих предлагалась фактически максимальная интенсификация труда** — 420 минут «максимальной загрузки»²⁵⁰.

Общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения практически, пусть на время, исчезает со страниц газет и журналов. Молчание выдавало неудовольствие руководства ВКП(б): плоды патерналистской политики государства оказались отличными от замыслов. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик, и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы. Если судить по цифровым выкладкам ЦУНХУ, то стахановское движение во второй половине 30-х гг. набирало силу²⁵¹. Однако фактически положение дел обстояло иначе. В докладной записке инструктора промышленного отдела ЦК ВКП(б) секретарю ЦК Н.И. Ежову о состоянии стахановского движения в Свердловской области в 1936 г. отмечалось, что даже на крупных заводах Урала в стахановцы произвольно записывают тысячи людей, нередко и тех, кто перевыполняет план на 3—5%. «В деле нормирования имеются крупные безобразия...», способствующие безудержному росту зарплаты вне связи с ростом производительности труда. Так, Пермский (Мотовилихинский) оружейный завод, формально насчитывая 4500 рабочих-стахановцев (около трети рабочих предприятия), в то же время не выполнял производственный план²⁵². Произвольное установление расценок, несоблюдение тарифной дисциплины носило общесоюзный характер²⁵³. Обследование молодых рабочих промышленности крупных городов СССР, с одной стороны, показало, что треть из них считались стахановцами. В то же время разница в среднем выполнении нормы у стахановцев (167,9% от плана) и остальных рабочих (113,4%) не носила качественных отличий²⁵⁴.

«На деле идет сокращение числа стахановцев в черной металлургии», — проговорился журнал «Стахановец» в августе 1937 г.²⁵⁵ Аналогичным было и положение в других отраслях: основная же масса рабочих, расценив увеличение норм выработки при сохранившихся ставках оплаты как обман, не желала подменять повседневный труд героическим перенапряжением. Стахановское движение из реальной формы организации труда сотен тысяч рабочих в 1935—1936 гг. переходило, начиная с 1937 г., в *мифологическую сферу*. Ситуация, как и с движением ударников,

повторялась: при ставке на количественные показатели роста и экономии на заработной плате вместо миллионов плановых «плакатных стахановцев» в реальную жизнь входили «бумажные» стахановцы.

Система оплаты труда, предусмотренная стахановским движением, оказалась несовместима с финансовой несамостоятельностью предприятий. Проблема же для власти заключалась и в том, что **стахановское движение (как и движение ударников в ранний период) не привело к превращению рабочих в покорную массу, готовую к любым манипуляциям.**

В этой связи стахановское движение можно рассматривать и как **попытку расширить премиальный фонд.** Дело в том, что Постановление ЦИК и СНК от 19 апреля 1936 г. «О фонде директора», во-первых, сводило все виды премий в один премиальный фонд — директорский. Во-вторых, рамки фонда были ограничены 4% от чистой прибыли предприятия, из которых только 2% могли быть отправлены на премирование. В-третьих, в связи с созданием фонда директора *ликвидировались фонды улучшения быта рабочих*²⁵⁶. Знаменательным следует назвать этот документ: государство показывало свое подлинное отношение к нуждам рабочих. Весь опыт советской политики в рабочем вопросе подталкивал Сталина и его окружение к сочетанию кнута и пряника. Лесть и славословие в адрес рабочего класса, усиленные тотальной идеологизацией всех сторон жизни, сочетались с созданием системы инструкторов стахановских методов труда, а с ним и действительным ростом масштабов передачи опыта новаторов²⁵⁷. В мае 1940 г. (без сомнения, с опозданием) был сделан вывод об обязательной оплате труда рабочих — руководителей стахановских школ²⁵⁸. Делались попытки реанимировать стахановское движение в форме движения многостаночников и совместителей профессий; превратить в особый привилегированный слой мастеров и бригадиров²⁵⁹.

Система заработной платы позволяла власти манипулировать рабочими: восхваляя «знатных» стахановцев, призывать остальных трудящихся к максимальной интенсификации труда. Обращает внимание систематическое подчеркивание высоких и сверхвысоких заработков стахановцев как самими рабочими, так и руководителями. Фамилия стахановца сопровождалась цифрой заработка и указанием на то, что рабочий-передовик получил квартиру с «меблировкой». Цифры заработков впечатляли: стахановцы получали в 5—10 раз больше, а в ряде случаев стахановский дневной заработок превышал месячный у обычных рабочих. Бодро звучали и заявления «знатных» стахановцев: «жить стало лучше и веселее»²⁶⁰.

Но в этих же самых выступлениях прослеживается, частично или полностью, скрытая информация, отражающая **подлинные взгляды, настроения** рабочих, черты социально-культурного облика. К ним можно отнести указание на то, что материально-бытовое положение рабочих на момент начала стахановского движения было тяжелым: заработки и расценки малы, нормы высоки, возможность купить нужные товары и продукты невелика. Такую оценку своей трудовой жизни, как видно, далекую от восторженной и иллюзорной, дали сами рабочие-стахановцы областного слета военной промышленности Уральского региона в декабре 1935 г.²⁶¹

С началом стахановского движения ситуация мало изменилась: на заработанные деньги в магазинах купить ничего практически было невозможно. В таких условиях едва ли не единственным выходом было приобретение заводской администрацией одежды и обуви для стахановцев²⁶². Любопытный вывод сделала Комиссия советского контроля при СНК СССР, проверявшая положение рабочих на Урале в конце 1935 г.: заявки на приобретение товаров учитывались и выполнялись далеко не у всех стахановцев, а только у узкого круга «знатных рабочих», включенных в особые списки. Судя по величине заработков, на Уралмаше, например, к кругу «знатных» были причислены 15 стахановцев²⁶³. Поэтому недовольство рабочих следует адресовать не к стахановцам вообще²⁶⁴, а к избранным властью «героям труда». Однако рабочие, недовольные своими заработками, всегда могли оказаться в рядах лиц, занятых принудительным трудом.

Архивные документы раскрывают необычный ракурс биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев: 60,7% из них являлись выходцами из деревни; почти половина имела стаж 3—4 года²⁶⁵. Анализ биографий первых стахановцев Урала, ставших «знатными рабочими», показывает: большинство из них являлись молодыми людьми в возрасте от 17 до 21 года. Первое совещание стахановцев Урала (ноябрь 1935 г.) открылось сообщением-отчетом 17-летнего стахановца Козлова. Немногим старше были стахановцы Янкин, Носков, Батуев²⁶⁶. Молодые рабочие, как правило, либо недавно закончили школу ФЗУ, либо пришли на производство в годы первой пятилетки. Символичны слова, произнесенные на совещании в Свердловском обкоме партии в октябре 1937 г.: «Стахановцы — это кадровые рабочие, которые работают 3—4 года (!)»²⁶⁷. Получалось, что опорой ВКП(б) выступали рабочие, пришедшие на производство в начале 30-х гг.

Стахановское движение подтолкнуло власть к расширению слоя высокооплачиваемых рабочих. Выделим три причины такого явления. Во-первых, освоение новых производственных мощностей потребовало расширения слоя высококвалифицированных рабочих. Во-вторых, в сравнении с первой пятилеткой годы второй и третьей пятилеток стали периодом некоторой стабилизации денежного обращения. В-третьих, государство традиционно нуждалось в выделении слоя, состоящего из представителей социальных низов, способных к постоянной поддержке власти.

Отчасти благодаря стахановскому движению в 1935 г., реальная заработная плата рабочих ценовой промышленности СССР подошла к уровню 1928 г. Но уровень материального положения рабочих в 1913 г. не был достигнут. Между тем в 1935 г. по сравнению с 1913—1914 гг. реальная заработная плата рабочих и служащих в Германии составляла 123%, во Франции — 483, в Англии — 143, в Финляндии — 997%. При этом надо помнить, что в 1905—1909 гг. реальная зарплата английского рабочего была в 2,4 раза выше, чем в России²⁶⁸.

О реальных изменениях в сфере оплаты труда можно судить по данным таблицы 5, впервые вводящей в научный оборот сведения о среднемесячной зарплате рабочих крупной промышленности СССР в 1937—1940 гг.

Как видно из материалов, приведенных нами в таблице 5, в 1937—1940 гг. прослеживается следующая закономерность: государство, выравнивая «сверху» уровень зарплат рабочих в отраслях тяжелой промышленности, столь же тщательно сохраняло разрыв (примерно в 1,5 раза) между оплатой труда в легкой и тяжелой промышленности.

Наиболее заметен рост номинальной зарплаты рабочих машиностроения и металлообработки, металлургии: он составил 1,5 раза. Если в 1937 г. оплата труда рабочих в этих отраслях почти не отличалась от средней по крупной промышленности, то в 1940 г. металлурги и машиностроители зарабатывали на четверть больше указанного усредненного заработка. В этом проявлялся курс государства на приоритетное развитие оборонного комплекса. И внутри массива рабочих тяжелой промышленности существовала своя градация. Так, заработки рабочих на оборонных предприятиях Свердловской области на 21% были выше заработков рабочих на гражданских предприятиях и в 2,1—2 раза — оплаты труда рабочих легкой и пищевой промышленности²⁶⁹. Следовательно, градацию заработков определяло не столько деление рабочих по отраслевому принципу, сколько принадлежность к оборонным предприятиям. Приведем такой пример:

заработки челябинских тракторостроителей, только приступивших с лета 1940 г. к освоению выпуска танков, были в 1,8 раза меньше, чем у ленинградцев, уже освоивших это производство²⁷⁰. Знаменательно, что наивысшие заработки на Урале как в 1940 г., как и в 1914 г., имели рабочие Мотовилихинского (Пермского) оружейного завода. Однако заработок пермяков — 522 руб. — составлял только 3/4 от зарплаты рабочих ленинградского Кировского завода²⁷¹.

Таблица 5

**Среднемесячная зарплата рабочих крупной промышленности СССР
в 1937—1940 гг. (в руб.)***

Отрасли промышленности	Период				
	1937	1938	1939	1940	1940 г. к 1937 г., в %
Каменноугольная	302	393	430	451	149
Нефтяная	291	345	380	нет данных	—
Черная металлургия	275	316	365	417	152
Машиностроение и металло- обработка	282	331	384	421	149
Химическая	262	312	360	373	142
Швейная	191	222	289	292	
Обувная	234	260	309		
Кожевенная	213	242	289		
Деревообрабатывающая	195	227	262	294	151
Бумажная	205	224	259	272	133
Пищевая	188	218	248	260	138
Вся промышленность	235			340	145

* Примечание: данные по швейной, обувной, кожевенной промышленности за 1940 г. в источнике объединены в разряд «легкой промышленности».

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 56; Д. 1831. Л. 11; Д. 4575. Л. 38, 43, 48.

Характеристика заработков будет неполной без указания на оплату труда лиц, занятых принудительным трудом. Авторы, изучавшие специально данную тему, обращали внимание на превращение рабочих из контингентов НКВД в дешевую рабочую силу. Однако обратим внимание на весьма симптоматичную черту: в конце 30-х гг. заработки такой категории лиц, занятых принудительным трудом, как спецпереселенцы (200—250 руб.)²⁷², мало отличалась от оплаты труда рабочих легкой и пищевой промышленности. **Подобное явление говорит о подлинном отношении государства к условиям жизни различных категорий рабочих, занятых в «непрестижных сферах».**

Таким образом, общая картина состояния заработной платы рабочих промышленности СССР к рубежу 30—40-х гг. выглядела следующим образом: рабочие крупных оборонных предприятий; рабочие остальных предприятий тяжелой промышленности; рабочие легкой и пищевой индустрии; спецпереселенцы и рабочие-заключенные.

Помимо «горизонтального» деления рабочих по величине заработной платы существовала и еще одна градация, «вертикальная»: в составе каждого трудового коллектива существовал слой рабочих-стахановцев, получавших более высокие заработки. Заметим, что внутри этого слоя следует выделять как большинство рабочих, получающих повышенную, но не столь высокую зарплату за счет квалификации, так и незначительное количество «особых» стахановцев, превращенных пропагандой в символы героического рабочего класса. Например, в июне 1936 г. только 5,7% из 2500 стахановцев Уралмаша получали зарплату, превышающую вдвое заработок рабочего, причем только 30 рабочих-уралмашевцев зарабатывали от 1000 до 1500 руб., или в 4—6 раз больше, чем в среднем по заводу. На 30 165 рабочих-металлургов треста «Востоксталь» в 1939 г. приходилось 48 «знатных» стахановцев²⁷³.

Используем результаты общесоюзного массового обследования заработной платы рабочих крупной промышленности СССР на 1 октября 1939 г. для выяснения дифференциации рабочих по величине оплаты труда. Выделим основные группы рабочих: низкооплачиваемых (до 300 руб.) — 46,7%; среднеоплачиваемых (300—500 руб.), т. е. категорию рабочих, чей заработок колебался от средней зарплате в промышленности до величины, примерно в 1,5 раза превышающей ее, — 33% и с заработком в 1,5—2 раза выше средней (500—600 руб.) — 8%; высокооплачиваемых (от 600 и выше) — 12,3%²⁷⁴. Напомним, что в 1928 г. доля высокооплачи-

ваемых рабочих, чей заработок вдвое превышал среднюю зарплату, составлял 5,8%, а в 1914 г. — 9,7%.

Следовательно, государственные органы, сохраняя в целом низкие заработки промышленных рабочих, уступающие в реальном исчислении заработкам 1914 г., добились увеличения доли высокооплачиваемых рабочих, превышающей дореволюционный показатель. Выделение привилегированного слоя рабочих наиболее заметно при сравнении удельного веса рабочих с заработками, в три и более раз превышающими среднюю зарплату по крупной промышленности: в 1914 г. — 0,67% и 1,9% — в 1939 г.²⁷⁵

Получается, что, не отказавшись от общего курса на заниженные заработки рабочих, советское государство возродило и в больших, чем до революции, размерах слой, который в марксистской историографии имел название «рабочая аристократия». Под этим термином понимается категория рабочих, получающая объем материальных и моральных благ, пропорционально более высокий, чем ее трудовой вклад. Но в действительности в отношении основной массы представителей советской «рабочей аристократии» речь может идти только о действии системы оплаты квалифицированных рабочих. Единицы из рабочих, чьи заработки во многие разы превосходили среднюю оплату труда, так называемые знатные стахановцы должны рассматриваться как новая советская «рабочая аристократия», происхождение которой связано с политическими, но не экономическими факторами.

Насколько были сопоставимы величины заработной платы у рабочих и инженерно-технических работников (ИТР)? В 1940 г. средняя месячная заработная плата рабочих крупной промышленности СССР (340 руб.) составляла 47,6% от средней месячной заработной платы инженерно-технических работников (715 руб.)²⁷⁶.

Заметим, что показатель удельного веса рабочих, переведенных на сдельную форму оплаты труда к 1940 г. (72,5%), мало отличался от аналогичного показателя в 1928 г.²⁷⁷ Однако, как уже отмечалось выше, проблема заключалась не в форме заработной платы, а в регламентации фондов зарплаты сверху. Перекосы в организации труда стали причиной высокой текучести. Текучесть же привела к тому, что показатель сменности использования оборудования в промышленности, вопреки планам, не увеличился, а сократился с 1,73 в 1932 г. до 1,6 в конце 1939 г.²⁷⁸

Для определения реальной зарплаты рабочих необходимо обратиться к материалам о динамике розничных цен. К сожалению, в годы второй пятилетки информация, касающаяся индекса

всех розничных цен, исчезает из публикуемой статистики, также как и сведения о росте реальной заработной платы. Справедливо суждение Е.А. Осокиной о развале статистической школы во второй половине 30-х гг.²⁷⁹ Поразительно, но 6-томная история рабочего класса СССР не приводит сводных данных по динамике роста не только реальной, но и номинальной зарплаты рабочих по отраслям и промышленности в целом за 1928—1940 гг.²⁸⁰

Сопоставление данных о зарплате рабочих крупной промышленности СССР в 1927/28 хоз. г. (67,8 руб.) и в 1940 г. (340 руб.) приводит к выводу о росте заработной платы рабочих в 1928—1940 гг. в 5 раз. За вычетом скрытого, но обязательного налога — займа на индустриализацию в размере как минимум $\frac{1}{12}$ зарплаты²⁸¹ — справедливо будет сделать вывод о росте названного показателя в 4,6 раза. Но в данном случае следует учитывать и выплаты из фондов общественного потребления. Заметим, что вопрос о величине выплат из фондов общественного потребления, на наш взгляд, является одним из самых малоизученных в исторической литературе. В силу применения различных методик исчисления укажем на известный нам диапазон оценок величин выплат из фондов общественного потребления в структуре доходов семьи промышленного рабочего в 1940 г.: от 14,5% до 8,9%²⁸², что (в последнем случае) составляло величину, близкую к размерам «добровольно-принудительных займов». **Получалось, что государство забирало одной рукой (обязательные займы у населения) то, что давало другой (выплаты из фондов общественного потребления).**

За 1928—1932 гг. индекс розничных цен вырос в 2,5 раза, а в 1933—1937 гг. — на 23,8%²⁸³; за 1938—1940 гг. — еще на 23%²⁸⁴. Таким образом, за 1928—1940 гг. индекс розничных цен вырос в СССР в 3,8 раз²⁸⁵. Признаемся, что показатель роста индекса розничных цен в 1938—1940 гг. представляется нам заниженным, но мы не располагаем иными сведениями. Как видно, *исходя из имеющейся информации*, рост заработной платы в 1,2 раза опережал рост индекса розничных цен. В этом случае реальная зарплата рабочего промышленности в 1940 г. составит примерно 120% от уровня 1927/28 хоз. г. и 103,7 к уровню 1913 г.

Заметим, что изменение набора потребительской корзины в 1927 г. не позволяет нам сравнить соответствующие показатели 1913 г. и 1940 г. Однако надо осторожно относиться к этим расчетам: индекс розничных цен не всегда совпадает с бюджетным индексом²⁸⁶. Рассмотрим динамику роста стоимости набора продовольственных и непродовольственных товаров на Урале в

1927—1939 гг. Общая стоимость такого набора составила 81,1 руб. в 1927 г. и 592,5 руб. в 1939 г. В данном случае следует говорить о **росте цен сопоставимой «бюджетной корзины» в 7,3 раза**²⁸⁷. Мы склоняемся к мнению о том, что последний показатель позволяет полнее учитывать процесс изменения реальной заработной платы, оговорившись отсутствием сегодня расчетов экономистов, характеризующих, как и в 20-е гг., всю полноту роста цен в 30-е гг. и отражение указанного роста на бюджете рабочего.

К категории «государственных тайн» в рассматриваемый период следует отнести и такую область, как пенсионное обеспечение рабочих. К началу первой пятилетки пенсионное законодательство носило выборочный характер; отсутствовало страхование по старости, и исследователи в конце 20-х гг. открыто отмечали отставание СССР в этом отношении от Германии, Англии, Чехословакии, Дании²⁸⁸. Уже тогда отчетливо была видна идеологическая обусловленность принципов получения пенсий. Право на пенсию имели только рабочие, а именно: потерявшие полностью или частично свою трудоспособность (инвалидная пенсия); часть инвалидов Гражданской войны и члены семей рабочих, погибших в Гражданскую войну; и особая весьма немногочисленная категория «героев труда»²⁸⁹.

Обозначив приоритеты, государство настойчиво проводило заданный курс. С одной стороны, с введением с 1928 г. для рабочих текстильной, а с 1929 г. для рабочих всех отраслей промышленности пенсий по старости был расширен объем социального страхования. В то же время компетентные органы проводили систематические чистки состава пенсионеров на предмет очищения от классово-чуждых элементов. По этой статье, например, в 1934 г. в ходе проведенного переосвидетельствования пенсионеров Урала **13% ветеранов** труда были лишены пенсий. Аналогичные процессы продолжались и в 1935—1936 гг.²⁹⁰

В 1937 г. на 25% были повышены пенсии рабочим, активным участникам Гражданской войны. В том же году постановлением СНК были отменены ограничения для лиц, ранее лишенных избирательных прав²⁹¹. Однако не следует забывать о репрессиях, устранявших именно отмеченные слои рабочих. К концу 30-х гг. число пенсионеров по-прежнему оставалось небольшим. Сама же пенсия, составляя в 1929—1932 гг. $\frac{4}{9}$, а с 1932 г. 50—60% прежнего заработка, не имея связи с прожиточным минимумом, оказалась подвержена влияниям процессов инфляции и девальвации 30-х гг. Более высокие заработки рабочих военных предприятий, стахановцев, лиц, занятых тяжелым физическим трудом, гарантировали и повышенную норму пенсий. Таким об-

разом, пенсионное обеспечение (формально до 1937 г., фактически — весь рассматриваемый период) сохраняло политизированный, выборочный характер. Отказавшись от принципа всеобщего пенсионного обеспечения, превратив пенсии в еще одно средство формирования общественных слоев, преданных власти, Советское государство фактически повторяло курс социальной политики Российской империи.

Наличие специальных работ, посвященных проблеме ликвидации безработицы²⁹², позволяет отметить позитивное значение решения этой проблемы, указав на возможность сохранения и после 1930 г. скрытой формы безработицы в виде текучести кадров. Наши замечания в данном случае относятся к пониманию роли и величины пособия по безработице. Журнал «Плановое хозяйство» в 1930 г. отмечал, что средний размер пособия по безработице в СССР составляет (данные 1928 г.) 14,8 золотых руб., или 21% от среднего заработка рабочего. В Германии этот показатель равнялся 33 руб. (40% от зарплаты рабочего)²⁹³. Приведенные данные позволяют не только сравнить уровень оплаты рабочих в СССР и Германии в конце 20-х гг. (соответственно, 70,8 и 82,5 руб.), но и оценить степень заботы государства о трудящихся, потерявших работу. Перед нами факт, говорящий об усилиях индустриально развитых стран в деле социального страхования рабочих, независимо от политического строя.

В 30-е гг. по нарастающей линии шел процесс расширения диапазона использования моральных стимулов к труду на производстве. В ход были пущены ресурсы кино — документального, учебного и художественного, прославляющего и объясняющего труд передовых рабочих; созданы сотни книг, авторами которых являлись сами стахановцы. Заметно расширилась лекционная пропаганда²⁹⁴. Однако эффективность моральных стимулов к труду чаще проявлялась у социально защищенных, образованных рабочих, связанных с властью через ВЛКСМ и ВКП(б).

В конце 30-х гг., прежде всего для преодоления текучести, акцент в деле активизации труда рабочих на производстве был сделан и на **принудительно-репрессивные меры**. Постановление СНК СССР «О введении трудовых книжек» (1938 г.)²⁹⁵ ставило социальное обеспечение в зависимость от непрерывного стажа работы на одном предприятии. Осенью 1938 г. («по просьбе рабочих Уралмаша») было принято постановление об увольнении за прогул²⁹⁶. Это только подхлестнуло процессы текучести в 1939 г. Так, если в 1938 г. с предприятий Главуралмета уволились 85,8% рабочих от годового среднесписочного состава, то в 1939 г. — 123,2%²⁹⁷. Меньшая по размерам была текучесть на оборонных предприятиях, но и здесь она достигала половины списочного

состава рабочих²⁹⁸. О подлинном отношении власти к кадровым рабочим «оборонки» свидетельствует уникальный документ бесчеловечной сталинской эпохи: приказ наркома оборонной промышленности Л. Кагановича от 5 июня 1938 г.: «намеченная чистка заводов потребует увольнения 10 260 человек, преимущественно квалифицированных рабочих»²⁹⁹. В обстановке репрессий рабочих-стахановцев заставляли писать разоблачительные статьи, которые сегодня просто неловко читать.

Своеобразным итогом «рабочей политики» ВКП(б) стал Указ от 26 июня 1940 г., предусматривавший меры уголовного и административного наказания за прогул и 20-минутное опоздание на работу. Вспомогательным документом к Указу является отчет за 1940 г. одного из крупных предприятий Урала — Челябинского тракторного завода. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. заметно отразился на судьбе рабочего коллектива ЧТЗ. Во второй половине 1940 г. из 14 335 рабочих (среднегодовая численность в 1940 г.) были привлечены к судебной ответственности 2539 рабочих (17,7% рабочих-тракторостроителей)³⁰⁰. Это означало, что формально каждый шестой рабочий был отдан под суд.

Систематизация по **причинам наказания** массива рабочих, отданных под суд, показывает следующее: 13,8% из них — самовольно ушли с завода; 52,8% — опоздали на работу более чем на 20 мин.; 15,4% — приходилось на случаи преждевременного ухода с работы, появление на работе в нетрезвом виде. Причины наказания еще 18% рабочих остаются невыясненными³⁰¹. Как видно, вина более половины пострадавших рабочих заключалась в опоздании на работу.

Распределение по **стажу работы** привлеченных к суду открывает еще одну грань проблемы: 56,6% рабочих работали до одного года; 37,4 — 1—3 года и только 6% — свыше 3 лет³⁰². Не сложно заметить, что в наибольшей степени пострадали молодые (по стажу или по стажу и возрасту) рабочие, только привыкшие к производственной жизни.

Выполнение указа от 26 июня 1940 г. в полной мере означало бы заметное сокращение трудовых коллективов в сочетании с призывом в армию и увольнением с завода на законных основаниях³⁰³ и, как следствие, крах производственных заданий. Пойти на это администрация ЧТЗ не могла. Отсюда, как представляется, выход был найден в выборочном аресте рабочих завода, исходя из соображений администрации. Судя по годовому отчету предприятия за 1940 г., из 2535 рабочих, привлеченных к уголовной ответственности (отданных под суд), арестовано было только 278 человек, или 11%³⁰⁴. С 27 июня по 31 декабря 1940 г. свободы лишились 278 рабочих, но судьба остальных теперь прочно

зависела от расположения или нерасположения администрации предприятия.

С юридической точки зрения (т. е. по указу от 26 июня 1940 г.) массив провинившихся трудящихся должен был подразделяться на две категории: лица, допустившие прогул, подлежали условному осуждению или исправительно-трудовым работам. Работники, совершившие самовольный уход с предприятий, наказывались лишением свободы. В реальной жизни ситуация выглядела, судя по всему, иначе. Годовой отчет ЧТЗ за 1940 г. фиксирует **арест 278 человек** в основном за **«повторные нарушения трудовой дисциплины»**³⁰⁵.

Насколько был типичным случай Челябинского тракторного завода? Обратимся к сводному документу по всему народному хозяйству СССР — «Меры наказания за преступления, предусмотренные указом 26 июня 1940 г.»³⁰⁶ Контингент лиц, совершивших самовольный уход с предприятий и из учреждений и попавших под арест, составлял 321 648 человек. В то же время массив лиц, приговоренных за прогулы (самовольную отлучку) к исправительно-трудовым работам или подлежащих условному осуждению, составлял 1 769 790 человек³⁰⁷. Как видно, из 2 091 438 человек, осужденных в СССР по указу 26 июня 1940 г., **лишенными свободы** оказались 321 648 человек, или 15,4%³⁰⁸. Сопоставим общесоюзный показатель лишенных свободы — 15,4% с аналогичным показателем по ЧТЗ (11%). Диапазон приведенных цифр довольно близок и позволяет говорить, во-первых, об устойчивости величины массива советских людей, репрессированных по указу 26 июня 1940 г. Во-вторых, о масштабности такого метода государственной политики, как формирование категории трудящихся с особым правовым статусом. Характеристиками данного статуса выступали правовая неполноценность и потенциальная возможность оказаться в тюрьме при малейшей провинности с точки зрения администрации.

К началу войны по указу — самому антирабочему закону в истории СССР — было осуждено 1264 тыс. человек, однако показатели текучести рабочих, несмотря на принятые «драконовские» меры, оставались высокими³⁰⁹. В этом наглядно проявилась неспособность самого жесткого курса государственной политики изменить на *длительный срок* положение дел в сфере труда; очевидной стала прочность коренных стереотипов социального поведения рабочих.

Подводя итог, необходимо сказать, что как в дореволюционное, так и в советское время властные структуры использовали различные способы стимуляции к труду на производстве. Однако если в период до 1914 г. шел процесс уменьшения удельного веса

принудительных мер к труду, то с начала 30-х гг. заметен обратный процесс. Импульсивность и непоследовательность подменяли научный анализ тарифных реформ, форм социалистического соревнования. Неудачный для власти исход движения ударников и стахановцев можно рассматривать и с иной стороны: как проявление собственного понимания проблем, собственной, «не по Марксу», социальной психологии рабочих. Закономерным следствием стал разрыв системы самых мощных, невиданных в мире, моральных стимулов к труду и системы заработной платы рабочих.

Обратим внимание на еще одну характерную черту 30-х гг. То, что в годы нэпа было открыто и гласно, — статистические сведения о распределении рабочих по степени заработков стали государственной тайной. Выделим суть проблемы: в 20-е гг. величина заработка рабочих (мы не рассматриваем в данном случае выдвиженцев) зависела от квалификации и эффективности работы предприятия. В 30-е гг. — от квалификации, значимости предприятия для обороны страны и, как в случае с верхним слоем стахановцев, от политической благонадежности. Сознание рабочих фиксировало изменения в системах критериев оплаты труда, закрепляя подобные стереотипы оценок определенными нормами поведения на производстве.

Как было показано выше, социальное происхождение большинства «знатных» стахановцев в большей степени говорит о крестьянском происхождении, чем о принадлежности к потомственным рабочим. Это не было случайностью: вся предшествующая советская практика убеждала власть в том, что «пришлых рабочих» (вчерашних или сегодняшних крестьян) легче держать в узде, чем кадровых рабочих индустриального типа.

Анализ эволюции стимулов к труду в указанный период позволяет сделать вывод о формировании дифференцированного социального опыта различными группами в составе рабочего класса. Значительная часть промышленных рабочих, осознав ограниченность ударничества, основанного главным образом на применении моральных стимулов, стахановского движения, только формально, если говорить о длительном периоде, поддерживала курс правящей партии на интенсификацию труда. Поскольку к этому массиву рабочих принадлежало большинство квалифицированных тружеников, постольку, наряду с методом репрессий, власть в последние предвоенные годы (особенно в 1940 г.) форсировала рост заработков рабочих.

Свою главную опору власть видела в верхнем слое стахановцев, чьи заработки во многие разы превосходили среднюю оплату труда, так называемые знатные стахановцы представляли

новую советскую «рабочую аристократию», происхождение которой было связано преимущественно с политическими, но не экономическими факторами. Немногочисленность «знатных стахановцев» превращала эту группу скорее в пропагандистско-символическую, чем в реальную социальную группу рабочих.

Подлинное отношение промышленных рабочих СССР к организованному сверху движению ударников и стахановцев выявилось в неудачном для власти исходе названных форм социалистического соревнования. Массовая текучесть рабочих кадров промышленности СССР в 30-е гг.; разочарование и скорое отторжение рабочей массой движения ударников, а затем стахановского движения стали показателями важных социокультурных характеристик советских рабочих: во-первых, проявления собственного понимания социальных проблем, собственной, «не по Марксу», социальной психологии рабочих. Во-вторых, случаи непокорности власти; непокоренности духа со стороны части рабочих. В-третьих, невозможность и неспособность выразить свой политический протест обусловили доминирование пассивных, зачастую неосознанных форм сопротивления рабочих.

Примечания

¹ См., например: Условия труда и быта рабочих в дореволюционной России (по данным бюджетных обследований). М., 1958; Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. М., 1976; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979; Ашмарина С.В., Бородкин Л.И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Обзорение. Вып. 9. М., 2003. С. 44—58.

² Определенным исключением являются работы самого последнего времени. См.: Ашмарина С.В. Очерк эволюции страхования рабочих в первое десятилетие советской власти // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 26—35.

³ Гаврилов Д.В. Модернизационные процессы в горнозаводской промышленности Урала в конце XIX — начале XX века (1890—1917 гг.) // Уральский исторический вестник. № 9. Екатеринбург, 2003. С. 141.

⁴ См., например: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 228—240.

⁵ Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 6.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 249. Л. 121.

⁷ Гессен Ю. История горнорабочих СССР. Т. 2. М., 1929. С. 15.

⁸ См.: Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 23—24; Ашмарина С.В., Бородкин Л.И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ.

⁹ Раздел об условиях труда на производстве отсутствовал в монографиях по истории материального положения рабочего класса России (Ю.И. Кирьянова, Э.Э. Крузе, Н.А. Ивановой), несмотря на очевидную его привлекательность с точки зрения приоритета классовой борьбы.

¹⁰ См. например: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1907—1914 гг. М., 1987. С. 258.

¹¹ Ашмарина С.В., Бородкин Л.И. Травматизм и страхование горно-заводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ. С. 45, 57.

¹² Подсч. по: Горный журнал, 1916. № 7—8. С. 130.

¹³ Бейлихис Г.А. Очерки истории охраны труда здоровья рабочих СССР. М., 1971. С. 45.

¹⁴ Взято из: Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 42.

¹⁵ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 103.

¹⁶ Взято из: Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 42.

¹⁷ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России. С. 104.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Фельдман М.А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Отечественная история. 2005. № 4. С. 168—175.

²⁰ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России. С. 104.

²¹ Там же. С. 105.

²² Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда рабочих // Плановое хозяйство. 1930. № 7—8. С. 273—292.

²³ Население России и СССР: новые источники и методы исследований. Екатеринбург, 1993. С. 21.

²⁴ Алферова Е.Ю. Состояние здоровья и медицинское обслуживание рабочих Урала в начале XX в. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861—1917 гг. Свердловск, 1990. С. 60.

²⁵ На новых путях. № 10. С. 6.

²⁶ Просвещение на Урале. 1928. № 6. С. 54.

²⁷ Горный журнал. 1916. № 7—8. С. 117, 139.

²⁸ Там же; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 976. Л. 4—17, 21—24; 80—85.

²⁹ Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 152.

³⁰ См., например: Лютков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 60—63.

³¹ Горный журнал. 1916. № 7—8. С. 117, 139; 1916. № 4—5. С. 110—113; № 6. С. 179—181; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997. С. 125.

- ³² Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 32.
- ³³ Горный журнал. 1916. № 4—5. С. 110—113; № 6. С. 179—181. Вместе с тем и в поселках казенных заводов, за исключением поселка Воткинского завода, отсутствовали водопроводы.
- ³⁴ См.: Данные о продолжительности и распределении рабочего дня в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г. СПб., 1914.
- ³⁵ Там же. С. 174—177.
- ³⁶ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М. 1979. С. 47, 56—57.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36—95.
- ³⁸ Взято из: Дзюбинский Л.И., Дзюбинская З.М. Свет над тайгой. Очерки истории Серовского металлургического завода. Екатеринбург, 2001. С. 17.
- ³⁹ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М. 1979. С. 73.
- ⁴⁰ Там же. С. 78.
- ⁴¹ Там же. С. 75—78.
- ⁴² Положение труда на Урале в 1923 г. // Труды Урал. обл. стат. бюро. Серия 3. Т. 2. Свердловск, 1924. С. 50.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 36—95.
- ⁴⁴ Степанов П. Наделение землей горнозаводского населения на Урале. СПб., 1914. С. 63.
- ⁴⁵ См.: Семенов К.С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 50—51.
- ⁴⁶ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России. С. 105.
- ⁴⁷ Там же. С. 106.
- ⁴⁸ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. С. 105—108.
- ⁴⁹ Вопросы труда. 1927. № 10. С. 82.
- ⁵⁰ Подсч. по: Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России. С. 103.
- ⁵¹ На новых путях. № 10. С. 6.
- ⁵² См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1922. № 70. Ст. 903.
- ⁵³ См.: История Советского рабочего класса: В 6 т. М., 1984. Т. 2. С. 100.
- ⁵⁴ Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 4.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ См.: Вопросы труда. 1927. № 10. С. 127.
- ⁵⁷ СУ СССР. 1928. № 29. Ст. 205; № 98. Ст. 623.
- ⁵⁸ Вопросы труда. 1927. № 10. С. 128.
- ⁵⁹ СУ СССР. 1928. № 98. Ст. 623.
- ⁶⁰ Вопросы труда. 1927. № 6. С. 20.
- ⁶¹ Положение труда на Урале в 1923 году. Свердловск, 1924. С. 50.

- 62 Подсч. по: Вопросы труда. 1927. № 10. С. 82.
- 63 Подсч. по: Трудовые конфликты в советской России. 1918—1929 гг. М., 1998. С.23.
- 64 Там же.
- 65 Там же. С. 24—25.
- 66 См.: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 100—101.
- 67 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 5.
- 68 Там же.
- 69 Вопросы труда. 1927. № 4. С. 108.
- 70 Вопросы труда. 1927. № 10. С.10.
- 71 Прошина Н.М. Профсоюзы и защита интересов трудящихся Урала в годы нэпа (1921—1928 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993. С. 18.
- 73 Вопросы труда. 1931. № 10. С. 86—87.
- 74 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 7.
- 75 Там же.
- 76 Вопросы труда. 1926. № 5—6. С. 199.
- 77 ЦДООСО Ф. 4. Оп. 4. Д. 1. Л. 130.
- 78 Вопросы труда. 1924. № 12. С. 127.
- 79 Вопросы труда. 1931. № 10. С. 87.
- 80 Вопросы труда. 1927. № 4. С. 110.
- 81 Там же.
- 82 Вопросы труда. 1928. № 5. С. 81.
- 83 Вопросы труда. 1927. № 4. С. 110.
- 84 Вопросы труда. 1925. № 7—8. С. 23.
- 85 Вопросы труда. 1928. № 11. С. 24.
- 86 Журавлев С.В., Мухин М.Ю. Крепость социализма: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. М., 2004. С. 147—148; Вопросы труда. 1931. № 10. С. 87.
- 87 К такому выводу приводит анализ публикаций по данному вопросу в печатном органе Наркомата труда «Вопросы труда». См., например: Вопросы труда. 1926. № 7—8. С. 137—152.
- 88 Вопросы труда. 1928. № 11. С. 26.
- 89 См., например: Вопросы труда. 1928. № 3. С. 3—5; № 6. С. 14—15. Критические статьи о 7-часовом рабочем дне были опубликованы в газетах: Торгово-промышленная газета. 20 апреля 1928 г. (статья А. Юрасова); Экономическая жизнь. 23 апреля 1928 г. (статья А. Рабиновича).
- 90 Там же.
- 91 Вопросы труда. 1928. №. 6. С. 14.
- 92 Там же. С. 13.
- 93 Трудовые конфликты в Советской России. М., 1998. С. 32, 63, 314; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 7, 55, 78.
- 94 См.: Вопросы труда. 1928. № 11. С. 13—26.
- 95 Там же. С. 15—18; Плановое хозяйство. 1930. № 10—11. С. 175.
- 96 См.: СУ СССР. 1922. № 19. С. 209.
- 97 Вопросы труда. 1928. № 7. С. 9.
- 98 Показатели средней заболеваемости рабочих в 1922—1926 гг. — (13,7 — 16,1 день) включали в себя и время отпуска по родам. Величина

отпуска по родам в среднем составляла 2—3 дня из расчета на всех рабочих крупной промышленности. См.: Вопросы труда. 1927. № 5. С. 16; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 329. Д. 1831. Л. 36.

⁹⁹ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1831. Л. 36.

¹⁰⁰ Там же. Д. 82. Л. 23.

¹⁰¹ Вопросы труда. 1931. № 10. С. 87; Вопросы страхования. 1931. № 14. С. 20.

¹⁰² Социалистическое строительство Урала за 15 лет. Свердловск, 1934. С. 20.

¹⁰³ См., например: РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 1290. Л. 49.

¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 133.

¹⁰⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 445. Л. 176—177.

¹⁰⁶ Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих на Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе). Свердловск, 1936.

¹⁰⁷ Там же. С. 131—132.

¹⁰⁸ ГАСО. Ф. р-122. Оп. 2. Д. 1230. Л. 57.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Вопросы страхования. 1931. № 1. С. 7.

¹¹¹ Вопросы страхования. 1931. № 3. С. 14; № 14. С. 18.

¹¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 36. Д. 1831.

¹¹³ См., например: СУ СССР. 1930. № 2. Ст. 5; № 6. Ст. 69; 1931. № 4. Ст. 47; 1932. № 78. Ст. 475.

¹¹⁴ См.: Вопросы труда. 1930. № 10. С. 87.

¹¹⁵ См.: ГАСО. Ф. 262. Оп. 3. Д. 134. Л. 43; Д. 140. Л. 27 об; Ф. 841. Оп. 1. Д. 630. Л. 143, 211.

¹¹⁶ Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., Свердловск, 1991. С. 120.

¹¹⁷ Там же. С. 150—151.

¹¹⁸ Там же. С. 177—179.

¹¹⁹ Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 124.

¹²⁰ О низком уровне механизации производства подробно говорилось на Совете при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25—29 июня 1936 г. См.: Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25—29 июня 1936 г. С. 129—138, 348.

¹²¹ См.: Хозяйство Урала. 1929. № 8—9. С. 219.

¹²² См. об этом: Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 4—12.

¹²³ Там же. С. 5—6.

¹²⁴ Кирьянов Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835—1917 гг. // Экономическая история. Обзорение. 2000. № 4. С. 22.

¹²⁵ См. об этом: Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. С. 154—155.

- 126 Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979. С. 97.
- 127 См., например: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 215.
- 128 Там же. С. 216.
- 129 Подсч.: там же. С. 215; Кохн М.П. Русские индексы цен. М. 1926. С. 9.
- 130 Там же. С. 167.
- 131 Там же. С. 175.
- 132 Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). С. 150—151.
- 133 Там же. С. 143.
- 134 Там же. С. 135—136, 139, 150.
- 135 Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 241.
- 136 Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 149.
- 137 Там же. С. 92.
- 138 Там же. С. 107—108.
- 139 Там же. С. 109.
- 140 Подсч. по: Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 — июнь 1916 г.). Вып. 1. М., 1918. С. XI.
- 141 Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 170—175.
- 142 Там же. С. 188—189.
- 143 Подсч. по: там же. С. 215.
- 144 См.: Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). С. 104, 114.
- 145 Труды XX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1915. С. 286—291. А.П. Тянчев считал, что приведенные данные характеризуют среднюю зарплату за 1911—1913 гг. См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 115. Сопоставление характеристик зарплат, приводимых в «Трудах XVIII съезда горнопромышленников» за 1912 г. и в «Трудах XX съезда», с другими источниками позволяет сделать вывод: в «Трудах XX съезда» указана величина зарплат рабочих за 1913 г.
- 146 ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031. Л. 23 об., 29 об., 31 об., 59; Дмитриев П.Н. Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов // Проблемы истории СССР. Вып. 7. М., 1978. С. 24.
- 147 ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031. Л. 41.
- 148 Труды XX съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1915. С. 286—291.
- 149 Там же. С. 286—291; Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Т. 1. С. 115.
- 150 Труды XX съезда горнопромышленников Урала. С. 286—291; Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Т. 1. С. 115; Семенов К.С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск, 1925. С. 50—51.
- 151 Труды XVIII съезда горнопромышленников Урала. СПб., 1913. С. 113.

- ¹⁵² Труды XX съезда горнопромышленников Урала. С. 286—287.
- ¹⁵³ Подсч. по: Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 — июнь 1916 гг.). М., 1918. С. XI.
- ¹⁵⁴ Там же. С. V.
- ¹⁵⁵ Там же. С. VIII.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 170.
- ¹⁵⁸ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 227.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 222.
- ¹⁶⁰ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первые годы пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975. С. 132.
- ¹⁶¹ См.: Отечественная история. 2004. № 5. С. 166.
- ¹⁶² См.: Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. № 5—6. Екатеринбург, 2000. С. 352—360.
- ¹⁶³ Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900—1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861—1917 гг.). Свердловск, 1991. С. 110.
- ¹⁶⁴ См.: Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Вып. 12. Л., 1971.
- ¹⁶⁵ Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900—1917 гг.). С. 110.
- ¹⁶⁶ Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России. С. 340.
- ¹⁶⁷ Взято из: Уральское горное обозрение. 1904. № 10. С. 2.
- ¹⁶⁸ См.: Алферова Е.Ю., Юдина Л.С. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX — 1917 г.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 82.
- ¹⁶⁹ Фалькова Ж.З. Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны. М., 1968. С. 366.
- ¹⁷⁰ Подсч. по: Горный журнал. 1915. № 10—11. С. 91. Без учета Ижевского завода.
- ¹⁷¹ Иванов Л.М. К вопросу о страховании рабочих в России. С. 340.
- ¹⁷² Алферова Е.Ю., Юдина Л.С. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX в. — 1917 г.). С. 86.
- ¹⁷³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1031.
- ¹⁷⁴ Павловский Н.Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой половине трети XIX в. Свердловск, 1989 г. Автореф. канд. дисс. С. 14—15.
- ¹⁷⁵ Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты. С. 154—155.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Кирьянов Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835—1917 гг. С. 37.

- 178 Владимиров Р. Заработная плата рабочих СССР за 15 лет // Вопросы труда. 1932. № 11—12. С. 26—27.
- 179 Черных А.И. Становление России Советской. М., 1998. С. 238, 244.
- 180 Соколов А.К. Политическая система и нэп // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 57.
- 181 Подсч. по: Труд в СССР. Статистико-экономический обзор (октябрь 1922 — март 1924 г.). М., 1924. С. 132—133.
- 182 Вопросы труда. 1924. № 12. С. 13; Труд в СССР. Статистико-экономический обзор (октябрь 1922 — март 1924 г.). С. 124.
- 183 Черных А. И. Становление России Советской. С. 232.
- 184 Вопросы труда. 1927. № 10. С. 86.
- 185 Труд в СССР. Статистико-экономический обзор. С. 127.
- 186 Там же. С. 84—85.
- 187 Там же. 1928. № 1. С. 23. Отметим перемену тональности, оценок журнала «Вопросы труда» начиная с 1928 г. См.: Фельдман М.А. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне власти по рабочему вопросу (осень 1927 г.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 10—11. С. 136—144.
- 188 Вопросы труда. 1926. № 12. С. 32.
- 189 Там же. Вопросы труда. 1927. № 1. С. 26.
- 190 Поляк Г. К вопросу об уровне жизни рабочего класса СССР // Плановое хозяйство. 1931. № 5—6. С. 111.
- 191 Черных А. И. Становление России Советской. М., 1998. С. 237.
- 192 Там же.
- 193 См.: Черных А. И. Становление России Советской. С. 249—250.
- 194 Труд в СССР. Справочник. 1926—1930. С. 38.
- 195 Русский рубль. Два века истории. М., 1994. С. 232.
- 196 См., например: «Рабочие Урала — Рабочим Москвы». М., 1930. С. 8, 10. Сообщалось, что рабочий Урала мог купить на свою зарплату 2,4 бюджетных набора, тогда, как до революции — 3.
- 197 Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20 — начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28, 32.
- 198 Там же. С. 30—31.
- 199 Подсч. по: Труд в СССР. Справочник. 1926—1930. С. 4.
- 200 См.: Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922—1927 гг. М., 1928. С. 12.
- 201 Подсч. по: Труд в СССР. Справочник. 1926—1930. С. 38.
- 202 Вопросы труда. 1930. № 6. С. 48.
- 203 Там же. С. 47.
- 204 Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г. С. 92.
- 205 Вопросы труда. 1930. № 6. С. 47; Труд в СССР. Справочник. 1926—1930. С. 42.
- 206 Подсч. по: Россия: 1913 г. Статистически-документальный справочник. СПб., 1913. С. 312—313.
- 207 Подсч. по: Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда // Плановое хозяйство. 1930. № 7—8. С. 275—276.

- 208 Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. С. 118.
- 209 Положение труда на Урале в 1923 г. С. 80.
- 210 Вопросы труда в СССР. М., 1958. С. 292.
- 211 Владимиров Р. Заработная плата рабочих СССР за 15 лет // Вопросы труда. 1932. № 11—12. С. 29.
- 212 Размер пенсии по инвалидности составлял в 1926/27 хоз. г. 20 руб.; пенсии членам семьи, потерявшей кормильца, — 15 руб., пособия по безработице — 15 руб. См.: Вопросы труда. 1927. № 10. С. 12.
- 213 См.: Вопросы страхования. 1931. № 20. С. 24. См. также: Данский Б.Г. Социальное страхование раньше и теперь. С. 86.
- 214 СУ СССР. 1930. № 11. Ст. 132.
- 215 Подсч. по: ГАСО. Ф. 272. Оп. 4. Д. 88. Л. 88—90.
- 216 Соколов А.К. Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа // Шестая научная конференция «Экономические, политические и социокультурные аспекты нэпа». Отечественная история. 2004. № 1. С. 179.
- 217 См., например: Черных А.И. Становление России Советской; Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20 — начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28—43.
- 218 Маркевич А.М., Соколов А.К. Магнитка близ Садового кольца. С. 4—12.
- 219 Иоффе М. и П. Основные вопросы труда в пятилетнем плане развития промышленности // Вопросы труда. 1929. № 2. С. 21—33.
- 220 Там же. С. 28—30.
- 221 Там же. С. 25, 32.
- 222 См., например: Вопросы труда в СССР. М., 1958. С. 296—299.
- 223 Владимиров Р. Заработная плата рабочих СССР за 15 лет. С. 29.
- 224 Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека: Человеч. фактор в соц. стр-ве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988. С. 109.
- 225 Владимиров Р. Заработная плата рабочих СССР за 15 лет. С. 27, 32.
- 226 Плановое хозяйство. 1937. № 1. С. 107.
- 227 СУ СССР. 1932. № 81. Ст. 493.
- 228 Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 234, 242.
- 229 СУ СССР. 1931. № 4. Ст. 47.
- 230 Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934. С. 170.
- 231 Кузьмичев А.Д. Научная организация труда, производства и управления в России начала XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 393.
- 232 Там же.
- 233 См.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928—1935 гг. М., 1993. С. 27, 42.
- 234 Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 37.
- 235 Приведем такой пример: в материалах VI съезда профсоюзов Урала отмечалось: рабочие-ударники составляют $\frac{2}{3}$ выдвиженцев на

освобожденную профсоюзную работу. См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 3. Д. 598. Л. 60—61.

²³⁶ Так, в докладе Л. Кагановича на XVI съезде ВКП(б) говорилось об объявлении ударными целых цехов и заводов в то время, «когда рабочие даже не знают, что они ударники». XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 61.

²³⁷ Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 125—126.

²³⁸ Правда. 1935. 12 октября.

²³⁹ См.: Выступление Г.Л. Пятакова на совещании работников НКТП. Правда. 1935. 24 октября.

²⁴⁰ См., например: Правда. 1935. 10 октября; За индустриализацию. 1935. 22 ноября; 1936. 22 марта.

²⁴¹ Правда. 1935. 22. 26 декабря.

²⁴² Правда. 1935. 24 ноября.

²⁴³ Правда. 1935. 26 декабря. См. также докладную записку С. Орджоникидзе В.М. Молотову: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 7. Д. 108. Л. 47—48.

²⁴⁴ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 533. Л. 42.

²⁴⁵ Там же. Д. 129. Л. 1—55.

²⁴⁶ История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2. С. 29.

²⁴⁷ За индустриализацию. 1936. 26 января, 4 февраля.

²⁴⁸ ГАСО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 36. Л. 123—125; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 329. Л. 2—3; Оп. 14. Д. 445. Л. 7, 17—18; Оп. 13. Д. 329. Л. 2—3.

²⁴⁹ Правда. 1936. 29 апреля, 21 мая.

²⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 122. Л. 8; Д. 533. Л. 11; Д. 348. Л. 64—71.

²⁵¹ Там же. Д. 533. Л. 10—11.

²⁵² Там же.

²⁵³ См.: Кузьминов И.И. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М., 1940. С. 153.

²⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 671. (Н.И. Ежова). Оп. 1. Д. 57. Л. 30—32, 35.

²⁵⁵ См.: Фирин М. Организация заработной платы в тяжелой промышленности // Плановое хозяйство. 1937. № 1. С. 107—120. Отметим эту статью, как одну из немногих аналитических публикаций 1937 г.

²⁵⁶ Социальный облик рабочей молодежи. М., 1980. С. 139.

²⁵⁷ Стахановец. 1937. № 8. С. 34.

²⁵⁸ СУ СССР. 1936. № 20. Ст. 169.

²⁵⁹ За 1936—1940 гг. стахановские курсы и школы окончили 1723,6 тыс. рабочих. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 833. Л. 3.

²⁶⁰ Правда. 1940. 24 мая. Редакционная статья «О ложной экономии в стахановских школах».

²⁶¹ См.: Фельдман М.А. Движение многостаночников: история и проблемы // Политическая агитация. 1989. № 9.

²⁶² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 129. Л. 14—15, 19; Д. 348. Л. 40—42, 71, 130; ГАПО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 130. Л. 103.

²⁶³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 533. Л. 9.

²⁶⁴ Там же. Л. 77; Д. 346. Л. 55.

²⁶⁵ Там же. Д. 375. Л. 25; Д. 129. Л. 16.

²⁶⁶ Роговин В.З. Сталинский неонэп. Б.г., Б.м. С. 230.

- 267 См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 381. Л. 83, 89; Д. 382. Л. 7, 28, 131.; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 153—154.
- 268 См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 129. Л. 6, 53.
- 269 ГАСО. Ф. 311, Оп. 1. Л. 24, 99.
- 270 Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х гг. С.38.
- 271 Подсч. по: ГАСО. Ф. 1813. Оп.1. Д. 66. Л. 15—50. Данные за сентябрь 1939 г.
- 272 Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975 гг.). Свердловск, 1981. С. 85—86.
- 273 Там же. С. 85—86.
- 274 Батяновский В.Н. Правовое и материальное положение польских спецпереселенцев на Урале в 1940—1941 гг. С. 80—81.
- 275 Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933—1937 гг.). С. 291; ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 716. Л. 34; Ф. 1814. Оп. 1. Д. 838. Л. 1.
- 276 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 1031. Л. 4 об. — 5.
- 277 Подсч. по: там же.
- 278 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 43.
- 279 См.: Там же. Л. 21 об. — 24 об.
- 280 Там же. Л. 25; Труд в СССР. Экономико-статистический справочник. М.—Л., 1932. С. 43.
- 281 Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. С. 32.
- 282 Исключением, казалось бы, является таблица по росту номинальной зарплаты в 1928—1937 гг., однако и она содержит данные по рабочим и служащим. См.: История рабочего класса СССР. Т. 2. М., 1984. С. 236.
- 283 См., например: Петько О. М. Государственная займовая политика на Урале в годы первой пятилетки // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993. С. 49—50. По мнению автора, в целом денежные займовые изъятия поглощали 12—16% годового дохода рабочих. Там же.
- 284 История советского рабочего класса. Т. 3. 1938—1945 гг. С. 129.
- 285 Подсч. по: Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 235, 242.
- 286 Подсч. по: История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 155.
- 287 Подсч. по: там же.
- 288 Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. С. 226, 232.
- 289 Подсч. по: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. С. 73, 75. Близость показателей роста цен позволяет перенести индекс роста цен в 1927—1939 гг. на период 1928—1940 гг.
- 290 Данский Б.Г. Социальное страхование раньше и теперь. М., 1928. С. 56—57.

- 291 Там же. С. 87.
- 292 ГАСО. Ф.311. Оп. 1. Д. 172. Л. 97, 99.
- 293 СУ СССР. 1937. № 9. Ст. 30; № 49. Ст. 205.
- 294 См., например: Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР. 1917—1930. М., 1973; Шустов С.Г. Ликвидация безработицы на Урале (1917—1930-е гг.). Автореф. канд. дисс. Пермь, 1977.
- 295 Плановое хозяйство. 1930. № 5. С. 183.
- 296 Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала. С. 314.
- 297 СУ СССР. 1938. № 58. С. 330.
- 298 СУ СССР. 1939. № 1. С. 1.
- 299 ГАСО. Ф. 1814. Оп. 1. Д. 450. Л. 73—74.
- 300 ГАПО. Ф. 33. Оп. 5. Д. 222. Л. 34—35; Ф. 42. Оп. 5. Д. 32. Л. 5.
- 301 РГАЭ. Ф. 75 15. Оп. 1. Д. 352. Л. 121.
- 302 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 347. Л. 16 об.—17.
- 303 Подсч. по: там же. Л. 17.
- 304 Подсч. по: там же.
- 305 635 человек были уволены во втором полугодии 1940 г. с разрешения директора ЧТЗ. Там же. Л.16 об.
- 306 Подсч. по: там же.
- 307 Там же.
- 308 История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 50-х годов. Собрание документов: В 7 т. Т. 1. М., 2004. С. 623—625.
- 309 Там же. С. 625.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА В ЛИЧНОМ ХОЗЯЙСТВЕ И В БЫТУ

§ 1. К вопросу о землепользовании рабочих России в первые десятилетия XX века

Рассматриваемый период характеризовался не только одно-значным процессом ослабления связи рабочих с землей. Следует не только помнить о значительном **росте** земельных владений у рабочих Урала в 1893—1917 гг.¹, у рабочих России в начале 20-х гг.², но и понимать закономерность этого процесса в аграрно-индустриальной стране с преобладанием аграрного строя; наконец, саму роль земельного участка на обширных малопродуктивных пространствах с суровым климатом. Сохранение участка земли, связей с деревней, по справедливому замечанию английского историка Э. Эктона, позволяло рабочим — вчерашним крестьянам создавать систему общественных связей, которая сглаживала их дезорганизацию и склонность к нарушению закона, поскольку у новых рабочих было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чье будущее было связано только с городом³. Заметим, что это высказывание справедливо и для местных, потомственных рабочих.

Можно определить параметры массива рабочих — владельцев земли. Одну крайность представлял Урал. На Урале в конце XIX в. 71,3% рабочих имели земельные участки (свыше 0,5 дес.). Вместе с тем, по оценке специалистов, надел, способный более или менее обеспечить существование хозяйства, должен был составлять как минимум 4 десятины. В 1897 г. надел более 4 десятин имели (в фактическом пользовании) 13% бывших горнозаводских мастеровых и 22 % бывших сельских работников⁴. К 1917 г., несмотря на рост численности горнозаводского населения, дробления семей, эти показатели практически не изменились⁵.

Другой крайностью выступал Петербург с его высокоразвитой промышленностью, требующей постоянного состава занятых, где показатель рабочих, имевших земельные участки, по профессиональной переписи 1918 г. не превышал 17,2%, а во всей Петербургской губернии — 16,9%⁶.

Сказанное выше позволяет сделать предположение о **наибольшей типичности картины связи рабочих с землей в промышленно развитых Московской и Владимирской губерниях, где почти $\frac{2}{5}$ рабочих имели в 1918 г. землю⁷, в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где к 1914 г. доля имевших землю превышала нередко 40%⁸, для всей России.** Основанием для такого вывода является следующее: как уже отмечалось, профессиональная перепись 1918 г. не учитывала данных по ряду регионов, где этот показатель был существенно выше. Кроме того, если по заниженным данным профессиональной переписи 1918 г. свою землю или землю своей семьи имели в среднем 31,3% рабочих, то у рабочих горной и горнозаводской промышленности — 44,4%; близким к этому показатель был у рабочих текстильной и пищевой промышленности⁹.

Такое наблюдение перекликается с заключением Н.А. Ивановой по данному вопросу: даже среди промышленных рабочих лица, связанные с землей, составляли к 1917 г. от 20 до 45%¹⁰, но более обоснованным представляется верхний рубеж указанного диапазона. Дополнительные аргументы сводятся к следующему. Перепись 1918 г. (при всех ее достоинствах) отразила статичный момент. Во-первых, уже в начале Гражданской войны часть рабочих, наиболее связанная с землей, покинула города. Во-вторых, как уже отмечалось, следует помнить о высоком удельном весе пролетариев (60—80% от всех рабочих) в первом поколении, большинство из которых были вчерашние крестьяне. В-третьих, к августу 1918 г. социальный опыт рабочих уже хранил понимание опасности признания владения собственностью, в том числе и землей.

Все это вместе позволяет говорить о правоте тех историков, которые примерно половину промышленных рабочих России относили к тем, кто сохранил экономическую связь с сельским хозяйством. Масштаб культурной связи с деревней был намного большим. То обстоятельство, что примерно треть рабочих России имела прочные хозяйственные связи с деревней, около четверти рабочих — личные (родственные) связи, а более пятой их части сами обрабатывали землю, являясь полурабочими-полукрестьянами, свидетельствовало, по справедливому определению О.С. Поршневой, о наличии прочной социально-психологической базы влияния крестьянских традиций на образ жизни и менталитет рабочей среды¹¹.

Заметим, что разрыв связей с деревней имел не только положительные последствия: путь от крестьянина к индустриальному рабочему был долгим, но в силу разрыва с таким устойчивым социокультурным институтом, как крестьянская община, нередко

это был путь не приобретения, а потери многих общечеловеческих достоинств¹². Следует указать на то, что связи промышленных рабочих с деревней охватывали не только экономическую сферу: и после утраты земельного надела сохранялись родственные, социокультурные и иные отношения с бывшими односельчанами. Результаты переписи 1918 г. позволили А.К. Соколову сделать важный методологический вывод, идущий вразрез с прежней историографической оценкой: связь с землей существенно не влияла на социальный облик промышленного пролетариата¹³. Как представляется, вывод предопределен как раз тем, что **связь с землей была характерна для большинства рабочих России, являвшихся выходцами из деревни и либо сохранивших земельные участки, либо оказывавших поддержку своим семьям в деревне.**

Вглядимся в ситуацию с землепользованием рабочих.

В силу большей историографической разработанности уральской тематики, с одной стороны, сходства землепользования уральских рабочих с рабочими ряда других регионов, а также незначительного на сегодняшний день освещения данного вопроса по большинству областей России — с другой, мы сконцентрируем внимание на проблеме, которая традиционно вызывала острые споры в советской и постсоветской литературе: **оценке связи с землей уральских рабочих и влияния этой связи на социокультурные характеристики уральцев.**

В значительной степени условия жизни уральских рабочих зависели от наличия у семьи собственного земельного надела. Что же представляли собой личные хозяйства уральских рабочих?¹⁴ В литературе сформировались две точки зрения по этой проблеме: Ф.П. Быстрых и Д.В. Гаврилов утверждали, что горнозаводские рабочие в своей массе не занимались обработкой земли¹⁵. Противоположную току зрения доказывали В.В. Адамов, Н.Н. Алеврас, И.В. Нарский и другие¹⁶.

В советской литературе освещение вопроса о землепользовании уральских рабочих традиционно начиналось с трудов В.И. Ленина. По мнению Ленина, по условиям освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости «горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, **не имея земли**, должны были заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы»¹⁷. Однако соответствующие правительственные документы утверждали иное: мастеровые получили усадебные участки и по одной десятине покосов, а **также участки пахотной земли, если они их имели до реформы**¹⁸. Здесь заключается пер-

вый узел противоречий, положивших начало долгой дискуссии историков: несовпадение ленинских суждений и научных исследований.

Хлебопашеством, указывал Д.В. Гаврилов, даже там, где позволяли природные условия, занималась лишь небольшая часть населения¹⁹. Заметим, что даже для зоны горнозаводского населения это весьма уязвимое заявление. В работе о землепользовании на горнозаводском Урале известный уральский исследователь П. Степанов писал: «Урожаем хлебов мог бы весьма позавидовать земледелец и средней полосы России. Такие места входят и в состав горнозаводских волостей, и тяготение в них мастеровых к земле факт, несомненно, устойчивый, не временный и не преходящий»²⁰. Но, может быть, перед нами субъективный взгляд на положение вещей? По подсчетам статистиков, характеризовавших экономическое положение пяти важнейших **промышленных** округов Урала в 1925 г., на их долю приходилось не только 83,3% всей продукции цензовой промышленности Урала, но и 15,3% посевной площади, 19,1% валового сбора хлебов, 21,3% сельхозналога²¹.

Развивая мысль о стремительной пролетаризации населения, Д.В. Гаврилов приводит ленинскую цитату о том, что (на примере заводского района Красноуфимского уезда) большинство горнозаводского населения не занимались земледелием²². Здесь заключается второй узел противоречий — подмена одного понятия (хлебопашества) другим (земледелием). Логика ленинской концепции заставляла отдельных уральских историков, вопреки очевидным фактам, заявлять, что земельные наделы у горнозаводского населения были **очень малы**²³.

Неправомерность распространения данных о землепользовании всего горнозаводского населения на рабочих, впервые отмеченная Ф.П. Быстрых²⁴, с историко-правовой точки зрения не вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что дореволюционная статистика 1900—1914 гг. чаще всего оперирует данными о величине земельных наделов горнозаводского населения, что затрудняет возможность выделить в отдельную категорию землепользование рабочих. Можно говорить об определенной близости двух названных понятий — горнозаводского населения и рабочих — в заводских поселках передовых в техническом отношении предприятий. Для примера назовем поселок Мотовилиху, где две трети мужского населения были связаны с заводскими работами. В Ижевском и Воткинском поселках этот показатель составлял 80%²⁵.

В этом плане особый интерес представляют данные, введенные в научный оборот С.П. Сиговым в 1926 г.²⁶ С.П. Сигов выделил в составе горнозаводского населения на 1897 г. категорию бывших мастеровых (заводских рабочих) — 84,8% и группу сельских работников — 15,2%. Земельный надел **мастеровых** в 1897 г. составлял 1,9 дес., в том числе 0,3 дес. пашни (17% надела), 0,3 дес. леса (14%), 1 дес. покосов (54%), 0,2 дес. выгон (10%). У сельских работников земельный надел в 1897 г. составлял 2,4 дес., в том числе 1,3 дес. пашни (53%), 0,8 дес. покосов (30%), 0,14 дес. леса (6%) и 0,13 дес. выгон (6%)²⁷. Как видно, **земельные наделы мастеровых и сельских работников мало чем отличались по размерам. Принципиальные различия касались внутренней структуры земельного надела.**

С.П. Сигову принадлежит и ввод в научную литературу показателя удельного веса бывших мастеровых, не имеющих земельного надела на рубеже XIX—XX в. — 28,7%, *совпадающего с удельным весом «пришлых» рабочих*. Несложно заметить, что массив уральских рабочих, не имевших земельного надела, на рубеже XIX—XX в. составлял явное меньшинство.

По подсчетам С.П. Сигова, 35,8% бывших мастеровых имели, а 64,2% не имели **пашни**²⁸. Но отсутствие пашни отнюдь не означало отсутствия сельскохозяйственных работ: огородничеством, посевами кормовых культур занимались практически все владельцы земельных наделов, т. е. подавляющее большинство рабочих.

Приведенные данные использовал и дифференцировал Ф.П. Быстрых. В Пермской губернии в 70 поселках **действующих заводов** на мужскую душу мастерового населения приходилось в среднем по 1,2 дес.; в том числе пашни по 0,1 дес. на душу. В 22 заводских поселках, где **заводы прекратили действие**, — по 4,7 дес., в том числе пашни по 1,4 дес. Следовательно, на Урале землепользование мастеровых в заводских поселках, где заводы прекратили действие, было на душу больше в четыре раза, чем у мастеровых при действующих заводах, а пашни — больше в 14 раз. Кроме заводских поселков мастеровые проживали также в 190 **деревнях и выселках**, где на каждую душу приходилось по 3 дес. земельных угодий, из них пашни по 0,6 дес. Мастеровые, проживающие в деревнях, и сельские работники не имели достаточного количества земли и были вынуждены заниматься промыслами, извозом, рубкой дров, углежжением²⁹. Подведем итог: **величина земельного надела рабочего в большей степени зависела не от места проживания (в поселке или деревне), а от работы или бездействия завода.**

Главная проблема заключалась в ином. Ф.П. Быстрых не заметил (выскажем мнение — по причинам идеологическим) глубокого замечания С.П. Сигова. Все приведенные данные, писал С.П. Сигов, говорят о размерах *надельной* земли и пашни. *Фактическое* землепользование довольно значительно (в 3—4 раза по двум промышленным развитым округам — Невьянскому и Нижне-Тагильскому; примерно **вдвое** по всем горнозаводским округам) превосходило площадь *надельного* землевладения³⁰. Указание на различие фактического и надельного землепользования, имеющее методологическое значение, будет использовано при подсчете размеров земельных наделов рабочих.

В этом и заключалась суть разногласий: **одна группа историков опиралась на показатели фактического землепользования, другая (Быстрых, Гаврилов) — на формальные критерии.** Отсюда и непонимание *подлинных* размеров землепользования горнозаводского населения, отрицание масштабов роста земельных наделов у рабочих Урала в 1906—1917 гг. у историков, сохранявших в прошлом и настоящем верность марксистским догмам³¹.

Однако начиная с 60-х гг. XX в. становилось все сложнее сопротивляться данным статистики: так, Ф.П. Быстрых вынужден был признать рост среднего земельного надела на наличную мужскую душу в заводских поселках Урала в 1912 г. до **3,8 дес.** Простой подсчет, по данным Ф.П. Быстрых, показывает, что в 1899 г. аналогичный показатель составлял 1,7 дес., т. е. в 2,2 раза меньше³². Оставалось либо признать значительный рост земельных наделов рабочих в первые десятилетия XX в., либо согласиться с тем, что речь идет об узаконивании тех участков, которыми и ранее владело горнозаводское население. В косвенной форме, оговариваясь и противореча самому себе, к последнему варианту присоединился Ф.П. Быстрых³³.

Ф.С. Горовой ввел в научный оборот данные, из которых следовало, что земельные наделы горнозаводского населения за 1861—1917 гг. увеличились в казенных округах Урала в 2,5 раза, в посессионных округах — в 2, в частновладельческих — в 5 раз и составили соответственно 4,5; 4; 2,3 дес. земли³⁴. Дальнейшие исследования позволили скорректировать и уточнить эти цифры. Так, Л.А. Трефилова уточнила, что динамика роста земельных наделов в 1861—1917 гг. окажется иной, если сравнению подлежат не участки, полученные по уставным грамотам, а **площади, которыми фактически пользовались рабочие Урала.** В этом случае рост душевых наделов составил меньшую величину: например, по посессионным округам — в 1,2 раза. Если в 1861 г. надел на ревизскую душу составил 2,04 дес., а на наличную — 3,8 дес., то в 1917 г. на посессионных заводах Пермской губернии на ревиз-

скую душу приходилось 7,9 дес., а на наличную — 4,7 дес.³⁵ Однако в любом случае речь идет об **увеличении земельных наделов тех, кого записывали в чистые пролетарии**. Кроме того, перед нами признание масштаба различия между формальным наделным и фактическим землепользованием. При этом Н.Н.Алеврас выделяет период после 1907 г. как этап более интенсивных, чем прежде, землеустроительных работ³⁶. Аграрную политику правительства на горнозаводском Урале и, в частности, землеустроительную кампанию на Урале в 1905—1917 гг. Н.Н. Алеврас рассматривает как **отдельный элемент общероссийского регионального аграрного реформирования**³⁷.

Но, может быть, указанный процесс не касался крупных предприятий? По мысли Д.В. Гаврилова, «на крупных, технически лучше оснащенных заводах, а также вновь построенных в конце XIX в. заводах большинство или значительная часть рабочих *уже потеряла связь с землей*. Еще больше связь с землей ослабла в начале XX в.»³⁸ Рассмотрим как показательный пример Ижевского, крупного, технически лучше оснащенного завода. Данные удмуртского ученого М.А. Садакова, опубликованные в 1968 г., хорошо известны историкам.

Таблица 6

Эволюция землепользования у рабочих Ижевского завода*

1872 г.			1917 г.		
Вся площадь земельных наделов ижевских рабочих	8888 дес.	100%	40500 дес.	100%	рост в 5,1 раза
в том числе: пашня	848 дес.	9,5%	6568 дес.	16%	рост в 7,7 раза
покосы	нет данных	—	8434 дес.	20,7%	—
лес	нет данных	—	17969 дес.	44,1%	—

Источник*: Садаков М.А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции. Удмурт. НИИ истории экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Ижевск, 1968. С. 29.

Как видно из материалов таблицы, речь идет о землевладении коренных, потомственных рабочих, подчеркивал М.А. Сада-

ков³⁹. Аналогичные процессы шли на Воткинском заводе, Мотовилихе, **казенных заводах в целом**. Так, в Златоустовском казенном горнозаводском округе в 1913 г. площадь **посевов** составляла у рабочих заводских поселков примерно 2 дес.⁴⁰

Наш анализ первоисточника — архивного дела, содержащего официальный документ — «Сведения о поземельном устройстве горнозаводского населения казенных заводов на 1 января 1909 г.» — позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в заводских поселках казенных заводов на одну мужскую душу к 1909 г. приходилось 8,7 дес. земли, в том числе на Мотовилихинском пушечном заводе — 8 дес., Кушвинском — 10, Златоустовском — 6, Нижне-Туринском — 5,5 дес.⁴¹ Во-вторых, «неудобица» (непригодные для земледелия площади, о доминировании которых писал Ф.П. Быстрых⁴²) составляла не более 7% общего землевладения рабочих казенных заводов и 3% у горнозаводского населения посессионных заводов⁴³. Лесной надел составлял 29,2% общего землепользования горнозаводского населения казенных заводов, а преобладали земли, отнесенные к угодьям (64%)⁴⁴. Все это свидетельствует о том, что и на крупных предприятиях рабочие обладали значительными по меркам Урала земельными наделами. Материал, изложенный выше, показывает как раз **противоположную** тенденцию, чем та, о которой говорили Быстрых и Гаврилов.

По оценке специалистов, надел, способный более или менее обеспечить существование хозяйства, должен был составлять как минимум 4 дес.⁴⁵ Для сравнения отметим, что средний земельный надел всего земледельческого населения Пермской губернии в 1897 г. составлял 6,5 дес. на мужскую душу⁴⁶.

Рост среднего земельного надела на наличную мужскую душу в заводских поселках Урала в 1912 г. до **3,8 дес.** означал определенное сближение *количественных* размеров наделов горнозаводского населения и крестьян Урала. В этом, на наш взгляд, проявляется историческая закономерность: **незавершенность промышленного переворота оставляла в силе преобладание аграрного характера экономики России, а с ней — зависимость выживания людей от владения или невладения личным хозяйством; близость корневых установок крестьян и рабочих — владельцев земельных участков.**

Вместе с тем налицо и качественное отличие крестьянских и рабочих наделов. Если у крестьян преобладала пашня, то у рабочих — огороды, покосы и выгоны. Анализ статистических материалов свидетельствует: при общем росте земельных наделов характерна следующая тенденция для всех округов: сокращение удельного веса пашни в общем землепользовании рабочих⁴⁷.

В предвоенные годы удельный вес пашни составлял 13% в поселениях частновладельческих округов и 10% у рабочих посессионных округов⁴⁸.

О масштабах распространения **пашни** у рабочих Урала можно судить по следующим данным. В 1897 г. пахотные угодья имели 36% бывших горнозаводских мастеровых, в 1912 г. (данные по горнозаводскому населению посессионных заводов) этот показатель был равен 43%⁴⁹, а в 1916 г. — 45%⁵⁰. Казалось бы, тенденция к росту пашни налицо. Однако надо учитывать небольшие размеры пашни: 0,3 дес. пашни у бывших горнозаводских мастеровых в 1897 г. и 0,5 дес. в 1913 г.⁵¹ Кроме того, рост пашни был характерен, прежде всего, для рабочих закрытых предприятий.

Для сравнения отметим, что, по подсчетам И.Л. Шеврина, в 1920 г. на территории, позже вошедшей в состав Уральской области, средний размер **посева** в крестьянском хозяйстве был 3,9 га, а в 1929 г. — 4,3 га. При этом в бедняцком хозяйстве в среднем за 1922—1929 гг. размер посева составлял 1,36 га, у середняков — 5,15 га; у кулаков — 13 га⁵².

Подведем итог: если к 1917 г. земельный надел на мужскую душу у рабочих был примерно вдвое меньшим, чем у всего земледельческого населения Пермской губернии (соответственно 3,8 и 6,5 дес.), то средняя *посевная* площадь — 0,5 дес. — почти втрое уступала крестьянскому бедняцкому и в десять раз — середняцкому хозяйству.

Селективный патернализм государственной политики привел к тому, что часть горнозаводского населения, перебившая место поселения, оказалась лишенной земельных наделов. К категории пришлых в начале XX в. относились, по мнению А.В. Погожева, 28% рабочих⁵³. Что же касается рабочих, имеющих земельные наделы, то, как показывают исследования Н.Н. Алеврас, в 1914 г. процесс землеустройства в основном завершился только в казенных и посессионных округах, где земельные наделы получили 95—96% жителей, а **владенные грамоты** (документы на право частной собственности на земельные наделы) — соответственно 85% и 30—40%. В частновладельческих округах к 1917 г. было отграничено 60% земель наделного фонда, а выдача владенных грамот только начиналась⁵⁴. Заметим, что суть указанного процесса напроочь замалчивалась или отвергалась в советской историографии⁵⁵. Приведенные показатели можно рассматривать как близкие к удельному весу рабочих — владельцев земельных участков в названных округах.

С этими данными может быть сопоставлен и показатель *удельного веса уральских рабочих, владеющих земельными участками*

ми, полученный в ходе обследований на Урале в 1926—1927 гг. Здесь можно выделить следующий диапазон: **75—78%**⁵⁶ — **88,9%**⁵⁷.

Доказательства в пользу того, что большинство уральских рабочих владели земельными участками, размеры которых за 1861—1917 гг. не сократились, а выросли, убедительны и не требуют новых подтверждений. Ненаучность заявлений о «слабой связи рабочих Урала с землей» сегодня столь же очевидна, сколько и определенная временем идеологическая доминанта утверждения о том, что к 1917 г. для большинства рабочих России связь с землей носила формальный характер⁵⁸.

Социокультурный тип рабочего с наделом в каждом конкретном случае означал конкретную комбинацию крестьянских и рабочих признаков. Но в целом процесс роста земельных наделов рабочих Урала в сочетании с выдачей владенных грамот, т.е. **превращении части пролетариев в собственников**, означал **одно из звеньев буржуазных преобразований в России** в силу того, что уменьшал зависимость горнозаводского населения от феодалов-латифундистов. Такой вывод мы рассматриваем как основополагающий в данном разделе исследования.

В результате аграрных преобразований на горнозаводском Урале в среде рабочих цензовой промышленности Урала к 1917 г. сформировались **три достаточно различные группы**: юридические собственники земли — 20—25% рабочих (более 42 тыс. рабочих казенных округов и 15—20 тыс. посессионных округов)⁵⁹. Категория рабочих, владеющих земельными наделами, но так и не ставших полноправными собственниками: основная масса тружеников частновладельческих и порядка 31—36 тыс. рабочих посессионных округов, а всего 46—51% рабочих цензовой промышленности Урала. Третьей группой являлись лица, не владеющие земельными наделами, либо имевшие участки менее 0,5 дес. земли. К этой категории относились 28—29% всех рабочих, в основном занятые в частновладельческих округах, из числа пришлых. Трудно отрицать **наличие различных внутрисословных групп в среде промышленных рабочих Урала в зависимости от размера пользования наделной землей**.

Рабочие — собственники земельных (и немалых) наделов, с одной стороны, и пролетарии — с другой. Носители крестьянских традиций уважительного отношения к земле, природе, труду включали и ту группу индустриальных рабочих, которую, как это было показано выше, отличало современное отношение к заводскому производству, дисциплинированность, являющуюся проводником современной трудовой этики в среду рабочих. Отношение к труду формировалось и как следствие страха перед

голодом на ментальном уровне, формирующем поведенческие стереотипы⁶⁰.

Отсутствие земельных наделов обрекало пролетариев не только на полуголодную и голодную жизнь, но и разрывало связи с крестьянскими вековыми традициями; лишало возможности перемены форм труда и отдыха. Разрушение устойчивых в прошлом представлений, имевших своим источником крестьянскую психологию и мораль, не компенсировалось формированием качеств индустриальных рабочих.

Низкое плодородие местных земель обуславливало невысокую эффективность пахотных угодий. В силу этих причин хозяйства рабочих Урала имели потребительский огородно-животноводческий характер. Средний доход от собственного хозяйства составлял у горнорабочих посессионных округов примерно 60 руб. при общем бюджете 290 руб., или 20,7%⁶¹; 42—75 руб. в год или 15—27% среднегодового заработка рабочих Ижевского и Воткинского заводов (280 руб.)⁶². Обратим внимание на близость доли доходов от собственного хозяйства у рабочих передовых заводов и горнорабочих. Как представляется, в этом проявилась общность судьбы уральских рабочих, а именно — наличие у местных потомственных рабочих земельных наделов.

Таким образом, подсобное хозяйство, не являясь основным источником существования, служило заметной добавкой к главному источнику существования — заводскому заработку. Такой вывод характерен для большинства уральских рабочих из числа «местных».

Другое дело, что положение о том, что «наличие подсобного хозяйства до известной степени ставило рабочих в мелкобуржуазные условия существования»⁶³, следует отнести к разряду суждений, порожденных идеологическими канонами своего времени. С экономической стороны личное хозяйство до некоторой степени сужало разрыв в оплате труда пролетариев Урала и Центра, способствовало закреплению рабочих в крае с суровым климатом. Для большинства рабочих Урала владение землей означало сохранение базового показателя отживающего патриархального уклада, отражая переходный характер эпохи. Его специфика не исчерпывалась связью основной массы рабочих с землей и недвижимостью, но именно она являлась несущей конструкцией, вокруг которой выстраивались другие элементы своеобразной бытовой и производственной жизни рабочих⁶⁴. Архаичностью отличались формы организации повседневной жизни, близкие к деревенским, определяемые как общинной и волостной организацией уральских заводских поселков, так и вековым аграрным календарем. Сочетание заводского труда и по-

стоянных работ в своем личном хозяйстве оставляло немного времени для праздного времяпрепровождения. Даже без учета времени, занятого хлебопашеством, мужчина-рабочий в среднем затрачивал в месяц 51,2 часа на работу в своем личном хозяйстве и 204,9 часа на производстве⁶⁵. Как видно, даже по официальным данным, пятая часть времени уральских рабочих уходила на работу в своем личном хозяйстве.

Если мы говорим о массиве пришлых постоянных рабочих, как правило, безземельных, не владеющих своим жильем, уместно будет говорить о «чистых пролетариях». Но если речь идет о большинстве местных уральских рабочих в первые десятилетия XX в., справедливыми будут такие определения уральского рабочего, как «наполовину рабочего, наполовину земледельца»⁶⁶. Уместна и такая характеристика: рабочие-домохозяева переходной эпохи с такими базовыми чертами психологии, как внутреннее достоинство, гордость. Эти черты определялись ролью труда в жизни рабочих и подчиненности всего жизненного уклада его режиму.

Можно выделить специфичные черты российских рабочих индустриальной эпохи, характерные для Урала. Квалифицированных уральских рабочих, как правило, местных, т. е. живущих длительный срок в одном поселении, определяли владение значительными земельными участками, собственным жильем и — в казенных горнозаводских округах — гарантии социальной защиты. Личное хозяйство рабочих Урала позволяло не только выжить в условиях политических и социальных потрясений, но и выступало в качестве объекта культуры, передавая традиции отношения к земле и природе⁶⁷.

В 1914—1917 гг. на Урале прослеживалась тенденция медленного, но неуклонного ослабления связи с землей. Этот процесс был прерван и направлен *вспять* Гражданской войной. Статистические материалы свидетельствуют об иной тенденции: аграризации рабочего класса. Уже материалы профессиональной переписи 1918 г. (по состоянию на 31 августа) зафиксировали возрастание связи с землей рабочих Вятской губернии (единственной уральской губернии, участвовавшей в переписи) по сравнению с дореволюционными временами на 2,5%⁶⁸.

Материалы переписи 1918 г., о которых мы говорили выше, убедительно показали всю глубину прочных хозяйственных связей рабочих России с деревней, несмотря на все попытки в советской историографии доказать обратное. Специалисты, обращающиеся к исторической литературе, публицистике, печати, партийным документам 20-х гг., могли убедиться в главном направлении внутренней политики советского государства — курсе

на преодоление прочной социально-психологической базы влияния крестьянских традиций на образ жизни и менталитет рабочей среды.

Годы Гражданской войны стали периодом аграризации как следствия не только военной разрухи, но и попытки спастись от небывалого в России голода. Сотни тысяч рабочих покинули города и временно переселились в деревню. Социологическое исследование, вышедшее в 1929 г., говорит о «громadных массах фабричных рабочих, которые были поглощены деревней в 1918—1921 гг.»⁶⁹ Материалы переписи 1926 г. позволяют конкретизировать масштаб рабочей миграции в деревню⁷⁰.

Для оставшихся спасением стало увеличение сельскохозяйственных посевов⁷¹. Если в 1916 г. на Урале из всех хозяйств горнозаводского населения 45% имели посевы, то в 1920 г. — 73%⁷². Размеры пашни продолжали оставаться сравнительно небольшими — 6% от величины земельных участков (или, по нашим подсчетам, в 1,7—2,2 раза меньше, чем в 1913 г., поскольку в предвоенные годы размеры пашни составляли 13% от величины земельных участков в частновладельческих и 10% в посессионных округах), но рабочие Урала от своего личного хозяйства получали **30—50% потребляемых продуктов**⁷³.

Анализ материалов, относящихся к землепользованию рабочих регионов России, показывает наличие как сходных, так и различных сторон с уральцами. Если размер *посевов* в 1926/27 хоз. г. у рабочих РСФСР и Урала был довольно близким (соответственно 0,25 и 0,32 дес.), то общая площадь *покосов* существенно отличалась, составляя на Урале у владельцев личных хозяйств от 3 до 3,7 дес., тогда как у рабочих остальных регионов РСФСР эта величина не превышала 0,25 дес.⁷⁴ По данным статистики, к 1926 г. в РСФСР насчитывалось 18,9% семей промышленных рабочих, имевших землю сельскохозяйственного пользования. Как правило, это были хозяйства, подчиненные интересам молочного хозяйства. Домашний скот имело 18,5% хозяйств, домашнюю птицу — 22,8%. Земельный надел (в среднем 0,5 дес. на хозяйство) большей частью использовался под покос⁷⁵.

В ряде районов России землепользование представляло для рабочих весьма серьезную экономическую базу. Например, у тульских горняков, текстильщиков Симбирской губернии от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ всех поступлений в семейный бюджет давало личное хозяйство⁷⁶.

Аграризация являлась одной из составляющих процесса деклассирования рабочих и была связана не только с Уралом⁷⁷. Личное хозяйство рабочих Урала сохраняло огородно-животноводческий характер: размер запашки в 1922—1923 гг. в среднем на хозяйство

не превышал 0,2 дес. (т. е. в 2,5 раза меньше, чем в 1913 г.). В среднем на одну семью рабочих Урала, из числа имеющих хозяйство, в 1922—1923 гг. приходилось 0,25 лошади, 0,66 дойной коровы и 0,26 теленка, 0,27 козы, 0,24 свиньи, 2,75 курицы. Для всех же семей рабочих региона эти показатели соответственно составляли 0,18; 0,47; 0,11; 0,19; 0,17; 1,95. Скотоводство, и в первую очередь, молочное хозяйство, занимало ведущее место в валовом доходе подсобного хозяйства рабочих Урала (63,6%), тогда как удельный вес продуктов огорода составлял 9%, а полеводства — 1%. Отсюда земельный участок, за исключением усадебной площади и минимальной запашки, использовался целиком для прокорма скота⁷⁸.

Годы мировой и Гражданской войн обернулись для личного хозяйства уральских рабочих сокращением обеспеченности скотом и птицей: менее всего по коровам (в 1,3 раза), более всего по курам (в 5 раз) и лошадям (в 2,4 раза)⁷⁹. Исследования 1922—1923 гг. выявили и заметное сокращение среднего размера землепользования на одну семью рабочего промышленности Урала до 1,16 дес.⁸⁰ Таким образом, этап 1914—1922 гг. стал периодом одновременного наложения двух противоречивых процессов: **роста землепользования рабочих вширь и обмельчания и обеднения хозяйств рабочих**. В данном случае можно говорить об искусственном сглаживании внутрисословных отличий рабочих в ходе насильственной пролетаризации рабочих.

Заметим, что это явление следует отнести к наименее изученным проблемам, требующим своего исследователя как в масштабах Урала, так и России. Анализ такого источника, как «Материалы к земельному переустройству Пермской губернии на началах основного закона о социализации земли» (Пермь, июнь 1918 г.), показывает, что одной из первых мер Советского государства стало ограничение землепользования населения. Нормы земельного обеспечения на одну рабочую силу (рабочего) в Пермской губернии определялись в среднем в следующем диапазоне: пахотных земель от 0,7 до 1,2 дес. на душу; общая площадь земельного надела от 2,3 до 5,5 дес. Наименьшие нормы земельного обеспечения вводились в поселках относительно новых заводов (например, Лысьвенского). Для Мотовилихинского заводского поселка эти показатели соответственно составляли 0,89 дес. пахотных земель, 1,35 — луговых, 3,25 дес. общей площади земель на одну рабочую силу⁸¹. **Нетрудно подсчитать, что общая площадь земельного надела рабочих в сравнении с дореволюционным периодом сокращалась в среднем в два и более раз.**

В чем отличие землепользования рабочих 1926—1927 гг. от дореволюционного? Прежде всего, судя по Уралу, в **минимизации земельных участков**: если в предвоенные годы земельный надел на мужскую душу составлял 3,8 дес., то в 1926 г. такая площадь приходилась уже на одно хозяйство. Сокращение произошло примерно в четыре раза⁸². Во-вторых, в **минимизации посевных площадей**. К 1917 г. на пашню приходилось 10—15% земельных наделов, или 0,4—0,6 дес. на мужскую душу. В 1926 г. — 0,13 дес. Это означало, что на одно хозяйство рабочего приходилось соответственно 1,8—2,7 и 0,6 дес. посевов. При этом массив рабочих — владельцев пашенных участков сократился с 35,8 до 30%⁸³. Сокращение пашни, как видно, шло прямо пропорционально сокращению земельных наделов. Удивительное, на первый взгляд, заключается в том, что вырос удельный вес рабочих, владеющих земельными участками. Если в 1897 г. не имели земельных наделов 28,7% *жителей горнозаводских поселений*, то в 1926 г. только 11,1%. Но парадокс носит чисто внешний характер: в этом проявилось торжество уравнительных принципов послеоктябрьского десятилетия.

Анализируя итоги обследования 1926—1927 гг. рабочих крупной промышленности Урала, можно выделить три основные социальные группы: первая — рабочие, не имеющие земельных участков, от 11 до 14%; вторая, крупнейшая, группа — владельцы земельных участков — огородов и посевов до 0,1 дес., 57—59%; третья группа — владельцы земельных участков с посевом более 0,1 дес., около 30%⁸⁴.

Посевы, обеспечивающие удовлетворение годовой потребности в хлебах (3 дес. и более), имели только 1% рабочих, проживающих в сельской местности, и 0,7% — в городе. О *потребительском характере* своего хозяйства говорил тот факт, что отчуждение на сторону составило всего 5% всей валовой продукции. Основное значение для рабочих, владеющих личным хозяйством, имели, во-первых, **огород**, обеспечивающий $\frac{2}{3}$ **годовой потребности в овощах рабочей семьи**. Во-вторых, **молочное хозяйство**, дававшее 80—90% **потребляемых молочных продуктов**. В-третьих, **лесной надел**, где заготавливались $\frac{3}{4}$ **годовой потребности в топливе**⁸⁵. Потребительский характер своего хозяйства не мог заслонить сущностную сторону проблемы: сохраняющийся аграрный характер цивилизации проецировал весомую роль сельскохозяйственного сектора в быту уральских рабочих.

Характерно, что экономисты, авторы одного из последних опубликованных исследований бюджетов рабочих, не только отметили важность личного хозяйства рабочих, но и обратили внимание на то обстоятельство, **что повышение размеров заработка**

не ведет к отрыву от сельскохозяйственных занятий. Напротив, по мере повышения заработков возрастал удельный вес рабочих, имеющих земельные наделы⁸⁶.

Начало сплошной коллективизации означало и очередной этап нового наступления на земельную собственность рабочих СССР. Тревогу власти в 1929 г. вызывала теперь не низкая зарплата рабочих, а то, что процесс пролетаризации (т. е. «очищения от земельных участков») идет медленно. Мы поддерживаем вывод Е.В. Чернокрыловой: при коллективизации, прежде всего в 1931—1932 гг., традиционному землепользованию рабочих был нанесен значительный урон... и это не было связано с исчезновением потребности в ведении своего хозяйства⁸⁷.

Сколь велики были изменения в масштабах землепользования рабочих СССР за годы первой пятилетки? В исторической литературе для характеристики перемен используют обычно материалы выборочной профсоюзной переписи 1929 г., переписи 1932/33 г. Между тем сравнение указанных данных может носить только условный характер. Дело в том, что, во-первых, в профсоюзных переписях учитывались только члены профсоюзов, составлявшие примерно $\frac{4}{5}$ рабочих. Во-вторых, в материалах профсоюзной переписи 1929 г. фигурирует в основном один показатель — «земля сельскохозяйственного пользования»⁸⁸. Как говорилось выше, этот показатель требует расшифровки.

Изучение документов профсоюзной переписи 1929 г. наводит на размышление о соотношении силы статистической информации и идеологических догм. Последние обусловили готовые штампы о «высоком классовом сознании советского рабочего класса», о «последовательном падении из года в год связи с землей у рабочих» уже во введениях к трудам, комментирующим итоги профсоюзной переписи 1929 г.⁸⁹ Однако — слава статистике! — обратим внимание на, казалось бы, хорошо известный факт из материалов профсоюзной переписи 1929 г.: в основных отраслях промышленности СССР удельный вес рабочих, имеющих землю сельскохозяйственного пользования, составлял примерно 22%. Однако этот показатель рассматривался специалистами конца 20-х гг. как минимальный, не отражающий полноту связей рабочих с землей. Более достоверным, по их мнению, следовало бы считать 25%⁹⁰.

Вопрос о достоверности следует отнести к разряду деликатных: так, материалы профсоюзной переписи, проведенной в начале 1929 г. (т. е. до начала сплошной коллективизации), относили к категории владельцев земельных участков 32% металлургов Урала⁹¹, тогда как по результатов обследования на Урале в 1926/27 хоз. г. (затронувшего главным образом коллективы ме-

таллургических заводов), этот показатель превышал 75%. О масштабе расхождения пусть судит читатель.

Но, как уже отмечалось, по данным профессиональной переписи 1918 г., свою землю или землю своей семьи имели в среднем 31,3% рабочих. Получается, что, несмотря на революции и множество ограничительных мер, на страх рабочих проговориться о наличии собственности («некоторая часть опрошенных скрывала свою связь с землей», стыдливо отмечал А.Г. Рашин⁹²), основная масса рабочих-владельцев сохранила свои земельные участки! Удивительно, но такое сравнение отсутствовало не только в советской, но и постсоветской историографии.

В материалах выборочной профсоюзной переписи 1929 г. можно найти интересные характеристики социального облика советских рабочих. Не без изумления обработчики профсоюзной переписи 1929 г. отмечали: вопреки распространенному убеждению, металлисты (речь шла о рабочих Московской области) могут быть больше связаны с землей, чем, например, рабочие хлопчатобумажной отрасли⁹³. Проблема для идеологов заключалась не только в том, что треть рабочих машиностроения и металлообработки столичной области имели земельные участки. Почти половина рабочих (47,9%), связанных с землей, относилась к категории кадровых, имеющих производственный стаж более 10 лет; тогда как у не имеющих участков такой показатель составлял 38,6%⁹⁴.

Также половина рабочих, связанных с землей (46% рабочих-металлистов, 47,9% текстильщиков Московской области), относились к разряду потомственных⁹⁵. Но Московская область не являлась исключением. Кроме металлургии Украины, во всех остальных вошедших в разработку отраслях металлопромышленности средний производственный стаж оказался повышенным у рабочих, имеющих землю, по сравнению с соответствующим показателем у рабочих, не имеющих земли. Аналогичными были результаты и у текстильщиков СССР⁹⁶.

Важное значение имели еще два приводимых критерия. Во-первых, подавляющее большинство рабочих всех отраслей промышленности СССР, *связанных с землей*, засевали посевами, обладали рабочим скотом (например, соответственно 91,7% и 61,6% у рабочих-металлистов Московской области)⁹⁷, что не позволяло рассматривать землепользование рабочих как носящее формальный характер. Во-вторых, уровень квалификации в большинстве случаев не влиял на масштаб владения или невладения земельными участками⁹⁸.

Среди рабочих-металлургов Урала, владеющих землей, также преобладали **кадровые** рабочие со стажем более 10 лет (60,4% от

всех рабочих, владеющих землей) и от 6 до 10 лет (16,1%)⁹⁹. 95,6% рабочих с земельными участками имели **собственный дом**, $\frac{4}{5}$ являлись **потомственными** рабочими. Для ухода за земельными участками 49,3% брали отпуск, а 50,3% вынуждены были прерывать работу на производстве, но, как правило, на непродолжительный срок — от двух недель до месяца. В 90,2% случаев землепользование у металлистов, 71,6% у всех категорий рабочих, владеющих землей, ограничивалось наличием огорода, покоса, коровы¹⁰⁰. Как видно, **период нэпа привел к восстановлению к концу 20-х гг. социокультурного типа рабочего, существовавшего до 1917 г., но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций.**

Подведем итог. В суровых климатических условиях земельный участок по-прежнему способствовал не только выживанию, но и создавал предпосылки для повышения квалификации, сохранения потомственного заводского труда.

Что же касается результатов профсоюзной переписи 1932—1933 гг., то ее комментарии содержали утверждение, что «в сравнении с материалами переписи 1929 г. налицо резкое снижение удельного веса рабочих, связанных с сельским хозяйством»¹⁰¹. Внимательное прочтение материалов профсоюзной переписи 1932—1933 гг. подводило, однако, к иным оценкам. Снижение (по официальным данным!) удельного веса рабочих промышленности СССР, связанных с сельским хозяйством, действительно имело место. Но с 25% до в среднем 16—18%. Показательными можно считать примеры металлургов (15,7%) и бумажников (17,3%)¹⁰².

Однако обратим внимание на то, что в 1929—1932 гг. произошло удвоение численности рабочих промышленности СССР. При отсутствии роста числа земельных участков, слой владельцев посевов, покосов и огородов в определенной степени растворился в массе новых рабочих. За вычетом последних, нетрудно заметить, что около половины «старых» рабочих, несмотря на все формы давления властей, продолжали оставаться держателями земли. На этот факт в исторической литературе не обращалось внимания. Между тем перед нами пример формы сопротивления рабочих страны Советов волюнтаристской политике власти, нацеленной на обезземеливание рабочих.

Голод 1932—1933 гг. внес коррективы в земельную политику государства. Очевидное стало явным: попытка искусственного разрушения землепользования советских рабочих усилила процессы текучести и масштаб голода как социального явления; привела к ряду забастовок, крупнейшая из которых состоялась в апреле 1932 г. на Воткинском заводе¹⁰³. Стала очевидной и цена

слов о том, «что процесс отрыва рабочих от сельского хозяйства обусловлен подъемом материального благосостояния, политической уверенностью в завтрашнем дне»¹⁰⁴.

Осознав подобные результаты, органы власти вынуждены были пойти на уступки, и постановление правительства в январе 1934 г. о развертывании индивидуального рабочего огородничества следует рассматривать не только как вынужденную реакцию на опасность голодных бунтов, как элемент корректировки курса по ряду направлений, но и как **осознание неуступчивости позиции рабочих**. В голодный 1933 г. постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» начиналось словами: «Идя навстречу желаниям рабочих обзавестись небольшими огородами(!)»¹⁰⁵. Всего же в СССР владельцами огородов размером от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ га на семью разрешалось стать 1,5 млн промышленных рабочих, т. е. без малого **половине рабочих промышленности СССР(!)**

С запозданием власть признала невозможность выживания советского рабочего класса без занятий огородничеством, подчеркивая первоочередную важность обеспечения огородами рабочих тяжелой промышленности. Вместе с тем, сохраняя верность марксистским принципам, правящая партия соглашалась передать рабочим огороды только в пользование, первоначально сроком на 5—7 лет¹⁰⁶. По сути, советское государство повторяло путь царского правительства в сфере рабочего землепользования в 1861—1917 гг.: в 60-е гг. XIX в. правительство также начинало с разрешения рабочим пользоваться земельными участками.

Уже в 1934 г. индивидуальные огороды имели 2484 тыс. семей рабочих и служащих СССР. Например, в Донбассе 594 тыс. семей, имевших огороды, собрали около 880 тыс. тонн овощей и картофеля. В Восточно-Сибирском крае огороды площадью в 100 тыс. га имели около 100 тыс. рабочих. В промышленном центре Кузбасса огороды имели 44% рабочих¹⁰⁷. Показательный факт: в Уральской области, по неполным данным, число рабочих, желающих стать владельцами огородов (168,4 тыс.), оказалось в 2,7 раза больше числа рабочих, сохранивших (по официальным данным) к 1934 г. огороды (63 тыс.)¹⁰⁸. Получалось, что за вычетом лиц принудительного труда, право на огород предоставлялось подавляющему большинству уральских промышленных рабочих. Приведенные показатели указывают на широкую распространенность земельных участков (в форме огородов) в среде рабочих СССР в 30-е гг.

Обращает внимание та неподдельная энергия, с которой партийные и профсоюзные органы принялись за восстановление

массива рабочих, связанных с землей: во-первых, вопрос не требовал от властей ни средств, ни конкретных усилий. Во-вторых, забота о пропитании рабочих во многом становилась делом рук самих рабочих. В-третьих, местные власти признавали и масштаб недовольства рабочих итогами коллективизации¹⁰⁹.

Однако государство передавало землю под огороды фактически в аренду, и рабочие 30-х гг. хорошо понимали, от чего зависит продление срока пользования участками. Земельные участки могли быть от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ га, т. е. в среднем в 8—16 раз меньше до-революционных наделов¹¹⁰. Наконец, рабочие СССР не могли не почувствовать идеологические мотивы в документах о землепользовании: **от подоходного налога освобождались только бывшие красноармейцы и красные партизаны и рабочие, имевшие только огород и одну корову, но не владеющие полевыми посевами.** Эти же категории населения освобождались и от обязательных поставок мяса и молока государству¹¹¹. Но велика была сила традиции: в данном случае желание рабочих не только достойно питаться, но и быть, хотя бы относительно, независимыми от власти и неполадок в снабжении.

К июню 1941 г. личные подсобные хозяйства являлись значительным подспорьем в питании рабочих семей. Доля посевов картофеля, овощей и бахчевых культур **в личных подсобных хозяйствах составила 37,6% всех посевов в стране.** В личной собственности граждан (без колхозников) находилось около 30% коров, около 27% свиней, свыше 10% овец от общего их поголовья в СССР¹¹². Точное количество рабочих — владельцев огородов официальная статистика тщательно скрывала. Сообщения о наличии 1 млн огородников в семи отраслевых профсоюзах в 1939 г. дают весьма приблизительное понимание масштаба землепользования рабочих, так же как сведения о 5 млн огородников — рабочих и служащих к 1942 г.¹¹³

К 1941 г., по официальным данным, 37,4% рабочих Урала владели огородами¹¹⁴. С учетом обновления и особенно широко-масштабной текучести рабочих кадров в промышленности СССР эта величина может быть адресована и к общесоюзным показателям, свидетельствуя о сохранении связи с землей у кадровых тружеников советской индустрии.

Доминирующим компонентом в огородном хозяйстве являлись овощи и картофель (99% посевов, например, в Челябинской и Пермской областях, в том числе 90% — картофель). Судя по Пермской области, посевные площади рабочих огородов были невелики, составляя в 1940 г. 7,2 сотки¹¹⁵. Заметно сократилось владение скотом и, прежде всего, лошадьми. Тем не менее сопоставление количества огородников и величины голов крупного

рогатого скота, находящегося во владении рабочих и служащих городов Урала (259 тыс.)¹¹⁶, позволяет, с определенной долей условности, сделать вывод: на один огород приходилось 0,4 единицы крупного рабочего скота (в основном коров), 0,07 свиньи, 0,71 овцы и козы. Личное хозяйство, даже после всех сокращений, продолжало быть основным поставщиком картофеля, молока и молочных продуктов в рабочих семьях.

Выскажем мнение, что сокращение масштабов личного хозяйства рабочие промышленности СССР пытались компенсировать интенсификацией своего труда на огороде и в подворье. Анализ бюджетов семей рабочих всех отраслей промышленности Свердловской, Челябинской областей и Башкирской АССР показывает, что в 1939 г. индивидуальные хозяйства производили 56,6% потребляемого картофеля, 25,9 — овощей, 67,7 — молока, 14,5% мяса¹¹⁷. Таким образом, давление государства на советский рабочий класс в данной сфере завершилось определенным компромиссом: власть смирилась с тем, что часть рабочих не являлась «чистыми пролетариями»; рабочие — с тем, что в их владении оставались небольшие участки земли. Свой небольшой дом с подворьем, напоминающий малую крепость; своя продовольственная база на огороде у дома и в поле; знание, что и где укрывает лес-кормилец — все это порождало твердость, основательность, неуступчивость рабочего характера. Отсутствие собственного жилья и хозяйства рождало иные, во многом противоположные качества. Автономность бытия — в одном случае, и незащищенность перед властью — в другом. Процесс вымывания черт хозяина, продолжателя крестьянских традиций, сохранения знаний о труде, природе, отношений в быту, вопреки идеологическому давлению сверху, не был завершен к июню 1941 г.

§ 2. Собственники и пролетарии: жилищный вопрос в рабочей среде

В дореволюционной России начала XX в. существовали три основных типа жилищ рабочих крупной промышленности: казармы и бараки, распространенные в развивающихся капиталистических районах, где не хватало рабочих рук; частные «коечно-каморочные» квартиры, типичные для промышленных центров; собственные дома рабочих¹¹⁸.

Обобщающий коллективный труд по истории рабочего класса СССР «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.», вышедший в 1983 г., как и многие подобные работы, уже в силу своего жанра не мог не носить ритуального характера. Отсюда авторам раздела, посвященного жилищным условиям рабочих,

Ю.И. Кирьянову и А.М. Соловьевой, пришлось сделать замечание о все большем распространении такого типа рабочего жилья, как **казарма**, где в конце XIX — начале XX в. проживало 34% промышленного пролетариата Европейской России¹¹⁹. Подобное замечание должно было укрепить стержневую марксистскую мысль о постоянном обнищании и пролетаризации рабочего класса. Но насколько такое мнение было справедливо для начала XX в.?

В собственных монографиях авторы (проявив смелость в отстаивании научной истины) могли допустить иные трактовки. Так, Ю.И. Кирьянов, внесший значительный вклад в историю рабочего класса России, обращал внимание на то, что, во-первых, в период 1897—1918 гг. следует констатировать уменьшение доли рабочих, проживавших в казармах, предоставляемых предприятием. Во-вторых, приведенный показатель (34%) относился не только к казармам, но и к семейным домам, предоставленным администрацией заводов, фабрик, рудников¹²⁰.

Сведения по жилищным условиям рабочих, введенные в 1979 г. в научную литературу Ю.И. Кирьяновым, позволяют представить подлинную картину условий жизни рабочих России. Изучив материалы переписей 1897 и 1918 гг., Кирьянов заметил, что доля рабочих, проживающих **на «вольных квартирах» и в собственных домах**, стала к 1914 г. преобладающей во всех районах России¹²¹. *Незавершенное до конца прощание с рабочими казармами стало и началом прощания с типом пролетария, привычного для раннего капитализма.*

Максимум того, что в силу идеологических канонов мог внести в литературу Ю.И. Кирьянов, он сделал, отметив преобладание рабочих — владельцев собственных домов в Центральном черноземном районе и на Урале. Однако статистика его монографии свидетельствует о наличии значительного массива рабочих, проживающих в собственных домах или домах своей семьи по России в целом.

Не только более половины (51,5%) рабочих Центрального черноземного района, почти 40% рабочих Вятской губернии, но и 29,8% рабочих Центрального промышленного района (в том числе 44,3% в Нижегородской, 50,7% — в Иваново-Вознесенской губерниях), 27,5% — Среднего и Нижнего Поволжья, примерно треть рабочих Белоруссии относились к числу **собственников жилья**¹²². По нашим подсчетам, сделанным на основе статистики Ю.И. Кирьянова, в собственных домах проживали по меньшей мере **30% рабочих промышленности России**, учтенных переписью 1918 г.

В реальности этот показатель был большим: к августу 1918 г. из городов и рабочих поселков в сельскую местность ушла значительная часть рабочих промышленности. Так, по данным переписи 1918 г., к владельцам собственных домов были отнесены 39,5% рабочих Вятской губернии — единственной попавшей в разработку из уральских губерний. Однако данные переписи 1926 г. показали: 59% всех горнозаводских и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах¹²³. Такой же показатель фиксируют материалы профессиональной переписи 1918 г. в ведущих отраслях Вятской губернии: в горнозаводской промышленности и металлообработке и машиностроении¹²⁴.

На другом полюсе находились Петроград и Москва, где в своих домах проживали соответственно **1,7 и 0,7% рабочих**. Более того, в отличие от рабочих остальных районов страны, столичные пролетарии в своей массе (89,5% питерцев и 51,5% москвичей) вынуждены были оплачивать проживание¹²⁵. По сути, это были две разные рабочие России.

Но где же проживали рабочие, лишенные собственного дома? Примерно 14% рабочих России в 1918 г. проживали в казармах (напомним, на рубеже веков — 34%). Это была наиболее обделенная часть пролетариата. 13% проживали в отдельных помещениях, предоставляемых предприятием. 43% рабочих снимали жилье у хозяев¹²⁶. Специфику металлургических заводов Юга определяло проживание большинства рабочих на вольных квартирах, а на шахтах и железных рудниках — в казармах и бараках¹²⁷.

Здоровье рабочих во многом зависело от типа жилищного проживания. Коэффициент заболеваемости рабочих в течение года в расчете на 100 человек (данные по текстильной промышленности за 1904 г.) был повышенным в казармах (348), пониженным более чем вдвое — в собственных домах (153), и на «вольных квартирах» он занимал промежуточное место (200)¹²⁸.

Высокий процент заболеваемости во многом объяснялся низким качеством жилья, снимаемого рабочими. Можно говорить о положительной тенденции в этой сфере в 1900—1914 гг.: сокращение доли семей рабочих, занимающих менее комнаты, сокращение массива тех, кто занимал только койку. Однако определяющим для этой категории рабочих было обладание каморками (маленькими комнатками и кухоньками). Доля рабочих, проживающих в отдельной квартире, в крупных промышленных центрах была не велика: например, 5—9% в Москве в 1914 г.¹²⁹

Абсолютное большинство рабочих проживало на площади в 3 м² и менее. 10—30% квартир рабочих размещались в подвалах и

полуподвалах. От $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ всех помещений были холодными¹³⁰. В большинстве случаев в подобных жилищах рабочие не успевают восстановить свои силы.

Несколько иными были условия проживания у владельцев собственных домов. Рассмотрим их на примере Урала. Наиболее полно представлены данные по казенным горнозаводским округам. Обследование, проведенное летом 1914 г., вызывает особый интерес, поскольку представляет опубликованное обобщение санитарного и частично жилищного состояния всех казенных предприятий Урала¹³¹.

Главный вывод обследования по жилищному вопросу заключался в следующем: **рабочие казенных заводов в своей массе жили в собственных домах, вследствие чего заводские помещения (казармы) в поселках отсутствовали**¹³². Данные по конкретным заводам уточняют эту картину. На Ижевском и Воткинском заводах — ведущих предприятиях Вятской губернии — накануне Первой мировой войны собственные дома имели все коренные рабочие, или 80% состава трудовых коллективов¹³³. Материалы профессиональной переписи 1918 г. позволяют уточнить показатель местных рабочих: 84,2% рабочих родились в Вятской и Пермской губерниях, причем в подавляющем большинстве — в заводских поселках¹³⁴.

Остальные рабочие снимали комнаты у жителей из коренного населения. Средняя площадь дома рабочего в Ижевске равнялась 35,2 м². Близки к этому были размеры домов рабочих Воткинского завода. За средними цифрами скрывалось разнообразие качества жилой площади различных категорий уральских рабочих. Квалифицированные рабочие владели большими одно-двухэтажными домами, с кирпичными фундаментами, с верандами, с фруктовым садом на дворе, своим колодцем и баней. Число таких рабочих-домовладельцев составляло примерно $\frac{1}{3}$ **трудового коллектива Ижевского завода**, но $\frac{2}{3}$ состава пролетариев, занятых в головных цехах. Отметим закономерную близость показателей удельного веса рабочих — владельцев домов указанной категории ($\frac{1}{3}$) и удельного веса кадровых рабочих-металлистов со стажем более 10 лет (34,8%)¹³⁵.

Две трети рабочих Ижевска и Воткинска проживали в небольших домиках в одно-два окна. Но если 20% рабочих вынуждены были снимать жилье, то примерно половина рабочих являлась владельцами небольших собственных жилищ¹³⁶.

О жилищном положении рабочих горной промышленности можно судить на примере Бакальского рудника, одного из крупнейших на Урале. Здесь $\frac{2}{3}$ рабочих проживали в казармах, $\frac{1}{3}$ — в заводских домиках, общей проблемой здесь была скученность

проживающих. Обследование 1914 г. показало, что большинство проживало в заводских казармах, где на одного жильца приходилось 0,8 кв. саженей, или половина нормы. Отсутствовали помещения для просушки одежды, не было кухонь; наличие одной печи на казарму не позволяло нагреть помещение¹³⁷. Подобные условия не способствовали закреплению рабочих кадров на производстве.

Оценивая общую ситуацию с жильем рабочих Урала, следует сказать, что к 1914 г. около 59% всех горнозаводских и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах¹³⁸. Этот показатель подтверждается и архивным материалом, например выборочным общеуральским обследованием, относящимся к 1913 г.¹³⁹ **В поселках старых уральских заводов в собственных домах проживали 60—75% рабочих, а в населенных пунктах, где предприятия были построены в конце XIX — начале XX в. (Надеждинский, Лысьвенский, Чусовской заводы) — 20—40%.** Всего по Уралу в собственных домах жили 60,4% металлистов, 58,9% фабрично-заводских рабочих, 44,8% горнорабочих, но не многим более 10% лесных (куренных) рабочих¹⁴⁰. Следовательно, наиболее обездоленной категорией выступали рабочие лесной промышленности, подавляющая часть которых проживала в землянках и времянках¹⁴¹.

Материалы профессиональной переписи 1918 г. позволяют уточнить, признать сопоставимыми, с приведенными выше, сведения. Удельный вес рабочих-домовладельцев от числа всех рабочих колебался от 70,8% в горнозаводской промышленности и 55% в металлообработке и машиностроении, до 36—37% в легкой промышленности и 21,5% в стекольной. При этом $\frac{2}{3}$ металлистов и $\frac{9}{10}$ горнозаводских рабочих проживали в заводских поселках. Обращает на себя внимание малый контингент проживающих в рабочих казармах: например, 0,6% в металлообработке и машиностроении. Только в кожевенной отрасли этот показатель достигал 19,1%, а в текстильной отрасли и производстве одежды — до 10,4%. Как правило, это были «пришлые», недавние выходцы из деревни¹⁴².

Доля рабочих во втором, третьем и более поколениях на Урале была большей, чем во всех других районах. Особенно она была велика в горнозаводской промышленности — 90%. Это означает, что воспроизводство рабочей силы в течение длительного времени осуществлялось за счет горнозаводского населения. Среди владельцев собственных домов, проживающих при заводах, 75% были потомственными рабочими. С другой стороны, 82,6% рабочих, которые обрабатывали землю, имели собственные дома¹⁴³. Оче-

видна взаимосвязь и близость массивов владельцев собственных домов и потомственных рабочих.

Статистика способна отфильтровать субъективные восприятия, в частности воспоминания. Как видно, положение о том, что «каждый рабочий (в Ижевске и Воткинске) был владельцем усадебного участка земли, с небольшим домом, садом и огородом; он не знал, что значит покупать молоко, яйца или овощи — все это было от своего хозяйства, от своей коровы, от своей домашней птицы, со своего огорода»¹⁴⁴, как преувеличение нуждается в корректировке. Подобная оценка характерна для большинства, но не для всех рабочих как названных предприятий, так и казенных заводов в целом.

Основная масса местных рабочих, имеющих собственные дома, проживала в срубных избах на невысоком подклете, с прилегающим к ним крытым одноэтажным двором. Трехраздельные дома — два сруба и сени посередине — имели, как правило, высокооплачиваемые рабочие¹⁴⁵, удельный вес которых был невелик и по России, и по Уралу. Воспоминания мало соответствовали представлению о классически-идеальном дореволюционном рабочем быте.

Анализ состояния дел в жилищной сфере у рабочих цензовой индустрии позволяет сделать вывод о том, что деление рабочего социума на ряд отличных друг от друга категорий есть черта, характерная для всего российского пролетариата.

К 1914 г. среди рабочих России можно выделить следующие категории. Во-первых, квалифицированные рабочие либо владельцы собственных домов, размеры и благоустройство которых отвечали установленным санитарным нормам. Проживание в жилищах указанного типа создавало возможности нормального отдыха, заставляло дорожить имеющимся достатком. Отталкиваясь от данных по Ижевску и Воткинску, можно сделать вывод о наличии, по крайней мере, у трети рабочих казенных заводов жилья, отвечающего санитарным нормам того времени, но лишенных городских коммунальных удобств. Сложнее вычислить удельный вес аналогичной категории рабочих на частных предприятиях. Здесь необходимы дополнительные подсчеты по отдельным поселкам.

Сюда же следует отнести и ту часть рабочих, которая проживала в отдельных квартирах, имеющих коммунальные удобства, в промышленных центрах. Например, по данным бюджетного обследования 1908 г. семейных текстильщиков Петербурга, водопровод и канализация были в 23% квартир. К кануну Первой мировой войны были оснащены канализацией и водопроводом жилые помещения для рабочих Прохоровской мануфактуры в

Москве, где проживала половина из 7,5 тыс. рабочих фабрики¹⁴⁶. Но ограниченный круг опрошенных текстильщиков не позволяет сделать сколько-нибудь широкие обобщения. Точные параметры этого слоя в данный момент подсчитать невозможно.

Противоположной категорией выступали «чистые пролетарии» — жители казарм, бараков, других помещений, принадлежащих заводам. К 1914 г. к ним относились 27% рабочих цензовой промышленности России, оставаясь людьми, не имеющими собственного жилья, живущими в условиях повышенной скученности.

Промежуточной категорией выступали владельцы небольших, частично ветхих домов; квартиросъемщики углов, комнат. Состояние жилья гарантировало лишь частичное восстановление сил. Как правило, жилищные условия одиноких рабочих были несравненно хуже, чем семейных. Не менее 60% одиноких рабочих обладали жильем в виде угла, койки и даже полкойки¹⁴⁷.

Общей проблемой для всех рабочих поселений было отсутствие благоустройства, озеленения, пыль и грязь на улицах, грохот заводов или фабрик, дым и копоть в воздухе¹⁴⁸. Значительная часть рабочих хранила в памяти воспоминания о тяжелейших бытовых унижениях и невзгодах недавнего времени — последних десятилетий XIX в.¹⁴⁹, способных подорвать любое физическое и психическое здоровье.

Годы Гражданской войны не могли не отразиться на условиях быта рабочих России. В 1914—1922 гг. по всем городам СССР было разрушено не менее 20% жилого фонда, в Москве — 30%¹⁵⁰. Менее заметными были перемены в жилищных условиях провинции. Если в 1913 г. 60% рабочих цензовой промышленности Урала проживали в собственных домах, то по результатам июльского общеуральского обследования 1922 г. этот показатель составил 54%¹⁵¹. Эту же величину, но только по рабочим-металлистам, показали итоги обследования 1923 г. Вместе с тем сокращение рабочих коллективов в горной промышленности привело к резкому снижению удельного веса шахтеров и строителей, проживающих в своем доме, — до 7—8%¹⁵². Это обусловило и общее снижение удельного веса рабочих, проживающих в собственных домах.

Заметим, что подселение рабочих в «буржуйские» квартиры носило в регионах локальный характер, во-первых, в силу незначительности непролетарских слоев в рабочих центрах. Так, в Перми в 1921—1922 гг. было национализировано 675 комнат, но только 24 отдельные квартиры¹⁵³. Поскольку в данном случае речь идет о бывшем центре наиболее развитой в промышленном отношении губернии края, постольку возникает вопрос об эф-

фektivности жилищной политики на принципах уравнилства в целом. В подтверждение этого тезиса приведем результаты уплотнения жилья в Воронеже: за 1918—1919 гг. средняя кубатура жилых помещений рабочих выросла с 14,76 до 15,12 м³ ¹⁵⁴. Как видно, достижения в этой области были весьма скромные. Во-вторых, муниципализация городских строений коснулась только городов и городских поселений, имеющих более 10 тыс. жителей ¹⁵⁵.

Но тенденция к пролетаризации просматривалась и в этой сфере. Как вспоминает современник, «у рабочих постепенно отняли все то, что не полагалось иметь пролетарию. Шла жестокая перекройка: рабочих-собственников силой переделывали в пролетариев чистой воды. Запретили ловить рыбу в заводском пруду; деньги за сдающуюся в своем доме площадь рабочий должен был отдавать в коммунальное правление. Это «очищало от буржуазных предрассудков» ¹⁵⁶. Уплотнение жилья в уральских городах и поселках первых послереволюционных лет — явление, прямо скажем, малоизученное — стало еще одной формой политизации рабочего быта. Та небольшая часть рабочих провинции, которые оказались в непривычной роли «уплотнителей», были вынуждены принимать аргументацию и логику большевистских пропагандистских клише ¹⁵⁷.

Иными были результаты жилищного уплотнения в столицах, где часть рабочих, остававшаяся в городах в годы Гражданской войны, проявившая лояльность к власти, смогла улучшить условия своего проживания. О масштабе переселения рабочих в Петрограде можно судить по таким, к сожалению, неполным данным: с ноября 1918 г. по сентябрь 1919 г. в благоустроенные квартиры были переселены 30 тыс. рабочих ¹⁵⁸. Данные по Москве более систематизированы: после переселения 20 тыс. рабочих в 1918 г. в благоустроенные дома (и выселения с указанной жилплощади 3197 человек из семей, отнесенных к буржуазии) ¹⁵⁹ процесс уплотнения продолжался. К концу 1921 г. 94 тыс. московских рабочих и членов их семей смогли улучшить свои жилищные условия. Две трети из них заселили 471 дом-коммуну, которые возникли в реквизированных бывших особняках ¹⁶⁰.

В литературе существуют и другие оценки московского «рабочего переселения». По мнению А.А. Левского, «в Москве в период с 1918 по 1924 г. в квартиры буржуазии переселились 500 тыс. рабочих и членов их семей» ¹⁶¹. Однако сопоставление числа указанных изъятых комнат (44 327) и среднего числа жильцов, приходящихся на одну комнату (2,5) ¹⁶², позволяет говорить о переселении порядка 110 тыс. человек. Выскажем предположе-

ние, что цифры, приведенные А.А. Левским, характеризуют всех (и коренных, и новых) жителей Москвы, вовлеченных в процесс уплотнения.

В столицах в большей степени, чем по России в целом, проявилось политическое содержание жилищного уплотнения: являясь элементом социального выравнивания, оно выступало рычагом и символом переворачивания пирамиды власти в стране, лишения прав привилегированных классов. Вражда между «уплотняемыми» и «уплотняющими» большевизировала и тех, кто до этого был политически равнодушным¹⁶³.

Исследование Н.Б. Лебиной позволяет оценить итоги «квартирного передела» еще с одной стороны: перенос недавними жителями окраин привычек и нравов городских трущоб; появление коммунальных квартир, порождающих стрессы и повышенную агрессивность¹⁶⁴. Еще два обстоятельства в принципе суживали масштаб «квартирного передела» в рабочих поселках и небольших городах России: малый размер городского жилищного фонда и наличие у постоянных заводских рабочих своего жилья, вследствие чего в жилищном уплотнении были заинтересованы не кадровые рабочие, а «пришлые» жители барачного фонда и постояльцы. Таким образом, несмотря на некоторое сокращение массива рабочих, проживающих в собственных домах после Гражданской войны, сохранилась дореволюционная градация рабочего социума на владельцев жилья; жильцов заводских казарм и квартир; «постояльцев». Что же касается соотношения указанных трех категорий рабочих, помимо сказанного, сокращение удельного веса владельцев жилья отразило и уход части рабочих в деревню.

В 1923 г. обследования городского жилищного фонда СССР показали сокращение вдвое доли рабочих, занимающих часть комнаты или койку в общежитии (с 14 до 7%), а также сокращение числа рабочих, проживающих в подвальных и полуподвальных помещениях до 1% массива всех семейных пролетариев¹⁶⁵. Следует, однако, осторожно относиться к приведенным показателям. Материалы обследования 1923 г. указывают на трудящихся, оставшихся на рабочих местах. Напомним, что в 1921—1923 гг. часть рабочих крупной промышленности покинула предприятия.

Позитивным же моментом стало сокращение жилищных расходов рабочей семьи. Расходы на помещение вместе с топливом составляли в довоенное время 15—20% бюджета семейного рабочего. После революции муниципализация значительной части жилищного фонда и установление классового тарифа существен-

но снизили уровень жилищного фонда. Расход на помещение вместе с топливом в 1924—1927 гг. колебался в пределах 12—15% бюджета рабочих семей. При этом расходы собственно на квартиру не превышали 6,9%¹⁶⁶. Последующее развитие рыночных отношений в годы нэпа причудливо наложилось на патерналистскую политику государства по отношению к рабочему классу: повышение квартплаты, стоимости топлива стало реальностью для половины рабочих, проживающих в обобщественном секторе, так же как и повышение налога на частное домовладение. В то же время малоимущие рабочие не платили за жилье.

В 1923—1927 гг. остается неизменным (28,1—28,8%) удельный вес семей рабочих СССР, жилища которых имели водопровод; но возрастает доля рабочих (с 52,6 до 64,8%), пользовавшихся электричеством. Правда, в отличие от столиц, рабочие поселки и города с населением до 150 тыс. человек практически не пользовались канализацией и центральным отоплением¹⁶⁷.

Результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. дали комплексные данные о жилищных условиях рабочих всей страны. Подобных обследований до 1941 г. больше не проводилось. Мы впервые вводим в историческую литературу анализ данных о жилищных условиях рабочих промышленности СССР по материалам переписи 1926 г.

В декабре 1926 г. 25,6% семей рабочих фабрично-заводской промышленности СССР жили в собственных домах¹⁶⁸ (по материалам переписи 1918 г. — 30%). Это означало, что **основной массив российских рабочих-владельцев своего жилья сохранился**. Как и до революции, подобный показатель был ничтожен в столицах (0,6 — в Ленинграде; 0,9 — в Москве); несколько вырос в Центральном черноземном районе (с 51,5 до 52,7%); оставался значительным в Центральном промышленном районе (21,8% вместо 29,8%, при оставшихся неизменными уровнях в промышленных центрах: Иваново-Вознесенске — 46,7%, Туле — 46,4%). В Уральской области в собственных домах проживали 59,2% рабочих фабрично-заводской промышленности; 57,8% — в Башкирии; 57,6% — в Вятском районе¹⁶⁹.

Жилье у предприятий, учреждений, домоуправлений, домовладельцев снимали 64,4% рабочих цензовой промышленности, в том числе 46% за плату и 18,4% бесплатно. 4% рабочих снимали углы у квартиронанимателей. Еще 6% не указали условия пользования жилищем¹⁷⁰.

В фабрично-заводской промышленности СССР из общего числа рабочих цензовой индустрии и членов их семей (4 млн че-

ловек) целый дом занимали 19,6%; отдельную квартиру — 26,3, часть квартиры — 52% (в том числе: более одной комнаты — 11,4%; одну комнату — 27,7; часть комнаты — 15,9%); нежилые помещения — 0,6 и в общежитиях — 0,8%. Таким образом, градация рабочих СССР на домохозяев, квартиросъемщиков и не имеющих своего жилья, не только сохранилась, но и приобрела большую остроту, чем до революции.

О сравнении общесоюзных показателей с Москвой и Ленинградом свидетельствует таблица 7.

Таблица 7

Распределение рабочих фабрично-заводской промышленности СССР по характеру занимаемого жилья в декабре 1926 г.* (в процентах)

Распределение рабочих по характеру занимаемого жилья	СССР	Москва	Ленинград
Занимали:			
отдельный дом	19,6	0,4	0,7
отдельную квартиру	26,3	9,5	34
более одной комнаты	11,4	2,5	27
одну комнату	24,7	52,3	36,7
часть комнаты	15,9	12,4	5,8
нежилое помещение	0,75	0,7	0,4
проживали в общежитии	0,6	0,2	0,2

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.54. С. 286—287.

Как видно, к декабрю 1926 г. можно отметить улучшение жилищных условий рабочих СССР. Прежде всего, в отличие от дореволюционного времени, ничтожная доля семейных рабочих и в столицах, и в провинции проживала в общежитии и в нежилых помещениях. Правда, среди рабочих-одиночек (344 298 человек) картина была иной. 25,3% из них проживали в общежитиях, 4,5% — в нежилых помещениях. Основная масса — 54% — занимала часть комнаты и только 15% — комнату и более.

Заметны были отличия жилищных условий столичных, прежде всего ленинградских, рабочих: в максимально стесненных условиях (часть комнаты, нежилое помещение) проживали 16,7% союзных, но 12,4% московских и только 6,2% ленинград-

ских рабочих. В то же время отдельную квартиру или более комнаты на семью имели 37,7% союзных, но 61% ленинградских рабочих. В Москве более половины рабочих проживали в отдельной комнате¹⁷¹. Сознвая условность сравнения, отметим: в 1926 г. в рабочих округах Парижа 85% семей проживали в двух комнатах¹⁷². В Москве аналогичный показатель не превышал 12,4%.

Интерес представляет распределение семей и одиночных рабочих по числу жителей на комнату (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение рабочих фабрично-заводской промышленности СССР по числу жителей на комнату в декабре 1926 г.* (в процентах)

Распределение рабочих по характеру занимаемого жилья	СССР	Москва	Ленинград	Уральская область
Занимали:				
один человек на комнату	1,8	1,2	5,7	0,9
более 1 до 2	17,8	24,3	35,5	10,3
более 2 до 3	21,7	28,7	27,5	17,5
более 3 до 5	32,9	33,4	24	35,9
более 5	24,9	12,6	7,1	35,4

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 310—311.

Вновь прослеживается тенденция более благоприятного проживания рабочих в Москве и Ленинграде. Доля рабочих с наиболее тяжелыми условиями проживания (более пяти человек в комнате) составляла в Москве в два раза, в Ленинграде более чем в три раза меньше, чем в среднем по СССР. В то же время удельный вес рабочих с оптимальным вариантом проживания (один человек на комнату) в Ленинграде был втрое выше, чем в СССР. Материалы по Уралу указывают на то, что владение собственными домами при наличии больших семей, могло оборачиваться и повышенной скученностью при проживании.

Наиболее полно об обеспеченности рабочих промышленностью СССР жильем можно судить на основании данных Всесоюзной переписи 1926 г. о размерах жилой площади, приходящейся в среднем на одного человека.

**Распределение рабочих фабрично-заводской промышленности СССР
по размеру жилой площади, приходящейся на одного человека
в декабре 1926 г.* (в процентах)**

Занимаемого жилья	СССР	Москва	Ленинград	Уральская область	Центральный промышлен- ный район
Приходилось:					
2 м ² и менее	10,5	7,1	4	12,9	10,9
более 2 до 3	19	14	10,5	19,5	21,5
более 3 до 4	18,9	20,9	13,7	17,5	21,7
более 4 до 6	27	32,6	28,5	25	27,6
более 6 до 8	12,6	14,6	18,4	12,1	11,2
более 8 до 10	5,9	5,1	10,6	6,1	4,1
более 10 до 12	2,7	1,3	6,2	2,9	1,5
более 12	2,8	0,6	8,1	3,6	1,2

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 302—303.

В декабре 1926 г. в СССР существовала минимально допустимая санитарно-гигиеническая норма, равная 8 м² на человека. Данные таблицы показывают, что только 11,4% рабочих фабрично-заводской промышленности СССР располагали жильем, размеры которого превышали санитарную норму. Однако в Ленинграде эта величина (24,9%) была в 2,2 раза выше. Переезд в Москву чиновников госаппарата, рост численности управленцев всех видов обусловил весьма скромные показатели московских рабочих (7%), близкие ко всему Центральному промышленному району (6,8%).

Показатель рабочих, живущих в наихудших условиях (менее 2 м² на человека), в Москве был ниже, чем по СССР в 1,5, в Ленинграде — в 2,5 раза. Обратим внимание на следующее обстоятельство. Удельный вес рабочих Ленинграда, живущих по «роскошной» норме для 20-х гг. (более 12 м² на человека), был втрое выше, чем в среднем по СССР.

В целом по СССР существовали два противоположных, различных слоя рабочих: один проживал в помещениях, отвечающих санитарной норме (11,4%). Как правило, эта категория рабочих являлась либо хозяевами прочных, основательных до-

мов дореволюционной постройки, позволяющих рабочим удовлетворять бытовые потребности и восстанавливать силы, либо съемщиками отдельных квартир.

Другой слой был представлен бедствующим, более многочисленным массивом в **29,5%** всех рабочих, имевшим менее 3 кв. м на человека. Он был близок к показателю массива рабочих, проживавших по пять человек и более в одной комнате (24,9%) и включал социум рабочих, проживающих в части комнаты и в нежилых помещениях и в общежитиях (17,25%). Подобное неравенство особенно остро ощущалось в условиях более чем скромного быта 20-х гг., и это неравенство не было региональной спецификой.

Наиболее тяжелым было положение тружеников горной промышленности. На Кизеловских копиях указанная категория рабочих составляла 50%, на рудниках в Калате и Карабаше — 62,7%¹⁷³. Обследование жилищных условий почти 8 тыс. шахтеров Кизеловских копий показало, что только у 8,8% рабочих на семью приходилось больше одной комнаты-каморки, расположенных, как правило, в казарменных помещениях. Подобная ситуация была характерна для шахтеров всего края. Анализируя и обобщая бытовые условия уральских шахтеров, региональный экономический журнал писал: «Когда в каморках живут одиночки-рабочие, им холодно, тесно, не хватает места для спанья, негде высушить производственную одежду, негде положить свой скудный запас провизии, привезенный из дома, так как казармы вообще не приспособлены для оседлой жизни. Но вот когда в казарменной каморке среди одиноких поселяется семья, то происходит ломка не только санитарных норм, но и бытовых устоев всей жизни человека»¹⁷⁴.

О физической и нравственной деградации рабочих — жителей казарм — в 20-е гг. еще открыто писала региональная пресса. Газета «Уральский рабочий» 8 января 1928 г. посвятила ряд страниц освещению жилищ рабочих края. В статье «Казарма № 85» описывался быт типичной казармы в шахтерском поселке вблизи Кизела. «Три большие комнаты, почти сплошь заставленные деревянными койками. Посреди объемная печь для варки пищи. Грубо сколоченный стол да две такие же скамьи. Вдоль бревенчатых нештукатуренных стен — полки, на которых лежит ничем не прикрытый хлеб шахтеров»¹⁷⁵. Рабочая казарма называлась сосредоточением «бедности, скученности, некультурности; территорией грязи и тесноты, проходным двором»¹⁷⁶.

Но, может быть, такая картина была характерна только для шахтерских поселков? Однако, по мнению наркома просвещения А.В. Луначарского, посетившего Урал в январе 1928 г., «ба-

рачное царство» поселков металлургов Нижнего Тагила, Лысьвы, Чусового мало чем отличалось от казарм челябинских и кизелеских горных бассейнов. «Зимой по Тагилу еще можно передвигаться, — писал А.В. Луначарский, — но весной и осенью по улицам текут реки грязи. Культурная жизнь примитивна; нет нормального клуба. Процветает пьянство и хулиганство. Кинотеатр — простой барак. Еще хуже обстановка в Лысьве — «центре большевизма». Я с ужасом посетил бараки, построенные еще во времена Первой мировой войны. Бараки были построены из расчета на 10 лет, а стоят 12 лет и грозят расползтись. Там живут и задыхаются по 6—8 человек в маленьких комнатухах, где постоянно болеют дети, 1,5 тыс. рабочих»¹⁷⁷.

Объективность замечаний А.В. Луначарского подтверждал журнал «Уральский коммунист». В заметке «О культурной работе в Лысьве» орган Уральского ОК ВКП(б) отмечал: «В бараках процветают пьянство, драки, воровство, картежные игры... мат»¹⁷⁸. В целом же к концу 1928 г. треть рабочих Урала проживала в помещениях барачного типа¹⁷⁹, что превращало жилищный вопрос в острейший из всего комплекса материально-бытовых проблем.

Общежития-казармы были повсеместным явлением, став основной формой проживания советских рабочих. Большинство общежитий 20—30-х гг. в Ленинграде, пишет Н.Б. Лебина, были барачного типа, грязные, плохо оборудованные. Проживание в них сопровождалось массой неудобств: холодом, теснотой, антисанитарией. Такой образ жизни ленинградских рабочих, отмечала комиссия горкома ВЛКСМ, ведет к пьянству, хулиганству, нечистоплотным привычкам¹⁸⁰.

Ценность опубликованных материалов заключалась, во-первых, в том, что они рисовали правдивую картину жилищной проблемы немалой части советских рабочих. Во-вторых, свидетельствовали о позиции и настроениях части лидеров СССР в решении социальных проблем. В-третьих, указывали на состав рабочих, проживающих в общежитиях-казармах.

Иная картина складывалась в поселках бывших казенных заводов. Мотовилихинский РК ВКП(б) в докладной записке в Уралобком (май 1927 г.) сообщал, что до революции каждый рабочий завода жил «индивидуально». В 1927 г. 75% рабочих имели собственное жилье, а 25% прибывших недавно пролетариев ютились в казармах и бараках¹⁸¹.

В качестве промежуточного варианта можно рассматривать картину с жильем на одном из старейших металлургических заводов Урала — Верх-Исетском. Судя по обследованию рабочих мартеновского цеха, 35% семей рабочих-визовцев проживали в своих домах; 28% проживали в домах заводского или городского

подчинения. Из них 5—6% обитали в благоустроенных домах; 22—23% — в неблагоустроенных, чаще всего барачного типа, без коммунальных удобств; 37% — снимали углы и комнаты в частных домах. Источниками водоснабжения во всех случаях выступали: для питья — несколько ключей; для хозяйственных нужд — колодцы, имеющиеся во многих дворах, а также речная вода из Исети¹⁸².

Сравнение жилищных условий рабочих СССР и столичных рабочих говорит о том, что размеры жилой площади, приходящейся на одного человека, были близки, за исключением «северной столицы»: 7,2 м² в Ленинграде, 4,3 м² в Москве (в 1925 г.) при 4,65 м² в среднем у рабочих фабрично-заводской промышленности СССР. Главное различие заключалось в качестве и наборе коммунальных услуг. В Москве в 1925 г., по данным О. Кабо, 83,3% жилищ рабочих имели водопровод; 81,8 — канализацию; 95,4 % — электричество. Противоположной гранью выступал Урал, где аналогичные показатели составляли: 1,6; 1; 65¹⁸³. По сути, к началу нового этапа индустриализации жилье рабочих российской провинции было лишено коммунальных удобств городского типа, за исключением наличия электричества для освещения у ²/₃ жилищ рабочих. Таким образом, как и в дореволюционное время, сохранялась градация пролетариев по количеству и качеству занимаемой жилплощади.

Заметим, что в литературе 20-х гг. отмечалось не только улучшение, но и ухудшение жилищных условий рабочих СССР в 1923—1927 гг. вследствие возвращения на предприятия рабочих, роста численности трудовых коллективов. Средняя жилая площадь, приходящаяся на одного рабочего, снизилась в этот период во всех категориях домовладений примерно на 10%¹⁸⁴.

В научных трудах 20-х гг. содержались и данные, раскрывающие оснащенность рабочих семей мебелью и спальными принадлежностями, посудой, бытовым инвентарем. За 1923—1927 гг. в среднем в семьях рабочих промышленности СССР норма обеспечения спальную мебелью выросла с 33 до 45% (из расчета на каждые 100 человек), но по-прежнему более половины рабочих вынуждены были спать на полу. Предметы мебели и бытового инвентаря оставались редкостью в рабочих семьях: на 100 человек — членов рабочих семей приходилось 3 буфета, 10 комодов, 13 шкафов, 18 стенных часов; 14 швейных машин — незаменимых помощников в обеспечении рабочих одеждой¹⁸⁵.

Как прогрессивное достижение рассматривалось увеличение в рабочих семьях «посуды, ножей, вилок, свидетельствующих о том, что исчезает малогиgienический деревенский способ питания из одной общей посуды... рост более дорогого кухонного

инвентаря (металлических чайников, утюгов, мясорубок, керосинок)». Опубликованная статистика еще могла в одних случаях подтверждать сказанное (наличие в среднем двух тарелок и стаканов или кружек на человека) и подвергать сомнению в других: указывая на принадлежность 4 мясорубок, 10 керосинок, 24 утюгов на 100 членов рабочих семей¹⁸⁶. Бедность большинства рабочих семей была очевидной; достаток уступал дореволюционному уровню жизни квалифицированных рабочих. Становилось все труднее списывать невзгоды рабочих на последствия Гражданской войны и козни империалистов.

Одной из попыток решения жилищно-бытовой проблемы стала инициатива самих рабочих, с помощью профсоюзов, при одобрении советских органов, по созданию *бытовых коммун*. Сказывались и сложность проживания в одиночку, и пропаганда идей коллективизма в противовес идей индивидуализма в пролетарской среде. Формами существования бытовых коммун стали: объединение скудных доходов и имущества рабочих, вплоть до одежды и белья; въезд в общие комнаты в общежитиях-бараках; в редких случаях — переселение в дома-коммуны, специально построенные для коллективного быта¹⁸⁷. Однако принципы уравнительности быстро вступали в противоречие с реальными потребностями рабочих. В результате возникшее в СССР во второй половине 20-х гг. движение городских бытовых коммун по своим масштабам было весьма скромным, охватив около 50 тыс. человек, организованных в более чем 50 коммун. Сам факт узости и малочисленности движения «бытовых коммунаров» свидетельствует о том, что энтузиазм «революции в быту» коснулся минимального числа рабочих¹⁸⁸.

Глобальное решение проблемы советское руководство видело, во-первых, в наращивании объемов жилищного строительства; во-вторых, в выравнивании условий проживания рабочих без учета специфики: квалификации, умения, упорства самих рабочих; понимания исторических причин несовпадения жилищных условий различных групп рабочих. В СССР в условиях сурового климата соседствовали рабочие — владельцы относительно просторного жилья и пролетарии, живущие в условиях скученности. Последних органы власти, пропаганда рассматривала как «настоящих рабочих». Характерно, что в мае 1930 г. профсоюзный журнал «Вопросы труда» (уже с обновленным руководством) улучшение жилищных условий рабочих ставил в зависимость от **выселения «нетрудовых элементов»**. Новая экспроприация, по подсчетам НКВД, должна была дать в РСФСР 3 млн м² жилой площади стоимостью 600 млн руб.¹⁸⁹ Для сравнения отметим, что в 1925—1928 гг. было выстроено пример-

но столько же новой жилплощади для рабочих промышленности (3,4 млн м²)¹⁹⁰. Если вспомнить, что именно в эти месяцы, во многом за счет «раскулачивания» крестьян, отнесенных к категории «зажиточных», осуществлялась коллективизация, можно сделать вывод о масштабе уравнилельных тенденций, вносимых правящей партией в общественное сознание советских людей, включая рабочих.

Начало нового этапа индустриализации в связи с ростом трудовых коллективов и небольшими объемами сооружаемого жилья привело к усилению неравенства в рабочей среде. При росте численности рабочих промышленности СССР в 1926—1928 гг. на 800 тыс. человек¹⁹¹ жилой фонд промышленных наркоматов вырос на 2,8 млн м²¹⁹². Это означало, что на одного нового рабочего приходилось 3,5 м², а в среднем, по нашим подсчетам, на каждого рабочего промышленности СССР в 1928 г. приходилось 4,4 м²¹⁹³. Например, обследование, проведенное весной 1929 г., показало, что удельный вес рабочих Урала, занимавших жилую площадь до 2 м² на человека, вырос с 12,9 до 29%¹⁹⁴.

Решение жилищной проблемы становилось ключевым вопросом обеспечения промышленности рабочей силой. Необходимо отметить, что в период нэпа власти понимали значимость жилищной проблемы. XV съезд ВКП(б) в директиве по составлению народно-хозяйственного плана указал на необходимость уделить «чрезвычайное внимание... при построении плана жилищного рабочего строительства». Съезд указал, что «ввиду крайней остроты жилищного кризиса необходимо такое увеличение жилищного рабочего строительства, которое обеспечило бы на протяжении ближайших пяти лет повышение обеспечения жилищной площадью рабочего населения»¹⁹⁵. Прирост жилплощади в первом пятилетии должен был составить 30,7% по городским поселениям СССР¹⁹⁶.

Каким же путем предполагалось осуществить жилищную программу? Анализ документов позволяет сделать следующие выводы. В годы первой пятилетки для достижения в 1932 г. нормы в 6 м² жилья на человека предполагалось сооружение 62% объема жилищного строительства в государственном и 38% в частном секторе¹⁹⁷.

Однако государственная стратегия с конца 20-х гг. предполагала вытеснение любых форм частной инициативы. **Необоснованное ограничение строительства в частном секторе** привело к сокращению индивидуальной застройки в городах и городских поселениях в СССР: с 58% в 1925 г. до 17% в 1930 г.¹⁹⁸ Это, естественно, повлияло на масштаб объемов возводимого жилья как в годы первой пятилетки, так и в целом в 30-е гг. XX в.

Существенным звеном в решении жилищной проблемы должны были стать созданные в 1922 г. жилищно-строительные кооперативы (ЖСК). К 1927 г. ЖСК объединяли свыше 160 тыс. пайщиков, в том числе 120 тыс. (75%) рабочих¹⁹⁹. К 1932 г. число членов ЖСК увеличилось до 619 тыс.²⁰⁰ Кооперативы сооружали в основном бревенчатые дома на 2—8 квартир, реже — здания из шлака и низких сортов асбеста, из расчета 6 м² на человека²⁰¹.

Государство прилагало усилия для снижения затрат рабочих на уплату паевых взносов и процентов по ссуде: об этом свидетельствует ряд постановлений правительства конца 20-х гг. Но кооперативное строительство превращалось в дорогостоящую для рабочих программу даже на льготных условиях: $\frac{5}{6}$ средств, идущих на строительство кооперативного жилья, предоставляло государство. В результате при стоимости двухкомнатной квартиры в 3500, трехкомнатной — 4500 руб., рабочие выплачивали сразу только 10%²⁰².

Вместе с тем льготы рабочим — длительный срок выплаты ссуды (от 20—25 до 45—60 лет), а в ряде случаев отсутствие платы за первые три года и т. д. — не меняли главного: при невысоких зарплатах рабочих и паевой взнос, и льготный режим квартирной платы в ЖСК становились непосильными для большинства рабочих. Невозможность платить в месяц по 14—15 руб. за двухкомнатную квартиру при зарплате в 40—60 руб. у большинства рабочих отмечали в завуалированной форме общесоюзные средства информации²⁰³.

В силу указанных причин ЖСК на протяжении 30-х гг. играли скромную роль. Объем вводимого нового жилья балансировал в диапазоне 2,5—8 тыс. м² в год²⁰⁴. Государство последовательно усиливало свой контроль за жильцами ЖСК, установив, например, в 1933 г. право местных органов выселять из кооперативного жилья в случае нарушения трудовой дисциплины. В 1937 г. ЖСК были упразднены, и их собственность (а значит, и квартиры рабочих) передана в ведомственное подчинение предприятиям или местным Советам. В вину ЖСК вменялось то, что «жилье фактически превратилось в личную собственность» граждан. Тем самым имущество пайщиков, в том числе значительной части рабочих, было национализировано²⁰⁵.

Ограничив участие индивидуального и кооперативного строительства, государство возложило на себя основную задачу обеспечения рабочих жильем. Заложенное изначально несоответствие финансирования промышленного и бытового строительства власти попытались решить за счет удешевления жилья для рабочих. Анализ жилищных программ промышленных трестов в

годы первой пятилетки говорит о значительной доле сооружения построек барачного типа, достигающей 100%²⁰⁶.

Основным застройщиком выступали промышленные организации. Если в 1928 г. жилой фонд промышленных предприятий составлял 10,6 млн м², то в 1932 г. — более 22 млн м², где проживали почти 50% промышленных рабочих²⁰⁷. По несложным подсчетам получалось, что в домах промышленных организаций в 1932 г. проживали три миллиона промышленных рабочих, а также порядка миллиона служащих и ИТР, т. е. 4 млн человек. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в городских поселениях численность одной семьи составляла 3,6 чел. (в 1926 г. — 3,9 чел.). Члены семей, проживающие совместно с главой семьи, составляли 60% городского населения²⁰⁸. Это означало, что у 3 млн семейных мужчин и женщин, занятых в промышленности, насчитывалось приблизительно 4,5 млн детей, исходя из средней рождаемости на одну женщину в 1930—1934 гг. 3,4 ребенка²⁰⁹. По самым скромным расчетам, в домах промышленных организаций в 1932 г. проживало 8,5 млн человек, что привело к уменьшению жилой площади, приходящейся на одного человека, до 2,6 м²!

Примеры по регионам подтверждают наши выводы. В Кузбассе в 1930 г. на одного рабочего и члена его семьи приходилось 1,4—1,7 м²²¹⁰; в Донбассе (1931 г.) — 3,8 м²²¹¹; в Москве (1931 г.) для всех граждан — 3,77 м². Современные исследователи обращают внимание на то, что жилье для рабочих в начале 30-х гг. строилось без отопления и удобств, как временки. Даже специальные многоквартирные дома для рабочих столицы строились в спешке, мало чем отличаясь от бараков, и находились за чертой города²¹².

Ухудшение жилищных условий рабочих в 1928—1932 гг. отмечалось и в советской историографии, но в совершенно иных размерах: с 5 м² до 4,3 м² в 1932 г. (сравним с 2,6 м², выведенными расчетным путем!). При этом уже в 1935 г. чудесным образом этот показатель стремительно повышался до 5—6,5 м² на человека, а к 1940 г. — до 6,6 м²²¹³. Мы относимся к приведенным величинам как к **фантастическим**, не подтвержденным статистикой.

В 1934 г. СНК СССР принял постановление «Об улучшении жилищного строительства»²¹⁴, ограничивающее возведение бараков и каркасных домов. В рабочих центрах должны были возводиться только капитальные дома, снабженные коммунальными услугами. С этого времени можно говорить о некоторых позитивных переменах в жилищном строительстве в СССР. Речь идет,

прежде всего, о развитии коммунального хозяйства в рабочих центрах. Однако ограниченность средств обусловила малую обеспеченность жилого фонда городских поселений СССР канализацией, водопроводом, центральным отоплением к рубежу 30—40-х гг. В 1937 г. даже государственный жилищный фонд был обеспечен водопроводом на 52,8%, центральным отоплением — на 18,6%, электроосвещением — на 92,5%²¹⁵.

Рассмотрим данную проблему в региональном разрезе.

Таблица 10

Состояние коммунального хозяйства обобщественного жилфонда городов Урала на 1 января 1939 г.*

Область, республика, регион	Количество жилплощади				
	всего, тыс. м ²	в том числе, в %			
		с водопроводом	с канализацией	с центр. отопл.	с электр.
Пермская	1604,5	25	22,2	15,4	93,9
Свердловская	2917,2	25,8	21,6	16,5	93,3
Челябинская	1615,4	42,4	33,7	30,6	91,3
Оренбургская	640,7	31,2	15,1	12,4	77,9
Башкирия	718,0	19,6	7,1	9,7	82,2
Удмуртия	378,4	35,2	29,4	15,1	87,6
Урал	7874,2	29,36	22,9	18,2	90,4

* Источник: Айрапетов В.Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. 1937—1975 гг. Свердловск, 1981. С. 15.

Статистические данные таблицы, казалось бы, свидетельствуют о существенных сдвигах в рассматриваемой сфере: электрификация $\frac{9}{10}$ жилого фонда; благоустройство примерно $\frac{1}{5}$ домов были делом в основном одного десятилетия. Обратим внимание на то, что в наименее индустриально развитых Башкирии и Оренбургской области показатели благоустройства были ниже. Однако приведенные данные характеризуют только жилой фонд городов, тогда как значительная часть рабочих Урала (30,3%) про-

живала в рабочих поселках и на селе (16,8%)²¹⁶. Рассмотрим состояние жилфонда этой более обширной категории поселений на примере Оренбургской, Челябинской и Свердловской областей.

Таблица 11

Состав и благоустройство обобщественного жилого фонда городов и рабочих поселков Оренбургской и Челябинской обл. на 1 января 1941 г. (в процентах)*

Показатель	Оренбург- ская обл.	Челябин- ская обл.	Свердловская обл. (на 1 янв. 1940 г.)		
			вся обл.	города	городские поселки
Водопровод	22,9	16,7	22,3	24,9	5,9
Канализация	10	14,1	18,8	20,8	1
Центр. отоплен.	11,6	13,3	14,3	16	3,4
Электричество	70,8	91,2	91,9	94	78,9

* Источник: Большаков А.В. Жилищно-бытовые условия рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма. 1937—1975 гг. С. 38—39; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1331. Л. 5—6.

Расчеты, проведенные на основе материалов таблицы, показывают, что в среднем по трем областям Урала 13,5—21% жителей *городов и рабочих поселков* проживали в благоустроенных домах. Как свидетельствуют материалы таблиц, данные показатели были характерны и для Урала в целом. Но обратим внимание на два обстоятельства, не отмеченных историками: во-первых, речь идет только об одном секторе жилфонда обобщественном, составлявшем к 1938 г. в Свердловской и Пермской областях 56,6%, а в Челябинской — 82% от общего жилфонда городских поселений²¹⁷. Частный сектор практически не имел коммунальных удобств, что снижает реальную долю жителей городов и рабочих поселков, проживающих в благоустроенных домах в Свердловской, Пермской, Челябинской областях примерно в 1,5 раза. Во-вторых, сопоставление архивных материалов показывает: **статистика благоустройства домов не включала в данном случае подсчет бараков**. Коммунальная статистика барачного фонда велась отдельно. О степени благоустройства бараков свидетельствует таблица 12.

Характеристика благоустройства барачного фонда Свердловской области на 1 января 1940 г. (в процентах)*

Администр. единица	Показатель			
	водопровод	канализация	центральное отопление	электричество
Область	1,9	0,5	0,2	87,9
Город	2,3	0,6	0,2	91,9
Гор. поселки	0	0	0	67,7

* Источник: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1313. Л. 5—6.

Как видно из материалов таблицы, треть жителей бараков городских поселков в наиболее развитой в промышленном отношении области Урала не имела даже электрического света.

Если в конце 20-х гг. барачные районы были достопримечательностью, главным образом, поселков рабочих горной и лесной промышленности, реже легкой промышленности, то в 30-е гг. бараки становятся основой жилых массивов как новых, так и старых городов, став местом обитания, например, $\frac{2}{3}$ рабочих промышленности и строительства Урала²¹⁸. **К концу 30-х гг. в областных центрах Урала бараки составляли половину городского жилья**²¹⁹. Жизнь в рабочих бараках, с массой бытовых неудобств и конфликтов, порождала недовольство трудящихся, формами которого были текучесть кадров, пьянство и письма «во власть»²²⁰. Характерно и то, что к 1938 г. на частный сектор приходилось 40% жилого фонда в городских поселениях Свердловской, Пермской, Челябинской областей, тогда как в 1927 г. этот показатель равнялся 69,5%²²¹. Таким образом, если судить по городским поселениям Урала, *за 1927—1937 гг. частный и обобществленный сектора поменялись местами по удельному весу в общем жилом фонде.*

Обратим внимание на любопытный факт: если по всем предприятиям крупной промышленности Урала удельный вес рабочих, проживающих в бараках, к концу 30-х гг. составлял около 30%, то в областных центрах — сосредоточениях новых заводо-гигантов — примерно 50%. Это означало, что в административных центрах Урала накапливался больший потенциал социального недовольства, давления уравнилельных настроений на власть.

Подлинный показатель удельного веса жильцов благоустроенных домов городов и рабочих поселков Урала к 1941 г. составлял примерно 9—14%, причем доля рабочих была существенно меньше. Отметим в этой связи, что показатели благоустройства жилого фонда Свердловской области — наиболее благополучной в этой сфере на Урале — вдвое уступали общесоюзным: 18—28%²²². Выскажем мнение, что ближе к реальности нижняя граница приведенных показателей. Это означало, что к 1941 г. примерно 18% жителей городов и рабочих поселков СССР проживали в благоустроенных домах.

Точные данные по социальному составу жильцов каменных домов считались одним из основных секретов советского государства. Тем интереснее пример соцгородка Мотовилихинского завода: здесь *среди жильцов каменных жилых домов* удельный вес рабочих и членов их семей не превышал **50%**, тогда как в бараках (доля рабочих вместе с младшим обслуживающим персоналом) он равнялся 92%²²³. С учетом насыщенности столичных и областных центров управленческим аппаратом в целом по СССР доля рабочих, проживающих в благоустроенных каменных домах, к 1941 г. была ниже 50%. Однако за отсутствием других сведений будем использовать приведенный показатель (50%) как типичный. В этом случае на долю рабочих, проживавших в благоустроенном жилье, приходилось порядка 9% из числа жителей городов и рабочих поселков СССР.

Уделом большинства рабочих оставалась жизнь в бараках или близких к ним сооружениях. В качестве примера проанализируем состояние дел в соцгородке еще одного крупного предприятия промышленности — Уралмаша. К концу 1938 г. 30% жильцов соцгородка проживали в бараках; 17% в рубленых, а 31,5% — в каркасных домах, по сути, полубараках; т. е. для почти $\frac{4}{5}$ уралмашевцев благоустройство ограничивалось электрическим освещением. **Только 21,5% жителей соцгородка УЗТМ проживали в каменных домах.** Средняя норма на человека составляла в бараках 3,7 м²; в остальных домах — 4,7 м² ²²⁴. При использовании «рабочей пятидесятипроцентной нормы» соцгородка Мотовилихинского завода мы получим показатель для рабочих Уралмаша в 10,75% от числа проживающих в благоустроенном жилье, т. е. близкий к нашему расчетному — 9%.

О типичности же ситуации в соцгородке Уралмаша для Урала в целом можно судить по тому, что на каменные дома приходилось 23% жилой площади обобщественного фонда городов и рабочих поселков Свердловской и Пермской обл. Основная масса населения проживала в деревянных каркасных или рубленых домах одно- и двухэтажной застройки²²⁵, т. е. в сооружениях, по

степени благоустройства близких к баракам. Жители многочисленных бараков завидовали не только обитателям каменных домов, но и тем, кто проживал в своих избах, с огородом и палисадником. Крохотный палисадник казался уютным и защищенным миром собственного дома.

В несколько лучшем положении были рабочие старых заводов Урала. Так, 44% металлургов Верх-Исетского завода (ВИЗа) в 1935 г. проживали в собственных домах с огородами и небольшими садами (у половины домовладельцев)²²⁶. Анализ структуры жилищных владений рабочих ВИЗа приводит к интересным выводам.

Таблица 13

Структура жилищных владений рабочих ВИЗа в 1913 и 1934 гг.
(в процентах)*

Количество занимаемых комнат	Количество рабочих	
	1913	1934
Не имели отдельной комнаты	5,5	—
Занимали одну комнату	73	68,1
Две комнаты	16	26,4
Три и больше комнат	5,5	5,5

* Источник: Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 72.

Данные таблицы свидетельствуют о положительных изменениях в жилищном положении рабочих, точнее, у определенного обследованного массива металлургов, представленного потомственными, кадровыми рабочими. Момент принципиальный: в областном городе, неофициальной столице Урала, за период 1913—1934 гг. у наиболее квалифицированной, кадровой, возрастной части рабочих улучшение жилищных условий произошло у десятой части рабочих! Относительное улучшение налицо, но оно произошло только у десятой части рабочих! Средний размер комнаты в квартире рабочих ВИЗа равнялся 18,4 м². В среднем на одну комнату приходится 3,2 жилья, а на одного человека — 5,6 м² ²²⁷.

Что представляло домашнее убранство в рабочих семьях? Выясним поначалу: на чем спали рабочие? Судя по данным А.С. Введенского, к концу 20-х гг. не более 4,5% рабочих в Моск-

ве продолжали спать на полу; в провинции этот показатель повышался до 15,8%, а в целом по СССР — 11,5%. (При этом автор с гордостью сообщал, что среди рабочих-коммунистов процент спящих на полу меньше: 8,7%). Вместе с тем только у небольшой части рабочих имелась отдельная кровать²²⁸.

Материалы Введенского подтверждают данные по Верх-Исетскому заводу.

Таблица 14

Бытовые условия рабочих ВИЗа в 1913—1934 гг. (в процентах)*

На чем спят	1913	1934
На отдельных кроватях	15,7	22,9
Вдвоем на одной кровати	46,1	63,2
На полу	30,9	12,4
На печи	0,5	1,5
На полатах	4,7	—
Где придется	2,1	—

* Источник: Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 77.

Как видно, и здесь можно отметить позитивные изменения в быту, но к разряду революционных их отнести трудно. Количество спящих на кроватях за 1913—1934 гг. увеличилось с 61,8 до 86,1%. Полаты ушли из рабочего быта; вывелся обычай спать где придется.

Если в 1913 г. 55,7% рабочих ВИЗа признали свои семьи полностью обеспеченными мебелью, то в 1934 г. — 83,8%. Сколь же скромны были потребности рабочих семей, чтобы признать свое полное обеспечение, если в 1935 г. приобрести комод смогла только одна семья из ста; кровать — одна из 67 семей, трюмо — одна из 200²²⁹.

Более сложная ситуация с жильем возникала в городских поселениях, возникших в годы первых пятилеток. На гиганте индустрии Челябинской области — Магнитогорском металлургическом заводе в 1938 г. из 220 тыс. жителей 2% — в основном управленческий состав — проживали в благоустроенных домах улучшенной планировки; 15% — в обычных многоквартирных домах; 8% — в домах, находившихся в личном пользовании; 50% — в ба-

раках; 25%, в основном чернорабочие, нередко бывшие спецпереселенцы — в землянках²³⁰.

К началу 1941 г. ситуация изменилась к лучшему, но незначительно: 66,8% жилой площади приходилось на бараки, а примерно десятая часть рабочих (более 1700 человек) проживала в землянках. На капитальные здания приходилось 16,3% городской жилплощади²³¹.

В докладной записке Свердловского обкома ВКП(б) в ЦК (октябрь 1938 г.) о положении дел на передовом предприятии Урала — Пермском авиамоторном заводе можно найти следующие строки: завод буквально задыхается от нехватки жилья. 2500 рабочих и служащих живут в холодных бараках в комнатах по 2—3 семьи; еще 2500 — в общежитиях, близких к баракам; 200 семей обитают в сараях и складах. С наступлением холодов эта категория трудящихся — жителей бараков (по нашим подсчетам, она составляла около трети занятых на предприятии) была подвержена болезням. В косвенной форме приведенный документ связывал ситуацию с жильем с положением дел на производстве: ВВС вернули заводу за 9 месяцев 1938 г. 600 авиамоторов. Это означало, что каждый третий мотор для авиации являлся бракованным²³². Не случайно в 1938 г. из-за неполадок мотора разбился В. Чкалов, а также другие испытатели.

Кроме того, власть поставила распределение жилья в прямую зависимость от политической лояльности рабочих. В сентябре 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР администрация предприятий получила право выселять рабочих из помещений, расположенных в поселках оборонных предприятий²³³. В ноябре 1932 г. это право было распространено на рабочих всех предприятий²³⁴, включая, как уже отмечалось, и рабочих — жильцов ЖСК. С началом стахановского движения получение жилья оказалось в прямой зависимости от сочетания таких факторов, как трудовая активность, политическая благонадежность и, в меньшей степени, квалификация рабочих.

Общей чертой для всех категорий рабочих СССР оставалась низкая душевая норма жилплощади. В среднем рабочая семья на Урале к 1937 г. имела 3,15 м²²³⁵. К 1941 г. каких-либо существенных изменений не произошло. На одного рабочего Урала и члена их семей приходилось не более 3,5 м² жилья, т. е. меньше, чем в 1926 г. (4,8 м²). И этот показатель был достигнут благодаря высокому удельному весу частного жилья рабочих.

Приведенный пример Урала был типичным для промышленных регионов СССР, где жилищные условия рабочих были не менее тяжелыми. Так, в Сибири на одного жителя городов в 1937 г. приходилось от 2,5 до 3,6 м² жилья. Местом проживания

значительной части рабочих были бараки. Например, в бараках и помещениях барачного типа проживала половина шахтеров Кузбасса (76% в областном центре Кемерово)²³⁶.

Но и столица не была исключением в сфере рабочего жилья. На одном из крупнейших предприятий Москвы — заводе «Серп и молот» — жилой фонд к 1941 г. состоял из 68 домов, из которых только три были благоустроенными. Остальные деревянные строения находились в ветхом состоянии; были разбросаны по пяти районам с расстоянием друг от друга и от завода до 15 км. В 1937 г. треть рабочих (2,5 тыс.) проживали в бараках, где на человека приходилось 2,5 м². Около 2 тыс. проживали в заводских домах, где на человека приходилось 2,5 м² жилой площади. Комната для рабочей семьи, по правилам — одна на четырех человек, считалась благом. Еще более 2 тыс. человек, проживавших в частном или городском жилищном фонде, проходили по категории «остро нуждающиеся в жилой площади»²³⁷. Собственно говоря, к остро нуждающимся можно было отнести почти $\frac{9}{10}$ рабочих столичного завода-гиганта. В отчете 1938 г. о жизни в заводских бараках было сказано, что «семейные с детьми малого и среднего возраста отгорожены лишь ситцевыми занавесками и занимают койки не по количеству членов семьи, а помещаются в большинстве случаев по 2 человека на одной койке, что вызывает недовольство среди рабочих»²³⁸.

Отметив жилищное положение рабочих завода «Серп и молот» как **катастрофическое**; подчеркнув, что реально отдельную квартиру могли получить только представители партийно-государственной номенклатуры, высококвалифицированные специалисты, «деятели науки и культуры» и «отдельные передовики производства», А. Маркевич и А. Соколов тем не менее повторяют широко распространенное утверждение о том, что в 1940 г. на одного рабочего в СССР приходилось 6,7 м² жилья²³⁹.

Л.А. Гордон и Э.В. Клопов — авторы книги, ставшей в свое время веховой, отмечают: жилой фонд городов и поселков СССР за 1926—1940 гг. вырос в 1,9 раза при росте городского населения более чем 2 раза²⁴⁰. По уточненным оценкам В.Б. Жиромской, население городов и городских поселков выросло в 1926—1939 гг. в 1,9 раза²⁴¹. Каким же образом, при равном соотношении темпов роста жилья и городского населения, при росте численности рабочих промышленности в 1926—1940 гг. в 5 раз (с 2,3 млн до 11,6 млн человек²⁴²), душевая норма жилья, приходящаяся на одного рабочего, могла вырасти с 4,65 до 6,7 м², если значительная масса городского жилого фонда отходила к управленцам всех видов? В данном случае следует отметить справедливость утверждения авторов третьего тома многотомной истории советского

рабочего класса, относящегося к началу 40-х гг.: «Большая же часть городского фонда еще не была оборудована удобствами. Деревянные дома и бараки составляли значительную часть жилых фондов наркоматов и ведомств»²⁴³. Показатели жилищных условий рабочих различных регионов СССР — Урала, Сибири, Москвы, Донбасса к концу 30-х гг. достаточно близки: речь идет о величине, не превышающей **4 м² на одного рабочего и члена его семьи, т. е. меньшей, чем в 1926 г. и близкой к дореволюционному показателю**²⁴⁴.

Что касается оплаты жилья — она действительно оставалась низкой, не превышая 4—5% доходов рабочих. Однако с учетом оплаты коммунальных услуг, расходы на жилье составляли в бюджете рабочих 8—10%²⁴⁵. Приводимые в литературе более низкие показатели (например, 3,8%²⁴⁶), судя по архивным источникам, не учитывают оплату коммунальных услуг. В связи с переводом жилищного фонда предприятий на платность доля рабочих, получавших бесплатную квартиру от предприятий, сократилась с 19,2% от всех рабочих ценовой промышленности в 1927/28 хоз. г. в СССР до соответственно 7,5% в 1929/30 хоз. г.²⁴⁷ В более поздний период статистика не приводит сведений по данному вопросу, что, с учетом вышесказанного, позволяет сделать вывод об отсутствии массива рабочих, не оплачивающих жилищные услуги.

К 1941 г. жилищная политика государства привела к выделению в рабочем социуме следующих слоев: меньшинство (по самым приблизительным подсчетам — 10 %) рабочих, относящихся к стахановцам, либо к рабочим-партийцам, не входящих в число стахановцев, получили право въехать в каменные дома, значительная часть которых была благоустроена²⁴⁸. Требуется дополнительного изучения вопрос о социальном составе лиц, проходивших по категории «рабочие», так как к последним относились и выдвиженцы. Однако и в этом случае чаще всего речь шла о владении комнатой в коммунальной квартире²⁴⁹. Квартиру в благоустроенных домах получали, как правило, «знатные стахановцы».

Для сравнения отметим: к концу 30-х гг., по данным Н.Б. Лебиной, в Ленинграде отдельную квартиру имели 25% рабочих²⁵⁰, однако автор не уточняет: *о каких рабочих и о каких квартирах* идет речь. Между тем в исторической литературе хорошо известен и слой выдвиженцев, оставшихся рабочими только по социальному происхождению, а также термин комнатно-каморочные квартиры, весьма далекие от понимания благоустроенных квартир в представлениях людей 30-х гг. Тем не менее получение благоустроенного жилья в каменных домах давало импульс положительным эмоциям рабочих. Проживание в комнатах ком-

мунальных квартир и, намного реже, в собственных квартирах в каменных многоэтажных домах давало рабочим дополнительную возможность наблюдения за распорядком быта служащих и интеллигенции, приобщения к *рациональным и прагматическим* нормам и правилам поведения городской жизни; служило дополнительным стимулом к повышению культурного уровня и социального статуса рабочих.

Противоположным по своим жилищным условиям слоем, с учетом лиц принудительного труда, постоянно занятых на предприятиях индустрии, являлись как минимум треть представителей «правлящего класса», которая к 1941 г. проживала в бараках без всяких удобств, кроме электричества²⁵¹. Жилищные условия рабочих, занятых принудительным трудом, были более тяжелыми, чем у вольнонаемных, также относящихся к «барачной цивилизации». Заметим, что барачный фонд, практически отсутствуя у предприятий легкой и пищевой промышленности²⁵², оказался в распоряжении «монополистов» — Наркомата тяжелой промышленности. Массив барачных домов продолжал существовать и расширяться в конце 30-х гг. даже в Москве. Несмотря на постановление Моссовета 1934 г., запрещающее дальнейшее строительство барачных домов в городе, к 1938 г. уже существующих московских барачных домов было добавлено 225 новых²⁵³.

Жизнь в бараках не способствовала ни учебе в школах взрослых, ни в системе технического образования, ни тем более посещению учреждений культуры. Требовались дополнительные волевые усилия для того, чтобы преодолеть бытовую неустроенность, усталость от тяжелого физического труда и распространенное пьянство²⁵⁴. Именно жильцы барачных домов составляли основную массу авторов писем «во власть»; отличались повышенной готовностью к поддержке слухов, социальной нетерпимостью²⁵⁵.

Между владельцами благоустроенного жилья и жителями барачных домов располагалась группа рабочих—владельцев собственного жилья и рабочих, проживающих в государственных каркасных или рубленых жилых домах. Объединяющей характеристикой для указанных групп рабочих стало отсутствие в их жилищах большинства видов коммунальных услуг. Однако если рабочие — владельцы собственного жилья по традиции привыкли рассчитывать на свои силы, ощущали себя хозяевами в рамках своих не столь больших владений, то социокультурный уклад рабочих, проживающих в государственных каркасных или рубленых жилых домах, преимущественно был ориентирован на ожидание государственного блага.

Грани между названными категориями рабочих были ошутимы для современников, вызывали множество бытовых конфликтов. Накопление бытовых конфликтов в качестве социального явления не могло не «перелиться» в политическую сферу, точнее, в поле зрения партийных органов и учреждений НКВД. В обстановке репрессий середины 30-х гг. недовольство рабочих своими жилищными условиями объективно служило питательной средой для обвинений представителей управленческого корпуса и интеллигенции, как правило, проживавших вне «барачного царства».

Марксистские теоретики определяли «социалистический город» прежде всего как противоположность капиталистическому городу, который они представляли себе хаотическим, уродливым, бесконтрольно разрастающимся Молохом. «Социалистический город» должен был быть здоровым, чистым, рациональным и комфортабельным, но вместе с тем не городом в существующем смысле слова, а приложением к производственному процессу²⁵⁶.

В этом заключалось глубокое противоречие: представление о новом городе как о совокупности озелененных кварталов, защищающих жителей от загазованности предприятий, сочеталось с традиционным для России пониманием промышленных городских поселений как *рабочих поселков*, в которых промышленные сооружения и жилые кварталы слились друг с другом²⁵⁷. Внутренняя замкнутость рабочих поселков, концентрирующих собственные системы социокультурных объектов, коммунального хозяйства, сеть филиалов вузов и техникумов, садово-огородных товариществ, позволяла жителям сохранять ощущение своей «большой деревни». Скверы и парки, возникшие в городах СССР, скрашивая внешний облик поселений, только формально являлись общегородскими. Подлинным хозяином конкретного парка являлось промышленное предприятие или ведомственное учреждение. Консервация поселковой жизни порождала и консервацию социокультурных представлений рабочих.

В целом в рассматриваемый период вырос диапазон жилищных условий, в которых проживали рабочие СССР. Это говорило о сохранении и наполнении новыми чертами социальной неоднородности рабочего социума. На примере распределения жилищного фонда видно, что советское государство в 30-е гг. выстроило большую иерархию взаимоотношений, чем таковая существовала в дореволюционную пору. С учетом сокращения удельного веса рабочих — владельцев собственного жилья за годы первых пятилеток произошло ухудшение качественных характеристик жилищного фонда для большинства рабочих крупной промышленности СССР при заметном улучшении квартирного

благосостояния «рабочей аристократии». Такая дифференциация создавала заведомо различные возможности повышения культурного уровня и социального статуса в рабочем социуме.

§ 3. Питание, бюджеты — компоненты социального облика рабочих России и СССР

Важным компонентом материально-бытового положения является содержание и качество питания, от которого зависит физическое развитие, работоспособность и жизнедеятельность человека, производительность его труда. Вопрос о питании российских рабочих получил неоднозначное освещение в трудах историков. Характеризуя типы питания и пищевого довольствия в начале XX в., Ю.И. Кирьянов отмечал, что существовали два типа самостоятельного питания — семейное и одиночное. Рабочие питались дома (к этой категории относилось и питание, принесенное из дома), в артелях, в трактирах, столовых, у квартирохозяев, на рабочих местах; реже — получали «хозяйские харчи». При этом семейные рабочие питались обычно дома или пищей, взятой из дома. Одиночки пользовались столовыми, закусочными, трактирами²⁵⁸.

Непосредственно заводских столовых даже в столице было мало. На одном из передовых предприятий Петербурга — Балтийском заводе столовая обслуживала 15% рабочих, причем только обедом²⁵⁹. Более репрезентативное исследование осенью 1909 г. 1750 рабочих различных профессий Петербурга показало: 54% рабочих обедали дома, 20% — в столовых, остальные в мастерских, трактирах или разных местах. Преобладание семейного типа питания было характерно и для других промышленных регионов. В начале XX в. «хозяйские харчи» оставались распространёнными только среди сезонных рабочих, тружеников небольших предприятий легкой промышленности²⁶⁰.

По мнению В.Ю. Крупянской, питание уральских рабочих было более упорядоченным, чем у рабочих Центра и Петербурга, чему способствовали наличие подсобного хозяйства и сам уклад жизни рабочей семьи. Варка пищи была, как правило, ежедневной; рабочая семья питалась три-четыре раза в день. Аналогичное мнение высказала и Т.К. Гуськова²⁶¹. С этими оценками не согласился Д.В. Гаврилов, заметивший, что ни В.Ю. Крупянская, ни Т.К. Гуськова каких-либо количественных и качественных характеристик рационов питания рабочих не сообщают²⁶². Между тем в указанной статье В.Ю. Крупянской выводы сделаны на основе бюджетных обследований, относящихся к 1913 г.²⁶³, что снимает вопрос о научной обоснованности суждения автора.

Отмеченные выше бюджетные обследования В.Ю. Крупянской и Т.К. Гуськовой проводились на основе материалов Нижнетагильского горнозаводского округа.

Насколько же выводы В.Ю. Крупянской представительны для Урала в целом? Рассмотрим результаты обследования питания рабочих Екатеринбурга в 1913 г. Завтрак 60% рабочих составлял чай с молоком, а также хлеб и мясные продукты. У 10% присутствовал горячий завтрак. Обед у 100% рабочих составляли мясные и молочные продукты. Ужин у 4 % — хлеб и молоко, а у 96% — мясные или рыбные продукты, молочные изделия²⁶⁴. В данном случае налицо подтверждение результатов нижнетагильского исследования.

В монографии Ю.И. Кирьянова важное значение имеет вывод о переменах в питании рабочих России в период 1900—1913 гг. По мнению исследователя, новыми явлениями стали: сокращение артельного питания, увеличение доли рабочих, питавшихся в дешевых столовых. Массив рабочих, регулярно принимавших горячую пищу, составлял от половины до $\frac{3}{4}$ всех пролетариев. 13—18% рабочих постоянно имели сухую пищу; 14—30% — горячую и сухую (холодную), в зависимости от обстоятельств²⁶⁵. Тенденция к вытеснению сухой пищи горячей из питания рабочих Урала в 90-е гг. XIX в. обозначена в монографии Д.В. Гаврилова²⁶⁶.

Рассмотрим данные, классифицирующие рабочих по уровню питания. В конце XIX в. к первой группе относились рабочие, получавшие в день от 1,2 до 1,5 руб. Эти рабочие ежедневно ели мясо, употребляли в пищу сало, молоко. Ко второй группе причисляли рабочих, зарабатывающих в среднем 65—80 коп. в день. Они несколько раз в неделю ели мясо. К третьей группе относились получавшие 35—40 коп. в день. Мяса они почти никогда не ели, лишь по большим праздникам; молоко и сало употребляли в малом количестве, питание их было однообразным и состояло в основном из картофеля, гороха, каш и хлеба²⁶⁷.

Классификация была характерна для конца XIX в., но с учетом роста цен в 1900—1913 гг. на 23—24%²⁶⁸ критерии трех перечисленных групп могут быть таковы: рабочие с заработком более 1,5 руб. в день; от 80 коп. до 1,5 руб.; менее 80 коп., т. е. близкими к рассмотренной нами градации системы оплаты труда в июне 1914 г. Следовательно, с известной долей приближенности, к первой группе рабочих могут быть отнесены 18%, ко второй — 32,5%. Что же касается третьей группы, по указанному критерию к ней относятся пролетарии наиболее низкооплачиваемой категории, т. е. 25,6%. Предложенная градация может быть использо-

вана для классификации рабочих крупной промышленности России по уровню питания.

Конечно, подлинная картина питания российских рабочих была более сложной и зависела от наличия или отсутствия земельных наделов, других факторов. Прослеживается отраслевой аспект: подавляющее большинство рабочих горнорудной и соляной промышленности, лесозаготовок, предприятий по выработке шерсти и льна, кирпичных и винокуренных заводов, исходя из величины заработков, относилось к разряду неудовлетворительно питавшихся, чей рацион мало изменился с пореформенных времен. **Получалось так, что рабочие, занятые на наиболее трудоемких работах, питались хуже, чем их товарищи по производству.** Так, например, у чернорабочих Нижнетагильского горнозаводского округа $\frac{3}{4}$ расходов уходило на питание, в том числе 52,5% — на покупку хлеба²⁶⁹. Более разнообразный ассортимент продуктов и, что немаловажно, примерно на 10% дешевле рабочие могли приобрести в кооперативных магазинах. Однако членами кооперативов являлись, как правило, высокооплачиваемые рабочие²⁷⁰.

В целом структура питания рабочих России за период 1900—1913 гг. претерпела положительные изменения. Отмечается сокращение потребления круп, гороха, капусты. В то же время возросло потребление картофеля, мясопродуктов, сахара, белого хлеба, хотя и в меньших размерах, чем в развитых странах капитализма²⁷¹. Однако эти изменения касались преимущественно высокооплачиваемых и частично среднеоплачиваемых рабочих.

Таким образом, анализ состояния питания рабочих России перед началом Первой мировой войны позволяет сделать вывод о наличии в рабочей среде трех достаточно различавшихся социальных групп, в том числе и устойчивого обширного анклава лиц, питавшихся ниже физиологических потребностей. Линия раскола была заметна, несмотря на то, что питание рабочих на Урале было связано не со столовыми и трактирами, а, как правило, проходило в семье либо в артели²⁷². Стоимость питания рабочих России (на примере артельного питания) к 1914 г. составляла примерно $\frac{1}{2}$ заработка у мужчин и $\frac{1}{3}$ у женщин²⁷³. Выбор продуктов, их качество, выбор столовых и трактиров в зависимости от финансовых возможностей посетителей создавали возможности для повышения культуры питания рабочих, формировали у части рабочих потребности к рациональному содержанию пищи.

Наиболее ощутимыми последствиями периода войн и революций для рабочих России стали изменения в области питания. В 1919 г. средний уровень суточного питания в рабочих семьях

губернских городов снизился до менее 2 тыс. калорий, т. е. паек, который по своему значению лишь немногим превышал половину физиологической нормы. Этот голодный паек почти исчерпывал бюджетные ресурсы рабочего²⁷⁴.

По данным обследований питания рабочих промышленности России, калорийность суточного питания в пролетарских семьях колебалась в 1919—1921 гг. в пределах от 2220 до 2800 калорий на взрослого едока при норме 3814 калорий. Даже в 1922 г. удельный вес калорий животного происхождения в питании рабочих составлял 4,4%, а растительного происхождения — 95,6% при нормальной пропорции 1:2²⁷⁵. Иными были условия питания рабочих — владельцев земельных участков, но эта категория оставалась вне внимания проверяющих органов.

Общеуральское обследование в июле 1922 г. показало: калорийность пищи, потребляемой рабочими Урала, не превышала 57% от уровня 1913 г., потребление овощей — 90, хлеба — 66, молочных продуктов — 26, жиров — 11, мяса, рыбы, сахара — 8%. Основными компонентами в питании рабочих являлись хлеб и хлебопродукты, составлявшие 50% потребления (по весу), и овощи — 9,43%. На мясо приходилось 1,5%, на жиры и сахар — 0,5%²⁷⁶.

Но и это скудное и однообразное питание было недоступно всем рабочим. Результаты обследования питания рабочих Екатеринбурга показали, что мясо и жиры потребляли в 1922 г. менее половины рабочих семей, сахар — менее 10%. Только 30% рабочих питались сравнительно нормально, и это с учетом того, что и у этой категории калорийность потребляемой пищи была на 25—43% ниже средней нормы 1913 г.²⁷⁷ Ни руководители партийных и советских органов Урала, ни уральская печать, часто использующая материалы обследования, не скрывали: речь идет о высокооплачиваемой по меркам 1922 г. категории рабочих²⁷⁸. Еще 40% рабочих в среднем не добирали до нормы потребления 20%. Наконец, 30% приходилось на группу голодающих, потреблявших 60% и ниже и без того низкой нормы питания. Не скрывала печать и того, что итоги обследования только частично раскрывали разницу в питании рабочих Урала. Следовательно, с известной долей условности можно сказать, что **удельный вес рабочих цензовой промышленности, питавшихся на уровне и выше нормы потребления, за 1913—1922 гг. сократился почти в 1,7 раза: с 50,5 до 30%**²⁷⁹.

В наиболее выигрышном положении оказались рабочие пищевой промышленности: предприятия отрасли не нуждались в конверсии и могли напрямую работать на рынок. Месячный продуктовый набор пищевиков содержал, например, 76,4 кг муки и

хлеба, тогда как в среднем рабочий цензовой промышленности в 1922 г. в месяц получал 30,4 кг, или в 2,5 раза меньше²⁸⁰. Но различия в оплате труда касались в основном отраслевого разреза. Выдача продуктового пайка учитывала дифференциацию рабочих по квалификации, но не зависела от конкретной выработки²⁸¹. В 1922 г. на среднемесячную зарплату, полагавшуюся согласно коллективному договору, рабочий цензовой промышленности Урала мог приобрести 1,07 бюджетного набора, или в 3,1 раза меньше, чем в 1913 г.²⁸²

Период НЭПа стал временем улучшения питания рабочих. Норма месячного потребления взрослого едока в рабочих семьях СССР выросла по мясу с 1,3 кг в декабре 1922 г. до 6,5 кг в ноябре 1926 г., или в пять раз; по молоку с 3,1 до 6,3 литра, или в два раза; сахара с 0,3 до 1,7 кг — в 5,7 раз²⁸³. В эти годы сократилось потребление рабочими хлебопродуктов. Однако сокращение произошло за счет потребления ржаной муки (включая печеный хлеб в пересчете на муку) в 3 раза. Потребление же пшеничной муки выросло в 4,5 раза. Что же касается потребления рыбы — оно в целом осталось неизменным: соответственно 1,2 кг в декабре 1922 г. и 1 кг в ноябре 1926 г. Крайне низким оставалось потребление масла (сливочного и растительного). Месячная норма потребления измерялась граммами: 139—338 г в первом случае и 725—475 г во втором²⁸⁴. Однако и в эти годы расходы на питание составляли от 46% в 1922 г. до 44% в 1927 г. расходного бюджета рабочих семей²⁸⁵, или почти в два раза больше, чем в 1913 г.

Приведенные данные не раскрывают дифференциацию рабочих по уровню питания. Из источника, опубликованного профсоюзным органом, видно, что в 1926 г. высокооплачиваемые рабочие (денежный доход на одного взрослого — 30 и более рублей) потребляли белков в 3,1 раза, жиров — в 3,9 раза (!) больше, чем низкооплачиваемые (денежный доход на одного взрослого не более 10 руб.). Калорийность пищи животного происхождения у высокооплачиваемых рабочих была в **3,6 раза** выше, чем у низкооплачиваемых. Отличие носило тем более знаковый характер, что тот же источник сообщал о несущественных различиях в питании низкооплачиваемых и последующей категории рабочих (доходы от 10 до 15 руб. на одного взрослого): разница по калорийности не превышала 10—20%²⁸⁶. Обратим внимание на близость показателей различия калорийности пищи у высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих (**3,6 раза**) и у наиболее обеспеченных и наименее обеспеченных жильем рабочих (**4 раза**). Таким образом, неравенство рабочих России и СССР (по владению жильем, личным хозяйством; в сфере оплаты труда и

пенсионного обеспечения) сказывалось на дифференциации норм питания у различных категорий рабочих промышленности.

Насколько был верен тезис о худшем питании провинциальных рабочих в сравнении с аналогичными показателями у столичных рабочих?²⁸⁷ Сравнительный анализ показывает: на протяжении 1924—1928 гг. уральские рабочие потребляли *больше* хлеба (на 20—40%), картофеля (на 40%), молока (на 30%), чем рабочие Москвы, но в питании уральцев было *меньше* рыбы (в 2,4 раза), растительного масла (в 3,5—7 раз), свежих фруктов (в 2 раза)²⁸⁸. Таким образом, не уступая столичным рабочим в объеме потребляемой пищи (во многом благодаря обладанию земельными участками), провинциальные рабочие (в данном случае уральские) получали меньше высококалорийных продуктов.

Годы первой пятилетки заметно ухудшили питание советских рабочих. Уже в первом полугодии 1929/30 хоз. г. данные о потреблении продуктов свидетельствовали о сокращении среднемесячного потребления мяса в рабочих семьях в 1,7 раза, молока — более чем в 2 раза в сравнении с ноябрем 1927 г.²⁸⁹ Введение в течение 1928/29 хоз. г. карточек на продовольственные товары не поправило положение в стране и даже в столицах²⁹⁰. Судя по сокращению среднемесячного потребления в рабочих семьях в 1926—1933 гг. (первый квартал) по мясу — в 3,75 раза, молоку — в 4 раза, сливочному маслу — в 9 раз, растительному маслу — в 4 раза, сахару — почти в 2 раза, при росте потребления ржаного хлеба в 1,4 раза и неизменном уровне съедаемого картофеля, питание советских рабочих в начале 30-х гг. опустилось до уровня 1922 г.²⁹¹

Драматично звучат сведения о продуктовом недостатке начала 30-х гг. семей промышленных рабочих даже ведущих промышленных предприятий: семья рабочего, состоявшая как минимум из 3—4 человек, в месяц получала 1 кг крупы, 500 г мяса и 1,5 кг рыбы²⁹².

По мнению Е.А. Осокиной, различия в снабжении групп населения были ничтожны. Преимущества столовых для инженеров состояли в том, что там было относительно чисто, не толпился народ, не надо было подолгу стоять в очередях, хватало приборов. В рабочей же очереди за спиной каждого едока стояло несколько ожидавших, чтобы сесть на освободившееся место, а также получить тарелку, вилку, ложку²⁹³.

Заметим, во-первых, что для голодных лет первой пятилетки перечисленные отличия весьма существенны. Во-вторых, государственная политика создавала стратификацию и в сфере полуголодного питания, и об этом прямо пишет Е.А. Осокина. Питание рабочих Москвы и Ленинграда, относящихся к приви-

легированным спискам снабжения, было лучше среднего уровня питания промышленных рабочих, существовавшего в стране. Индустриальные рабочие столиц ели больше белого хлеба, мяса, рыбы, чем рабочие областных центров. Все остальные промышленные города были разделены в конце 1930 г. по решению Политбюро на четыре списка в зависимости от их индустриальной важности. По минимальным нормам снабжались рабочие малых городов, стекольной, спичечной, писчебумажной отраслей промышленности. Справедливо и утверждение о том, что в системе государственного снабжения и питания рабочие не представляли монолитных социальных групп²⁹⁴. Логично было бы предположить, что рабочие советских оборонных заводов, и прежде всего крупных предприятий, снабжались по повышенным нормам. Однако в письме ижевских рабочих в августе 1930 г. на имя Рыкова говорилось: «Просим Вас от имени 50 тыс. рабочих Ижевского завода — спасите нас от голода...»²⁹⁵

В подтверждение сказанного приведем изъятое при аресте письмо секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Медведева Сталину и Молотову от 7 апреля 1938 г. В нем говорилось: «Положение с продуктами питания и промтоварами заставляет обратиться к вам за помощью... Стоимость завоза в Свердловскую обл. продуктов и товаров составила в 1936 г. 409 млн руб., а в 1937 г. — только 374 млн, или 91% от предыдущего года. В первом квартале 1938 г. поставки в область (нынешние Свердловская и Пермская области) сократились еще на 1/3»²⁹⁶.

Но, может быть, перед нами документ, сгущающий краски? Материалы «секретной папки» Свердловского обкома полны сообщений об огромных очередях за хлебом «с 8 вечера до 8 утра» и о сокращениях поставок продовольствия в 1939—1940 гг., как, например, в индустриальном Серове; о практическом отсутствии продовольственных поставок слабоиндустриальной Нижней Туры; о смерти 16 тыс. заключенных вследствие плохого питания в Ивдельлаге и т. п.²⁹⁷ Недовольство рабочих качеством снабжения было повсеместным, но чаще всего принимало характер жалоб и высказывания обид в курилках, на первичных профсоюзных собраниях: там, где контроль государства и партии не мог быть всеобъемлющим. Уровень потребления трудящихся СССР в 1940 г., последнем предвоенном году, поражал своей бедностью. По официальным данным, подготовленным центральным аппаратом ЦУНХУ для вышестоящих органов, на одного трудящегося в 1940 г. приходилось 1,68 кг сливочного масла; 5,5 кг сахара; 26,6 кг мяса, колбас и копченостей. Раз в неделю можно было позволить съесть яйцо. Выручали хлеб и картофель: ежедневные полкило хлеба и 400 грамм картошки могли

утолить голод²⁹⁸. Крайне дефицитными оставались культурно-бытовые товары, обувь, ткани²⁹⁹.

Выход государство искало в масштабном расширении сети столовых на предприятиях, развитие которых рассматривалось как важнейший фактор улучшения питания рабочих. В 1932 г. питанием в столовых пользовались 70% рабочих, в том числе 90% занятых в ведущих отраслях промышленности³⁰⁰. Дифференциация питания в столовых (раздельные столовые для ударников и остальных рабочих)³⁰¹, особенно в годы первой пятилетки, позволяла в голодное время заставлять *рабочих, не имеющих своего хозяйства*, трудиться буквально за похлебку. Знаменательны слова, произнесенные на совещании по проблемам столовых в ноябре 1931 г. в Свердловске рабочим Кожевниковым: «Более хамского отношения к потребителям, чем в наших столовых и торговых учреждениях не найдешь. Да за такое отношение до революции, мы, рабочие, раскатали бы и приказчиков, и сами магазины. Мы требовали другого отношения к рабочему классу»³⁰².

В годы первых пятилеток государство сконцентрировало усилия на создании массовой сети столовых при промышленных предприятиях. В голодное время первой пятилетки общепит переживал подлинный взрыв. Обороты общепита выросли в период с 1928 по 1932 г. с 0,4 до 4,9 млрд руб. Рабочие ходили в столовые целыми семьями. Вплоть до отмены карточной системы доля рабочих, питавшихся в общепите, оставалась высокой: в 1935 г. — более 60% семейных рабочих СССР, а в Москве и Ленинграде около 80%. Заводские столовые обеспечивали в рационе рабочих до трети крупы, картофеля, овощей, 30—40% мяса, рыбы, молочных продуктов, половину жиров. Только в 1935 г., с отменой карточной системы, значение общественного питания несколько снизилось. Причинами такого явления стали дороговизна и низкое качество питания³⁰³.

Помимо заботы власти о поддержании физических сил рабочих кадров выделим такую причину, как стремление прикрепить рабочих к предприятиям в силу того, что сеть общественного питания носила закрытый характер. Так, в 1932 г. в Уральской области действовали 683, а в 1940 г., в регионе «Большого Урала», — 6578 столовых; $\frac{2}{3}$ из них, судя по Пермской области, располагались в городах и рабочих поселках³⁰⁴. Если в 1928 г. в столовых питалась $\frac{1}{15}$ часть рабочих промышленности Урала, то в 1935 г. — 85% рабочих, в том числе 80% — в столовых **закрытого типа**³⁰⁵.

Питание в столовых прочно вошло в быт рабочих СССР, что вело к упорядочению поддержания сил, и это следует рассматривать как позитивное явление. К 1941 г. в годовом потреблении

продуктов питания рабочего (в расчете на одного члена семьи) продукты общепита занимали весомую часть: если судить по Уралу, примерно $\frac{1}{5}$ мяса, сливочного масла, рыбы, капусты; $\frac{1}{10}$ — хлеба и картофеля³⁰⁶. Исследование Е.А. Осокиной указывает на сохранение и в масштабах СССР закрытости заводских столовых, в которых зачастую только и мог поесть рабочий человек³⁰⁷.

Небольшой выбор продуктов в 30-е гг., низкое их качество в торговой сети и в столовых, в особенности в годы первой пятилетки, суживали возможности для повышения культуры питания рабочих; формировали у значительной части рабочих безразличие к рациональному питанию, к собственному здоровью. Улучшение условий питания во второй половине 30-х гг. носило относительный характер и не могло изменить сложившегося положения.

Анализ материально-бытового положения рабочих предполагает использование материалов бюджетных обследований. Однако, как уже отмечалось Э.Э. Крузе, литература по бюджетным обследованиям малочисленна и отражает далеко не все отряды рабочего класса. Характерно, что сколько-нибудь масштабные обследования рабочих бюджетов были проведены в 1908 г. в столице, в 1909 г. — в Москве, Баку, Киеве³⁰⁸. Как видно, интересующий нас период 1913—1914 гг. лишен бюджетных обследований на российском материале. Все это заставляет обратиться к данным бюджетных обследований по отдельным городам и регионам, немногочисленным и носящим фрагментарный характер; расчетным показателям бюджетов. Специфика рассматриваемой проблемы вынуждает сконцентрироваться на определении величины культурно-просветительных расходов рабочих промышленности.

В дореволюционных бюджетах (1908—1912 гг.) доля *культурно-просветительных расходов* колебалась от 3,5% — у семейных киевских рабочих, 3,3% — семейных петербургских до 2,8% — семейных бакинских нефтяников. У одиноких рабочих Петербурга этот показатель повышался до 4,6%, а у одиноких рабочих Киева и Баку не отличался от уровня семейных³⁰⁹.

Подробные статистические сборники и справочники 20-х гг. позволяют воссоздать подлинную картину культурных расходов рабочих семей. Удельный вес подобных культурно-просветительных расходов составлял: 1,7% в декабре 1922 г., 1,6 — в ноябре 1923 г., 2 — в ноябре 1924 г., 1,7 — в ноябре 1925 и 1926 гг., 1,8% — в ноябре 1927 г.³¹⁰ Таким образом, помимо констатации крайне небольшой доли культурно-просветительных расходов рабочих семей, следует отметить и консервацию этой доли в годы

нэпа. Но следует отметить и сокращение затрат рабочих на культурные потребности в сравнении с дореволюционной эпохой. Скромно смотрелись культурно-просветительные расходы рабочих семей СССР (1,8 % в ноябре 1927 г.) на фоне аналогичных расходов в США (4,7% в 1918 г.) и Германии (5,4% в 1926 г.)³¹¹.

Признать такое напрямую советская публицистика и научная литература не могли. Отсюда стремление суммировать две достаточно разные статьи расходов: культурно-просветительные и общественно-политические. К последним весьма произвольно относились расходы профсоюзов и органов образования³¹².

Но и статистика общественно-политических расходов носила весьма показательный характер. За 1922—1927 гг. доля названных расходов в семьях рабочих сократилась с 2,9 до 2,2%. Более того, если в 1922 г. сами рабочие тратили на эти цели 1,5% своих расходов, то в 1927 г. — только 0,8%³¹³. Комментируя результаты обследования быта пролетариев в 1922 г., профсоюзный печатный орган на Урале «Рабочий журнал» писал: **в сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились, по крайней мере, втрое**. Если расходы на питание уменьшились в 3 раза, то *на культурные потребности* — в 4 раза, на гигиену — в 8 раз, на одежду — в 11 раз, на табак и напитки — в 15 раз³¹⁴. Характер нашего исследования требует заострить внимание на опережающий характер снижения расходов на культурные нужды в сравнении с затратами на питание.

Применительно к 1922 г. такое явление можно было так комментировать: «Материальная нужда не только притупляет культурные запросы, но часто создает объективную нужду даже бесплатного их удовлетворения»³¹⁵. Касаясь последующих лет нэпа, исследователи выражались более осторожно: «Все культурные расходы обнаруживают сильную, хотя и неодинаковую реакцию на повышение уровня благосостояния»³¹⁶. Это означало в переводе на русский литературный язык, что рост благосостояния в 1922—1927 гг. был не настолько велик, чтобы позволить пролетариям увеличивать собственные расходы на культурные потребности.

Не менее важны и два последующих вывода социолого-статистического издания. Во-первых, о колоссальном разрыве культурно-просветительных расходов (**в 13,7 раза!**) у категорий высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих при разнице величины бюджетов в 4,8 раза (данные ноября 1925 г.). Во-вторых (при подобной величине культурных расходов), указывалось на незначительное различие интересов высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих *к расходам на газеты*

(всего в 2 раза). В данном случае это свидетельствовало о **невысоком самостоятельном интересе квалифицированных рабочих к газетной информации**. В-третьих, если высокооплачиваемые и низкооплачиваемые рабочие примерно в равной пропорции посещали бесплатные зрелища, то расходы на посещения кинофильмов у высокооплачиваемых рабочих превосходили в 10, а в театры — в 22 раза аналогичные затраты у их низкооплачиваемых коллег!³¹⁷ Разница для середины 20-х гг. более чем ощутимая, зримая и вызывающая социальную зависть.

Данные статистики показывали, что если в 1922 г. рабочие тратили на культурно-просветительские цели в 3 раза больше, чем на алкоголь (соответственно 1,2 и 0,4% от всех расходов), то в последние годы нэпа картина резко изменилась: так, в 1927 г. на культурно-просветительные цели рабочие потратили 1,8%, а на алкоголь — 2,8%, или в 1,6 раза больше³¹⁸.

Усредненные показатели не раскрывали дифференциации в рабочем социуме, носящие больший характер в столицах, меньший — в провинции. Между тем малообеспеченные рабочие (с доходом на одного взрослого в год менее 200 руб.) не могли себе позволить расходы на лечение, в то время как траты высокооплачиваемых рабочих по этой графе вдвое превосходили среднюю величину по всем семьям. Разница расходов на культурные нужды наиболее малообеспеченных (доход менее 150 руб.) и наиболее высокооплачиваемых (доход свыше 400 руб.) рабочих Урала составляла **3,6 раза**, а на все виды затрат — 2,2 раза³¹⁹.

Рассмотрение этого вопроса в региональном разрезе позволяет сравнить расходы на культурно-просветительские нужды столичных и провинциальных рабочих СССР. Характерной чертой социальной истории 20-х гг. являлись невысокие темпы роста расходов рабочих регионов на культурно-просветительские цели: например, Урала, с 1,5% в 1922 г. до 1,8% в 1928 г. Расходы на культурно-просветительские нужды рабочих Урала в 1927 г. (1,8%) и СССР (также 1,8%) в 2,6 раза уступали соответствующим расходам рабочих Москвы (4,7%) и в 3 раза рабочих Ленинграда (5,4%)³²⁰.

Укажем на принципиально важный и не отмеченный в научной литературе сюжет: расходы на культурно-просветительские нужды по категории «высокооплачиваемые рабочие» в начале XX в. в России составляли, как уже отмечалось, от 2,8 до 4,6%; на Урале — 5,4%³²¹. Таким образом, сопоставление данных бюджетных обследований показывает, что и у квалифицированных рабочих снизились, в сравнении с дореволюционными годами (и в абсолютном, и в относительном выражении), расходы на культурные нужды. Однако это утверждение приобретает иную

тональность, если учесть, что значительную часть расходов на образование, оплату культурных мероприятий взяло на себя советское государство. Невелики были расходы рабочих на лечение и гигиену — 0,8% по СССР в 1927 г.³²²

Отметим и то, что, несмотря на постоянное увеличение доли поступлений от пособий и социального страхования, удельный вес этой графы доходов был мал: 2% в 1923 г. и 4,3% в 1927 г.³²³ С учетом высокой степени достоверности статистики 20-х гг. перед нами важный показатель, раскрывающий **весьма ограниченный масштаб социальной помощи рабочим со стороны государства**. Закономерность такого явления заключалась в том, что большей нормы отчислений малорентабельная экономика нэпа вряд ли могла выделить.

Таким образом, налицо было сохранение общей структуры, основных параметров, сущностных черт рабочей страты дореволюционной поры. Обратим внимание на устойчивую и весомую разницу показателей, характеризующих наиболее существенные черты быта уральских рабочих к концу 20-х гг.: несмотря на уравнительные тенденции государственной политики, заработная плата, обеспеченность жильем, калорийность пищи, расходы на культурные нужды у высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих различались почти в **4 раза**.

Как изменилось реальное культурное потребление рабочих с конца 20-х гг. и до 1941 г.? Заметим, что, несмотря на искусственное включение стоимости бесплатных услуг в разряд культурно-просветительских расходов рабочих³²⁴, в 1928/29 хоз. г. эта величина с 2,7—2,8% в первом полугодии снизилась до 2,1—2,2% во втором³²⁵. Официальная статистика замалчивала ситуацию в рассматриваемой сфере в 30-е гг. С одной стороны, отмечался рост государственных расходов на культурно-бытовое обслуживание рабочих и служащих в 1927—1929 гг. в 9 раз³²⁶. Но при этом не учитывалась девальвация рубля, например, в ходе роста индекса розничных цен в 3,8 раза. С учетом этого, как уже отмечалось, заниженного показателя, реальные государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание выросли в 2,4 раза. О значимости роли государства говорит тот факт, что удельный вес государственных фондов культурно-бытового обслуживания составлял в культурно-просветительских расходах семьи рабочих крупной промышленности в 1930 г. 80,6% и в 1937 г. — 90%³²⁷. Однако и официальная статистика не могла скрыть факт минимальных расходов рабочих семей на культурно-просветительские расходы: в среднем на одного человека семья рабочего крупной промышленности СССР расходовала в 1930 г. 65 коп., в 1932 г. — 79, в 1933г. — 71, в 1934 г. — 83 коп. Это означало, что культур-

но-просветительские расходы семей рабочих крупной промышленности (из расчета на одну душу) сократились с 1,7 до 1%³²⁸.

За отсутствием общесоюзных статистических данных, раскрывающих структуру расходного бюджета рабочих в 1940 г., обратимся к показателям Урала. В 1940 г. на сводную статью расходов семьи рабочих, волей власти причудливо объединившей расходы на **культурно-просветительские цели**, предметы гигиены и косметику, в наиболее развитой в индустриальном отношении области Урала — Свердловской приходилось 2,9%. С учетом предшествующей планки расходов — 1,8% в 1927 г. в СССР и 1,8% в 1928 г. на Урале — можно говорить о позитивном сдвиге. Но если сравнивать с расходами семейных рабочих Петербурга, Киева и Баку (2,8—3,5%), масштаб перемен будет более скромным, даже учитывая, что в последнем случае речь идет о рабочих столицы и двух крупных городов России.

Государственная политика уравниательства, охватившая все сферы жизни рабочих — производство, размеры личного хозяйства, жилища и область быта, включавшая небольшие размеры всех видов социальных пособий, — являлась важной, определяющей, но только одной из тенденций социальной жизни советской страны. Другой тенденцией стало продолжение патерналистской политики в ее селективном варианте. Селективный патернализм государственной политики по отношению к различным слоям рабочего класса сохранялся на протяжении всех первых четырех десятилетий XX в. Но если до октября 1917 г. государство преимущественно поддерживало наиболее развитую часть рабочих, то после революции патернализм в рамках курса на выравнивание доходов населения был обращен, прежде всего, к наиболее отсталой части пролетарской массы.

Заметным примером стало последовательное сужение в годы нэпа и в первой половине 30-х гг. диапазона заработков квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих. Тем самым, и в этом было отличие от довоенного времени, государство недоплачивало в первую очередь тому социальному слою, который был ближе всего к характеристикам индустриальных рабочих. Такой курс, подчеркивающий хрупкость и нестабильность нэповской экономики, не мог не повлиять на весь ход и содержание модернизации в СССР.

Со второй половины 30-х гг. заметна непоследовательная, но все-таки значительная корректировка курса рабочей политики. Государственные органы, сохраняя в целом низкие заработки промышленных рабочих, уступающие в реальном исчислении заработкам лета 1914 г., добились увеличения доли высокоопла-

чиваемых рабочих, превышающей дореволюционный показатель. Государственную поддержку, связанную с распределением определенного сверху круга социальных льгот и благ, получила та категория рабочих, которую отличали квалификация, принадлежность к оборонным предприятиям, но в первую очередь — **политическая благонадежность**³²⁹.

Наличие в составе рабочего класса промышленности России и СССР самых разнородных социальных групп — от лиц принудительного труда до знатных стахановцев, включенных в элиту советского общества, массовые «выбросы» рабочих в управленческий аппарат всех уровней — затрудняет общую оценку изменений уровня жизни рабочих на завершающем этапе периода 1900—1940 гг. Если брать широкую историческую канву четырех десятилетий, то в наибольшей степени ухудшение своего положения ощутили квалифицированные, потомственные рабочие. В наименьшей степени такие перемены почувствовали малоквалифицированные пролетарии.

Разнородность тенденций, формирующих социальный облик рабочих СССР; пестрота социальных групп (от знатных стахановцев до заключенных), составляющих реальную картину рабочих промышленности СССР, не позволяет пока вынести категорическое суждение о том, что уровень жизни (в широком понимании этого термина) рабочих крупной промышленности СССР к лету 1941 г. в целом был ниже или выше, чем летом 1914 г. Требуется построение сложных математических моделей, позволяющих более глубоко оценить совокупность разнонаправленных процессов внутри того массива промышленных рабочих, который традиционно назывался советским рабочим классом.

Однако уже сейчас очевидно, что 30-е гг. принесли девальвацию ценности самой жизни всех советских людей, включая и рабочих. Скудность питания, одежды, быта в сочетании с более чем скромными культурно-просветительскими расходами большинства советских рабочих на протяжении длительного времени формировали особый тип рабочего, привыкшего к минимальным запросам.

Примечания

¹ История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 200.

² Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М., 1976. С. 49.

³ Бессокирная Г.П. Стратегии выживания рабочих // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 49—54.

⁴ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194—201.

⁵ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 22.

⁶ Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию. Раздел II. Рабочий вопрос // Отечественная история. 1997. № 5. С. 74.

⁷ См.: Сигов В.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 175—176.

⁸ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. С. 194—201, 209; Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914—1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 106—107.

⁹ Взято из: Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907—1914 гг. Социально-экономическое исследование. С. 255. Близкий к Петербургской губернии показатель имели Ярославская — 15% и Тверская — 18,7%. Там же.

¹⁰ Там же. С. 253. Близкими к приведенным данным можно считать показатели по промышленно развитым губерниям: Иваново-Вознесенской — 35,7%, Тульской — 35,5%, Нижегородской — 28,7%. Там же.

¹¹ Рабочий класс в России 1907—1917 гг. М., 1982. С. 62.

¹² Взято из: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 139—140.

¹³ Иванова Н.А. Многоукладность и социальная структура России в конце XIX — начале XX в. // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. СПб., 2002. С. 134.

¹⁴ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 119.

¹⁵ См.: Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—1917. СПб., 1997. С. 153.

¹⁶ Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. С. 124.

¹⁷ Историографический обзор по этой теме см.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года. (Историографический очерк). Тюмень, 1997; Алеврас Н.Н. Уральский рабочий с наделом: дискуссия в середине 20 — первой половине 30-х гг. // Историк и время. 20—50-е гг. XX в. М., 2000. С. 40—52; Заболотный Е.Б., Карамзин А.С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20—30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 68—89.

¹⁸ Из последних публикаций см.: Гаврилов Д.В. Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая концепция В.В. Адамова) // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования. Екатеринбург, 2005. С. 69—79.

¹⁹ См.: Заболотный Е.Б., Камынин В.Д., Тертышный А.Т. Урал накануне великих потрясений 1917 г. (Историографический очерк).

²⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 486.

²¹ Взято из: Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900 гг. С. 70.

²² Там же.

²³ Степанов П. Наделение земель на горнозаводском Урале. СПб., 1914. С. 88.

²⁴ Вопросы труда. 1926. № 8—9. С. 188.

²⁵ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900 гг. С. 70.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963. С. 94—105.

²⁸ См.: Горный журнал. 1916. № 4—5. С. 92; Дмитриев П.Н. Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов. С. 236.

²⁹ См.: Сигов В.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 171—187.

³⁰ Там же. С. 175.

³¹ Там же. С. 176.

³² Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. С. 96—97.

³³ Сигов В.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 176.

³⁴ Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. С. 98; Гаврилов Д.В. Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая концепция В.В. Адамова). С. 76.

³⁵ Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. С. 96, 101.

³⁶ См.: там же. С. 101. Подстрочник.

³⁷ Горовой Ф.С. Влияние реформ 1861 г. на формирование рабочего класса на Урале // Из истории рабочего класса Урала. Сб. статей. Пермь, 1961. С. 161—162.

³⁸ Трефилова Л.А. Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861—1917 гг. // Рабочий класс и промышленность Урала в XVIII — начале XX в. Свердловск, 1985. С. 77.

³⁹ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 185.

⁴⁰ Там же. С. 210.

⁴¹ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900 гг. С. 144.

⁴² Садаков М.А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // Удмуртский ин-т истории, экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Экономика. Ижевск, 1968. С. 29.

⁴³ Подсч. по: Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 7.

⁴⁴ Подсч. по: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 561. Л. 284, 289, 290, 291, 298, 303.

⁴⁵ Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. С. 100.

⁴⁶ Подсч. по: ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 561. Л. 284, 289—291, 298, 303, 405.

⁴⁷ Подсч. по: там же.

⁴⁸ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900 гг. С. 71.

⁴⁹ Сигов С.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 175.

⁵⁰ См. подробно: Трефилова Л.А. Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861—1917 гг. С. 78.

⁵¹ Быстрых Ф.П. Большевистские организации в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1959. С. 26.

⁵² Сигов С.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 175—176; ГАПО. Ф. 38. Оп. 3. Д. 1004. Л. 174—176.

⁵³ Захарова Е.Г., Фельдман В.В. Изменение численности и состава рабочего класса Урала в 1921—1928 гг. // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 36.

⁵⁴ Подсч. по: Сигов С.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 175; ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 3.

⁵⁵ Шеврин И.Л. Крестьянство Урала в 20-е годы. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 63, 159.

⁵⁶ Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб, 1906. С. 95.

⁵⁷ Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194—197, 201.

⁵⁸ См., например, высказывание Ф.П. Быстрых: и к 1917 г. пользование земельными наделами рабочих нельзя принимать за собственность. Быстрых Ф.П. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX в. С. 97—98.

⁵⁹ См.: Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 24; Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 7. С. 30.

⁶⁰ Сигов С.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. С. 184.

⁶¹ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России. 1900—1914 гг. С. 127.

⁶² Таким образом, 85% от 50 тыс. рабочих казенных округов (т. е. 42,5 тыс.) и 30—40% от 51,8 тыс. рабочих посессионных округов (т. е. 15,5—20,7 тыс.) или 58—63,2 тыс. человек. См.: Трефилова Л.А. Экономическое положение и борьба посессионных заводов Пермской губернии в 1861—1917 гг. // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 162.

⁶³ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 136.

⁶⁴ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 22.

⁶⁵ Подсч. по.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. LI. Отдел III. М., 1931. С. 134.

⁶⁶ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 22.

⁶⁷ Материалы по сельскохозяйственной статистике труда // Труды Урал. обл. бюро статистики. Свердловск, 1928. Сер. 3. Т. 4. С. 39.

⁶⁸ Фельдман М.А. Восстановление промышленности на Урале (1921—1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 109.

⁶⁹ Там же. С. 24; Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 7. С. 30.

⁷⁰ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. М. 1929. С. 23.

⁷¹ Труд в СССР. Статистико-экономический обзор. С. 186.

⁷² См.: Черных А.И. Становление России Советской. М., 1998. С. 108.

⁷³ Положение труда на Урале в 1923 г. Свердловск, 1924. С. 108; Труд в СССР. Стат.-эконом. обзор: октябрь 1922 — март 1924 гг. М., 1924. С. 187

⁷⁴ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2 об.

⁷⁵ Труд в СССР. Стат.-эконом. обзор: октябрь 1922 — март 1924 гг. С. 186.

⁷⁶ Материалы к земельному переустройству Пермской губернии на началах основного закона о социализации земли. Пермь: Изд-во Пермского окружного совета, 1918. С. 112.

⁷⁷ Подсч. по: там же. С. 184, 187.

⁷⁸ Подсч. по: там же.

⁷⁹ Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала. С. 41, 50.

⁸⁰ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 24.

⁸¹ Там же. С. 25.

⁸² Чернокрылова Е.Н. К вопросу о причинах землепользования уральских рабочих в период первой пятилетки // Современные концепции проблем истории советского Урала. Свердловск, 1991. С. 48—49.

⁸³ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. Свердловск, 1930. С. 30—31.

⁸⁴ См.: Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. III, XIII.

⁸⁵ Там же. С. 24—25.

⁸⁶ Там же. С. 25.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. XIII.

⁸⁹ Там же. С. 39.

⁹⁰ Там же. С. 35.

⁹¹ Там же. С. 38—40.

- 92 Там же. С. 25.
- 93 Там же. С. 37.
- 94 См.: там же. С. 39.
- 95 Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. Свердловск, 1930. С. 40—43.
- 96 Гольцман М., Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934. С. 9.
- 97 Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. М., 1934. С. 94—95, 110—111, 120—121, 126—127, 136—137, 142—143, 222—223.
- 98 Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 гг. М., 1997. С. 126.
- 99 Гольцман М., Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата. С. 9.
- 100 РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 114. Д. 379. Л. 52.
- 101 Там же.
- 102 История советского рабочего класса. Т. 2. 1921—1937. М., 1984. С. 240.
- 103 ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 1205. Л. 2. В постановлении СНК шла речь о 250 тыс. рабочих-огородниках на Урале. СУ СССР. 1934. № 1. Ст. 8.
- 104 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 97. Л. 39—40.
- 105 СУ СССР. 1934. № 1. Ст. 8.
- 106 СУ СССР. 1934. № 22. Ст. 174; № 27. Ст. 211 б.
- 107 История советского рабочего класса. Т. 3. М., 1984. С. 132.
- 108 Там же. С. 415.
- 109 Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства Урала. Екатеринбург, 1991. С. 87.
- 110 Там же; ГАПО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 303. Л. 22—23.
- 111 Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства Урала. С. 75.
- 112 Там же. С. 73.
- 113 Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне Первой мировой войны. С. 74.
- 114 Трефилова Л.А. Советские историки о связи горнозаводских рабочих Урала с землей в 1861—1917 гг. С. 79. Данные обследования 1906 г.
- 115 Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 10.
- 116 Там же.
- 117 Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 150.
- 118 Подсч по: Материалы по статистике труда // Труды. Урал. обл. бюро статистики. Сер. 3. Т. 2. Свердловск, 1923. С. 110—111.
- 119 Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 33.
- 120 См.: Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914—1941 гг. С. 55—58.
- 121 Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 250.

- ¹²² Там же. С. 253—254.
- ¹²³ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 228—229.
- ¹²⁴ Там же. С. 233.
- ¹²⁵ Там же. С. 230—232.
- ¹²⁶ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 324—325.
- ¹²⁷ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 142.
- ¹²⁸ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 230—232.
- ¹²⁹ Подсч. по: там же.
- ¹³⁰ Там же. С. 234.
- ¹³¹ Там же. С. 226.
- ¹³² Там же. С. 237.
- ¹³³ Там же. С. 245, 249.
- ¹³⁴ Хлопин Г. Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении // Горный журнал. 1916. № 4—8.
- ¹³⁵ Горный журнал. 1916. № 4—5. С. 92.
- ¹³⁶ См.: Дмитриев П.Н. Динамика численности рабочих Ижевского и Воткинского заводов. С. 238, 240.
- ¹³⁷ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 131, 135.
- ¹³⁸ Садаков М.А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // Удмуртский ин-т истории, экономики, литературы и языка. Записки. Вып. 20. История. Экономика. Ижевск, 1968. С. 29; Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 134.
- ¹³⁹ Там же. С. 240. Рабочий класс Удмуртии. 1861—1986 гг. Ижевск, 1986. С. 19—20.
- ¹⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1572. Л. 78—79, 88; Горный журнал. 1916. № 4—5. С. 96—106.
- ¹⁴¹ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 324—325.
- ¹⁴² См.: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 9.
- ¹⁴³ Гаврилов Д.В. О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX — начале XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. 1861—1917 гг. Свердловск, 1990. С. 53; ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.
- ¹⁴⁴ См. протоколы I съезда окружных инженеров Урала (апрель 1914 г.); ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 3186. Л. 21—23.
- ¹⁴⁵ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 142.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 135, 142.
- ¹⁴⁷ Лотков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. М., 2000. С. 60—63.

- ¹⁴⁸ Крупянская В.Я., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горно-заводского Урала (конец XIX — начало XX в.). Свердловск, 1971. С. 89.
- ¹⁴⁹ Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 254.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 237—238.
- ¹⁵¹ Там же. С. 258.
- ¹⁵² Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 254.
- ¹⁵³ См.: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1932. С. 20.
- ¹⁵⁴ Подсч. по: ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.
- ¹⁵⁵ Положение труда на Урале в 1923 г. С. 113.
- ¹⁵⁶ ГАНИОПДПО (Государственный архив новейшей истории общественных движений Пермской области). Ф. 557. Оп. 2. Д. 56. Л. 5.
- ¹⁵⁷ См.: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 12.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁵⁹ Лотков С.Н. Камско-Воткинский завод и его рабочие // Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. С. 60—61.
- ¹⁶⁰ Яров С.В. Массовое сознание в 1917—1920 гг.: формы политизации // Проблемы социально-экономической и политической истории. СПб., 1998. С. 511.
- ¹⁶¹ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: социально-политическое измерение. М., 1974. С. 276—277.
- ¹⁶² Там же. С. 275.
- ¹⁶³ Кузнецова Т.В. К вопросу о путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1963. № 5. С. 143, 146—147.
- ¹⁶⁴ Левский А. А. На путях решения жилищного вопроса в СССР // История СССР. 1962. № 4. С. 5.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 161—162.
- ¹⁶⁷ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. СПб., 1999. С. 182.
- ¹⁶⁸ См.: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 15, 19.
- ¹⁶⁹ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 51.
- ¹⁷⁰ Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 26—27.
- ¹⁷¹ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 324—325.
- ¹⁷² Подсч. по: там же.
- ¹⁷³ Подсч. по: там же.
- ¹⁷⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 286—287.
- ¹⁷⁵ См.: Вопросы труда. 1929. № 1. С. 104.
- ¹⁷⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. С. 34.
- ¹⁷⁷ Хозяйство Урала. 1928. № 1. С. 104—105.
- ¹⁷⁸ Уральский рабочий. 1928. 8 января.
- ¹⁷⁹ Там же. Статья «Незавидное жилье».
- ¹⁸⁰ Уральский рабочий. 1928. 27 января. Статья «Города-заводы».

- 181 Уральский коммунист. 1928. № 9. С. 63.
- 182 Петько О.М. Материально-бытовое положение рабочего класса Урала в середине 20 — начале 30-х гг. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1992. С. 15.
- 183 Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930 гг. СПб., 1999. С. 43.
- 184 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 75. Л. 33.
- 185 Подсч. по: ГАСО. Ф. 122. Оп. 2. Д. 1221. Л. 166; Д. 1223. Л. 14 об.; Материалы о культурном строительстве на Урале. Свердловск, 1928. С. 11.
- 186 См.: Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 161, 164.
- 187 Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 30—31.
- 188 Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 66.
- 189 Там же. С. 66—67.
- 190 Гнатовская Д.Ю., Зезина М.Р. Бытовые коммуны рабочей и студенческой молодежи во второй половине 20-х — начале 30-х гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 1. С. 48—53.
- 191 Там же. С. 42, 49.
- 192 Вопросы труда. 1930. № 5. С. 20.
- 193 Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 66.
- 194 Подсч. по: Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. С. 92, 97.
- 195 Подсч. по: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 66.
- 196 Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 324—325; Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 66.
- 197 Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3. С. 34.
- 198 Взято из: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 61.
- 199 Там же. С. 65.
- 200 Вопросы труда. 1928. № 10. С. 31; 1929. № 2. С. 31.
- 201 Подсч. по: Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 64.
- 202 Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 7—8.
- 203 Там же. С. 9.
- 204 Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 103—106.
- 205 Вопросы труда. 1928. № 14. С. 103—106.
- 206 Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 103—106; Вопросы труда. 1930. № 9. С. 37.
- 207 Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 9.
- 208 СУ СССР. 1933. № 42. Ст. 244; 1937. № 69. Ст. 314; № 74. Ст. 360; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 74. Л. 129.
- 209 ГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 88. Л. 9.
- 210 Левский А.А. На путях решения жилищного вопроса в СССР. С. 9.

- 211 См.: Население России в XX в. исторические очерки. Т. 2. М., 2001. С. 236, 239.
- 212 См.: там же. С. 241.
- 213 История Сибири: В 5 т. Т. 5. Л., 1969. С. 297.
- 214 Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 68.
- 215 Маркевич А., Соколов А. Магнитка возле Садового кольца. С. 136.
- 216 История советского рабочего класса: В 6 т. М., 1984. Т. 2. 1921—1937. С. 249.
- 217 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). М., 1967. Т. 2. С. 471—473.
- 218 История советского рабочего класса. Т. 2. 1921—1937. С. 250.
- 219 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 478. Л. 3; Д. 495. Л. 3; Д. 503. Л. 3; Д. 522. Л. 3; Д. 506. Л. 3; Д. 508. Л. 3.
- 220 Подсч. по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 74. Л. 13—16; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 489. Л. 129.
- 221 Петько О.М. Материально-бытовое положение рабочих Урала в середине 20-х — начале 30-х гг. С. 15.
- 222 Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Екатеринбург, 2000. С. 96; Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989. С. 31.
- 223 См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 458. Л. 75—78, 125—126.
- 224 Там же. Д. 73. Л. 3; Д. 74. Л. 7, 10, 12, 16, 43; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 5. Д. 489. Л. 129.
- 225 Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1988. С. 35.
- 226 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 13. Л. 136—137.
- 227 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 44. Л. 168.
- 228 Подсч. по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 381. Л. 49, 55.
- 229 Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 43.
- 230 Там же. С. 73.
- 231 Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 58—59.
- 232 Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 78—79.
- 233 Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.—Свердловск, 1991. С. 236—238.
- 234 ГАЧО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 28. Л. 69.
- 235 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 45. Л. 191, 198.
- 236 СУ СССР. 1939. № 60. Ст. 387.
- 237 СУ СССР. 1932. № 78. Ст. 475.
- 238 Там же. С. 35—36.
- 239 История Сибири. Т. 5. Л., 1969. С. 302—303.
- 240 Подсч. по: Маркевич А., Соколов А. Магнитка возле Садового кольца. С. 137, 193—194.
- 241 Там же. С. 136—137.

- ²⁴² Там же. С. 137, 164.
- ²⁴³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С. 109—110. См. также: Жилищное строительство в СССР. М., 1976. С. 7.
- ²⁴⁴ См.: Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900—1939 гг. М., 2000. С. 230.
- ²⁴⁵ Подсч. по: Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. С. 92; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 10.
- ²⁴⁶ История советского рабочего класса. Т. 3. 1921—1937. С. 134.
- ²⁴⁷ Дореволюционный показатель оценивался в 4 м². История советского рабочего класса. Т. 2. 1921—1937. С. 250.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Вожева Л.Б. Ук. соч. С. 23.
- ²⁵⁰ Плановое хозяйство. 1931. № 5—6. С. 111.
- ²⁵¹ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. С. 269, 272.
- ²⁵² История советского рабочего класса. Т.2. 1921—1937. С. 249—250.
- ²⁵³ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 гг. СПб., 1999. С. 200.
- ²⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1—2; ГАЧО. Ф. 804. Оп. 2. Д. 27. Л. 36.
- ²⁵⁵ Например, в Свердловской обл. жилая площадь бараков составляла 2,5% жилфонда легкой и 3,3% пищевой индустрии. См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 381. Л. 1.
- ²⁵⁶ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2001. С. 64.
- ²⁵⁷ См. например: Скотт Д. Американский рабочий за Уралом. С. 67—74.
- ²⁵⁸ См. об этом главу монографии «Политические настроения рабочих Урала».
- ²⁵⁹ Эррен Л. Урал как «кладбище» социалистических городов. Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX—XX вв. Сб. ст. / Под. ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 152—153.
- ²⁶⁰ Там же. С. 157—158.
- ²⁶¹ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 156.
- ²⁶² Там же. С. 156—157.
- ²⁶³ Там же. С. 158, 160.
- ²⁶⁴ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 280; Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Там же. Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 300.
- ²⁶⁵ Гаврилов Д.В. К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861—1900 гг.) // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1989. С. 92.
- ²⁶⁶ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 280.
- ²⁶⁷ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1115. Л. 8 об.
- ²⁶⁸ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 165.

- ²⁶⁹ Гаврилов Д.В. К вопросу о питании уральских рабочих в период домонополистического капитализма (1861—1900 гг.). С. 264.
- ²⁷⁰ Там же. С. 93. См. также: Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 211.
- ²⁷¹ Подсч. по: Кохн М.П. Русские индексы цен. М., 1926. С. 9. О близости роста цен в России и на Урале свидетельствует анализ адрес-календаря и справочной книжки Пермской губернии на 1911 г. С. 154; аналогичного издания на 1915 г. С. 54; архивных материалов: ГАПО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 578. Л. 13—14.
- ²⁷² См. например: Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 1. С. 119; Селиванова Г.И. К вопросу об определении прожиточного минимума уральских рабочих в начале XX в. // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 82—84.
- ²⁷³ См.: Балдин К.Е. Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX — начале XX века. Автореф. канд. дисс. Ярославль, 1994. С. 30, 36, 38; Мотовилихинский центральный рабочий кооператив «Самопомощь». Обзор деятельности кооператива за время с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Пермь, 1926. С. 4—5.
- ²⁷⁴ См.: Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 188—189, 199.
- ²⁷⁵ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 280.
- ²⁷⁶ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. С. 203.
- ²⁷⁷ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 11.
- ²⁷⁸ Там же. С. 30—31.
- ²⁷⁹ Подсч. по: ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1115. Л. 3.
- ²⁸⁰ Норма, необходимая взрослому рабочему, определялась в 3 тыс. ккал в сутки. Там же. Л. 17 об.
- ²⁸¹ Уральский рабочий. 1922. 6 июля, 3 сентября, 6 сентября.
- ²⁸² Рабочий журнал. 1922. № 1. С. 18—20.
- ²⁸³ Там же. С. 97.
- ²⁸⁴ См.: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 838. 1—1 об.
- ²⁸⁵ Подсч. по: Положение труда на Урале в 1923 г. С. 29, 31, 34.
- ²⁸⁶ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 31.
- ²⁸⁷ Подсч. по: Обзор хозяйства Урала за 1924/25 г. Свердловск, 1924. С. 199; Труд на Урале в 1927/28 г. С. 208—209; Хозяйство Урала. 1930. № 10. С. 42—43.
- ²⁸⁸ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. М., 1929. С. 28.
- ²⁸⁹ Труд на Урале в 1926/27 г. С. 190.
- ²⁹⁰ См.: Хозяйство Урала. 1930. № 10. С. 45, 50.
- ²⁹¹ Подсч. по: Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 152; Обзор хозяйства Урала за 1924/25 г. С. 199; Хозяйство Урала. 1930. № 10. С. 94—95.
- ²⁹² Подсч. по: Труд в СССР. Справочник. 1926—1930 гг. С. 58.
- ²⁹³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 67—69.
- ²⁹⁴ Там же. С. 256.
- ²⁹⁵ Там же. С. 121.

- 296 Там же.
- 297 Там же. С. 77, 90, 91, 183.
- 298 Там же. С. 42.
- 299 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 31. Л. 2—4.
- 300 Там же. Ф. 4. Оп. 31. Д. 82. Л. 188—190; Д. 110. Л. 72—75.
- 301 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 60.
- 302 Там же. С. 60—61.
- 303 История советского рабочего класса. Т. 2. 1921—1937. С. 240—241.
- 304 См. например: ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 1198. Л. 203 об.
- 305 ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 2833. Л. 46.
- 306 Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 148.
- 307 Айрапетов В.Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки. С. 8.
- 308 Подсч. по: ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 47. Л. 42; Ф. 241. Оп. 2. Д. 2833. Л. 32.
- 309 Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. С. 94.
- 310 Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 214—215.
- 311 Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 13, 219.
- 312 Подсч. по: там же. С. 218—219.
- 313 Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 28.
- 314 Там же. С. 76.
- 315 См.: там же. С. 73.
- 316 Там же. С. 75.
- 317 Рабочий журнал. 1922. № 1. С. 19.
- 318 Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 75.
- 319 Там же. С. 74.
- 320 Подч. по: там же. С. 75.
- 321 Подч. по: там же. С. 28.
- 322 Бюджеты населения горнозаводского Урала в 1926/27 гг. Свердловск, 1928. С. 106, 108.
- 323 Подсч. по: Хозяйство Урала. 1926. № 15—16. С. 84; Уральское хозяйство в цифрах. 1928. С. 159; Там же. 1929. С. 145; Бюджеты населения горнозаводского Урала в 1926/27 гг. Свердловск, 1928. С. 106, 108.
- 324 Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 287—288.
- 325 Там же; Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922—1927 гг. М., 1929. С. 28.
- 326 Там же. С. 17.
- 327 См.: там же. С. 73.
- 328 Труд в СССР. Справочник. 1926—1930. С. 54.
- 329 История советского рабочего класса. Т. 3. М., 1984. С. 244.

Глава 3. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И СССР

§ 1. Мир грамоты рабочих в 1897—1926 годах

Вопрос об общеобразовательном уровне рабочих России и СССР в 1897—1926 гг. следует отнести к разряду наименее изученных. Историкам советского периода утверждение о низком культурном уровне рабочих региона необходимо было постоянно увязывать с положением другого порядка: о пролетариате как самой передовой силе общества. Отсюда появление в исторической литературе сюжетов о высоком общеобразовательном уровне рабочих крупных предприятий до 1917 г.¹, о рождении в дореволюционное время «рабочей интеллигенции»², о совпадении понятий «квалифицированные» и «культурные рабочие»³ даже в трудах видных, заслуженных исследователей рабочей тематики. Так, в упомянутой интересной статье Е.Р. Ольховского «рабочая интеллигенция» определяется как слой рабочих, который отличается от остальных рабочих участием в распространении знаний и культуры. Однако содержание статьи свидетельствует о потреблении рабочими элементов знаний и культуры. Динамика развития культурного уровня рабочих понималась как процесс постоянного действия; как, ни много, ни мало, **вектор, определявший общий потенциал культуры страны**⁴, т. е. всю духовную жизнь общества, рассматриваемую в конкретных исторических условиях, определяемых спецификой материальной сферы и социальных отношений.

До конца 80-х гг. XX в. все названные выше положения должны были обосновать генеральный вывод о ведущей роли рабочего класса в развитии советской культуры на всем протяжении послеоктябрьской истории. Но и после распада СССР жизнь показывает живучесть многих теоретических представлений.

В современной исторической, философской и социологической литературе накоплен значительный теоретический материал, позволяющий рассматривать формирование культурного уровня рабочих как следствие куда более обширного, чем прежде, количества факторов, а среди последних выделить в качестве

равноправных компоненты материальной и духовной сферы, правовых отношений. Отметим и появление соответствующих времени переосмысления таких дефиниций, как культура, культурная политика, культурная революция, культурное строительство⁵.

Процесс модернизации усиливает значение общеобразовательной подготовки как основы культурного уровня населения. Однако на пути исследователей, рассматривавших этот вопрос, возникали препятствия как объективного, так и субъективного характера. К объективным следует отнести отсутствие таких массовых источников, как всероссийские переписи населения в период между 1897 и 1926 г.⁶ К субъективным — «идеологическую повинность» историков советского времени: необходимость подчеркивать всестороннюю отсталость дореволюционного пролетариата и повествовать о положительных результатах культурных преобразований в послеоктябрьский период.

Историческая литература по данной тематике представлена монографическими работами, освещающими уровень общеобразовательной подготовки рабочих по материалам переписи 1897 г.⁷, профессиональной переписи 1918 г.⁸ и, что поразительно (правда, только на первый взгляд), весьма фрагментарно — итоги фундаментальной Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁹ Закономерность такого явления очевидна: трудно было завуалировать низкий образовательный ценз рабочих дореволюционной России. Еще труднее — аналогичный уровень пролетариев советской страны 20—30-х гг., тем более в сравнении с рабочими развитых стран капитализма. Не случайно в советской историографии главным измерителем культуры периода 20—30-х гг. выступал критерий *уровня грамотности*, соответствующий эпохе до завершения промышленного переворота, а не показатель *количества классов школьной подготовки*, характерный для периода индустриального развития.

Мы разделяем мнение Б.Н. Миронова о том, что процент грамотных — подходящий показатель для XIX в., когда образованность в подавляющем числе случаев ограничивалась элементарной грамотностью — умением читать и писать. С конца XIX в. этот показатель перестает измерять динамику уровня образования после достижения полной грамотности и качественного преобразования обучения¹⁰. В силу этого справедливым будет утверждение о необходимости оценки образовательного уровня рабочих России/СССР первых десятилетий XX в., используя прежде всего второй показатель — **среднее число лет обучения одного человека с учетом всех видов обучения.**

Что же касается использования третьего показателя из названных Б.Н. Мироновым — среднего числа лет обучения одного человека в системе среднего и высшего образования¹¹, этот критерий мало применим для рабочего социума в рассматриваемый период.

Исключением из правила можно считать монографию В.З. Дробижева, А.К. Соколова и В.А. Устинова, где приведены данные о величинах школьной подготовки рабочих Петрограда, ЦПР, Вятской, Пензенской, Воронежской, Витебской губерний (по отдельности в каждой губернии). Однако и в ней отсутствовали обобщения, касающиеся всей страны. Между тем раскрытие подлинной картины общеобразовательных знаний промышленных рабочих России и СССР представляет собой важную научную задачу в процессе реконструкции социокультурного облика рабочих нашей страны.

Литература, характеризующая образовательный уровень рабочих России, сообщала первым делом о более высокой планке грамотности пролетариев в сравнении со всем населением. В самом деле грамотность рабочих-мужчин в 1897 г. (59,9%) вдвое превосходила грамотность всего мужского населения (29,3 %), а грамотность работниц (34,9%) — почти втрое грамотность всего женского населения (13,1%)¹². Однако в литературе отсутствовали не только сравнительные исследования образовательного уровня рабочих России с аналогичными показателями дворянства, буржуазии, городского населения в целом. Отсутствовал и сводный показатель грамотности по рабочим (мужчинам и женщинам) крупной промышленности России. В 1987 г. Н.А. Иванова ввела показатель грамотности у всех рабочих фабрично-заводской промышленности — 51,9%¹³, однако он не учитывает рабочих горной и горнозаводской промышленности, характеризующихся более низкой образовательной подготовкой — 34%¹⁴. По нашим подсчетам, сводный показатель грамотности у рабочих (мужчин и женщин) крупной промышленности России в 1897 г. составлял 48%¹⁵. Озвучить его в советское время — означало признание неграмотности у более чем половины (52%) промышленных рабочих — представителей класса-гегемона, «готового к пролетарской революции».

Внимательное прочтение материалов Всероссийской переписи населения 1897 г. не могло не вызвать ряд вопросов. Во-первых, наличие обширного массива полностью неграмотных пролетариев (более 50% от всех промышленных рабочих) вступало в противоречие с тезисом о высокой общей культуре рабочих¹⁶. Пытаясь устранить указанное выше разночтение, Э.Э. Крузе, задавшись решением проблемы, «как же рабочие повышали свою

грамотность, общую культуру, политическую сознательность, если учесть, что даже в 1908 г. на тысячу жителей России приходилось лишь 50 учащихся, а на образование одного жителя в год расходовалось всего 50 коп.?», — отвечая, приходила к идеологически верному, но весьма парадоксальному выводу: о максимальном использовании большевиками нелегальных и легальных возможностей для **политической пропаганды и агитации** среди рабочих¹⁷. Непроизвольно для исследовательницы получалось, что нехватка серьезных общеобразовательных знаний у рабочих подменялась политическими лозунгами и требованиями.

Во-вторых, крупнейший отряд рабочего класса России — текстильщики — отличался весьма низкой грамотностью: 30,1%. Немногим выше была грамотность у рабочих горной и горнозаводской промышленности — 34%. Из крупных отраслевых отрядов рабочего класса России только у деревообработчиков и металлистов уровень грамотности превышал 50%. Но и у металлистов треть пролетариев оставалась полностью неграмотными¹⁸.

В подтверждение сказанного добавим: справедливо утверждение о том, что «чем моложе были рабочие, тем выше среди них был удельный вес грамотных». Но даже в самой многочисленной возрастной категории — от 20 до 39 лет — среди рабочих-мужчин промышленности, транспорта, торговли насчитывалось 42,1%, в возрастной категории от 40 до 59 лет — 56,6% неграмотных¹⁹.

Наши замечания нацелены не на принижение и тем более не на унижение того слоя населения, к которому на протяжении всей своей жизни мы испытываем глубокое уважение. Перед нами свидетельство народной беды: лишение более половины самой развитой части рабочего класса России — пролетариев крупной промышленности — образовательных знаний.

В региональном разрезе по уровню грамотности рабочих промышленности (фабрично-заводской, ремесленной и кустарной) лидировали пролетарии Прибалтики (85,5—94,9%), затем шли рабочие Петербургской губернии (68,9%). Близкими были показатели грамотности губерний Московского округа (55,1%) и Польшы (54,1%). Урал (41,7%) уступал Украине (57,1%), но стоял выше Сибири (36%)²⁰. Позитивное значение имело введение в начале XX в. в ряде уездов России всеобщего начального образования²¹. Однако отсутствие в данный период всероссийской переписи затрудняет какие-то обобщенные выводы в этом вопросе.

Внутрирегиональный разрез показывает различия показателей грамотности рабочих в зависимости от уровня индустриализации. Так, на Урале показатель грамотности рабочих был выше в более развитых в промышленном отношении губерниях Вятской

(47,3%) и Пермской (44,2%), а в преимущественно аграрных — Оренбургской (33,1%) и Уфимской (38,2%)²² — он был ниже.

Для исследования *динамики* интересующих нас процессов следует обратиться к такому источнику, как материалы профессиональной переписи 1918 г. Обработка материалов этой переписи, проведенная в 70-е гг. под руководством В.З. Дробижева, стала событием в советской исторической науке. Не только благодаря умелому использованию математических методов, но и в силу публикации сведений, наводящих на нестандартные раздумья о социальной природе рабочих России. Заметим, что данные о величинах школьной подготовки рабочих Петрограда, ЦПР, Вятской, Пензенской, Воронежской, Витебской губерний в 1918 г. позволяли дать более четкое представление и об уровне грамотности рабочих, чем в ряде последующих монографий. Например, в работе Н.А. Ивановой, вышедшей в 1987 г., в силу сужения методики подсчетов, планка грамотности рабочих отдельных губерний в 1918 г. оказалась завышенной: по Ярославской губернии — на 8,6%; по Иваново-Вознесенской — на 6,2%; Вятской — на 6% и т. д.²³ Но и 1987 г. принадлежал эпохе, в которой методику исследований во многом определяли не научные, а идеологические принципы.

Длительный период 1897—1918 гг. не прошел даром для повышения уровня грамотности рабочих России. Материалы профессиональной переписи 1918 г. показали повышение планки грамотности рабочих с 48 до 64%, в том числе у мужчин — 79,2% и у женщин — 44,2%²⁴. Повышение на 16 % (т. е. на треть) планки уровня грамотности промышленных рабочих России можно рассматривать как позитивный сдвиг, связанный с ходом индустриализации, выполнением общеобразовательных программ. Однако перепись охватила $\frac{2}{3}$ (68,9%) рабочих Европейской России, главным образом в промышленных губерниях²⁵. Это позволяет рассматривать итоги переписи как *несколько завышенные* относительно всех промышленных рабочих России. Вовлечение мужчин в массовом порядке в армию в 1914—1917 гг. (и, как следствие, рост численности женщин-работниц в промышленности) привело к некоторому увеличению разрыва грамотности рабочих-мужчин и женщин-работниц: с 1,7:1 в 1897 г. до 1,8:1 в 1918 г.

Вот как располагаются показатели уровня грамотности рабочих промышленности Советской России по ряду губерний: Петроград — 74%; Ярославская губерния — 56,7; Иваново-Вознесенская — 46,1; Тульская — 75,2; Вятская — 62,3; Пензенская — 62,8, Витебская — 45,4%²⁶. Обратим внимание на состояние дел в губерниях ЦПР (Ярославской и Иваново-Вознесенской, Туль-

ской) — они традиционно рассматривались во многом как показательные для всей страны. Резюмируя, заметим, что если в 1897 г. грамотным могла быть отнесена примерно половина промышленных рабочих России, то в 1918 г. — около $\frac{2}{3}$.

Таким образом, в наследство от дореволюционного времени Советской России достался крайне низкий уровень образования пролетарских масс. Даже в Петрограде более четверти рабочих оставались неграмотными.

Более существенными были отличия в категории рабочих, имеющих законченное и незаконченное начальное образование.

Таблица 15

Распределение рабочих ряда губерний по образованию по материалам профессиональной переписи 1918 г. (в процентах)

Губерния, город	Законченное начальное образование	Незаконченное начальное образование	Незаконченное среднее образование
Петроград	37,2	23,9	4,4
Ярославская	24,8	21,3	1,8
Иваново-Вознесенская	17,9	21,8	0,3
Тульская	33,5	31,7	0,4
Вятская	27,6	20	0,7
Пензенская	30,3	21,8	нет данных
Витебская	17,8	16,1	0,6

* Источник: Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 89, 120, 162, 187.

Анализ материалов таблицы позволяет сделать важные выводы. Во-первых, о возможности использовать «серединное» положение показателей Ярославской губернии не только как среднеарифметическое, как показательное для ЦПР, но и для России в целом. Это же подтверждают данные таблицы по 31 губернии, приведенные в монографии Н.А. Ивановой²⁷. В этом случае представляется возможным выстроить такую структуру рабочих промышленности всей России (включая губернии, не попавшие в разработку переписи 1918 г.) в зависимости от величины школьной подготовки:

- рабочих, получивших образование выше начального, — 1,8%;
- рабочих, получивших начальное образование, — 24,8%, а также рабочих, получивших законченное низшее профессиональное образование, — 1,2%, а всего — 26%;
- рабочих, получивших незаконченное начальное образование, — 21,3%, а также рабочих, получивших знания самообразованием, — 7,2%, а всего — 28,5%;
- неграмотных рабочих — 43,3%.

Поясним представленную информацию. В составе рабочих крупной промышленности России в зависимости от уровня образовательной подготовки можно выделить следующие социальные группы рабочих: менее 2% пролетариев с образованием 5—7 классов; четверть рабочих имели начальную школьную подготовку, но в значительной мере речь шла о начальной церковно-приходской школе; еще более четверти рабочих, закончив 2—3 класса, фактически являлись малограмотными; крупнейшим массивом выступали неграмотные рабочие — более $\frac{2}{5}$ от числа всех рабочих.

Заметным отличием характеризовалась общеобразовательная подготовка рабочих Петрограда. Здесь категория рабочих, имеющих начальное образование, была в 1,5 раза, а с образованием 5—7 классов — в 2,5 выше, чем по стране в целом. В то же время массив неграмотных рабочих был на $\frac{2}{3}$ меньше общероссийского уровня.

Интерес представляет структуризация грамотности рабочих России в зависимости от возраста. У молодых рабочих (14—19 лет) уровень грамотности составлял от 79,8 до 73,3%, т.е. *понижался на 1% в год*. У рабочих от 20 до 35 лет — 67, 3—57,7%, стало быть, понижение замедлялось до 0,67% в год. И только у рабочих от 35 до 60 лет происходил обвал уровня грамотности: с 51,8 до 24,6%, т. е. более 0,5% в год²⁸. Преобладание грамотности у молодых рабочих и доминирование неграмотных у пролетариев старших возрастов создавало предпосылки для социокультурных различий по возрастному признаку.

Любопытно, что в трудах советских историков, для показа достижений в сфере «борьбы за грамотность» в 20-е гг., приводились и правдивые оценки общеобразовательного уровня рабочих по материалам переписи 1918 г. Объем школьной подготовки рабочих промышленности России в 1918 г. оценивался в среднем в **1—1,5 года (класса)**²⁹.

На фоне низкой общеобразовательной подготовки промышленных рабочих России в целом заметно отличались показатели металлистов в ведущих индустриальных центрах страны. Используя данные профсоюзной переписи 1929 г., можно

отметить, что в 1918 г. среди рабочих-металлистов мужского пола Москвы, Петербурга, Украины средняя продолжительность школьной подготовки составляла: в возрасте 34—38 лет — 2,9 класса; 24—28 лет — 3,4 класса; 14—18 лет — 3,8 класса³⁰.

Различия в общеобразовательной подготовке у основных названных групп рабочих для первых десятилетий XX в. были существенными и создавали основу для неодинакового восприятия знаний и культурных ценностей. Общей же характеристикой промышленных рабочих России можно считать, за минимальным исключением, низкий образовательный уровень, не позволяющий самостоятельно осуществлять интеллектуальное лидерство в обществе.

О характере перемен в области образования за годы войн и нэпа можно судить по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Итоги переписи показали значительный рост (в 1,8 раза) уровня грамотности рабочих России в сравнении с 1897 г. (с 48 до 83,7%³¹) и рост в 1,3 раза в сравнении с 1918 г. (с 64 до 83,7%). Такой рост позволяет сделать вывод о последовательном расширении системы начальной общеобразовательной подготовки рабочих; о воздействии новых принципов и форм обучения трудящихся в первой половине 1920-х гг.

Сравнительный анализ материалов переписей 1897 и 1926 гг. свидетельствует о сближении уровня грамотности мужчин-рабочих и женщин-работниц: с 1,7 раза в 1897 г., 1,8 раза в 1918 г. до 1,2 раза в 1926 г.³² Однако речь идет об элементарной грамотности.

Выделим три возрастные группы рабочих. У молодых рабочих от 15 до 21 года уровень грамотности вырос до 94,2—93,4%, демонстрируя *предел возможностей общеобразовательной школы* на середину 20-х гг.³³ В 1918 г. в аналогичной возрастной группе эти показатели выглядели так: 78,5%—70,6%. И увеличение грамотности молодых рабочих на 16—23%, и особенно сохранение планки грамотности у юношей и девушек в послешкольном возрасте до 21 года следует связать с активизацией образовательной политики государства.

В группе рабочих от 22 до 35 лет планка грамотности в 1926 г. понижалась с 91,1 до 86%, сокращаясь на 0,36% в год. В 1918 г. в близкой возрастной группе (от 20 до 35 лет) эти показатели выглядели так: 67,3—57,7 %³⁴. Именно здесь наблюдается наибольшее различие показателей грамотности рабочих: 24—28%.

У их коллег от 50 до 69 лет этот показатель колебался от 66,3 до 57,6%, сокращаясь в среднем на 0,5% в год. Таким образом, за девять лет (1918—1926 гг.) **категория старших возрастов**

рабочих (от 50 до 69 лет) вышла на уровень грамотности рабочих от 22 до 35 лет в 1918 г.

Как видно, можно говорить о некоторой тенденции к сближению по *уровню грамотности* в зависимости от возраста. Разрыв наибольших и наименьших показателей сократился с 2,1 раза в 1897 г. до 1,63 раза в 1926 г. Такое явление объясняется не только восстановлением основных характеристик рабочего социума России, но и последовательным распространением первичных общеобразовательных знаний среди промышленного пролетариата.

Таблица 16

Грамотность рабочих СССР в зависимости от профессиональной группы и пола по переписи 1926 г.*

Группы занятий	Процент грамотности рабочих фабрично-заводской промышленности		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Все группы	88,2	73,2	84,1
Печатники	99,2	97,0	98,8
Металлисты	94,3	83,4	93,8
Рабочие силовых установок	88,7	74,7	85,7
Рабочие деревообработки	92,0	75,4	90,4
Кожевники	89,5	85,8	84,1
Писчебумажники	91,9	87,0	89,5
Пищевики	88,4	79,7	86,7
Химики	89,4	80,5	85,1
Минеральщики	86,6	77,4	76,41
Швейники	94,4	89,6	91,2
Текстильщики	89,5	70,0	75,4
Горнорабочие	78,7	60,4	77,4

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16—35³⁵.

Анализ общеобразовательной подготовки рабочих ценовой промышленности СССР в профессиональном разрезе в 1926 г. позволяет выделить три группы: печатников, уровень грамотности у которых был близок к 100%; противоположную группу со-

ставлял многочисленный отряд текстильщиков, занимавший по численности первое место в Российской Федерации (27,7%) и второе в СССР (20,9%), — здесь грамотность составляла 75,4%. Немногим выше был потолок грамотности у горнорабочих — 77,4%. Большинство же отраслевых отрядов рабочих имело достаточно близкий диапазон показателей грамотности: 85—94%.

Сравнивая мужскую и женскую грамотность, находим, что мужская грамотность во всех группах выше женской и падение ее от группы к группе происходит медленнее, чем женской. У рабочих-мужчин 12 групп из 13 дают процент грамотности выше 80% и только одна — ниже 80%. У женщин таких групп насчитывалось только шесть. Обратим внимание на появление отраслевых отрядов рабочих, где уровень общеобразовательной подготовки у мужчин и женщин был практически одинаков, например, у печатников (разница не более 2%). Однако в целом разрыв в этой сфере сохранялся и составлял по всей ценовой промышленности 15%.

Таблица 17

Грамотность рабочих СССР в зависимости от квалификации по переписи 1926 г. (в процентах)*

Группы занятий	Всего	Среди квалифицированных	Среди полуквалифицированных	Среди неквалифицированных
Все группы	84,1			
Печатники	98,8	99,3	97,4	90,8
Металлисты	93,8	95,3	88,8	78,4
Рабочие силовых установок	88,5	94,0	84,7	—
Рабочие деревообработки	90,4	94,1	85,8	80,7
Кожевники	89,5	89,5	83,4	84,8
Писчебумажники	89,5	92,2	94,2	85,5
Пищевики	86,7	88,2	85,9	82,4
Химики	85,1	88,3	86,6	76,3
Минеральщики		84,5	72,1	78,8
Швейники	91,2	94,4	87,0	77,7
Текстильщики	75,4	76,0	73,7	79,8
Горнорабочие	77,1	79,6	76,1	71,1

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXXIV. С. 16—35.

Анализ таблицы показывает, что приобретение квалификации сопровождалось повышением грамотности, причем между *квалифицированными и полуквалифицированными рабочими* даже у металлистов наблюдалась большая разница в уровне грамотности (6,5%), чем между *полуквалифицированными и неквалифицированными* (10,4%). Поскольку разница в уровне грамотности между высшей и низшей группами в отраслях (печатники — 98,8%, и текстильщики — 75,4%, т. е. 23,4%) превосходила максимальную разность уровня грамотности между квалифицированными и неквалифицированными рабочими (16,9% у металлистов), **постольку можно утверждать о приоритете отраслевого фактора над фактором квалификации.** Характерно и то, что в технически более развитой отрасли — металлопромышленности — разница уровней грамотности квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляла около 16,9%, тогда как у текстильщиков аналогичный показатель имел отрицательную величину. Сказывалось и то, что среди текстильщиков преобладали женщины, и то, что квалификация обычно повышалась по мере увеличения стажа работы³⁶. Невелик был разрыв по уровню грамотности квалифицированных и неквалифицированных рабочих в технически отсталой горнодобывающей отрасли (всего 8,5%).

Результаты переписи отразили и существенное выравнивание показателей грамотности внутри регионов. Например, в Башкирии уровень грамотности рабочих ценовой промышленности равнялся 73,8%, т. е. был ниже, чем в Уральской области на 6%. Однако грамотность молодых рабочих Башкирии (от 12 до 24 лет) составляла более 80%, только на 3—5% уступая аналогичным показателям Уральской области³⁷. Близость показателей грамотности рабочих в Уральской области, Башкирии, Вотской области, Оренбургской губернии во многом объясняется преобладанием русских среди рабочего населения. По переписи 1926 г. удельный вес русских среди фабрично-заводских рабочих составлял 80,7% в Оренбургской губернии, 82,6% в Башкирии, 91,2% в Вотской и 93,7% в Уральской областях, а в целом по Уралу — 92,4%³⁸.

Заметим, что грамотность рабочих фабрично-заводской промышленности, проживавших в городских поселениях СССР, немногим отличалась от уровня грамотности всех рабочих: соответственно 85,5 и 84,1%³⁹. Указанное сходство носило знаковый характер, говоря о преобладании в городских поселениях СССР «поселковой», т. е. промежуточной между городом и деревней, цивилизации. Технический уровень промышленности СССР допускал сохранение широких масс рабочих с низким общеобразовательным уровнем, позволял достигать квалифика-

ционных навыков не за счет образования, а больше в силу опыта и производственного стажа.

К сожалению, и в этом мы видим проявление политических соображений, материалы переписи 1926 г. не содержали данных о величине школьной подготовки рабочих.

Подведем итог. Если степень квалификации рабочих определялась прежде всего процессом индустриализации, то уровень грамотности — более широким кругом исторических процессов, например, активностью государственной политики, особенностью национального состава населения, темпами урбанизации. Этим можно объяснить значительный сдвиг в уровне грамотности рабочих крупной промышленности СССР за 1897—1926 гг. Проблема заключалась в том, что новый этап индустриализации требовал качественно иного рабочего — получившего школьную подготовку в объеме неполного среднего образования⁴⁰.

§ 2. Уровень образования рабочих СССР в 1927—1941 годах

Во второй половине 20-х гг. Советское государство активизировало усилия, направленные на модернизацию промышленности. Осуществление поставленной задачи было невозможно при сохранении прежней ситуации в рабочем социуме СССР: наличия сравнительно небольшого слоя высококвалифицированных рабочих, имевших, как правило, начальное образование, и основной массы пролетариев — по сути малограмотных людей. 16,3% рабочих фабрично-заводской промышленности СССР, как показали итоги Всесоюзной переписи 1926 г., оставались неграмотными, причем в горнодобывающей, текстильной отраслях этот показатель составлял четверть всех пролетариев. Помимо этого, потенциальный рост индустрии сдерживался такими диспропорциями в рабочих коллективах, как более низким, чем у мужчин, показателем грамотности у женщин (соответственно 88,2% и 73,2%); невысоким уровнем грамотности у рабочих ряда нерусских национальностей⁴¹. В силу этого задача повышения общеобразовательной подготовки рабочих в официальных документах рассматривалась как одно из основных направлений государственной политики⁴².

Проблема повышения культуры рабочих в реальности была намного сложнее и глубже, чем это казалось советскому руководству, планировавшему ее решение в короткий срок. Кроме того, в 1926—1929 гг. усилился приток в рабочие коллективы выходцев из деревни.

Рассмотрим на основе материалов выборочной профсоюзной переписи 1929 г. характеристики общеобразовательной подготовки советских рабочих, отметив, что перед нами открывается редкая возможность сравнения показателей величины школьной подготовки рабочих в период 1918—1929 гг. Редкая даже с учетом того, что профсоюзная перепись 1929 г. охватила только членов профсоюзов, т. е. более образованную часть рабочего класса.

По данным выборочной профсоюзной переписи 1929 г., уровень грамотности рабочих СССР составил 86,1⁴³—85,6%⁴⁴, немногим изменившись в сравнении с уровнем 1926 г. (84,1%). Этот показатель опускался до 77% у рабочих шелковой, до 79 — льняной, 78,6% — нефтяной промышленности, но повышался до 95,3% у машиностроителей и до 89,4% у металлургов⁴⁵.

В целом из всех учтенных рабочих промышленности СССР в 1929 г. 21,7% не имели школьной подготовки; $\frac{3}{4}$ этого массива составляли неграмотные люди, $\frac{1}{4}$ — рабочие, самоучками овладевшие грамотой. Если молодые рабочие (до 22 лет) в своей массе получали школьную подготовку (91,4%), то у пролетариев от 23 до 29 лет этот показатель понижался до 86,7%, в возрасте от 30 до 39 лет — 75,3%, старше 40 лет был только 56,7%⁴⁶. **Это означало, что почти половина рабочих промышленности России, которым в 1917 г. было 28 лет и старше, не имела школьной подготовки.** Отметим и совпадение двух индикаторов: нашей «расчетной» величины массива неграмотных промышленных рабочих в 1918 г. — 43,3% и показателя промышленных рабочих, не имеющих школьной подготовки в 1929 г., — 43,3%. Такое совпадение (кроме прочих причин) указывает на недолговечность общеобразовательных знаний, полученных вне стационарной школы.

Обратим внимание на следующее обстоятельство: средняя продолжительность школьной подготовки у возрастных групп рабочих СССР старше 23 лет, по данным профсоюзной переписи 1929 г., менялась незначительно: от 3,4 года у группы 23—29 лет до 3 лет у возраста от 30 до 39 лет и 2,9 года у рабочих старше 40 лет. Определенный скачок происходил у молодых рабочих до 22 лет — в среднем 4,3 года школьной подготовки⁴⁷, однако это было поколение рабочих, приступившее к обучению в советское время и пользовавшееся поддержкой власти.

Некоторая часть молодого поколения советских рабочих, будучи, как правило, выходцами из пролетарских семей, уже к концу 20-х гг. смогло получить образование, близкое к 7-летнему. Доля рабочих до 22 лет, окончивших 6,5 класса, колебалась от 44,6% у металлистов Ленинграда до 7,7% у молодых шахтеров Донбасса. Среди всех учтенных рабочих этот показатель варьировался от 12—21% у металлистов ведущих промышленных цен-

тров (Ленинграда, Московской области, УССР) и 7—9% у металлургов до 4% — у шахтеров⁴⁸. Признаемся, что показатель металлистов, окончивших 6,5 класса, вызывает у нас сомнение. Достаточно взглянуть на величину рабочих, имевших школьную подготовку в 7,5 класса и выше, чтобы сделать вывод о «внезапном» сокращении приведенного уровня практически в 2 раза: 6,6—13,9% у металлистов, 3,5—4,1% у металлургов, 1,9—2% у шахтеров⁴⁹. Думается, эти данные более точно показывают достижения и проблемы образовательной подготовки рабочих вообще и в частности получения семилетнего образования.

Материалы выборочной профсоюзной переписи 1929 г. демонстрируют близость показателей наличия школьного образования у рабочих-мужчин и работниц-женщин: соответственно 3,6 и 3,5 класса. Последний факт также вызывает сомнение в верности подсчетов: в отраслевом разрезе разница составляет от 0,2 до 0,8 класса с наиболее частым выражением 0,5—0,6 класса⁵⁰.

Сближение показателей средней продолжительности школьного обучения у рабочих различных отраслей (в диапазоне 2,9—4,3 класса при средней продолжительности школьного обучения рабочих в 3,5 класса)⁵¹ говорило о существовании определенного барьера на пути повышения общеобразовательного уровня рабочих. **Наличие такого барьера было обусловлено** уровнем индустриального развития, возможностями системы школ взрослых, особенностями восприятия ценности образования в рабочих семьях⁵².

На фоне союзных отличались показатели школьного обучения у *рабочих-металлистов* Ленинграда: при средней продолжительности обучения у всех рабочих отрасли в городе в 4,5 класса, а в СССР — 4 класса, у молодых рабочих в возрасте до 22 лет школьная подготовка составляла в среднем 5,9 класса, или почти в 1,5 раза выше, чем у их ровесников на Урале⁵³.

Интерес представляет и доля рабочих в различных возрастных категориях, самоучками овладевших грамотой. Среди всех рабочих СССР в 1929 г. она составляла 3,4% у группы до 22 лет; 6,4% — у рабочих 23—29 лет; 9,7% — у возраста от 30 до 39 лет и 12,4% — у рабочих старше 40 лет⁵⁴. Как видно, среди молодых рабочих СССР доля самоучек была невелика. Иное положение сложилось у рабочих в возрасте от 30 лет и старше. Удельный вес рабочих-самоучек зависел от возраста и степени технической оснащенности отрасли. У рабочих СССР в возрасте от 30 до 39 лет примерно $\frac{1}{9}$ часть, старше 40 лет — $\frac{1}{6}$ часть грамотных самостоятельно овладевала грамотой. Эта часть рабочих имела, как правило, элементарное образование.

Материалы профсоюзной переписи 1929 г. свидетельствуют: даже в наиболее технически оснащенной отрасли — металлопромышленности СССР (в разработку из 75 тыс. карточек вошли только мужчины-металлисты Москвы, Ленинграда, Украины)⁵⁵ — **преобладали рабочие с уровнем образования в 3—4 класса (50,5% всех мужчин-рабочих)**. Еще 14% рабочих имели уровень школьной подготовки 1—2 класса, а *11% рабочих-металлистов вообще не имели школьной подготовки*. Только у четверти рабочих уровень образования превышал планку начального образования, в том числе у 12% имелось неполное среднее образование⁵⁶.

Как видно, в ведущих индустриальных центрах СССР просматривались четыре группы рабочих-металлистов в зависимости от уровня образования: первая — не имеющие школьной подготовки и малограмотные (1—2 класса) — 25% рабочих-мужчин; вторая — с уровнем образования в 3—4 класса — 50,5% всех мужчин-рабочих; третья — с уровнем образования в 5—6 классов — 12,5%; четвертая — с неполным средним образованием — 12%.

Вместе с тем у рабочих-металлистов в сравнении с дореволюционным временем ускорилась динамика роста общеобразовательного уровня: если до 1917 г. он повышался на полгода образования за десятилетие, то за 20-е гг. — планка числа законченных классов школы поднялась на год. В результате, если в 1929 г. у поколения рабочих-металлистов мужского пола в возрасте 55 лет и старше средняя продолжительность образования не превышала 2,4 класса; 45—49 лет — 2,9 класса; 35—39 лет — 3,4 класса, а в возрасте 25—29 лет — 3,8 класса, то у молодых рабочих она повышалась до 4,9 класса в 20—22 года и 5,4 класса — в 19 лет и моложе⁵⁷.

Проведенные исследования показали весьма примечательную картину: заметное влияние на величину заработка оказывали только первые три года обучения. **Величина дневного заработка рабочего-металлиста с тремя классами образования отличалась от аналогичного показателя рабочего с семью классами на три копейки**.⁵⁸ Закономерным в этой связи представляется невысокий удельный вес высококвалифицированных рабочих-металлистов (4,6%) и квалифицированных — 22,7%. Ведущими группами выступали малоквалифицированные рабочие — 46,3% и неквалифицированные — 26,4%⁵⁹.

Материалы профсоюзной переписи показали еще одну любопытную деталь: при невысокой доле высококвалифицированных и квалифицированных рабочих среди металлистов Москвы, Ленинграда, Украины (27,3% от числа всех рабочих-металлистов — мужчин⁶⁰) для повышения квалификации значение стажа было

почти равносильно значению образования. Семь лет стажа (не считая первого года) давали прирост на 1,02 разряда, а первые семь лет образования — на 1,28 разряда⁶¹. Резюмируя, отметим, что в сфере повышения квалификации рост образования рабочих уже мог быть равнозначен росту производственного стажа. Однако повышение образовательного уровня почти не влияло на заработки рабочих.

Приведем пример результатов обследования 1927 г. рабочих мартеновского цеха Верх-Исетского завода (ВИЗа), расположенного на окраине столицы Уральской области — Свердловска. 16% всех рабочих-мартеновцев ВИЗа оставались неграмотными; 15% — малограмотными, т. е. могли подписывать фамилию и едва читать; **61% рабочих-мартеновцев учились** в начальной школе, но только 2% закончили ее (!). В средней и профессиональной школе учились 5% рабочих, но окончили 1%⁶². Ситуация проецировалась и на детей рабочих: если дети рабочих в первых классах школ Свердловска в 1926/27 уч. г. составляли 56%, то в четвертых классах — 39, в седьмых — 13,9, в девярых — 8% (!)⁶³. Приведенные статистические сведения свидетельствуют: несмотря на ограничения на обучение в старших классах для детей «бывших», отсутствие подобных возможностей, традиции в рабочей среде просматриваются достаточно убедительно. Государство могло назвать себя пролетарским, но изменить пласт социокультурных навыков, представлений, отношения к постижению общеобразовательных знаний ни за одно, ни за несколько десятилетий не представлялось возможным.

Обратим внимание на факт, не отмеченный в историографии: не результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г., а материалы выборочной профсоюзной переписи 1929 г. (в определенной степени, конечно) указывали на характеристики рабочих промышленности СССР в момент завершения «собирания рядов рабочего класса», достижения довоенной численности пролетариата. Низкий общеобразовательный уровень рабочих СССР в целом (согласно материалам профсоюзной переписи — **3,5 класса**; по расчетной оценке специалистов Госплана принципиально иной показатель: **1,75—2 класса**⁶⁴) должен был предостеречь руководителей страны от курса на масштабное выдвижение «рабочих от станка» на руководящую работу⁶⁵; от утверждения в программных документах о возможности быстрой победы социалистических отношений. Но действительность, как известно, преподносила примеры иного рода.

В принципе постановление ЦК ВКП (б) (май 1929 г.) «О ликвидации неграмотности»⁶⁶ следует рассматривать как пример усиления внимания государства к подлинным проблемам рабо-

чего класса. Но велика бывает разница между принципом и его реализацией. Проблема заключалась в том, что на решение этой далеко не простой задачи отводился один год. Тем самым программировались узость и неосновательность общеобразовательной подготовки рабочих, кампанейский характер и штурмовые методы работы. Хронологические рамки реализации постановления ЦК ВКП(б) выводили на первый план не создание 40 тыс. новых школ в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках в годы первой пятилетки⁶⁷, а проведение всесоюзного культпохода⁶⁸.

Желая сэкономить средства, государство возложило большую часть работы на общественность: так, в Уральской области 72% неграмотных должны были обучить культармейцы и только 28% пройти обучение в школах взрослых. Отмечая энтузиазм, самоотдачу 65 тыс. культармейцев Урала, среди которых насчитывалось до 25 тыс. рабочих⁶⁹, следует отметить правоту тех историков, которые указывали на низкое качество ускоренной внешкольной подготовки⁷⁰. Во многом это было обусловлено тем, что 80% культармейцев имели начальное образование. В силу этого трудно согласиться с оценкой культпохода как «рубежного события перехода к решающим успехам культурной революции»⁷¹.

Применение насильственных командно-административных методов в деле ликвидации неграмотности взрослого населения обусловило погоню за количеством, приписки и очковитительство. Ни чрезвычайные органы — особые комиссии по ликбезу, ни грозные постановления о привлечении лиц, «уклоняющихся от ликвидации своей неграмотности к административной ответственности»⁷² не могли заменить работу стационарных школ.

Идеологизация школьного обучения уже на стадии ликбеза (чтение лекций по атеистической и политической тематике)⁷³ приводила к тому, что рабочие, не владеющие основами грамоты, воспринимали отрывочные, схематизированные представления о жизни в СССР и за его пределами. Идеологические подходы определяли и критерии продвижения сверху рабочих по ступеням общеобразовательного обучения (например, принципы отбора рабочих на рабфаки): **за основу принимались не знания, не способности**, а участие в партийных или комсомольских организациях⁷⁴. Тем самым уже в процессе общеобразовательного обучения формировался наиболее преданный советской власти слой выходцев из рабочей среды.

Итоги работы в рассматриваемой области в годы первой пятилетки давно стали предметом критики историков, обративших внимание на несоответствие данных, приведенных партийными органами о достижении полной грамотности рабочих и результа-

тами профсоюзной переписи 1932—1933 гг.⁷⁵ Форсированная индустриализация привела к пополнению рабочего класса за счет выходцев из деревни и женщин. Следствием этого стало не повышение, а понижение грамотности рабочих кадров. Рассмотрим результаты профсоюзной переписи 1932—1933 гг.

Если по данным переписи 1918 г. удельный вес рабочих, получивших школьную подготовку, составил 47,9% , а в 1929 г. — 78,3%, то в 1933 г. этот показатель вновь сократился (в полтора раза!) до половины всех промышленных рабочих⁷⁶. **Это означало, что за годы первой пятилетки практически произошло возвращение к предреволюционному показателю (!)**⁷⁷. И это при том, что материалы переписи (и это было не случайно) не охватывали рабочих наиболее отсталых отраслей — лесной, угольной, горной промышленности.

За годы первой пятилетки заметно усилился разрыв между массой неграмотных среди новых рабочих и молодым пополнением рабочего класса. Для сравнения отметим: в Ленинграде среди молодых рабочих транспортного машиностроения (до 23 лет) рабочих с образованием 6,5 класса и выше в 1933 г. насчитывалось 36,7% (напомним, в 1929 г. молодых рабочих-металлистов — 44,6%); в Горьковском крае — 16%⁷⁸.

В целом по стране, среди тех *молодых* рабочих, кто пришел на производство в 1934 г., 9,7% получили 7-летнее образование, 70% — 5—7 классов, 20,3% — начальное образование, тогда как в 1926—1927 гг. эти показатели составляли соответственно 3,2%, 51,6 и 45,2%⁷⁹.

Выделим еще одну примечательную группу рабочих — приступивших к послешкольному образованию. Так, в Ленинграде 2,3% рабочих транспортного машиностроения обучались в техникумах, рабфаках и вузах. (Наивысший показатель в промышленности СССР был в электропромышленности — 9,9%.) Среди уральцев, занятых в указанной отрасли, таких насчитывалось 0,1%. В традиционной для Урала отрасли — черной металлургии — насчитывалось 0,5% рабочих, сочетавших работу и обучение в техникумах, рабфаках и вузах. В остальных отраслях — от 0,1 до 0,5% и только в немногочисленном отряде рабочих электротехнической промышленности Урала этот показатель поднимался до 1,7%⁸⁰. Как видно, материалы переписи 1932—1933 гг. свидетельствуют **об увеличении образовательного разрыва у пограничных отрядов рабочих.**

Но следует отметить и позитивные перемены: в рабочей среде появилась практически отсутствовавшая ранее категория людей с незаконченным средним образованием — небольшой слой рабочих, обучавшихся в техникумах, рабфаках и вузах. Начиналось

формирование социокультурного облика рабочих, чьи образовательные характеристики соответствовали техническому уровню предприятий позднеиндустриальной модернизации; чертам социокультурного облика индустриальных рабочих Европы 30-х гг.

В 1933—1935 гг. трудности со снабжением продуктами питания, низкая реальная заработная плата, жилищные проблемы вызывали высокую текучесть в рабочих коллективах, что, как следствие, сказывалось на организации учебы, а также на масштабах вовлечения рабочих в школы взрослых. Анализ архивных документов Управления школ взрослых Наркомата просвещения РСФСР подводит к следующим выводам: в годы первых пятилеток численность учащихся школ взрослых СССР была невелика (порядка 123,1 тыс. в 1928 г., 276,9 тыс. в 1931 г. и 205,9 тыс. в 1935 г.)⁸¹.

Окончившие курсы малограмотных должны были за трехлетний срок обучения получить в школе взрослых знания общеобразовательной семилетней школы, что, естественно, сказывалось на уровне образования. В 1933—1934 гг. правительство не ассигновало средства на школы, возложив эту нагрузку на профсоюзы и местные органы власти, за что и поплатилось указанным выше сокращением числа учащихся. Только осенью 1940 г. был составлен проект «полноценной» *начальной* школы для взрослых, совпадающей по объему знаний с начальной детской школой⁸². В результате даже в ведущих отраслях промышленности сохранялось значительное число неграмотных и малограмотных рабочих.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1936 г. «О работе по обучению неграмотных и малограмотных»⁸³ дало определенный толчок к улучшению положения с обучением рабочих. Прежде всего, был проведен карточный учет общеобразовательной подготовки всех работающих на предприятиях, показавший масштаб незавершенной работы. Если до этого власти рапортовали о близком завершении ликвидации неграмотности и малограмотности⁸⁴, то после января 1936 г. в профсоюзных справочниках можно было найти упоминание о наличии **миллиона неграмотных и более миллиона малограмотных рабочих** в СССР к началу 1937 г.⁸⁵ Например, на предприятиях черной металлургии Урала удельный вес неграмотных и малограмотных рабочих составлял соответственно 8,8 и 15,5 %; топливной промышленности — 11,3 и 23%, а среди 595 852 членов всех индустриальных профсоюзов — 8,7 и 17,6%⁸⁶. **Это означало, что к 1936 г. более четверти рабочих промышленности Урала оставались неграмотными и малограмотными.**

По данным статистических справочников ВЦСПС, в январе 1939 г. в промышленности СССР удельный вес неграмотных среди рабочих промышленности определялся в 4%. Число малограмотных рабочих было существенно большим и составляло порядка 9%⁸⁷. Характерно, что приведенный источник даже не фиксировал число рабочих с образованием *выше* 1—2 классов.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. даже в максимально урезанном при публикации виде прямо указали на незавершенность процесса ликвидации неграмотности. Передовица газеты «Правда» вынуждена была признать, что «результаты переписи были неожиданностью для органов народного образования. К примеру, **по РСФСР** неграмотных оказалось в 3 раза больше, чем по оптимальным сводкам Наркомпроса»⁸⁸. В сводке ЦУНХУ по распределению населения СССР по уровню образования можно было прочесть: уровень грамотности всех жителей советской страны в 1939 г. составил 80,9%, т. е. меньше, чем в США в 1900 г. (89,3%)⁸⁹.

Изучение массива архивных дел, относящихся к переписи 1939 г., подводило к предварительному выводу об отсутствии обобщающих данных о грамотности рабочих крупной промышленности как по СССР, так и по регионам. Данный вывод подтверждает и парадоксальный на первый взгляд факт: 6-томная история рабочего класса СССР приводит минимальные данные по образованию рабочих в 1939 г., ссылаясь при этом на перепись 1959 г.⁹⁰ Фактически, даже на уровне секретных архивных материалов, были скрыты важные показатели общеобразовательной подготовки промышленных рабочих, не отвечавшие установке на отображение «величественных достижений в области грамотности и образования»⁹¹.

Только в самом конце XX в. в РГАЭ для открытого доступа были предоставлены материалы переписи 1939 г. — архивные данные по грамотности рабочих всей промышленности (т. е. без деления на крупную и мелкую) по стране в целом и регионам; архивные и опубликованные данные по грамотности и числу лиц со средним образованием у рабочих различных профессий в СССР. В 1992 г. были опубликованы основные итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г., где содержались данные по грамотности, наличию среднего образования у рабочих отдельных профессий вне отраслевой принадлежности⁹². Все это затрудняло поиск данных по интересующему нас вопросу.

Анализ архивных и опубликованных материалов показывает: серьезные проблемы существовали в промышленности СССР в целом: если процент грамотности в январе 1939 г. у металлистов варьировал в зависимости от профессии от 92 до 99%, то в легкой

и пищевой промышленности он не превышал 87—90%, а у 1047 тыс. чернорабочих СССР — 76,5%⁹³.

Прослеживалась разница между уровнем грамотности рабочих основных и вспомогательных профессий: 91,5% горняков-забойщиков и 87% у «прочих занятиях горняков»; 94,1% деревообработчиков-станочников и 77,9% у «прочих занятиях деревообработчиков»; 90,7% ткачей и 82,3% у «прочих занятиях текстильщиков»; 97,4% у мотористок на швейных машинах и 85,5% у «прочих занятиях швейников»⁹⁴. Индустриализация в данном случае, степень механизации труда в конкретной отрасли и у определенной профессии вносила свои коррективы в приоритетность образования: диапазон удельного веса рабочих, имеющих школьную подготовку 7 классов и выше, по материалам переписи 1939 г., колебался от 3,1% у лесорубов до 32% у токарей⁹⁵. Основную массу рабочих, получивших неполное среднее образование и более высокую общеобразовательную подготовку, составляла молодежь⁹⁶.

Следует отдать должное первопроходцу изучения материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. Ф.А. Лукинскому. Вышедшая в 1980 г. статья «Повышение уровня образования рабочих Сибири (1938—1941 гг.)»⁹⁷ не могла не вызвать изумления у историков, занимающихся предвоенным периодом. Мало того, что автор спокойно оперировал данными по засекреченной в то время Всесоюзной переписи населения 1939 г., Ф.А. Лукинский вводил в научный оборот данные по распределению рабочих Сибири по уровню образования. Этим не мог похвалиться ни один советский исследователь, изучавший региональный или общесоюзный аспект состояния культуры рабочих в 30-е гг. XX в.

Показатели уровня неграмотности рабочих — 22,1% от всех рабочих Сибири в январе 1939 г. (в том числе 30% в Новосибирской области!); удельного веса рабочих грамотных, но без школьного образования — 62,3% звучали ошеломляюще⁹⁸. Получалось, что «после победы социализма» в СССР 84,4% рабочих гигантского региона не имели школьной подготовки. Только 4,8 % рабочих Сибири имели 7 классов образования и выше. Уровень образования у остальных 11,8 % рабочих колебался от 1 до 6 классов школьного обучения⁹⁹. Впечатление от смелости сибирского исследователя усиливалось при знакомстве с хорошим динамичным стилем изложения.

Традиционный вопрос историков, где автор смог достать такие материалы, соседствовал с не менее значимым: как удалось Ф.А. Лукинскому такое опубликовать? Осознание какой-то таинственной поддержки Ф.А. Лукинского сверху присутствовало и

удерживало историков от интересующих вопросов как до 1991 г., так и после.

Оставалось сравнить имеющиеся сведения с данными Лукинского. Что же выяснилось? В 1940 г. во всей промышленности Сибири было задействовано 770 136 рабочих¹⁰⁰. Во *всем народном хозяйстве Сибири* действительно указанная Лукинским численность рабочих Сибири в январе 1939 г. (2904,9 тыс.) была близка к сведениям, имевшимся в литературе¹⁰¹. Инструментарий переписи 1939 г. не содержал указания распределения *рабочих* в зависимости от образования (с разбивкой по количеству классов школьной подготовки) по областям, ограничиваясь данными по уровню грамотности. Согласно инструментарию, такое распределение касалось *всего населения*.

Однако материалы изученного нами дела № 1136 (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1136), несущие сведения по общеобразовательному уровню рабочих народного хозяйства СССР, содержали тот принцип распределения рабочих в зависимости от образования, на который ссылался Ф.А. Лукинский. Обращала внимание и нарочитая усложненность подсчета: в архивном деле приводились интересные данные по образованию рабочих отдельных профессий, но отсутствовали сводные расчеты по промышленности. Складывается впечатление, что с помощью высокопоставленного покровителя¹⁰² в конце 70-х гг. Ф.А. Лукинский получил доступ к тем делам, которые к началу XXI в. либо были уничтожены, либо скрыты и место их хранения известно сегодня только компетентным органам. Мы надеемся, что общими усилиями корпорация историков разгадает эту загадку, отдав при этом должное сибирскому первопроходцу.

В литературе давно известны, широко используются сведения об удельном весе рабочих ряда профессий по материалам переписи населения СССР 1939 г.¹⁰³ Однако материалы уже упомянутого дела № 1136, содержащего принцип распределения рабочих в зависимости от образования, несут куда более обширную и не введенную в научный оборот информацию. Попробуем систематизировать и обобщить сведения этого дела.

В январе 1939 г. среди всех рабочих народного хозяйства СССР 8,4% имели образование от 7 классов и выше¹⁰⁴. Как видно из материалов таблицы, профессиональный диапазон рабочих с образованием 7 классов и выше был велик: от 1,7 до 15,2%. По нашим подсчетам, категория рабочих, имеющих семилетнее и выше образование включала 17,6% металлистов, 5,3% горняков, 6% текстильщиков, 4,4% обувщиков, 4% кожевников, 4,3% пищевиков, 6,8% швейников, 9,9% бумажников¹⁰⁵.

Общеобразовательный уровень рабочих народного хозяйства СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

Категория рабочих	Всего рабочих (в тыс.)	Доля рабочих (в %)					
		неграмот- ных	с образова- нием 7 классов и выше	с высшим образова- нием	обучающихся в школах взрослых	обучающихся в техникумах	обучающихся в вузах
Металлисты	3800	2	15,2	0,04	0,2	0,3	0,06
Горняки	569	10,4	4,4	0,3	0,1	0,9	0,01
Деревообработчики	671	5,5	6,2	0,03	0,1	0,2	0,01
Текстильщики	749	9,5	5,6	0,013	0,1	0,1	0,01
Швейники	397	5,0	7,6	0,14	—	—	—
Кожевенники	104	7,5	4,5	0,01	0,2	0,1	—
Рабочие лесозаготовок и лесосплава	582	15,7	3,7	0,16	0,1	0,1	—
Сельскохозяйственные рабочие	2394	14,3	1,7	0,038	0,14	0,006	0,002

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1136. Л. 9—11.

Практически таким же (от 2 до 15%) был диапазон удельного веса неграмотных рабочих, отражающий обратную пропорциональность двух рядов цифр. **И та и другая образовательная категория рабочих была в меньшинстве, значительно уступая доминирующей группе советских рабочих с образованием 1—6 классов.** Эта категория включала более $\frac{4}{5}$ всех промышленных рабочих: 82,3% из почти четырехмиллионного отряда металлистов; 84,7% у текстильщиков; 83,9% у горняков; 87,7% у кожевенников; 88% у деревообрабатчиков, понижаясь у рабочих лесозаготовок и лесосплава до 80,2% за счет высокой доли неграмотных.

Как свидетельствуют материалы таблицы, после 7-го класса обучались от 0,1 до 1,3% рабочих. Для промышленных рабочих был более характерен второй показатель (т.е. 1,3%). Сдвиги в образовательном уровне рабочих СССР были налицо, но вряд ли их можно было назвать революционными.

Наличие в 1939 г. рабочих с высшим образованием, по нашему мнению, объясняется практикой учета в составе рабочих коллективов работников комсомольских, профсоюзных и партийных органов.

Ряд позиций в таблице порождает вопросы. Вызывает недоумение большее количество рабочих с высшим образованием у массива горняков, нежели у металлистов, в 6 раз превосходящих горняков по численности. Невелик был слой рабочих, обучавшихся в техникумах и вузах. Но, возможно, учитывались рабочие-студенты только вечерних отделений. Статистический справочник «Культурное строительство СССР» (М.; Л., 1940) показывает наличие на 15 сентября 1938 г. в СССР 582 663 студентов вузов, а также 246 941 студента заочных институтов и заочных отделений, не вошедших в состав студенчества¹⁰⁶.

Документы третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.) намечали существенный сдвиг в деле общеобразовательной подготовки рабочих. Во-первых, в годы третьей пятилетки школа взрослых нацеливалась на рост удельного веса обучающихся в 5—10-х классах. При общем росте контингента учащихся школ взрослых в 1,6 раза, удельный вес обучающихся в неполной и полной средней школе взрослых возрастал в 6 раз, а в процентном отношении с 6 (13% в городе) до 22% (37%)¹⁰⁷. Во-вторых, предусматривалось увеличить в 3 раза расходы на финансирование средней школы взрослых¹⁰⁸. В-третьих, основной формой обучения признавалась **стационарная школа взрослых**: начальная для ликвидации неграмотности и малограмотности с 3-летним сроком обучения; средняя с 6-летним¹⁰⁹. Таким образом, только с 1939 г. можно говорить о формировании системы среднего образования трудящихся, не

уступающей по объему знаний дневной общеобразовательной школе.

К сожалению, в очередной раз за 30-е гг. срок действия созидательных мер был ограничен. Обострение международной обстановки потребовало дополнительных ресурсов для укрепления обороноспособности СССР. Объем финансирования школ взрослых в РСФСР в 1938—1940 гг. сократился с 115,5 до 106,8 млн руб.¹¹⁰ С осени 1940 г. в связи с сокращением ассигнований на школы, подведомственные профсоюзам, вновь возрастал объем обучения силами культармейцев¹¹¹. Позитивными явлениями в данной ситуации следует считать составление планов по ликбезу по каждому заводу¹¹², применение мер материального поощрения лучшим рабочим-учащимся школ взрослых¹¹³; повышенное внимание печати к теме общеобразовательной подготовки рабочих¹¹⁴.

Достаточно узкий круг документов конца 30-х — начала 40-х гг. тем не менее позволяет судить о тяге активной части рабочих к получению среднего образования. При плане набора в 500 учащихся в каждую из заводских средних школ взрослых при Уралмаше и ЧТЗ в сентябре 1938 г. было подано соответственно 700 и 1000 заявлений. По всем средним школам взрослых Орджоникидзевского района Свердловска на 1565 мест пришлось 2155 заявлений рабочих¹¹⁵. Это означало, что на двух гигантах промышленности СССР (Уралмаше и ЧТЗ) примерно 6—7% рабочих *добровольно* выразили желание повысить свой общеобразовательный уровень в системе средних школ взрослых.

Из опрошенных в 1940 г. промышленных рабочих-учащихся 5—7-х классов школ взрослых 10 областей РСФСР 66% планировали закончить 7-й класс; 25% — впоследствии поступить в техникум; 29% — окончить 10-й класс¹¹⁶. Результаты обследования представляют, на наш взгляд, уникальный материал. С одной стороны, они указывают на трудность и сложность освоения рабочими программы средней школы после (или до начала) заводской смены. В силу этого **треть опрошенных рабочих — учащихся школ взрослых обозначила невозможность для себя окончания семилетки**. С другой стороны, **желание почти трети рабочих-учащихся закончить не только 7-й, но и 10-й класс, а еще четверти поступить в техникум**¹¹⁷ свидетельствует о создании *потенциально* эффективной системы общеобразовательной подготовки рабочих без отрыва от производства.

Насколько реальны были эти планы? Выборочные обследования по 13 областям и АССР РСФСР показали, что из числа окончивших в 1939/40 уч. г. 10-й класс школ взрослых и поступавших в вузы 91,8% стали студентами¹¹⁸. Однако зададимся вопросом:

насколько масштабным было обучение рабочих в средних школах взрослых? Анализ состава учащихся, проведенный в сентябре 1939 г. по 83% всех неполных средних и средних школ взрослых РСФСР, показал, что **половину из них (49,5%) составляли рабочие по роду занятий**¹¹⁹. Согласно этим подсчетам, в среднем из 872 тыс. жителей СССР, занимающихся в 1939 г. в 5—10-х классах школы взрослых¹²⁰, примерно 432 тыс. были рабочими. Зная соотношение всех рабочих народного хозяйства СССР и промышленности (приблизительно 2:1), можно предположить, **что 2% рабочих всей промышленности СССР ежегодно обучались в неполных средних и средних школах взрослых.**

Конечно, выпуски из школ взрослых были невелики: в 1939 г. в СССР 7-е классы окончили 70 тыс., а 10-е — 7,5 тыс. учащихся школ взрослых. Поскольку, как уже отмечалось, на долю рабочих приходилась половина учащихся школ взрослых, среди выпускников 7-х классов школ взрослых насчитывалось 35 тыс. рабочих, а среди выпускников 10-х классов — 3,75 тыс. рабочих¹²¹. В силу этого можно говорить о положительном сдвиге в деле общеобразовательной подготовки рабочих промышленности советской страны в конце 30-х гг. Но это был запоздалый рывок в рамках индустриальной модернизации. Масштаб этого рывка не соответствовал требованиям индустриализации и состоянию общеобразовательного уровня рабочего класса СССР.

Касаясь иных, чем школы взрослых, форм общеобразовательной подготовки рабочих, укажем на школы ФЗУ и профтехшколы. В 1922—1940 гг. в СССР около 1 млн человек окончили школы ФЗУ и профтехшколы¹²². По замыслу советского руководства эти учебные заведения должны были сочетать профессиональную и общеобразовательную (в объеме семилетки) подготовку рабочей молодежи. Однако курс на сокращение сроков подготовки с ноября 1928 г. привел к тому, что в регионе преобладали школы с двухгодичным сроком обучения. В этих школах курс общеобразовательных дисциплин был сокращен почти вдвое по сравнению с типовыми трехлетними, а 71% часов гуманитарного цикла падало на обществоведение, формирующее у учащихся не научно-мировоззренческую, а идеологизированную картину мира и общества. С 1933 г. цикл гуманитарных дисциплин был целиком изъят из программ школ ФЗУ¹²³. Таким образом, профессионально-техническое образование молодежи было сведено к узкоремесленной выучке. Школы ФЗУ так и не стали каналом получения 7-летнего образования. Более того, на наш взгляд, трудно вообще говорить о школах ФЗУ в рассматриваемый период как о форме полноценной общеобразовательной подготовки.

То же самое можно сказать и о созданной в октябре 1940 г. системе государственных трудовых резервов: в школах фабрично-заводского образования (ФЗО) теоретические занятия вообще не предусматривались; в учебные планы ремесленных училищ (РУ) включались только те общеобразовательные дисциплины, которые были необходимы для данной профессии. Характерно, что РУ комплектовались подростками с начальным образованием, а в школы ФЗО молодежь принималась без учета уровня общего образования¹²⁴. Значение данного явления необходимо рассматривать прежде всего как частный случай общего технократического подхода советского руководства к проблемам модернизации.

Для сравнения отметим, что в Германии черты *обязательности* с начала XX в. носила *двухлетняя* (с 1938 г. — *трехлетняя*) подготовка молодых рабочих в стационарных профессионально-технических учебных заведениях¹²⁵. Концепция учебно-производственных мастерских с трехлетним сроком обучения, которая в 20-е гг. пропагандировалась Немецким институтом технического обучения рабочих, была нацелена на ускорение подготовки квалифицированных рабочих в Германии. В 1935 г. государство ввело *унифицированные стандарты* при проведении экзаменов по профессионально-техническому мастерству и в сфере ремесленного производства, и на фабрично-заводских предприятиях. О выполнении поставленных задач можно судить по таким цифрам. Если в 1933 г. в Германии в 167 учебных мастерских для ремесленников и новых рабочих занималось 16 222 ученика, то в 1940 г. в 3304 учебных мастерских — 2 444 250¹²⁶. Таким образом, массив учеников ремесленных школ в Германии был основным каналом обучения рабочих кадров; он превосходил по численности советский аналогичный показатель, отличаясь и более длительным сроком подготовки.

В СССР помимо школ ФЗУ с 1935 г. рабочие могли получать общеобразовательные знания на курсах мастеров социалистического труда (КМСТ). За 2—2,5 года учебы учащиеся КМСТ, осваивая специальные технические дисциплины, получали и общеобразовательные знания в объеме 7 классов. Это позволяло готовить на КМСТ рабочих, способных выполнять наиболее сложные и ответственные работы по своей специальности¹²⁷. По итогам переписи 1939 г., на КМСТ обучались 214,3 тыс. рабочих промышленности и строительства¹²⁸. Однако и в этом случае снижение реальных расходов на КМСТ¹²⁹ привело к весьма скромным итогам деятельности перспективной формы обучения. Результат был закономерным: во всем народном хозяйстве СССР в 1936—1940 гг. КМСТ закончили 223,4 тыс. чел., или по-

ловина запланированного выпуска только по Наркомату тяжелой промышленности на 1938—1941 гг.¹³⁰ С учетом слушателей, сдавших экзамены в первом полугодии 1941 г., число выпускников КМСТ в промышленности СССР, по имеющимся в нашем распоряжении данным, не превышало 100 тыс.¹³¹, составляя примерно 1% от числа рабочих промышленности страны.

Резюмируя, можно отметить нацеленность усилий властей в сфере общеобразовательной подготовки рабочих прежде всего на решение задач ликвидации неграмотности и малограмотности. Об этом свидетельствует содержание соответствующих постановлений правительства, соотношение масштабов финансирования начальной и средней школы взрослых. Необходимо отметить, что по отношению к взрослым рабочим работа партийных, советских и профсоюзных органов на местах в основном была направлена на распространение знаний в объеме начальной школы. Результатом стало значительное уменьшение показателей неграмотности и малограмотности среди рабочих советской промышленности. Так, к 1941 г. по промышленным профессиональным союзам было учтено 256,1 тыс. неграмотных и 625,5 тыс. малограмотных¹³². Это означало, что количество неграмотных сократилось по сравнению с 1936 г. в 4 раза (и составляло не более 2—3% от общего числа рабочих промышленности), а малограмотных — в 2—3 раза (5—6% от всех рабочих). Например, у рабочих черной металлургии СССР показатель грамотности составил 97%, у рабочих машиностроения — 98,7%¹³³.

Недостаточность обобщающих данных об уровне знаний промышленных рабочих СССР на рубеже 30—40-х гг. может быть скорректирована характеристиками рабочих коллективов двух гигантов: передового предприятия довоенного Урала — Пермского авиамоторного завода и Магнитогорского металлургического завода. У моторостроителей 15,1% рабочих имели образование 7 классов и выше (и это было сопоставимо с общесоюзным показателем у металлистов — 17,6%); 20,6% — от 5 до 6; 23,7% — 4; 40,6% — 3 и менее классов образования. Как видно, и на передовом заводе Урала почти $\frac{2}{3}$ рабочих (64,3%) имели образование не выше начального. На Магнитке этот показатель составлял 87,8%. На крупнейшем в СССР металлургическом заводе 7 классов и больше окончили 15,2% рабочих, но только среди занятых в основных цехах¹³⁴.

Более заметными представляются сдвиги в этой области у молодых рабочих. По данным общесоюзного социологического исследования, проведенного в крупных городах страны в 1936 г. (самого позднего из обследований 30-х гг.), средний образовательный уровень молодых рабочих СССР от 15 до 28 лет равнялся

5 классам. В возрастных категориях от 25 до 28 лет этот показатель составлял 4,5 класса; 21—24 года — 4,7 класса; 19—20 лет — 5,4; 17—18 лет — 5,8 класса¹³⁵.

Таблица 19

Взаимосвязь возраста и образования молодых рабочих СССР в 1936 г.
(в процентах)

Возраст молодых рабочих	2—3-го класса	4-го класса	5—6-го классов	7-го классов	8—9-го классов	Средний образова- тельный уровень по возрастной категории
25—28 лет	33,2	29,6	14,1	21,4	1,7	4,5
21—24 года	26,8	27,2	20,4	23,4	2,2	4,7
19—20 лет	15,6	20,1	27,4	33,8	2,8	5,4
17—18 лет	6,7	9,9	45,0	32,6	5,8	5,9
15—16 лет	4,6	12,1	57,0	29,6	2,7	5,8
Все молодые рабочие	19,9	25,1	27,4	26,3	1,3	5,0

* Источник: подсч. по.: Социальный облик рабочей молодежи (по материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг.). М., 1980. С. 75, 109, 206.

Материалы таблицы показывают, что среди молодых рабочих советской промышленности в 1936 г. появилась весомая категория юношей и девушек с образованием 7 классов (26,3%). Однако даже среди самых юных возрастов (до 20 лет) этот показатель не превышал трети молодых рабочих. С учетом возрастной динамики (диапазон 14 лет фиксирует разницу школьной подготовки в 8,2% или 0,6% за год) можно предполагать, что спустя 5 лет к 1941 г. приблизительно 30% рабочих в возрасте до 28 лет имели незаконченное среднее образование (7 классов).

Невелика была прослойка молодых рабочих с 8—9 классами (1,3%). Это были в меньшей степени учащиеся школ взрослых; в большей степени те, кто по различным причинам покинул среднюю школу. Сколько-нибудь значительной долей отмеченный слой присутствовал только в категории 17—18 лет — 5,8%.

Материалы обследования 1936 г. показали: среди всех выделенных в зависимости от квалификации групп молодых рабочих преобладали лица с начальным образованием. Даже у рабочих,

занятых высококвалифицированным трудом, таких насчитывалось 43,5%¹³⁶. Средний уровень молодых рабочих, занятых малоквалифицированным трудом (4,2 класса), менее одного класса отделяло от аналогичного показателя у коллег высококвалифицированного труда (5,1 класса)¹³⁷.

Большое значение имел тот факт, что более $\frac{2}{5}$ молодых рабочих (41,4%) продолжали учиться. Более четверти из них (11,4%) обучались в школе взрослых; 8,6% — учились в школах ФЗУ; 3,9% — обучались на рабфаках; 2,7% — в заочных и на вечерних отделениях техникумов; 1,5% всех молодых рабочих — в аналогичных отделениях вузов¹³⁸. Отмечая тягу молодежи к знаниям, порыв, поддержанный государством, следует напомнить, что речь шла о рабочих крупных городов, где существовали лучшие условия для обучения, чем в целом по стране.

Резюмируя результаты масштабного обследования 1936 г., можно отметить, что наряду с лицами, получившими 7-летнее и выше образование, среди молодых рабочих можно выделить три довольно близких по удельному весу образовательных слоя. **Пятая часть молодых рабочих промышленности СССР оставалась, по сути, малограмотной**, получив 2—3 класса школьной подготовки. Используя уже применявшийся метод экстраполяции, можно сделать вывод о сохранении к 1941 г. примерно 10 % рабочих с образованием 2—3 класса. Четверть молодых рабочих имела начальное образование. К 1941 г. эта категория должна была насчитывать до 19% от числа рабочих в возрасте от 15 до 28 лет.

Еще четверть молодых рабочих (27,4%) в 1936 г. имела школьную подготовку не более 5—6 классов. К 1941 г. именно этот массив молодых рабочих должен был стать крупнейшим, достигнув 40%. Умозрительность выводов о завершении культурной революции даже в среде молодежи вполне очевидна. И это при том, что **в выигрышной позиции оказалось поколение детей тех рабочих, которые пережили эпоху войны и революций, но сами не были участниками великих потрясений**.

С 20-х гг. государство обозначило приоритеты в общеобразовательной подготовке рабочих. В первую очередь повышенные формы обучения касались молодых коммунистов и комсомольцев; затем ударников, а с 30-х гг. — стахановцев. Последних пропаганда рисовала как передовых рабочих, новаторов. Далее в списке приоритетов шли рабочие крупных промышленных центров и, наконец, остальные рабочие. В реальной жизни эта иерархия в определенной степени корректировалась малограмотностью значительной части коммунистов и комсомольцев, ударников и стахановцев. Работники высшей школы с тревогой отмечали, что значительная часть молодых рабочих является на экзамены в

«беспомощном состоянии». Так, при проверке грамотности поступающих в Пермский университет в 1927 г. 40% из числа участвующих в экзаменах обнаружили незнание элементарных правил русского языка. Для молодых рабочих были характерны нарушение порядка слов, смещение прямой и косвенной речи, неуместное употребление союзов, употребление бессмысленных выражений и неуклюжих фраз¹³⁹.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Призыв государства к рабочим «пролетарии — в вузы» нашел благодатный отклик у рабочей молодежи. Если в 1921/22 уч. г. существовало 87 рабфаков с 27,3 тыс. учащихся, то в 1927/28 уч. году — 122 с 48,8 тыс.¹⁴⁰ С учетом того, что $\frac{2}{3}$ учащихся являлись рабочими, можно считать, что в данный период от 18 до 32 тыс. рабочих проходили обучение в этой форме предвузовской подготовки¹⁴¹. Важность рабфаковской учебы определил классовый принцип комплектования высшей школы, соответствующие правительственные документы. Так, в 1925 г. прием рабфаковцев в промышленные вузы РСФСР составил 66,3% по отношению к общему числу принятых¹⁴². Выделим вопрос, не звучавший в советской и постсоветской исторической литературе: **многим ли рабочим удалось окончить вузы?**

За первые 10 лет своего существования (1919—1928 гг.) рабфаки подготовили свыше 47 тыс. рабочих и крестьян. Вновь обратившись к норме в $\frac{2}{3}$, определим контингент рабочих, завершивших обучение в рабфаках в примерно 32 тыс. человек. 37 тыс. рабфаковцев (или $\frac{4}{5}$) поступили в вузы. Однако к 1929 г. только 5 тыс. рабфаковцев окончили высшие учебные заведения. Рабочих с высшим образованием в народном хозяйстве СССР насчитывалось к 1929 г. 7 тыс. человек, или 8 %. Рабочих с законченным среднетехническим образованием — 8 тыс., или 20% от общего числа соответствующих специалистов¹⁴³.

Добившись того, что рабочие в 1928 г. составляли 25% студентов вузов, власть не могла коренным образом изменить уровень знаний рабфаковцев. Только $\frac{1}{10}$ (9,9%) часть выпускников вузов 1924—1926 гг. приходилась на выходцев из рабочих¹⁴⁴.

В годы первой пятилетки число рабфаков выросло со 122 в 1928/29 г. до 1025 в 1932/33 г., а число учащихся — с 48,9 до 339,5 тыс. человек¹⁴⁵. Доля рабфаков в комплектовании студенчества вузов в 1932—1935 гг. колебалась от 30 до 50%¹⁴⁶. Однако выпуск специалистов за все годы первой пятилетки составил 170 тыс. человек. Исходя из социального состава студентов вузов на 1928 г., в котором 25% обучающихся представляли рабочие¹⁴⁷, численность рабочих среди выпускников первой пятилетки не могла превышать 42,5 тыс. человек. Таким образом, к 1933 г. об-

шая численность рабочих с высшим образованием не превышала 50 тыс. человек, или примерно 0,7% от числа промышленных рабочих СССР в 1932 г.¹⁴⁸

Увеличение массива студентов в годы первой пятилетки втрое (с 176,6 до 504,4 тыс. человек) привело к наплыву рабочих в вузы: в учебных аудиториях в 1932 г. оказалось более 250 тыс. рабочих. Однако выпуск специалистов в годы второй пятилетки не превысил 369,9 тыс. Это означало, что вузы окончило немногим более половины поступивших (631,1 тыс. человек)¹⁴⁹. Из числа выпускников-специалистов от 25 до 50% составляли рабочие. Памятуя о снижении численности рабфаков вдвое за годы второй пятилетки¹⁵⁰, мы склоняемся к нижней границе (25%). Получается, что в 1933—1937 гг. примерно 90 тыс. рабочих получили дипломы о высшем образовании. 140 тыс. рабочих, добившихся такого результата за 1918—1937 гг., — немалая величина. Вместе с тем это не превышало **1,5% от числа промышленных рабочих СССР в 1937 г.**¹⁵¹ С учетом дальнейшего сокращения численности рабфаков и даже их закрытия в 1939 г. нет оснований рассматривать повышение удельного веса рабочих среди студентов вузов.

Сверим общесоюзные показатели с ситуацией на крупном промышленном предприятии. По данным обследования 1934—1935 гг., охватившего преимущественно квалифицированных, потомственных, кадровых рабочих ВИЗа (т. е., с позиции власти, в определенной степени приоритетную социальную группу), в вузах обучались представители 1,5% семей рабочих. Более многочисленным было рабочее представительство визовцев в техникумах — 4,5% и в ФЗУ — 7%¹⁵². Было бы неверно не замечать ни масштабность указанного явления, ни радикальность «рывка к знаниям».

Оговоримся, что в категорию «рабочие-студенты» входили рабочие не только промышленности, но всего народного хозяйства. Подготовить большее число специалистов из пролетарской среды помешали не только образовательный уровень большинства рабочих, но и левацкие эксперименты в области высшей школы, низкое качество подготовки в период сокращения сроков учебы; слабое развитие заочного обучения.

Введение платности обучения с октября 1940 г. — малоисследованный сюжет нашей истории — сузило возможности граждан для получения образования. Уменьшение стипендиального фонда, сведение круга получающих стипендию к группе отличников стало еще одним ударом по высшему образованию. Судя по *официальной статистике*, в годы третьей пятилетки численность студентов вузов СССР неуклонно возрастала. Если в 1937/38 уч. г. в вузах обучались 547,2 тыс. студентов, то в 1939/40 уч. г. —

619,9 тыс., а в 1940/41 уч. г. — 811,7 тыс.¹⁵³ Однако возникает вопрос: каким образом в 1940/41 уч. г. произошло увеличение **почти на треть** контингента студентов, если, во-первых, власть провозгласила курс на экономию средств в преддверии войны; во-вторых, в условиях введения платности обучения в вузах с октября 1940 г., наконец, при указании резолюций XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) в феврале 1941 г. о пределе численности студентов вузов в СССР в 657 тыс. человек?¹⁵⁴

В определенной степени разгадку этой проблемы можно найти в материалах предвоенной статистики. Статистический справочник «Культурное строительство СССР» (М.; Л., 1940) показывает наличие на 15 сентября 1938 г. в СССР 582 663 студентов вузов, а также 246 941 студента заочных институтов и заочных отделений, не вошедших в состав студенчества¹⁵⁵. Можно предположить, что в 1940 г. последняя категория студентов и была включена в общий список. Однако рассекреченные материалы Фонда ЦСУ в РГАЭ (Ф. 1562) позволяют заменить **предположения на утверждения**. Показав наличие в январе 1939 г. **670 764** студентов очных отделений и 211 566 студентов-заочников¹⁵⁶, архивные материалы в деле 1944 г. — «Отчете о перестройке и развитии народного хозяйства СССР за два с половиной года Отечественной войны» свидетельствуют: число студентов очных вузов в 1940 г. составило **585,2 тыс. человек**¹⁵⁷. Получается, что по сопоставимому кругу вузов за 1939/40 — 1940/41 уч. г. произошло сокращение численности студентов СССР на 34,7 тыс. человек.

Кто же покинул вузы? Ликвидация рабфаков в конце 30-х — начале 40-х гг.¹⁵⁸ и введение платности обучения в вузах в 1940 г., невысокая оплата труда большинства рабочих позволяют нам утверждать, что сокращение численности студентов прошло в основном за счет представителей малоимущих слоев, в том числе рабочих и их детей. Даже при сохранении прежнего удельного веса рабочих среди выпускников-специалистов — в 25% в 1938 — июне 1941 г. вузы могли окончить приблизительно сто тысяч рабочих¹⁵⁹, а в целом за 1918—1941 гг. **240 тыс. рабочих** — 2% к числу промышленных рабочих и **1% к числу рабочих народного хозяйства СССР**¹⁶⁰. Последний показатель более точно отражает социальную принадлежность студентов, проходящих по категории «промышленные рабочие». Для сравнения отметим, что в Германии доля рабочих среди студентов в высших школах в период Веймарской республики выросла: с 3% в 1911—1913 гг. до 6% в начале 30-х гг., но сократилась вновь до 3% в 1939 г.¹⁶¹

Что касается среднего специального образования, то заметим, что картина здесь была довольно схожей: из 233 тыс. техников, окончивших обучение в годы первой и второй пятилеток, рабочие составляли примерно половину (120 тыс. человек)¹⁶². По мнению исследователей Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Л.А. Оникowa, в целом лишь около 2—3% рабочих и служащих в 30-е гг. и 4% — в 1940/41 уч. г. являлись учащимися вечерних и заочных школ, техникумов, вузов¹⁶³. Наши подсчеты, приведенные выше, указывают: в этом массиве на долю рабочих народного хозяйства СССР приходилось **не более 2%**. Не случайно затраты времени на учебу у рабочих крупных городов в среднем едва достигали 1 часа в неделю¹⁶⁴.

Каков был социальный облик рабочих, учившихся в вузах СССР? Социальные портреты студентов 20-х и 30-х гг. отличались друг от друга. Для середины 20-х гг. собирательными чертами студента из пролетарской среды выступали следующие: рабочий в возрасте до 30 лет с начальным образованием, вступивший в партию или в комсомол в годы Гражданской войны¹⁶⁵. К концу 30-х гг. студенчество помолодело: более типичным представителем стал сын рабочего, сам поработавший несколько лет на производстве, член ВЛКСМ¹⁶⁶.

Обратим внимание и на ярко выраженный технократический уклон подготовки: так, в годы первой пятилетки 60% студентов вузов СССР готовились в технических учебных заведениях (промышленности, транспорта, связи, строительства)¹⁶⁷, что, естественно, суживало и мировоззренческий диапазон рабочего класса, и направленность рабочих пополнений советской интеллигенции в годы первых пятилеток.

Между тем обещания в короткий срок повысить культурно-технический уровень рабочих до уровня ИТР; заманчивые призывы сотен тысяч рабочих в рабфаки и вузы, с одной стороны; низкие заработки — с другой, привели к снижению престижа рабочей профессии у части рабочей молодежи (и это в условиях беспрецедентного официального восхваления рабочего класса как гегемона). Только каждый третий из опрошенных в 1929 г. учащихся школ ФЗУ СССР заявил, что хотел бы работать после окончания учебы по специальности. 62,8% рабочих — учащихся школ взрослых в конце 30-х гг. хотели бы продолжать обучение в вузе или техникуме¹⁶⁸. Недовольство молодых рабочих вызывали тяжелые, вредные для здоровья, грязные условия работы¹⁶⁹. О серьезности проблемы свидетельствует принятие специального постановления ЦИК и СНК, запрещающего поступление в вузы после ФЗУ¹⁷⁰.

Выдвинутая руководством СССР задача повышения культурного уровня рабочих до уровня интеллигенции¹⁷¹ оставалась гипотетической. Доминирующей фигурой в составе рабочих промышленности СССР оставался человек с начальным образованием. Удельный вес рабочих с 7-летним и выше образованием за 30-е гг. неуклонно повышался. Близость показателей удельного веса всех граждан СССР с образованием семь классов и выше (7,78%) и рабочих народного хозяйства (8,4%) позволяет нам утверждать, что близки были и аналогичные показатели у рабочих крупной промышленности СССР¹⁷². Это означало, что примерно $\frac{1}{10}$ часть рабочих *крупной промышленности СССР* могла быть отнесена к данной категории лиц. В подтверждение сказанного приведем такой пример: среди городских рабочих лиц с образованием 7 классов и выше насчитывалось 9,6%¹⁷³. Собственно говоря, это и был слой рабочих, отвечающих по образовательному уровню критериям индустриальной эпохи 30-х гг.

Напомним: по материалам профессиональной переписи 1918 г., среди рабочих промышленности рабочих с подобным образованием насчитывалось от 0,2 (данные по Вятской губернии) до 4,4% в Петрограде. Как уже говорилось выше, мы взяли показатель по Ярославской губернии (1,8%) как усредненный по России. *Увеличение в 5 раз прослойки рабочих с образованием, соответствующим этапу завершения раннеиндустриальной фазы модернизации, при более чем пятикратном росте численности рабочих промышленности — впечатляющее достижение.* Однако очевидно и другое: темпы роста общеобразовательной подготовки отставали от масштаба технической модернизации, от процессов школьного обучения рабочих в развитых капиталистических странах. Руководителям страны было что скрывать.

Собственно говоря, это понимали и специалисты в 20—30-х гг. «В капиталистических странах вводится (особенно после войны) обязательное обучение до 16—18 лет... Из этого сравнения видно, как велика в области культуры задача догнать и перегнать... Мы проектируем к концу пятилетки (т. е. к 1933 г.) довести образовательный уровень советского рабочего промышленности до **3,5 года школьного обучения**, т. е. увеличить ее на 75—100%», — писал в 1929 г. видный ученый А. Черных в журнале «Плановое хозяйство»¹⁷⁴.

Его коллеги обоснованно отмечали, что даже на приближение к современному (т. е. к уровню конца 20-х гг.) уровню развития промышленности США потребуется как минимум 35 лет¹⁷⁵. Задача действительно была долговременной и масштабной. Уровень образования в США в возрасте 25 лет и старше представлял в 1940 г. следующую картину. 24,5% населения имело образова-

ние **не ниже среднего**¹⁷⁶. В СССР, по данным переписи 1937 г., среднее образование (включая **незаконченное среднее**, т. е. 7 классов) имели 4,9% населения¹⁷⁷. Сопоставление однородных массивов (т. е. лиц 25 лет и старше) дает следующую картину: в СССР образование 7 классов и выше имели 6%¹⁷⁸. По данным переписи 1939 г., этот показатель таинственным образом подскочил до 7,8%¹⁷⁹.

Однако вопреки предостережениям специалистов в руководстве СССР верх взяли иные подходы. Громадье планов быстрого скачка в сфере школьного обучения рабочих было мало обеспечено в материальном плане.

Сравним общеобразовательные характеристики советских и германских рабочих к 1941 г. В Германии Закон рейхстага от апреля 1920 г., единственный школьный закон, принятый во времена Веймарской республики, представлял собой решение о трехступенчатой школьной реформе (начальная школа, средняя, высшая). Было введено обязательное образование до 18 лет. После 8 лет начального образования ученики должны были посещать среднюю общеобразовательную либо профессиональную школу¹⁸⁰. В период 1920—1933 гг. 87% всех детей продолжали обучение в 9-летней школе после 4-го класса; 9% поступали в вузы¹⁸¹. В 1932 г. 95% всех бывших первоклассников поменяли начальную школу на более высокую ступень¹⁸². Такое соотношение школьников оставалось на протяжении 30-х — начала 40-х гг.

Имперским законом от 8 июля 1938 г. об обязательном школьном обучении были унифицированы правила и принципы общего и профессионального образования¹⁸³. Был установлен срок обязательного школьного обучения для всех детей в 8 лет, т. е. на год меньше, чем существовало раньше. Тем не менее обучению подлежали **все подростки от 14 до 18 лет** либо в старших классах (9—12-е классы), либо в *трехлетней* профессионально-технической школе в городах (двухлетней — в сельской местности). На практике это требование было выполнено преимущественно в крупных городах¹⁸⁴. Кроме того, физически юноши должны были воспитываться, ежегодно выполняя программы трудовых лагерей, насыщенные ручным трудом.

Даже в условиях войны, в 1942 г., 75,3% школьников Германии заканчивали 8-летнюю школу; 9,8% обучались в 9—12-м классах; 14,9% поступили в высшие и средние специальные заведения¹⁸⁵. При этом доля рабочих среди студентов в высших школах в период Веймарской республики выросла: с 3% в 1911—1913 гг. до 6% в начале 30-х гг., но сократилась вновь до 3% в 1939 г.¹⁸⁶

Напомним, что уже к 1914 г. все дети в Германии с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в 8-летних государственных общеобра-

зовательных школах¹⁸⁷. Это позволяет сделать вывод о том, что основная часть рабочих Германии имела восьмилетнее, а большинство рабочих в возрасте до 40 лет — девятилетнее образование.

Удельный вес советских рабочих, имеющих неполное среднее образование (7-летнее в СССР и 8—9 лет в Германии), отличался от германских примерно на порядок, если брать всех рабочих. Из массовых отраслей только рабочие советского машиностроения и металлообработки отличались вдвое лучшими показателями, чем в среднем по народному хозяйству. Но и здесь существовало отставание (по крайней мере, в 5 раз) от аналогичного показателя рабочих Германии. Между тем уровень технической оснащённости новых или модернизированных старых предприятий в 30-е гг. XX в. требовал, как правило, неполного среднего образования.

Подведем итог: советскому рабочему с преимущественно начальным образованием в 1941 г. противостоял германский рабочий с образованием в 8 классов и выше. Правда, успех в войнах решает не только показатель образования, он только определяет цену успеха.

Примечания

¹ См. например: История рабочего класса СССР. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 208.

² Ольховский Е.Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX — начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. СПб., 1994. С. 77—95.

³ См. например: Крупянская В.Я., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С. 192.

⁴ Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981. С. 96—98.

⁵ См. например: Загребин С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900—1940 гг. Автореф. докт. дисс. ист. наук. Челябинск, 1998.

⁶ Перепись 1918 г., как известно, охватила только Вятскую губернию. Перепись 1920 г. содержала сведения о грамотности горнозаводского населения без выделения рабочих. Городская перепись 1923 г. не включала данных о грамотности.

⁷ См., например: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976.

⁸ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975.

⁹ Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). М., 1981.

¹⁰ Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX — XX веках // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 112.

Автор отмечает, что грамотность в XX в. требовала двух лет обучения, полное начальное образование — 3—4 лет. Там же.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 114.

¹³ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. С. 141.

¹⁴ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 115.

¹⁵ Подсч. по: там же. С. 23, 26, 98, 102, 115.

¹⁶ Там же. С. 119.

¹⁷ Там же. С. 116.

¹⁸ Подсч. по: там же. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ См.: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. С. 125—126.

²¹ См., например: Калугина Г.В., Ольховая Л.В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 112—123; Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. Начальное образование на Южном Урале в конце XVIII — начале XX в. // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. Свердловск, 1990. С. 3—11.

²² Селиванова Г. И. О грамотности рабочих Урала в период империализма (к постановке вопроса) // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. Свердловск, 1990. С. 72.

²³ Подсч. по: Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 89, 120, 162, 187; Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. С. 125—126.

²⁴ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. С. 144.

²⁵ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 43.

²⁶ Там же. С. 89, 120, 162, 187.

²⁷ См.: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. С. 125—126.

²⁸ Подсч. по: Вестник статистики, 1919. № 8—12. С. 71.

²⁹ См.: История советского рабочего класс. Т. 2. М., 1984. С. 228.

³⁰ Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда // Плановое хозяйство. 1930. № 7—8. С. 279.

³¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. М., 1930. С. 16.

³² Подсч. по: Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 114—115; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 16.

³³ Там же.

³⁴ Подсч. по: Вестник статистики. 1919. № 8—12. С. 71.

³⁵ Наши подсчеты незначительно, но отличаются от расчетов Л.И. Васькиной.

- ³⁶ Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). С. 96—97.
- ³⁷ Подсч. по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 20. С. 255—256; Т. 21. С. 29—30, 130—144, 451—452.
- ³⁸ Там же. Т. 20. М., 1929. С. 314; Т. 21. С. 4—5; 120—121; 436—437.
- ³⁹ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 34. С. 16—17.
- ⁴⁰ См.: Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 257, 259.
- ⁴¹ См., например: Уральский коммунист, 1930. № 5. С. 17; Рабочий класс Удмуртии. 1861—1986. Ижевск, 1986. С. 96; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Уфа, 1971. С. 74.
- ⁴² См.: История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2. С. 226—227.
- ⁴³ Подсч. по: Труд в СССР. 1926—1930. М., 1932. С. 30.
- ⁴⁴ Подсч. по: там же. С. 33.
- ⁴⁵ Подсч. по: там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 30—31.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 113—114.
- ⁴⁹ Там же. С. 107.
- ⁵⁰ Подсч. по: Труд в СССР. 1926—1930. М., 1932. С. 33.
- ⁵¹ Там же. С. 30—31.
- ⁵² См. например: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5093. Л. 1—2. Отчет Управления школ взрослых Наркомата просвещения РСФСР.
- ⁵³ Труд в СССР. 1926—1930. С. 30—31.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда // Плановое хозяйство. 1930. № 7—8. С. 275.
- ⁵⁶ Подсч. по: там же. С. 277.
- ⁵⁷ Там же. С. 278—279.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 287.
- ⁶⁰ Там же. С. 287.
- ⁶¹ Там же. С. 290.
- ⁶² Материалы к культурному строительству на Урале. Свердловск, 1928. С. 12.
- ⁶³ Там же. С. 25.
- ⁶⁴ Подсч. по: Черных А. Вопросы труда в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 257.
- ⁶⁵ См., например: Постановление ЦК ВКП (б) от 7 марта 1927 г. «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат» // Справочник партийного работника. М., 1928. Вып. 6. Ч. 1.
- ⁶⁶ Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 2. М., 1930. С. 269—270.
- ⁶⁷ История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2. С. 227.

⁶⁸ См. подробно: Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973.

⁶⁹ Абрамов Н.И. Первые победы. М.; Л., 1931. С. 13; Кульпоход. 1930. № 3. С. 17.

⁷⁰ Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920—1941 гг. Екатеринбург, 1997. С. 43.

⁷¹ Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций по осуществлению культурной революции (1920—1937). Свердловск, 1970. С. 39.

⁷² Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920—1941 гг. С. 37—38.

⁷³ См.: Абрамов Н.И. Первые победы. С. 29.

⁷⁴ Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974. С. 138—139, 144—145.

⁷⁵ См.: Кемерова Н.Я. Руководство партийных организаций Урала ликвидацией неграмотности среди рабочих Урала (1933—1939) // Партийные организации Урала во главе культурного строительства. Свердловск, 1978. С. 81.

⁷⁶ Гольцман М., Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934. С. 10. В тексте: «...свыше половины».

⁷⁷ По обоснованному мнению Э.Э.Крузе, «уровень грамотности рабочих в 1918 г. можно в целом отнести и к 1914 г., так как за 4 военных года не могло произойти больших изменений в грамотности рабочих в отношении ее роста». Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. С. 141.

⁷⁸ Подсч. по: Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. С. 222—223.

⁷⁹ См.: История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 228.

⁸⁰ Там же. С. 94—99; 110—111; 120—121, 222—223; Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. С. 429. Приложение 15.

⁸¹ Культурное строительство СССР. М., 1940. С. 94. См. также: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5093. Л. 1—2.

⁸² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5138. Л. 110; Д. 5145. Л. 8; Д. 5093. Л. 1 об., 2.

⁸³ См.: Правда. 1936. 27 февраля. Заметим, что постановление ЦК и СНК не отражено в СУ СССР.

⁸⁴ Вера в достоверность подобных отчетов проникала и в научную литературу. См.: История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 228.

⁸⁵ Статистический справочник ВЦСПС. 1938. Вып. 1. С. 54.

⁸⁶ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 70. Л. 22—25; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 380. Л. 112; Д. 382. Л. 1а, 67; ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

⁸⁷ Подсч. по: Статистический справочник ВЦСПС. 1940. Вып. 1. С. 74, 100—101; Вып. 2. С. 58, 66.

⁸⁸ Правда. 1939. 13 января.

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 222. Л. 8.

⁹⁰ История советского рабочего класса. Т. 3. М., 1984. С. 117, 504.

⁹¹ См.: Жиромская В.Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: история проведения и оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 5.

⁹² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 141—145.

⁹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 242. Л. 54—55, 57—60.

⁹⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. С. 141—144.

⁹⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 242. Л. 54. (Данные по СССР.) Выскажем предположение, что у токарей к лицам с 7-летним образованием относили всех, окончивших ФЗУ. Отсюда завышенность показателя.

⁹⁶ Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера и сегодня. С. 42; Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. М., 1976. С. 137—138.

⁹⁷ Культура и быт рабочих Сибири в период развитого социализма. 1938—1958 гг. Новосибирск, 1980. С. 5—22.

⁹⁸ Там же. С. 30—31.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 12.

¹⁰¹ См.: История советского рабочего класса. Т.3. М., 1984. С. 109. Текст приведенной страницы сообщает, что в промышленности Сибири работало от 26 до 32% рабочих народного хозяйства.

¹⁰² Осведомленные коллеги отмечали давнюю дружбу Ф.А. Лукинского и Е.К. Лигачева.

¹⁰³ См.: История советского рабочего класса. Т.3. С. 117; Изменение социальной структуры советского общества: (1921 — середина 30-х годов). М., 1979. С. 209.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. С. 141—145.

¹⁰⁶ Культурное строительство СССР. М.; Л., 1940. С. 118.

¹⁰⁷ Подсч. по: Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938—1942 гг.). М., 1939. С. 184, 236.

¹⁰⁸ Подсч. по: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5126. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 69. Д. 2460. Л. 52; Оп. 70. Д. 5101. Л. 101; Д. 5145. Л. 8—9.

¹¹⁰ Там же. Оп. 70. Д. 5126. Л. 1.

¹¹¹ Там же. Д. 5116. Л. 42.

¹¹² ЦДНИЧО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 875. Л. 10—11; Ф. 92. Оп. 5. Д. 7. Л. 16—19; Ф. 36. Оп. 1. Д. 23. Л. 81; ГАНИОПДПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1860. Л. 218; Д. 1861. Л. 107—112.

¹¹³ ГАСО. Ф. 262. Оп. 2. Д. 24. Л. 124—125; За тяжелое машиностроение. 1939. 10 декабря.

¹¹⁴ В качестве примера приведем такой факт: в многотиражной газете ЧТЗ «Наш трактор» за 1939 г. было опубликовано, по нашим подсчетам, 23 специальных статьи на данную тему.

¹¹⁵ За тяжелое машиностроение. 1938. 10 сентября; Культурная работа профсоюзов. 1939. № 7. С. 42.

¹¹⁶ Школа взрослых. 1941. № 3. С. 31.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5126. Л. 11.

¹¹⁹ Там же. Оп. 69. Д. 2620. Л. 4—47.

¹²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 224. Л. 47.

¹²¹ Культурная работа профсоюзов. 1939. № 9. С. 15.

¹²² Постников С.П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале. Свердловск, 1990. С. 153.

¹²³ Там же. С. 87, 89.

¹²⁴ Лысов Н.А., Постников С.П. Создание системы государственных трудовых резервов на Урале (октябрь 1940—1941 гг.): опыт, уроки, проблемы. Свердловск, 1990. С. 43.

¹²⁵ История рабочих и рабочего движения в Германии с конца XVIII в. / Под ред. Герхарда Райтера. Вып. 12. С. 209—212; 372.

¹²⁶ Там же. С. 372.

¹²⁷ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961. С. 301.

¹²⁸ Культурное строительство СССР. М., 1940. С. 136.

¹²⁹ РГАЭ. Ф. 8875. Оп. 47. Д. 109. Л. 79—81.

¹³⁰ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 7. Д. 16. Л. 7—8.

¹³¹ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 833. Л. 7; Ф. 4372. Оп. 38. Д. 348. Л. 28; Ф. 7963. Оп. 2. Д. 165. Л. 57—57 об.; Ф. 8875. Оп. 47. Д. 109. Л. 79—81; ГАСО. Ф. 841. Оп. 2. Д. 46. Л. 223; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 6. Д. 766. Л. 4 об., 172—175; 180—181.

¹³² См.: Статистический справочник ВЦСПС. 1941. Вып. 3. С. 107.

¹³³ См.: там же. 1940. Вып. 2. С. 58, 66—67; 1941. Вып. 3. С. 147.

¹³⁴ Подсч. по: ГАНИОПДПО. Ф. 231. Оп. 1. Д. 71. Л. 9; ЦДНИЧО. Ф. 234. Оп. 15. Д. 54-а. Л. 3; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. М., 1979. С. 209.

¹³⁵ Социальный облик рабочей молодежи (по материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг.). М., 1980. С. 75, 109, 206.

¹³⁶ Там же. С. 109.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 218.

¹³⁹ Просвещение на Урале. 1927. № 3. С. 72—73.

¹⁴⁰ Культурное строительство СССР. М., 1940. С. 100.

¹⁴¹ Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. С. 162.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 266.

¹⁴⁴ Там же. С. 165.

¹⁴⁵ Культурное строительство СССР. С. 100.

¹⁴⁶ Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. С. 269.

¹⁴⁷ Там же. С. 274; Культурное строительство СССР. С. 109.

- 148 См.: Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. С. 197.
- 149 Подсч. по: Культурное строительство СССР. С. 100—109.
- 150 Подсч. по: там же. С. 100.
- 151 В 1937 г. численность рабочих в промышленности определялась в 9 млн. 124 тыс. человек. См.: Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. С. 197.
- 152 Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 98.
- 153 Высшее образование в СССР. Стат. сборник. М., 1961. С. 79.
- 154 Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 30.
- 155 Культурное строительство СССР. М.; Л, 1940. С. 118.
- 156 Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 224. Л. 47.
- 157 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 66. Табл. 44.
- 158 См.: Катунцева Н.М. Роль рабочих факультетов в формировании интеллигенции СССР. М., 1966. С.185.
- 159 Выпуски студентов вузов в конце 30-х гг. были близки к величине в 100 тыс. человек. См.: Культурное строительство СССР. С. 109.
- 160 В 1940 г. численность рабочих в народном хозяйстве СССР определялась в 23,7 млн человек. См.: Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. С. 196.
- 161 Schneider M. Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. Bonn: Dietz, 1999. S. 334; 361; Weller Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914—1949. München, 2003. S. 313.
- 162 Подсч. по: Культурное строительство СССР. С. 112.
- 163 Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 74, 158.
- 164 Там же.
- 165 Подсч.: по: Уральский коммунист. 1924. № 3—4. С. 69—70.
- 166 См.: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. С. 153, 154, 158.
- 167 Подсч. по: Культурное строительство СССР. С. 111.
- 168 См.: Вопросы труда. 1930. № 6. С. 78; Школа взрослых. 1941. № 3. С. 31.
- 169 На смену (орган Уральского обкома ВЛКСМ). 1927. 18 мая.
- 170 СУ СССР. 1933. № 59. Ст. 357.
- 171 Резолюция декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП(б) нацеливала на подъем культурно-технического уровня рабочих до уровня ИТР. См.: Правда. 1935. 26 декабря.
- 172 В городских поселениях проживали 74,2% занятых в промышленности СССР. Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 100. Однако в реальности этот показатель был выше: в число проживающих на селе вошли рабочие — лица принудительного труда.
- 173 История советского рабочего класса. Т. 3. С. 117.

¹⁷⁴ Черных А. Вопросы труда в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 257, 259.

¹⁷⁵ Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 55.

¹⁷⁶ Государство и образование: опыт стран Запада. М., 1992. Сборник обзоров. С. 40. (Речь идет о полном среднем образовании.)

¹⁷⁷ Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. Т. 1. 1900—1939 г. С. 390.

¹⁷⁸ Подсч. по: Всесоюзная перепись 1937 г. Основные итоги. С. 100.

¹⁷⁹ Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. Т. 1. С. 391.

¹⁸⁰ Weller Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914—1949. S. 311, 452.

¹⁸¹ Schneider M. Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. S. 336, 361.

¹⁸² Weller Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914—1949. S. 452.

¹⁸³ Schneider M. Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. S. 360.

¹⁸⁴ Ibid. s. C.373.

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Ibid. C.334; Weller Hans-Ulrich. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914—1949. S. 313.

¹⁸⁷ Кидд В.А. Пути и формы распространения профессиональных знаний. Петроград, 1916. С. 102—105.

Глава 4. ОТНОШЕНИЕ К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ У РАБОЧИХ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

К концу XIX — началу XX в. сословная структура российского общества находилась в стадии непрерывной трансформации, вызванной медленным, к тому же, прерванным складыванием социальной структуры общества буржуазного типа. Рабочий класс России, как это было показано в первой главе, формировался на основе нескольких различных сословных категорий, и к началу XX в. рабочие промышленности представляли ряд социальных слоев, отличавшихся по целому ряду признаков.

Процесс дальнейшей социальной дифференциации российских рабочих в первые десятилетия XX в. рассмотрен в предшествующих главах нашей монографии. Реальные процессы культурной трансформации рабочих зависели от степени урбанизации поселения и протекали медленнее в поселках, более похожих на большие села. Однако, за исключением Петрограда, Москвы, Варшавы и Риги, в губернских городах России достаточно редко располагались крупные предприятия. Обычно заводы и фабрики от провинциальных центров отделялись реками, лесными полосами, рощами или символическими оврагами.

С учетом размещения на рубеже XIX—XX вв. $\frac{3}{4}$ пролетариата в заводских поселках и в фабричных селах, *замедленное, выборочное формирование у рабочих элементов городской культуры* превращалось в закономерность.

Даже у слоя кадровых, потомственных, квалифицированных рабочих рождался причудливый гибрид деревенской и городской культур. Занятость на передовых в технологическом отношении предприятиях, связанных с выполнением военных заказов в металлообрабатывающей промышленности; преобладание квалифицированных тружеников, происходящих из потомственных пролетариев; сокращение рабочего времени до 8—9 час.; заработной платы, превышающие нижнюю черту прожиточного минимума, обусловили близость характеристик быта и культуры рабочих, создавая возможность для культурной трансформации указанной социальной группы рабочих в рамках модернизации всего городского общества.

Такая социальная градация не могла не вызвать перемены во *внешнем облике* рабочих, подмеченные как современниками, так и историками рабочей тематики. Выделим некоторые из них: изменение внешнего облика, связанного с ношением городской одежды, близкой, в зависимости от достатка, либо к низшим служащим, либо к интеллигенции. Культурная разнородность, характерная для российских рабочих, наглядно выразилась в обличии и стиле жизни различных социальных групп внутри рабочего социума. Наряду с рабочими, по внешнему виду неотличимых от сельских жителей — с окладистыми бородами, в крестьянских шапках и армяках, подпоясанных веревками, появились **рабочие европеизированного вида**. Одежда, внешний вид, манера держаться мало отличались от представителей интеллигенции и служащих. Характерно, что в качестве примера рабочих европеизированного вида современный историк И.В. Нарский приводит тружеников казенного Миасского напильного завода. Фотография воспроизводит рабочих 30—35 лет, уверенных в себе, с интеллигентными лицами, в костюмах, характерных для средних слоев города¹.

Одежда кадровых, квалифицированных рабочих свидетельствовала о приобретении новых культурных привычек, отмечала одна из самых проницательных и знающих исследовательниц этой проблемы В.Ю. Крупянская. Обязательным стало ношение нательного белья; выходного костюма — так называемой пары (пиджака, длинных, узких брюк и косоворотки) или тройки (пиджака, жилета, брюк). В особо торжественных случаях тройка одевалась с крахмальной рубашкой и галстуком². Можно было бы разделить гнев официальной советской историографии на книгу «Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония»³, в том числе и на статью В.Ю. Крупянской с ее явно выпадавшими из марксистского руслу строками: «Многие (из квалифицированных рабочих) приобретали тройку», если бы правоту В.Ю. Крупянской не подтверждали многочисленные фотографии городских рабочих в обобщающих, получивших индульгенцию, трудах⁴.

О появлении новых культурных привычек, заимствованных у горожан, говорили и изменения внутреннего убранства жилищ кадровых, квалифицированных рабочих: заметное распространение мягких диванов и кресел, трюмо, платяных шкафов, но, как правило, дешевой рыночной работы. Детали убранства жилищ (грубо раскрашенные фарфоровые статуэтки, дешевые безделушки, лубочного типа литографии и т.п.) свидетельствовали о проникновении в рабочую среду мещанских влияний⁵. В данном случае термин «мещанский» указывает не столько на сословную принадлежность, сколько на отношение к городской жизни.

Иными были у этой категории рабочих семейные и дружеские связи, в которых, наряду с типичным для рабочих общением с непролетарскими слоями населения, все большее значение приобретали контакты с местной интеллигенцией⁶. Правда, сложность восприятия рабочими городской культуры усиливалась вследствие немногочисленности слоя инженерно-технической интеллигенции в фабричных и заводских поселках: число инженеров и техников, **включая практиков**, было невелико, составляя, например, на Урале менее 1,5% от числа рабочих⁷. Что же касается довольно обширного слоя служащих низшего звена (а к 1917 г. на заводах и рудниках Урала насчитывалось до 20 тыс. конторских служащих), его образовательный уровень был не намного выше, чем у рабочих⁸. Объективно именно этот слой населения выступал в качестве образца быта и поведения для квалифицированных рабочих поселков и небольших городов.

Как видно, не только по уровню материального и бытового достатка, но даже чисто внешне прослеживаются существенные отличительные признаки рабочих индустриального типа.

Н.С. Полищук указывает на пробуждение (отметим, *только на пробуждение!*) классового сознания рабочих и «осознание ими себя как людей, имеющих право на уважение и достойное человека обращение»⁹. Приведенная цитата, на наш взгляд, соотносится прежде всего с менталитетом индустриальных рабочих, который формировался у потомственных, кадровых в нескольких поколениях, квалифицированных рабочих, длительный срок работавших на предприятиях¹⁰.

В силу сказанного к этой категории рабочих мало применимо определение черт ментального облика, отличающих российского рабочего от крестьянина, данное в 1997 г. Ю.И. Кирьяновым, в частности «нескрываемая неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; иронический взгляд на жизнь; ослабление религиозных представлений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения и т. д.»¹¹. Исследователи рабочей истории как в советский, так и в постсоветский период, если речь шла о кадровых пролетариях, выделяли скорее противоположные черты¹².

Как отмечала Т.К. Гуськова, в предвоенное десятилетие (т. е. 1905—1914 гг.) стали **заметнее различия в одежде и быту внутри рабочего социума**¹³. Наши расхождения с Т.К. Гуськовой сводятся к следующему. Вряд ли следует причислять к числу «передовых в культурном отношении» пролетариев «пришлых» рабочих¹⁴. Приведенный выше материал показывает, что «при-

шлые» представляли собой наиболее обездоленную и наименее культурную в целом часть рабочих крупной промышленности.

Затруднительно определить границы рассматриваемого социума. Обратим лишь внимание на близость двух показателей: массива квалифицированных рабочих ($\frac{1}{3}$) всего промышленного пролетариата и величины рабочих — владельцев собственных домов и съемщиков благоустроенных квартир. Однако даже после «жилищного передела» 1918—1920 гг. только пятая часть рабочих крупной промышленности СССР проживала в жилищах, где на комнату приходилось не более 2 человек¹⁵.

Второй социокультурной группой выступали рабочие переходного этапа от мануфактурной к индустриальной эпохе; труженники массовых профессий, как правило, средней и малой квалификации, обладающие целым рядом общих структурообразующих признаков, основанных на низком уровне механизации производственных процессов и, как следствие, на преобладании тяжелого ручного труда; обладающие фрагментарным характером социальной защиты. Для рабочих этой категории было характерно владение земельными наделами с большими, чем у первой категории, пахотными участками, наличие собственного или арендуемого жилья. Данный социальный слой, сформировавшийся, как правило, из потомственных мастеровых, обладал фрагментарной социальной защитой, получал зарплату, близкую к нижней черте прожиточного минимума; характеризовался элементарной грамотностью, что суживало возможности роста культурного уровня.

Промежуточный характер определяло и владение рабочими небольшими, частично ветхими домами; съем углов, комнат. Состояние жилья гарантировало лишь частичное восстановление сил. Как правило, жилищные условия одиноких рабочих были несравненно хуже, чем семейных. Не менее 60% одиноких рабочих обладали жильем в форме угла, койки и даже полкойки¹⁶.

Здесь намного дольше и полнее сохранялись обычаи и обряды в их традиционной форме, религиозно-обрядовая жизнь; удерживались и некоторые элементы аграрной обрядности (новогоднее колядование, троицкая обрядность и т.д.)¹⁷. К этому слою применимы слова о «тесной связи обычаев и нравов рабочих с крестьянско-ремесленными традициями, влиянии общинной психологии»¹⁸. Характерно, что ряд публицистов первых десятилетий XX в. тонко чувствовал данную градацию. Так, Н.П. Долгушин в статье «Искусство и народ» указание на чисто внешнее подражание городским обывателям, перенимание *несущественных* фрагментов городской культуры связывал с тем слоем рабо-

чих, *который вырван из привычной жизни* и поглощен борьбой за выживание¹⁹.

Третьей категорией выступали **«чистые пролетарии»** — рабочие вспомогательного производства и частично массовых профессий, используемые на наиболее тяжелых и трудоемких работах на заводах и рудниках; проживающие в небольших поселках и в сельской местности. Эта категория тружеников (по сути, рабочие мануфактурной эпохи) не имела собственного жилья, занимая казармы, бараки, другие помещения, принадлежащие заводам, проживая в условиях **повышенной скученности**. У пролетариев, как правило, отсутствовали и земельные наделы (по месту проживания); они получали зарплату ниже прожиточного минимума.

Примечательна близость доли рабочих, не имеющих собственного жилья и живущих в условиях скученности (27%), и массива «пришлых» рабочих (28%). Неграмотность, близкая к поголовной, лишала рабочих возможности пользоваться и фрагментарной социальной защитой, воспринимать ценности культуры индустриального общества. Среди этой категории рабочих преобладали недавно прибывшие на промышленные предприятия труженики, главным образом юноши и девушки из сельской местности. Вновь прибывшая на заводы и фабрики молодежь была одета в крестьянское платье, весьма отличное от городских костюмов²⁰.

Такая ситуация, усугубленная концентрацией богатства и элементов европеизированной культуры в столице империи, губернских городах, барьером сословных привилегий в казачьих округах, затрудняла эволюционный процесс превращения рабочих в городских жителей, делала психологически более сложным приспособление к фабрично-заводской жизни. Фактически обширный социальный слой (около трети рабочих цензовой промышленности) оказался на положении маргиналов. Накопление взаимных претензий, например у рабочих и казаков (на Дону, на Южном Урале), привело к ожесточенной схватке, по сути, резне в годы Гражданской войны.

Рассмотренная дифференциация рабочего социума России не является исчерпывающей: в силу рамок исследования мы не касались характеристики рабочих-сезонников. Вместе с тем представляется возможным уточнить социальную направленность вывода о сохранении общинной психологии в рабочей среде²¹. В наибольшей степени сохранение общинной психологии следует адресовать к той производственной и социальной группе пролетариев, которую составляли «пришлые», малооплачиваемые, занятые тяжелым физическим трудом рабочие; к рабочим за-

крытых предприятий; к не имеющим ни собственного жилья, ни образования, ни самой возможности повышать свой культурный уровень. В наименьшей — к кадровым, потомственным квалифицированным рабочим.

Именно к пролетарскому слою рабочих адресовано и указание Б.Н. Миронова о повышенной криминогенности пролетариата России. На долю 3,2 млн рабочих, отмечает автор «Социальной истории России (XVIII—XX вв.)», приходилось около 30% всех осужденных в 1897 г. Рабочие в 19 раз были более криминогенными, чем крестьяне, жившие в общине. Освобожденные от контроля общины, не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям. Высокая преступность рабочих объяснялась также их маргинальным статусом: оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в деревне, они с трудом адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего происходили антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния²².

Закономерность указанного явления была характерна не только для дореволюционной России. Анализ статистики наказаний, наложенных судами в 1913—1918 гг., показывает: если в 1913 г. из числа осужденных рабочие составляли 40,1%, то в 1918 г. — 50,2%²³. Проявление тенденции к повышению криминогенности пролетариата по сравнению с началом века достаточно очевидно, невзирая на рождение «пролетарского государства».

Но обратим внимание на следующее обстоятельство. В литературе 30—80-х гг. об общинной психологии говорилось как о явлении мелкобуржуазного толка²⁴. Однако крестьянская община была устойчивым социокультурным институтом. Уходя на заводы, рудники, лесоразработки, вчерашний крестьянин уносил с собой частицу общинной самоорганизации, внутренней культуры самоограничения, самоконтроля. Контраст между отношениями внутри деревенской общины и на «фабрике» был далеко не в пользу последней. В силу этого сохранялось стремление выходцев из деревни держаться землячествами, работать и жить артелью. **Путь от крестьянина к индустриальному рабочему был долгим, но нередко это был путь не приобретения, а потери многих общечеловеческих достоинств**²⁵.

Утверждение о противоречивости и многогранности формирования социокультурного облика рабочих в условиях раннего капитализма подтвердим и таким примером: обследование горных заводов Урала показало, что условия работы *на всех предприятиях* края, включая казенные, можно назвать *разрушительными*

для человеческого здоровья²⁶. Отсюда сфера возможностей культурного роста зависела от совокупности многих факторов, не всегда совпадая с имущественными и правовыми границами внутри рабочего социума.

Выделим такие фундаментальные барьеры на пути культурного роста рабочих, как бесчеловечные условия труда на большинстве промышленных производств; отсутствие благоустройства, озеленения; пыль и грязь на улицах, грохот заводов или фабрик, дым и копоть в воздухе как общую проблему для всех рабочих поселений, определяющую широкомасштабные проблемы с физическим и психическим здоровьем.

Рост образовательного уровня рабочих крупной промышленности России, далеко не одинаковый у различных групп рабочих, тем не менее стал основой для более активного приобщения части пролетариев к культурным ценностям. Мы поддерживаем предложенную О.С. Поршневой градацию рабочих в зависимости от отношения к образованию: на лиц, смотревших на образование как на средство «выйти в люди»; на тех, для кого учеба была своего рода развлечением; и на круг рабочих, у которых овладение знаниями связывалось с задачами социального переустройства²⁷.

Примечательно, что в более поздней работе исследовательница выделяет различные подходы к образованию в зависимости от материального и семейного положения, уровня грамотности, квалификации, политических взглядов, возраста, личностных психологических особенностей. Определенная часть рабочих (связанных с социалистическими партиями), посещавших легальные школы и курсы, овладение знаниями подчиняла задаче социалистического переустройства общества. Для них культурные ценности рассматривались с точки зрения социалистической идеологии, а стремление рабочих к «чистому просветительству» вызывало негативную реакцию, порождая обвинения в стремлении «обинтеллигентиться», удрать от класса, стать «вне рабочего класса»²⁸, т. е. носило ярко выраженную узкоклассовую окраску.

У наиболее развитых рабочих — квалифицированных, грамотных, социально активных — тяга к образованию была связана с надеждой на духовно богатую жизнь, повышение производственной квалификации, улучшение материального положения. Именно эта категория участвовала в деятельности культурно-просветительных организаций²⁹.

Для советской историографии были характерны завышенные оценки культурно-просветительных потребностей и созидательной деятельности рабочих в первые десятилетия XX в.³⁰ Однако подобные заявления перманентно не подтверждались статистикой. И это было не случайно. Фактически принимать активное

участие в работе культурно-просветительных учреждений могли не просто грамотные рабочие, а лица, имеющие, по крайней мере, законченное начальное образование. Такую подготовку, по данным переписи 1918 г., имела четверть рабочих промышленности России, но в значительной мере речь шла о начальной церковно-приходской школе либо усеченном двухклассном варианте земской народной школы. Даже на казенных заводах полноценную подготовку в объеме 4 классов имели менее 10% рабочих³¹. Этот показатель представляется гипотетической верхней границей диапазона рабочих, способных в принципе принимать *самостоятельное* участие в деятельности культурно-просветительных заведений накануне Первой мировой войны.

Обратившись к проблеме эффективности работы правительства, буржуазных организаций, церкви в сфере распространения культурно-просветительных знаний, Л.М. Иванов, произнеся ритуальные для советских историков слова: «Самодержавие использовало культурно-просветительные организации не в целях образования и культуры, а в целях внедрения в массы шовинизма, национализма, слепого подчинения, религиозного мракобесия»³², — тем не менее объективно выстроил широкую панораму реальной деятельности власти и общественных организаций в этом вопросе.

Уже подготовка буржуазных реформ на рубеже 50—60-х гг. XIX в. подтолкнула правительство к разностороннему развитию культурно-просветительных организаций: воскресных школ, народных театров, бесплатных библиотек, естественно, под контролем государства. Проблема заключалась в том, что этот контроль носил жесткий, излишне регламентирующий характер, что не могло не сдерживать эффективность распространения культурных знаний³³.

Без сомнения, создание начиная с конца 50-х гг. воскресных и вечерних школ (курсов) носило прогрессивный характер, позволяя неграмотным взрослым рабочим получить основы общеобразовательных знаний. Однако, с одной стороны, постановление правительства 1874 г. требовало, чтобы все воскресные школы были по своим программам приравнены к церковно-приходским школам. С другой стороны — леворадикальные организации широко использовали эти школы для пропаганды народнических и марксистских идей. В такой ситуации нейтральный вариант — создание воскресных и вечерних школ (курсов) на политехнической основе — вызывал критику и слева и справа. Охват воскресными школами 50 тыс. (1900 г.), а вечерними 112,3 тыс. учащихся (1905 г.)³⁴ однозначно можно расценить как весьма скромное достижение, тем более что далеко не все учащиеся относились к

рабочим. По данным уральских историков, доля рабочих в школах подобного рода колебалась от 15 до 50%, уступая низшим служащим³⁵.

Другим направлением культурно-просветительной деятельности стала организация обществ грамотности, взявшихся за создание клубов, библиотек для чтения в рабочих поселениях. При этом если правительственные организации делали упор на религиозно-монархической пропаганде среди рабочих, то общественные организации — на распространение естественно-научных и исторических знаний³⁶.

Новой формой культурно-просветительной работы среди рабочих стала деятельность Народных домов. Строительство Народных домов осуществлялось на средства профсоюзов и кооперативов, а также либеральной буржуазии. К 1917 г. в России было открыто 189 Народных домов, превратившихся в центры общественных (по терминологии тех лет — народных) чтений, воскресных школ, художественных кружков, проведения спектаклей³⁷.

В первом десятилетии XX в. в губернских центрах народные чтения привлекали десятки тысяч человек, в Петербурге в среднем за 1906—1912 гг. — 60 тыс. слушателей. Сколь велико было среди слушателей представительство рабочих? Статистика в данном случае носит весьма отрывочный характер. Указание на присутствие на общедоступных, широко рекламируемых лекциях в Политехническом музее в Москве в 1906—1907 гг. в составе слушателей 16% рабочих можно рассматривать как вероятный индикатор верхней планки рабочего участия в подобных мероприятиях³⁸. Верхний не только в силу отсутствия других, более высоких показателей, но и учитывая фактор столичного расположения места народных чтений. Материалы обследования одной московской текстильной фабрики Циндаля в Москве, считающиеся классическими в советской историографии³⁹, указывают на посещение публичных лекций менее чем 3% из числа грамотных рабочих⁴⁰.

Среди культурно-просветительных организаций особое место занимали народные университеты, возникшие в 1906 г. по инициативе «Общества гражданских инженеров» в Петербурге. Во-первых, народные университеты для большего привлечения слушателей устанавливали связи с профсоюзами. Во-вторых, само обращение к профсоюзам рассматривалось как форма выявления тематики, интересующей рабочих. В-третьих, лекции по естествознанию, истории рабочего движения Запада рассматривались как метод распространения реформистских убеждений⁴¹.

Различное воздействие правительственных и общественных сил на рабочую среду в культурной сфере не могло не вызвать и разнообразные оценки самих рабочих. В исторической литературе зафиксированы как одобрительные отзывы рабочих о деятельности культурно-просветительных организаций, так и отрицательные. Символично, что в вину последним было поставлено стремление «примирить классовые противоречия»⁴².

Развитие масштабной сети доступных библиотек-читален мы рассматриваем как одно из достижений Российского государства. К концу XIX в. в России насчитывалось 3418 библиотек, часть из которых были бесплатными. Многие зависело от подбора литературы. В каталогах библиотек преобладали книги на религиозно-нравственные темы, за ними шли исторические, монархической направленности; затем естественно-географические. Художественная литература, где было немало книг, прямо рассчитанных на нетребовательный вкус, составляла ничтожную долю в общей книжной продукции (в 1901 г. — 5,1%, в 1913 г. — 6,4%). Небогатым был художественный раздел чтений. Кроме сказок Андерсена, Аксакова и др. в него были включены немногие произведения русской классики. Опросы рабочих указывали на несовпадение состава литературы и предпочтений пролетариев. Читатели из рабочих меньше спрашивали религиозную литературу, предпочитая исторические рассказы и романы. Среди читаемых газет преобладали либеральные издания⁴³.

Заметим, что структура книжного фонда платных библиотек заметно отличалась от бесплатных: в платных библиотеках литература на религиозно-нравственные темы занимала не столь значительное место, уступая место беллетристике⁴⁴.

Обратим внимание на дифференциацию рабочих по кругу чтения: квалифицированные рабочие читали классику; любимыми писателями были Гоголь, Пушкин, Некрасов, Тургенев, Чехов, Короленко, Горький; на Урале был популярен Мамин-Сибиряк. По подсчетам Е.Н. Медынского, промышленный рабочий — *постоянный читатель библиотек* в год прочитывал от 9 до 11 книг⁴⁵. В среде кадровых, потомственных, квалифицированных рабочих появились подписчики газет и журналов. Так, среди мартезовцев ВИЗа в 1913 г. 9% рабочих подписывались на газеты и 1,5% — на журналы⁴⁶. Однако было бы неверным коррелировать приведенный показатель, характерный для рабочих ведущих профессий, занятых на предприятии вблизи горнозаводской столицы Урала, на основную массу рабочих региона, России.

Вместе с тем, по глубокому замечанию В.Свифта, анализировавшего круг чтения рабочих, **большинство произведений классической литературы и драматургии интерпретировались как протест**

против социальной несправедливости, угнетения слабых сильными. Эти интерпретации только подчеркивались тем, что многие произведения были в свое время запрещены цензурой⁴⁷. У основной же массы грамотных рабочих излюбленным чтением оставалась лубочная литература, состоящая из маленьких дешевых книжек. Характерно, что в годы Первой мировой войны произошло резкое увеличение тиража лубочных изданий. Ряд изданий, отличавшихся грубостью, безграмотностью, продавался в рабочих кварталах за копейку⁴⁸. В данном случае вряд ли усилия правительства — а выход упомянутых изданий был осуществлен при его поддержке — способствовали росту культурного уровня рабочих.

Насколько обширным был состав рабочих — постоянных посетителей библиотек и читален? По сведениям 1912 г., в 18 читальных Петербурга из 9790 читателей было 3634 рабочих. В Москве в 1910—1911 гг. в 12 бесплатных библиотеках из 11,3 тыс. читателей 4,5 тыс. являлись рабочими⁴⁹. Как видно, на долю рабочих приходилось более трети читателей библиотек. Но источник не уточняет: какую часть библиотек составляли бесплатные. Если исходить из приведенных данных, **рабочие — посетители библиотек составляли порядка 2—3% от числа всех промышленных рабочих столиц.** Если судить по городской бесплатной библиотеке в Москве в 1909 г., то удельный вес «фабричных, рабочих и прислуги» среди всех читателей составлял 4,38%⁵⁰.

Указанный диапазон был характерен и для провинции. Так, в 1911 г. в Екатеринбурге из 1228 читателей городской библиотеки им. Белинского рабочие составляли только 1%, т. е. 12 человек⁵¹. Создание библиотек при Народных домах расширяло возможности привлечения рабочих в состав культурно-просветительных организаций. Например, в Пермской губернии народными библиотеками, созданными для малоимущего взрослого населения, пользовались 11% грамотных жителей, а среди 1294 читателей библиотеки Народного дома в Перми насчитывалось 4,7% рабочих⁵². Последний показатель — 4,7% — типичен скорее для губернского центра. Показатель же Екатеринбурга (1%) можно рассматривать как типичный для уездного города. Нетрудно заметить, что диапазон рабочих — посетителей библиотек (1—4,7%) наиболее близок к образовательной группе рабочих, имеющей школьную подготовку выше начальной (1,8%), чем к каким-либо другим.

Приведенные сведения подтверждают заключение о малой вероятности допущения способности рабочих к выработке «самой передовой культуры».

В советской историографии довольно сдержанно комментировалась деятельность рабочих клубов. Характерно, что Л.М. Иванов в обширном очерке, посвященном работе культурно-просветительных организаций в пролетарской среде⁵³, вообще не упоминает о наличии таких форм передачи культурных знаний. Причину такого явления надо искать в том, что рабочие клубы в дореволюционный период мало проявили себя в антиправительственной деятельности, которая и служила основой для исторической оценки в советское время.

Для подтверждения этой мысли обратимся к анализу наиболее информативного материала — статьи И.Д. Левина «Рабочие клубы в Петербурге. 1907—1914 гг.»⁵⁴ Отметив появление в октябре—ноябре 1905 г. в целом ряде городов рабочих клубов, автор указывает, что с 1906 г. клубы (не без «помощи» полиции) оказались вне политической деятельности, сосредоточившись на просветительских занятиях⁵⁵. Рабочие клубы Петербурга являлись наиболее многочисленными в России и в силу этого весьма показательными.

Но и в Петербурге существовал ряд причин, в силу которых у рабочих клубов столицы не сложился постоянный многочисленный и стабильный контингент. Уход за 2—3 месяца из рабочих клубов более половины членов объяснялся наличием ежедневного контроля полиции, вплоть до присутствия на лекциях полицейских чинов; сказывалась и разносторонность интересов рабочих, различный образовательный уровень, изменение материального положения; тяга части рабочих к развлекательным мероприятиям⁵⁶.

Изучение динамики численности рабочих клубов столицы позволяет говорить о сохранении в клубах определенного массива пролетариев: 3910 человек в 1908 г. и 3286 в 1913 г.⁵⁷ (Левин приводит другую цифру — 3700 человек к концу 1913 г.⁵⁸). Однако появление ядра из постоянных членов рабочих клубов (примерно пятой части всех членов) не изменило главного: «небольшой по масштабам работе клубов, не проникавшей в толщу петербургского пролетариата»⁵⁹. Приведенные показатели не превышали **и полутора процентов от численности 250-тысячного питерского пролетариата**. По данным журнала «Современный мир», в 1909 г. в России действовали 11 клубов с 8760 членами⁶⁰. Даже осознавая неполноту учета, можно сделать вывод о малом участии промышленных рабочих России (**менее одного процента**) в работе культурно-просветительных клубов.

Анализ состава членов рабочих клубов говорит о преобладании мужчин (около $\frac{3}{4}$); рабочих со средним заработком (30—40 руб. в месяц); в возрасте до 25 лет ($\frac{2}{3}$) с начальным обра-

зованием. Половина рабочих — членов клубов закончила сельскую школу; половина — городскую. Подавляющая часть мужчин являлась членами профсоюзов⁶¹. Как видно, основной состав членов клубов не принадлежал к категории «массового рабочего», вобрав в себя часть квалифицированных рабочих. С началом Первой мировой войны рабочие клубы были закрыты⁶², что лишило пролетариев важной легальной формы общения и приобщения к городской культуре.

Интересные выводы можно сделать и при изучении литературы, созданной руками самих рабочих. Л. Клейнборт, посвятивший данной теме цикл статей и проанализировавший около сотни произведений пролетарской поэзии, опубликованных в дореволюционных легальных рабочих изданиях, отмечал: «Это проза, одетая в стихи, в которой больше внешнего, чем содержательного... В стихах нет культуры, свойственной поэтическому жанру; нет музыкальности, красивых образов; но присутствует информация о рабочей психологии, настроениях»⁶³. Объясняя подобное явление, Л. Клейнборт утверждал: рабочий «пишет после работы, разбитый физически и часто нравственно. Это не писатель-дворянин, готовый переписывать по пять раз свою рукопись»⁶⁴. Оставим без комментариев незамеченное автором, внутреннее противоречие произнесенных строк.

Пролетарские произведения начала XX в. в России более интересны как публицистический источник, информирующий о тяжелом положении рабочих на производстве, чем самостоятельный жанр российской литературы. Вместе с тем Л. Клейнбортом отмечено появление первых произведений рабочих, идеализирующих завод («люблю тебя, грохочущий завод»), производственные ритмы («горим, чтобы встать и вновь создать жизнь, яркую для новых поколений»)⁶⁵.

Исследователи, добросовестно анализировавшие конкретный исторический материал, отмечали рост интереса рабочих к театру. Однако профессиональные театры из-за высокой стоимости билетов были малодоступны рабочим. Их посещали, и то редко, наиболее высокооплачиваемые рабочие. Выход был найден в создании при Народных домах драматических кружков, ряд которых перерос в народные театры⁶⁶. Репертуар для народных театров, рекомендованный сверху (Министерством финансов и Главным управлением по делам печати), включил произведения, рассчитанные на нетребовательный вкус. В этом сходились и отзывы профессиональных критиков, и левой прессы⁶⁷.

Если говорить о народных театрах, массив рабочих-театралов был весьма невелик. Так, в интересной статье Л.В. Ольховой «Из истории рабочих культурно-просветительских организаций на

Урале (1905—1914 гг.)» единственное статистическое упоминание о рабочих-театралах касается только десяти мастеровых, участвующих в театральных кружках, созданных представителями местной буржуазно-либеральной интеллигенции⁶⁸.

Численность промышленных рабочих Урала, принимавших участие в примерно 40 любительских кружках и театрах, видимо, была близка к рубежу 400 человек⁶⁹. В составе этой социальной группы (участников рабочих театров и драматических кружков) преобладали квалифицированные, хорошо оплачиваемые рабочие, которые также доминировали в легальных профсоюзных организациях и просветительных обществах, появившихся перед Первой мировой войной⁷⁰.

По справедливому мнению английского историка В. Свифта, несмотря на радикальные рассуждения рабочих — членов социал-демократических организаций о новом пролетарском театре, особых формах пролетарской культуры, репертуар рабочих театров был довольно консервативным: в основном классические постановки. Известны пьесы, написанные авторами-рабочими, но они практически не ставились⁷¹. К последнему выводу приходит и В.Л. Загайнова, специально изучавшая данную проблему и указавшая на существование весьма небольшой группы рабочих, участвовавшей в деятельности народных университетов и театров⁷². Как пример единственного рода, вошедший в основополагающие труды советской рабочей истории, приводился такой факт: из обследованных рабочих московской ситценабивной мануфактуры т-ва Э. Циндаля 11% побывали в театрах (при этом авторы не уточняли, о каких театрах идет речь: любительских или профессиональных). Тот же источник засвидетельствовал и то, что театру рабочие предпочитали посещения цирка⁷³. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что **узкий круг рабочих промышленности мог выступать в качестве субъекта театральной жизни, но только на любительском уровне.**

В определенной степени это было связано с тем, что затраты на культурные потребности в рабочих семьях, даже в высоких бюджетных группах, не превышали 5,4% расходного бюджета⁷⁴. В этой связи достаточно иллюзорно выглядит утверждение о наличии в начале XX в. такого понятия, как рабочая интеллигенция, и наличии в составе рабочих промышленности особого слоя рабочих-интеллигентов⁷⁵. Мы разделяем взгляды Ю.И. Кирьянова, И.С. Розенталя, А.Б. Николаева, пришедших к выводу о том, что отсутствуют содержание и границы приведенного понятия; сам же термин рабочие-интеллигенты фактически объединяет образованных рабочих⁷⁶.

Нельзя не замечать позитивные сдвиги в области образования в России в 1900—1914 гг., влияющие на культурный уровень рабочих. Назовем увеличение расходов на внешкольное образование, например, в Пермской губернии с 1,2% в конце XIX в. и 3% от всех расходов земств на образование в 1910 г. до 20% в 1915 г. Вместе с тем указанная динамика цифр расходов на внешкольное образование свидетельствует о незначительности расходуемых средств до 1910 г.: менее 90 тыс. руб. в 1910 г. в Пермской губернии было потрачено на школы взрослых, народные библиотеки, народные дома, народные театры и т.п., объединенные статьей «внешкольное образование»⁷⁷. Правда, сумма расходов на внешкольное образование в Пермской губернии в 1910—1915 гг. выросла в 3,5 раза с 89,3 тыс. до 307 тыс. руб.⁷⁸, однако и величина в 307 тыс. руб. представляется небольшой для крупнейшей провинции Урала.

Характерно, что в сети всех типов обучения взрослых — воскресных школ и воскресных классов; вечерних школ; народных университетов — в 1914 г. в наиболее развитой Пермской губернии занимались только около 6 тыс. человек, часть которых представляли рабочие⁷⁹.

Наибольших успехов в деле внешкольного образования добились Вятское губернское земство, признанное лучшим в этой сфере по России, где, например, с 1894 по 1908 г. практиковалась бесплатная раздача грамотному населению некоторого количества книг⁸⁰. Проблема заключалась в том, что при неграмотности большинства местного удмуртского населения⁸¹, книги поступали в основном к этническим группам русского населения, значительную часть которого составляли рабочие Ижевского и Воткинского заводов. Таким образом, рост культурного уровня пролетариев указанных казенных заводов не ослаблял, а усиливал противостояние рабочих государственных предприятий и большинства жителей губернии. Данное явление имело место не только в Вятской губернии. Для всей России было характерно разделение труда и по национальному признаку: так, башкирские, татарские, удмуртские рабочие, как правило, задействовались на вспомогательных производствах, что создавало еще одну градацию рабочих по степени приобщения к культурным ценностям.

Трудно проследить статистику изменений духовного облика рабочих в первые десятилетия XX в. Речь идет о тонких материях: морали, нравственности, отношении к богу, природе. Вопрос о роли религии в формировании культурного облика рабочих является одним из наименее изученных. У историков рабочего класса России дореволюционной эпохи можно встретить взаи-

моисключающие оценки в этом вопросе, рожденные идеологическими канонами. Так, Т.К. Гуськова, доказательно обосновав тезис о значительной роли религии в семейном быту рабочих Урала, вынуждена была тут же включать цитаты о «холодном, безразличном, равнодушном отношении к церкви» рабочих⁸². По мнению автора, специфика влияния религии на рабочих заключалась в большей религиозности рабочих заводских поселков, окраинных районов и сельских поселений, а тенденция к религиозному индифферентизму была характерна для квалифицированных рабочих⁸³.

Ю.И. Кирьянов в работе 1970 г. делал акцент на то, что, по данным обследования 1924 г., до Октябрьской революции треть московских рабочих не посещали церковь. Статистика, приведенная Ю.И. Кирьяновым, показывала наличие трех социальных групп в составе московских рабочих: крупнейшей — 38% — тех, кто посещал церковь только по большим праздникам; посещавших церковь систематически — 24%; не посещавших вообще — 25%⁸⁴. Итог примечательный еще и тем, что обследование было проведено спустя 7 лет после начала государственных гонений на церковь.

Читатель не мог не обнаружить: **3/4 рабочих-москвичей церковь посещали**. Закономерен и последующий вывод Ю.И. Кирьянова: у значительной части рабочих в различной степени и форме религиозность сохранялась вплоть до октября 1917 г. и в последующие годы⁸⁵.

Нуждается в уточнении заявление о том, что различия в уровне религиозности (отразившиеся на убранстве жилищ рабочих) зависели напрямую от уровня связей с деревней: вчерашние крестьяне украшали свое жилье иконами, тогда как в квартирах потомственных горожан картины духовного содержания отсутствовали⁸⁶. Как будет показано ниже, имелись примеры и иного характера.

Тезис о широком распространении религиозных убеждений в рабочей среде, в том числе и у квалифицированных рабочих, прочно утвердился в современной исторической литературе. Вновь сошлемся на мнение Ю.И. Кирьянова, отметившего, что, несмотря на происходившие сдвиги, и после 1905—1907 гг. менталитет большинства рабочих России оставался в рамках прежних представлений, освященных религией, церковью, официальной идеологией⁸⁷. Постепенно переставая быть истовой, убежденной, вера еще долго сохранялась на обрядово-бытовом уровне. Посещение храма, например, исчезло как проявление религиозных потребностей, но сохранилось как элемент церковных праздников⁸⁸.

В историографии традиционная связь российских рабочих с землей ряд десятилетий рассматривалась как помеха на пути к достижению горнозаводским населением стадии «чистого пролетариата». К последнему относились рабочие, не имевшие собственного хозяйства⁸⁹. Что касается рабочих, владеющих земельными участками, то здесь вступали в силу такие характеристики как «рабочая аристократия», «отсталый тип рабочего», «мелкобуржуазные элементы» и т.д.⁹⁰ Однако в исторической литературе советского периода содержался солидный материал для обобщений, не подтверждающих идеологически верных постулатов.

Мешало ли владение землей рабочим для повышения профессионального и общекультурного уровня? К 1917 г. значительными, по меркам горнозаводских поселений, земельными наделами владели труженики казенных заводов. Между тем именно эта категория являлась наиболее квалифицированным отрядом рабочего класса России⁹¹. Аналогичную тенденцию зафиксировали и результаты переписи весны 1929 г. Процент уральских рабочих, имеющих земельные наделы, повышался по мере роста квалификации, а именно: среди неквалифицированных рабочих-металлургов он составлял 24,7%; у полуквалифицированных — земельными наделами владели 31,3%; у квалифицированных — 37,6%; у высококвалифицированных — 38,8%. Близки к этому были показатели у рабочих каменноугольной отрасли⁹².

Характерным было и то, что 80,7% рабочих-металлургов, имевших земельные участки, являлись потомственными рабочими. Среди рабочих-металлургов, не владевших землей, удельный вес потомственных рабочих был ниже и составлял 64,2%⁹³. Таким образом, владение землей в тех размерах, какими располагали рабочие, не препятствовало росту профессионального мастерства. Более того, личное хозяйство рабочих в определенной степени компенсировало недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, помогало приспособиться к трудным природным условиям. Сказанное позволяет сделать вывод: в исторической литературе недавнего прошлого за «чистых пролетариев» признавался массив рабочих, менее других приспособленный к жизни городского поселения и завода.

Традиция изучения личного хозяйства рабочих не только с экономических позиций прослеживалась с дореволюционного времени. Важные замечания на этот счет содержатся в работе П. Степанова «Наделение землей горнозаводского населения Урала», опубликованной в 1914 г. Молодой исследователь из Петербурга, впоследствии маститый ученый, обратил внимание на

то, что сельскохозяйственные занятия являются для уральских рабочих не только вынужденной необходимостью. Смена трудовой деятельности, физическая работа на природе может выступать своего рода отдыхом, **«психической дезинфекцией от заводской огневой работы»**⁹⁴. Анализ архивной, мемуарной, фольклорной литературы подтверждает это высказывание в большей степени касательно «дезинфекции» и в меньшей степени — «отдыха».

Заметим, что личное хозяйство рабочих позволяло не только выжить в условиях сурового климата, политических и социальных потрясений, но и выступало в качестве объекта культуры, так как передавало традиции отношения к земле и природе, к смыслу жизни. Скажем так: если продукты личного хозяйства позволяли находить силы для повышения профессионального уровня, то работа в поле и на огороде давала российскому рабочему **возможность осознать свое место на земле в прямом и переносном смысле**, даже с учетом того, что личное хозяйство требовало постоянного напряжения сил и систематической повторяемости трудовых операций. Сказанное имеет силу в том случае, если личное хозяйство имело действительно подсобный характер. Между тем для значительной части рабочих России подсобной или временной являлась заводская работа.

Таким образом, имущественный раскол в рабочей среде дополнялся глубокими различиями культуры, включая и политические убеждения. В целом мировосприятие различных слоев рабочего социума России представляло собой сочетание элементов консервативных, патриархальных, реформистских и революционных воззрений⁹⁵. При преобладании консервативно-патриархальных представлений у пролетариев, диапазон влияния леворадикальных сил в 1914 г. ограничивался «тесным кругом членов подпольных организаций и связанных с ними рабочих»⁹⁶. К выводу о небольшом слое рабочих, связанных с социалистами, пришел известный исследователь рабочей тематики Ю.И. Кирьянов⁹⁷.

Можно отметить, что если для рабочих индустриального типа было характерно сочетание реформистских и патриархальных представлений, то для пролетарской части рабочих России на патриархальные взгляды накладывались радикальные, уравниТЕЛЬСКИЕ умонастроения.

В конечном итоге особенности культурного облика различных социальных групп российского пролетариата отражались в трудовой деятельности. Мы разделяем высказывание Б.Н. Миронova о том, что качество труда, трезвость, честность, дисциплина, прогулы и опоздания на работу, способность к компромиссу, соблюдение правил поведения на производстве, подверженность производственному травматизму, простои и производственный

брак зависели от грамотности рабочего и социального происхождения. В начале XX в. существовал слой рабочих, вероятно, не слишком многочисленный, отличавшийся современным отношением к труду, склонный адаптироваться к правилам жизни, диктуемых капитализмом. Они осуждали пьянство, недисциплинированность, невежество и отсутствие культуры у рабочих⁹⁸. К массиву индустриальных рабочих, на наш взгляд, применима и следующая оценка В.Т. Ермакова: морально-нравственное состояние предреволюционного российского общества в целом, рабочего класса России в частности, было здоровым и устойчивым⁹⁹.

Заметно отличались иные, *находящиеся в стадии формирования* слои рабочего класса, которым тот же Б.Н. Миронов дает следующую характеристику: в конце XIX — начале XX в. «сколь-ко-нибудь сильной любви к собственности не наблюдалось, а к чужой собственности отношение было резко негативным. Воровство изделий и деталей с предприятий было таким же массовым явлением, как кража крестьянами помещичьего леса, сена, фруктов и т. д. Крестьянское происхождение рабочих мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению»¹⁰⁰.

Первая мировая война привела к деформациям в политическом сознании, углубила раскол в рабочей среде России. С момента объявления первой мобилизации 16—17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной активной антивоенной стачки. Например, единственное на Урале крупное волнение лысьвенских рабочих являлось продолжением их борьбы с заводской администрацией за раздел между рабочими денег, пожалованных владельцами предприятия на культурно-просветительные цели¹⁰¹. Мы разделяем точку зрения о том, что патриотические настроения в 1914 г. в разных формах были присущи всем слоям рабочих¹⁰². Это утверждение аргументировано трудами историков и архивными источниками.

Война вырвала из привычной среды, ожесточила, приучила к насилию от 600 тыс. до миллиона промышленных рабочих России, призванных в армию. Стремительное изменение состава усилило воздействие маргинальных слоев на основную массу рабочих. И только социальный слой рабочих казенных округов мало пострадал от тягот войны. Как видно, степень обновления, маргинализации различных отрядов рабочих промышленности России была далеко не одинаковой. За годы Первой мировой

войны разрыв в уровне профессиональной, квалификационной подготовки, социальной защищенности различных слоев (например, рабочих казенных заводов и остальных предприятий) заметно вырос. Рабочие государственных заводов в своей массе остались дома, в семьях¹⁰³. Все это обостряло и ранее непростые отношения между далеко не однородными слоями рабочих и вносило свою лепту в приближение общероссийского социального кризиса.

В условиях войны происходили процессы как сближающие, так и разъединяющие рабочих России. В исторической литературе факт возвращения на уральские заводы солдат, откомандированных на заводы из воинских частей, традиционно рассматривался как положительное явление. Аргументами служили и квалификация, и революционный потенциал бывших рабочих¹⁰⁴. На наш взгляд, правы авторы, заявившие о нарастающем вале преступности, возникающем после возвращения солдат Первой мировой войны¹⁰⁵. Приток солдат с фронта стал еще одним каналом изменения привычных норм поведения в среде уральских рабочих, требующим специального исследования. Отметим и такой момент: использование труда военнопленных вносило изменения не только в социальную психологию управленцев, но и рабочих, привыкавших к мысли, что на протяжении ряда лет на производстве в самых различных отраслях работают люди, лишенные гражданских прав.

Перемены в сознании промышленных рабочих в послереволюционный период фиксировали статьи в российской печати. Современники отмечали рост психической неуравновешенности, резкие перемены душевного состояния рабочих России, вызванные революцией; атмосферу политических и социальных бурь, неблагоприятную для мирного труда. Революция протекала в обстановке мировой войны, приведшей к известному одичанию как войск, так и народных масс¹⁰⁶.

Трудно не замечать и того, что после революций 1917 г. у части рабочих наступил нравственный подъем. Повышение общественной активности вылилось в сфере культуры в организацию новых рабочих клубов, библиотек, практику планируемых сверху лекций. Кроме того, пролетариям России казалось, что новая мораль, новые нравственные идеалы восторжествуют и станут нормой поведения людей сразу же, как только пролетариат завоюет политическую власть¹⁰⁷.

Постоянная борьба за существование, характерная, как уже отмечалось выше, прежде всего для «пришлых», малооплачиваемых, не имеющих своего жилья пролетариев и части местных, занятых на старых, нерентабельных производствах, обуславливала

содержание досуга рабочих. Свободное время тратилось чаще всего на пьянство и разгул. В этом виделись причины «оскудения народного художественного вкуса, упадка его творчества... перенимание рабочими чисто внешних черт и форм городской культуры»¹⁰⁸.

Мировая война и революции 1917 г., годы Гражданской войны усилили имущественный и культурный раскол среди рабочих и дополнили его расколом политическим¹⁰⁹. В целом драматический период российской истории сузил возможности для культурной трансформации всех социальных групп рабочих в рамках индустриальной модернизации.

Период войн и революций не мог не отразиться на культурном уровне рабочих России, прежде всего, в силу масштаба сокращения численности квалифицированных рабочих. Однако, соглашаясь с мнением французского историка А. Безансона о том, что «идеология разорвала связь между старым и новым режимом»¹¹⁰, заметим: изменения в сфере культурного уровня рабочих оказались не столь глобальными, как это казалось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов 20-х гг. о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»¹¹¹ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом.

Теоретический вывод о том, что социальная катастрофа на самом деле представляет собой сложную комбинацию социокультурных образований¹¹², подтвердили результаты Всесоюзной переписи 1926 г.: за короткий срок рабочий класс СССР восстановил ряд количественных и качественных характеристик довоенного времени. Вот почему, соглашаясь с суждением об архаизации всей общественной жизни после Гражданской войны¹¹³, мы полагаем, что изменения качественных характеристик внутри самого рабочего социума региона не могут рассматриваться только как «культурная катастрофа, постигшая нас в первой четверти XX века»¹¹⁴.

Препятствием на пути культурной аннигиляции стала **прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, во многом определяющих социокультурный уклад промышленных рабочих**, цивилизационная граница между рабочим социумом и городской элитой.

Конечно, с учетом гибели в годы Гражданской войны, эмиграции, деклассирования представителей бывших сословий, произошло упрощение социальной структуры советского города, снижение его интеллектуального потенциала. Характерно, что после ритуальных слов о «неизмеримо великой современной культурно-просветительной работе... создающей собственную

пролетарскую культуру»¹¹⁵, известная исследовательница 20-х гг. Е.О. Кабо, отталкиваясь от конкретного материала обследований московских рабочих, ввела в научную литературу совершенно иные оценки. Во-первых, об *отчуждении подавляющей массы столичных рабочих середины 20-х гг. от книжного чтения*. 60% рабочих столицы вообще не читали книг; из остальных 40% большинство «брали в руки» литературу политического содержания¹¹⁶.

Материалы обследования 1924 г. показывали: **классики русской литературы «не удовлетворяли» обследованных московских рабочих**, так как «они не находили в трудах писателей социального звучания. Не успев дорасти до классической литературы художественно, рабочие переросли ее социально (!)». В описываемую эпоху, утверждала Е.О. Кабо, рабочие чувствуют потребность не в чтении великих мастеров русской словесности, но в простых и понятных учителях жизни (Горький, Гладков, Неверов и др.)¹¹⁷. Для современного читателя эти строки говорят больше о неспособности значительной части рабочих оценить художественные достоинства классической литературы, чем о высокой социальной сознательности пролетариев.

Несмотря на бесплатность многих культурных развлечений, московские рабочие редко посещали театры и кино, как правило, не более одного-двух раз за год. При этом распространение нэповских хозрасчетных начал привело, начиная с 1925 г., к сужению масштабов культурной благотворительности, бесплатности посещений кино и театров. Так, число бесплатных спектаклей для рабочих в Москве составляло в сезон 1922/23 г. 7,9% к общему числу спектаклей, а в 1925/26 г. — только 3%¹¹⁸.

Итогом стало и сокращение посещений культурно-просветительных учреждений рабочими. В 1925 г. на одного малоквалифицированного рабочего столицы приходилось 0,3 посещения театра в год, 0,2 посещения выставок и музеев; на одного квалифицированного соответственно — 0,7 и 0,2. Как видно, и сама величина (по сути, разовое посещение за мирные годы советской власти), так и отсутствие *качественных* различий между посещениями выставок и музеев малоквалифицированными и квалифицированными рабочими показывает весьма небольшую заинтересованность рабочих в названных культурно-просветительных заведениях. И все-таки материалы обследования рабочих Москвы 1925 г. показали **двойной разрыв** в посещении основных культурно-просветительных заведений рабочими низкой и высокой квалификации как в целом по величине посещений на одного обследуемого, так и по показателю *доли* посещающих кино, театры, выставки, музеи и прочие зрелища среди всех рабочих¹¹⁹.

Следует отметить усилия профсоюзных организаций по привлечению рабочих в театры. С помощью государства профсоюзы смогли добиться выделения им части билетов по льготным ценам. Сведения по Ленинграду середины 20-х гг. (число рабочих зрителей в залах академических театров колебалось от 14 до 20%)¹²⁰ в литературе рассматриваются как верхняя граница приобщения рабочих к театральному искусству. Граница, во-первых, заметно превышающая общесоюзные показатели, во-вторых, указывающая на массив квалифицированных, высокооплачиваемых рабочих, в-третьих, фиксирующая и вмешательство государства в сферу театра.

В столице Уральской области Екатеринбурге, согласно данным обследования 1927 г. рабочих — мартеновцев ВИЗа, ведущего предприятия города, только 13% металлургов читали газеты регулярно, 49 — нерегулярно; 38% — вообще не читали. **24% рабочих регулярно посещали клубы**; совершенно не бывали — 52%, а 24% рабочих — редко бывали в клубах. 67% рабочих никогда не были в кино, а 81% — не посещали театров. Свободное время, остававшееся в распоряжении мартеновцев, преимущественно расходовалось на выполнение различных работ в личном хозяйстве¹²¹. Важность обследования мартеновцев ВИЗа усиливалась еще и тем, что цеховой коллектив состоял на $\frac{2}{3}$ из потомственных уральских рабочих. Кроме того, результаты обследования были переданы участникам пленума Уральского обкома ВКП(б) в октябре 1928 г. как *типичные* для социокультурных характеристик уральских рабочих¹²².

Постепенно нормой культурной жизни советских рабочих, хотя еще и нечастой в 20-е гг., становилось кино. **Одно посещение кино за два месяца и немногим более одного посещения театра за два года** — таковы были средние нормы потребления 1925 г. на одного взрослого столичного рабочего — главу семьи. Нормы потребления культурных ценностей у жен рабочих были ниже, а у рабочей молодежи — несколько выше¹²³.

Исследования в столицах и в провинции показывают появление нового социокультурного явления: социального слоя рабочих, постоянно читающих **газеты**, но для которых «книги играли второстепенную роль»¹²⁴. Это означало возникновение массива читателей, ориентирующихся только на *отфильтрованную информацию, поступающую сверху*. Поощряя концентрацию свободного времени на чтении газет и юмористических журналов¹²⁵, руководство СССР фокусировало свободное время части рабочих на чтении официальной хроники и трактовке событий в ущерб книжному чтению.

В провинции сила консервации элементов традиционной культуры была значительно выше, чем в столице. Сохранение в мировоззрении рабочих значительной доли консервативно-патриархальных представлений как в годы, предшествующие Первой мировой войне, так и в последующий период; актуализация традиционалистских парадигм сознания и менталитета¹²⁶ стали порукой для сохранения базисных основ культурного уровня рабочих. В наибольшей степени этот тезис касается рабочих бывших казенных заводов, и вывод Л.Н. Бехтеревой о сохранении в 20-е гг. образа жизни и уклада потомственных рабочих Ижевских заводов, охарактеризованный как «нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и религиозностью»¹²⁷, подтверждается материалами о жизни рабочих Мотовилихи, Златоуста, других поселений бывших казенных предприятий.

Колоссальное влияние на культурный уровень рабочих, зачастую мало осознанное, оказывали традиции жизненного уклада. Выделим, прежде всего, религиозный фактор. Система моральных ценностей православного христианства, наряду с воззрениями других религий, сотни лет являлась основой духовно-нравственных отношений в российском обществе. Для России было характерно сохранение довольно высокой доли верующих рабочих в небольших городах и заводских поселках, окруженных со всех сторон сельскими поселениями.

Если спустя семь послереволюционных лет церковь в Москве продолжали посещать 12% обследованных рабочих и половина их жен, то обряд крещения детей в 1924 г. совершали 70% рабочих семей столицы. Интерес к религиозным вопросам сохранялся у четверти московских рабочих¹²⁸. Напомним, что речь шла о московских рабочих, «избалованных», по словам Е.О. Кабо, политической пропагандой и выступлениями крупнейших политических деятелей СССР на заводских собраниях в 20-х гг.¹²⁹ Нередкими были случаи, когда более половины всех заводских рабочих были «вполне верующими и регулярно посещали храмы». Нормы традиционного быта, в том числе и религиозность, сохраняли особо прочные позиции среди рабочих — владельцев земельных наделов¹³⁰.

По обоснованному суждению И.В. Нарского, «народная вера сохраняла качество и функцию культурного кода, позволяющего интерпретировать непонятные события в привычных категориях, определявшего поведение в неясной ситуации. ...В связи со спровоцированной революцией ростом самостоятельности церковных общин и утратой православной церковью возможности влиять на народную религиозность в последней заметно прибы-

вала роль суеверий, особенно в связи с неурожаем и засухой в 1920—1921 гг.»¹³¹

Обратим внимание на сохранение религиозных традиций в рабочем социуме, не признающее и партийных рамок. Так, обследование условий жизни 498 коммунистов Пермского уезда в 1923 г., 80% из которых составляли рабочие Мотовилихинского завода, показало: 41,7% коммунистов сохраняли дома иконы; у 39% члены семей посещали церковь¹³². Более широкое и более позднее обследование (1927 г.) в Перми **выявило наличие икон у 70% жителей рабочего центра**; по крайней мере, 30% совершали религиозные обряды; 22,4% посещали церковь¹³³.

В июле 1922 г. рабочие Петрограда прекращали работу, протестуя против приговора ревтрибунала по делу митрополита Вениамина. В то же время тысячи рабочих принимали участие в крестных ходах¹³⁴. Основными очагами выступлений против изъятия церковных ценностей в том же 1922 г. стали промышленные центры России, включая Петроград и Москву¹³⁵.

Сводка ОГПУ по Вотской обл. (1924 г.), называя 20% рабочих Воткинского завода верующими, отмечала наличие и у «части остальных» религиозных убеждений. Попытки властей сделать рабочими днями церковные праздники наталкивались на повсеместное сопротивление горнозаводского населения. Характерно, что и в конце 20-х гг. на работу в Пасху не выходила даже часть рабочих-коммунистов, а наиболее широкий протест ограничение и постепенный запрет религиозных праздников встречали в среде рабочих-мусульман¹³⁶. **В 1925 г. только 25% рабочих Ижевского завода считали себя атеистами**, причем именно кадровые рабочие выступали против закрытия религиозных храмов¹³⁷. По мнению Е.О. Кабо, к 1924 г. можно говорить о сохранении религиозных традиций у половины московских рабочих и 60% их жен¹³⁸.

Приведенные показатели диапазона рабочих промышленности СССР, показатели диапазона рабочих, сохранивших верность религиозным традициям в середине 20-х гг. (50—75%), для нас важны еще и потому, что, как это будет показано ниже, результаты переписи 1937 г. указывают на сохранение в рабочей среде по крайней мере нижней границы этого массива.

Характерно, что власти, отмечая сохранение религиозных убеждений в рабочей среде, главную вину за это возлагали на **женщин** из рабочих семей, рассматривая последних как **хранительниц устоев**¹³⁹. Судя по документам, например, информационным отчетам райкома РКП(б) из уральского промышленного центра Чусовского (1924 г.), партийные органы в 20-е гг. волно-

вала не столько сама женская религиозность, сколько неприятие верующими официальных доктрин.

Процитируем основные положения отчета Чусовского РК РКП(б). «Всеми отмечено, что одна из самых главных причин, тормозящих вступление в РКП — является религиозная жена, ... вообще жена во всех видах (!). Бывали случаи, что холостые рабочие не вступали в партию: его “любовь” не соглашалась на гражданский брак. ...*Быт нашего активного партийца оторвался от быта рядового рабочего.* Для первого — семья все-таки не основное. Для второго **семья — центр основных интересов и стремлений, глазами которой он смотрит на мир**»¹⁴⁰. Ни в одном партийном документе мы не встречали столь пронзительного понимания роли семьи в жизни промышленных рабочих. Казалось бы, районный комитет партии должен был одобрить сохранение рабочей семьи как твердой ячейки советского общества, однако вывод звучал совершенно в иной тональности. **«Семья — это кривое зеркало общества, а жена — в большинстве случаев — контрреволюционер на дому»**¹⁴¹.

В чем же заключалась контрреволюционность работниц? По мнению Чусовского РК, в том, что женщины из рабочих семей были недовольны низкими заработками и очередями в рабочих кооперативах... фиксировали «все нарушения, недостатки, подвохи комиссаров»¹⁴². В рабочих поселках Урала и до революции, и после трудно было утаить малейшее социальное неравенство. Признание оторванности быта активных партийцев от быта рядовых рабочих нуждалось в легитимизации. Отождествление критиков с «контрреволюционерами» в некоторой степени выполняло поставленную задачу.

Отметим, что сохранение религиозности жен рабочих выступало в первой половине 20-х гг. как повсеместное явление. По данным обследования мужчин-коммунистов, 27,1% мужей открыто признали своих жен верующими¹⁴³. В целом же в советском обществе отсутствовали условия, исключавшие необходимость обращения к божественной идее. Большая часть населения страны испытывала потребность в религиозной вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения¹⁴⁴. Кроме того, традиция компактного расселения рабочих — выходцев из какой-то области или района, представляющих одну религию, религиозную общину, сохранялась. В старых городах и рабочих поселках существовали целые улицы, населенные земляками, где из поколения в поколение воссоздавались обрядовые элементы традиционной культуры¹⁴⁵. В новых поселениях землячества в силу бытовой неустроенности, большей зависимости рабочих от предприятия, частой перемены места работы играли меньшую

роль. Однако и в них необходимость борьбы за выживание диктовала сохранение взаимопомощи, черт общинной психологии.

Мы разделяем мнение о том, что сохранение религиозных убеждений было одним из проявлений «сопротивления народной культуры размыванию соборных начал»¹⁴⁶. Что же касается отхода от церкви значительной части рабочей молодежи — это явление, на наш взгляд, следует рассматривать как серьезную и растущую линию социокультурного раскола в рабочей среде.

Атеистический курс, возведенный в ранг политики государства, привел к разрушениям в области культурного наследия как материального, так и морального свойства. Из 50 тыс. церквей, соборов, храмов и монастырей, существовавших в России до 1917 г., по меньшей мере 30 тыс. были уничтожены или погибли в процессе саморазрушения. Большинство остальных были просто закрыты или переданы местной администрации¹⁴⁷. Так, на Урале были закрыты, в ряде случаев скрыты, обезглавлены, превращены в государственные учреждения до 90% из тех 3 тыс. церквей и соборов, которые действовали до 1917 г.¹⁴⁸

Казалось, на этом фронте удалось добиться некоторых успехов. Сокращалось количество невыходов рабочих на работу в престольные праздники, особенно на военных заводах. Если в 1917—1921 гг. 90% всех браков в рабочей среде были церковными, то в середине 20-х гг. таковых было около половины¹⁴⁹. Современный исследователь, отталкиваясь от роста преступности и пьянства в рабочих городах и поселках, обращает внимание и на иную сторону проблемы: рост безбожия в среде молодых рабочих шел параллельно не с духовным развитием личности, а с ее деградацией¹⁵⁰.

По-прежнему в 20-е гг. характеристики культурного уровня рабочих в немалой степени зависели от наличия или отсутствия земельного участка. Так, в 1923/24 хоз. г. взрослый мужчина-рабочий в среднем в месяц тратил на работу в личном хозяйстве 51,2 часа, а на культурные развлечения (включая общественно-политические мероприятия) — 29 часов. У женщин-работниц эти показатели составляли соответственно 30 и 12 часов¹⁵¹. Как видно, в 20-е гг. у рабочих время, предназначенное для культурных занятий, привычных для городского образа жизни, почти вдвое уступало времени труда в личном хозяйстве, что свидетельствовало о сохранении преобладающего воздействия традиционных ценностей. Опросы рабочих крупной промышленности показывали, что свое благополучие они связывали как с работой на заводах, так и с сохранением и даже расширением личного хозяйства¹⁵².

Как правило, среди грамотных, квалифицированных и высокооплачиваемых рабочих в середине 20-х гг. исследователи фиксируют появление слоя граждан, слушающих у радиоприемников музыкальные передачи, посещающих выставки (в первую очередь Всесоюзную сельскохозяйственную) и музеи (здесь приоритет был у Политехнического музея в Москве). Границы этого слоя даже среди квалифицированных промышленных рабочих не превышали 16—17%¹⁵³.

Это в свою очередь ограничивало возможности участия рабочих в деятельности культурно-просветительных учреждений. Наши подсчеты, по материалам профсоюзной переписи 1929 г., показывают: в работе клубов всех видов участвовало 8% текстильщиков — самого многочисленного обследованного массива рабочих, 10% металлургов и шахтеров, 16% машиностроителей¹⁵⁴, а в целом порядка 10% членов профсоюзов¹⁵⁵. Это означало, что даже по официальным документам **не более 10% рабочих и служащих в той или иной форме участвовали в работе культурно-просветительных учреждений**. Региональный срез показывает: в 1926—1928 гг. процент членов профсоюзов промышленности Урала, охваченных клубным членством, оставался стабильным — 9,7%¹⁵⁶.

Но среди членов рабочих клубов занимались не только рабочие. Доля рабочих в составе клубов в 1928 г. может быть определена в 50—75%¹⁵⁷. Так, рабочий клуб им. Вайнера в Екатеринбурге объединял в первой половине 20-х гг. от 100 до 300 членов, половину из которых составляли молодые рабочие, участвовавшие в деятельности драматического, танцевального и других кружков и студий¹⁵⁸. Отсюда необходимо очень осторожно относиться к оценкам величины массива рабочих, вошедших в состав клубов.

Если, за отсутствием общероссийских данных, рассматривать пример рабочих клубов Петербурга в 1908—1913 гг. как показательный для России, то налицо такое позитивное явление, как рост слоя рабочих, посещающих клубы, занимающихся (активно или пассивно) художественным творчеством, с 1,5 до 10% среди членов промышленных профсоюзов и 5—7,5% промышленных рабочих к концу 20-х гг.

Впрочем, материалы переписи весны 1929 г. дают весьма примечательные данные по этому вопросу. О какой-то активности рабочих СССР в сфере учреждений клубной культуры можно говорить лишь применительно к *молодежи* до 22 лет. Например, *пятая часть рабочих-металлургов, шахтеров и текстильщиков, более четверти машиностроителей СССР в возрасте до 22 лет участвовали в работе клубов*. У **основных названных категорий** рабочих (23—29 лет и 30—39 лет) аналогичные показатели составляли в

2—3 раза меньше. Например, в категории 23—29 лет в работе клубов принимали участие 5% текстильщиков Ивановской области, шахтеров Урала и Сибири¹⁵⁹.

Таким образом, среди участников клубов и кружков, рабочих театров преобладала пролетарская молодежь, зачастую низкой квалификации, но наиболее близкая к власти в силу принадлежности к правящей партии либо к комсомолу¹⁶⁰. Для этой части пролетарской молодежи культурные мероприятия превращались в большей степени в форму идеологического воспитания, чем в восприятие художественных норм и знаний. Для социокультурной группы рабочих бывших казенных заводов потери в численном составе, утрата ведомственных привилегий означала и деформацию социокультурной среды.

Приведенные данные показывают, что к концу 20-х гг. по крайней мере 5—7,5% промышленных рабочих, преимущественно молодые, отличались интересом к той развлекательной части культурной сферы городской жизни, которая была связана с посещением клубов, кинотеатров, театров. Но это было явное меньшинство рабочего социума.

Эти факты будут осознаваться еще рельефнее, если добавить, что до половины членов клубов составляли коммунисты и комсомольцы. Если среди рабочих-коммунистов членами клубов состояли 20—30% коммунистов и 30—40% комсомольцев, то удельный вес основной массы пролетариев — беспартийных — не превышал в среднем рубежа в 5%¹⁶¹.

Еще большее значение имеет следующее наблюдение. У металлистов Ленинграда, Москвы, Украины, металлургов Урала, шахтеров Донбасса и Сибири удельный вес участвующих в работе клубов **снижался в зависимости от роста квалификации**¹⁶². Парадоксальным на первый взгляд являлось то, что квалифицированные рабочие принимали участие в работе культурно-просветительных заведений в меньшей степени, чем неквалифицированные. Однако за этим скрывался глубокий смысл. Довольно обширное представительство в деятельности клубов и кружков агитационных и пропагандистских мероприятий, различных форм политической учебы не могло не оттолкнуть ту часть квалифицированных рабочих, которая немногое приобрела от прихода советской власти. Перед нами весьма наглядное проявление не только культурных пристрастий, но и политических настроений наиболее квалифицированной части уральских промышленных рабочих.

Опорой клубов выступали коммунисты и комсомольцы. Однако и рабочие-коммунисты отличались низким культурным уровнем. Так, уже упомянутое обследование 1923 г. коммунистов Пермского уезда (из них 80% рабочих) выявило: только 31% ком-

мунистов посещали библиотеки; 27,2% регулярно читали книги и газеты; 24,7% посещали клубы и народные дома¹⁶³. Между тем речь шла о жителях ведущего культурного центра в регионе. Но и в столицах картина была весьма схожей: молодой питерский рабочий в среднем в неделю на «самовоспитание», включавшее чтение газет и книг, занятия в кружках, посещение лекций, выставок, музеев, тратил 1,9 часа в неделю; в менее крупных индустриально-культурных городах — 1,6 часа¹⁶⁴.

Следует отметить, что в провинции ситуация с клубами была тем сложнее, чем дальше было расстояние от губернского центра. Даже в поселках бывших казенных горнозаводских округов уровень культурной работы был низким. Характерен пример Златоустовского округа, где на десятки тысяч рабочих имелось три клуба, способных обслужить 300 рабочих.

20-е гг. стали периодом количественного роста рабочих клубов. Если в 1920—1921 гг. в ведении 18 ведущих профсоюзов находились 2140 рабочих клубов, то в 1928 г. — 3776. В конце 20-х гг., по официальным данным, на клубных подмостках СССР в течение года давалось до 127 тыс. спектаклей, которые посещали в среднем 40—50 млн зрителей. Например, ленинградские клубы ежемесячно обслуживали 1 млн рабочих. Однако в клубных постановках доминировали агитационные методы воздействия на публику¹⁶⁵.

Достаточно типичной для репертуара и содержания спектаклей пролетарских театров была постановка пьесы «Октябрь» в рабочем клубе им. Вайнера в Екатеринбурге. Современнику запомнились «...чудовищные костюмы, фантастические декорации, световые эффекты, замысловатые движения, необычные обороты речи. Все это действовало на публику оглушающим образом. Все заговорили *не о содержании пьесы*, а о самом искусстве»¹⁶⁶. Идеологизация и формализация театрального творчества очевидна; не случайно автор книги о рабочем театре указывает на преобладание молодежи среди зрителей.

В чем заключались причины такого положения? Ведь советское руководство рассматривало культурно-просветительную сферу как важное звено перевоспитания масс¹⁶⁷. Ответ, казалось бы, лежит в чисто материальной плоскости: в 20-е гг. расходы на культурно-социальные нужды государства и самих рабочих были более чем невелики. Число клубов и народных домов в начале 20-х гг. выросло незначительно, а библиотек даже сократилось¹⁶⁸.

Но не только названной причиной, не только феноменом массовой неграмотности и малограмотности объясняется незначительный процент рабочих среди читателей библиотек, даже с

учетом вымывания социальных групп «бывших». Так, в 1927 г. рабочие составляли от 9 до 19% от всех читателей Урала¹⁶⁹. В определенной степени такое положение объяснялось тем, что книжный фонд библиотек не был рассчитан на массового рабочего. По свидетельству «Рабочего журнала», ведущего профсоюзного издания на Урале, датированного 1924 г., — политические журналы, «собрания сочинений Ленина, Плеханова и Шекспира лежат в шкафах неразрезанными»¹⁷⁰ (!)

Знаменательно и другое. На той же странице журнала звучал призыв: **«Надо посылать в наши библиотеки больше лубочной литературы. Эту литературу рабочие будут читать охотно»**¹⁷¹. Перед нами не только признание авторитетного профсоюзного журнала о *подлинных* литературных вкусах большинства рабочих, но и подтверждение продолжения дореволюционной государственной политики распространения лубочной литературы¹⁷² в советское время.

Примечательный факт: несмотря на широкую поддержку сверху, со стороны правящей партии, структура кружков и их членов в годы нэпа эволюционировала «не в ту сторону». Удельный вес политизированных кружков при клубах (школ профграмоты и политграмоты, целевых профсоюзных, антирелигиозных кружков) за 20-е гг. сокращался и в 1928 г. не превышал в Уральском регионе 4% от общего числа кружков при клубах. В них занимались 1548 человек, или 3% от общего числа посещающих кружки. В школах политграмоты, целевых профсоюзных, антирелигиозных кружках за полугодие (апрель—сентябрь 1928 г.) в среднем, по нашим подсчетам, было проведено всего по три занятия (!), тогда как в драматических, музыкальных занятия проводились раз в неделю. Почти 90% рабочих, «охваченных массовой работой клубов», выбрали различные виды художественных постановок, 3% — экскурсии и немногим более 8% — лекционные формы клубной работы¹⁷³. Только с 1929 г. в качестве составной части «великого перелома» наблюдается незначительный рост политизированных кружков при клубах¹⁷⁴.

В сфере культурных ценностей в 20-е гг. в рабочем социуме складывалась примечательная ситуация: социально активная часть молодежи тянулась к романтизированным ценностям революции и Гражданской войны, носителями которых, по мнению американского историка Ш. Фицпатрик, выступали как рабочие-ветераны Красной армии¹⁷⁵, так и официальная пропаганда. Оценку Ш. Фицпатрик подтверждают архивные документы. Например, комплексное обследование 1928 г. на Мотовилихинском заводе, охватившее 5252 рабочих, показало: в Красной армии служили 27,7% беспартийных, но 46% партийных рабочих¹⁷⁶.

Массовость призыва рабочих в Красную армию позволяет с большой долей уверенности утверждать, что подобное соотношение партийных и беспартийных бывших красноармейцев (1:1,7) является достаточно показательным для рабочих крупной промышленности СССР, а служба в армии выступала мощной формой идеологического воспитания рабочих.

Пассивная часть молодежи видела в лозунге о ведущей роли рабочего класса открытую возможность для своего безнаказанного поведения. Этим отчасти можно объяснить взлет хулиганства в СССР¹⁷⁷. Характерной чертой криминальной обстановки 20-х гг. было преобладание рабочих среди жителей городских поселений, осужденных за нарушения правопорядка. Например, в 1926 г. доля рабочих среди осужденных жителей городских поселений Урала составляла 63%; в 1928 г. — 50%. За 1925—1928 гг. в Уральской обл., при удвоении ежегодного показателя осуждаемых, было вынесено более 47 тыс. обвинительных приговоров рабочим. В 1928 г. осуждению подвергся каждый двадцатый рабочий региона. Почти половина обвинительных приговоров (45%) проходила по разделу **«преступления против порядка управления»**. При росте общего числа осужденных рабочих за 1925—1928 гг. в 1,87 раза, массив осужденных рабочих за «преступления против порядка управления» вырос в 2,67 раза, или в полтора раза. Если удельный вес рабочих в самостоятельном населении Уральской обл. составлял, по данным переписи 1926 г., 8,7%, то удельный вес среди осужденных — 24,3%, **или почти втрое больше**¹⁷⁸. Признаемся в том, что мы не готовы в данный момент к разгадке отмеченного феномена. Здесь требуется дополнительное исследование фондов милицеских управлений.

Таким образом, приведенные данные позволяют предполагать, что наиболее существенной причиной роста преступности в 20-е гг. в СССР является социальная напряженность в среде рабочих крупной промышленности, ставшая следствием разочарования в реалиях НЭПа.

Обратим внимание еще на один показатель социального напряжения внутри рабочего социума — величину разводов. На долю рабочих в 1928 г. приходилось 28,4% всех разводов в Уральской обл., что **в 3,3 раза превышало долю рабочих в самостоятельном населении региона**¹⁷⁹. Совпадение двух показателей: коэффициентов доли рабочих среди осужденных и разведенных по отношению к остальному населению — убедительное свидетельство того, что из всех социальных слоев советского общества на рабочий класс в 20-е гг. выпали наибольшие нагрузки.

Вместе с тем следует отметить, что в среде потомственных, кадровых, квалифицированных, местных рабочих разводы были

нечастым явлением. Пример металлургов-мартеновцев ВИЗа, в трудовом коллективе которого в 1934 г. из 201 обследованного рабочего все были женаты или замужем, проживали вместе с семьей 200 рабочих и только одна работница разошлась с мужем¹⁸⁰, — можно рассматривать как крайний случай из все-таки типичного ряда.

Рабочие старших возрастов, для которых период 1914—1922 гг. стал временем материальных и духовных страданий, разрушением привычной социальной иерархии и этических норм, стремились к сохранению традиционных культурных ценностей. В принципе это расхождение можно было бы рассматривать как поведенческо-возрастное, если бы не существенное но. В основе традиционных ценностей советских промышленных рабочих лежал постоянный труд, передача секретов мастерства во всех областях трудовой деятельности¹⁸¹. В письме руководства Вотской обл. (Удмуртии) в ЦК ВКП(б) в 1925 г. подчеркивалось: из 5 тыс. рабочих Ижевского завода — владельцев скота и личных хозяйств большинство составляют квалифицированные работники. Местное руководство просило снизить налоги на рабочих-собственников. Аналогичные настроения звучали и у коммунистов Перми¹⁸².

Для большинства же советских руководителей в центре трудовая деятельность за пределами завода была чужда. Точно так же были чужды собственность, стремление к высокому заработку, оригинальность мастерства. Парадокс заключался в том, что, официально ориентируясь на поддержку кадровых рабочих, в реальной жизни правящая партия не стремилась к расширению связей с квалифицированными тружениками.

Проблема заключалась и в наличии обширного массива подлинных пролетариев, готовых поддержать любой передел собственности, подобно дележу не только жилья, но и мебели, посуды, личного белья в первые годы Советской власти. Характерным примером может служить отчет Пермского губкома партии об участии рабочих в распределении реквизированных нательных рубаш, кальсон, посуды и т. п. за 1921 г.¹⁸³ Такой дележ вызывал смуту в душах рабочих, владеющих жильем и хозяйством, но одобрялся маргинальными слоями рабочих. Полемику в пролетарской среде по этому поводу отразила пресса, например, статьи в Пермской областной газете «Звезда» за 1922 г.¹⁸⁴

Таким образом, молодое поколение рабочих СССР было поставлено перед выбором различных культурных ценностей, и за правильностью выбора следило не только государство, но и социальные группы расколотого рабочего класса. Если до 1914 г. культурная политика государства была наиболее близка культур-

ным ценностям квалифицированной части рабочих, то после 1917 г. власть (не на словах, а по сути) ориентировалась прежде всего на неимущие, малоквалифицированные слои рабочих.

Именно последние, т. е. малоквалифицированные рабочие, преобладали в партийных организациях промышленных предприятий, о чем прямо говорилось, например, в двух постановлениях ЦК ВКП(б) — «О регулировании роста партии» (декабрь 1926 г.) и «О партийной работе на крупных предприятиях» (август 1927 г.)¹⁸⁵. Так, в отчете Мотовилихинского парткома (1923 г.) говорилось: среди коммунистов завода преобладает «беднота со средней, а то и низкой квалификацией... **Среди рабочих-коммунистов в возрасте от 20 до 28 лет доминировали люди, выбитые из нормальной колени, без определенных профессий, зарывающиеся и малоустойчивые**» — отмечал секретарь парткома Румянцев¹⁸⁶.

Еще одним фактором, подталкивающим к понижению культурного уровня рабочего населения, стала цензура. В 20-е гг. не только цензура компетентных органов, партийных комитетов, но и мнение малообразованных слоев рабочего социума выносило вердикт о целесообразности того или иного кинофильма, театрального спектакля, лекции. Этому способствовал институт так называемых теакоров — театральных корреспондентов из рабочих, созданный в 1924 г. при журнале «Рабочий и театр». По мнению партийных органов, теакоры «зорко следили за идеологической выдержанностью репертуара профессиональных театров, не позволяя им опускаться до репертуара низкопробных зрелищ»¹⁸⁷.

Проблема заключалась в том, что рабочие корреспонденты, будучи едва грамотными людьми, критиковали такие вещи, которых они сами не понимали. В мягкой форме это выразил на совещании в Наркомпросе в 1927 г. Мейерхольд: «Зритель... нам кое-что начинает диктовать и через... ВЦСПС уже подает нам сигнал к тому, чтобы мы строили пьесы несколько иначе...»¹⁸⁸ Чаще всего объектами критики рабочих были оперетта и мюзиклы. Критика рабочих была обусловлена тем, что теакорам было трудно понять, что произведения искусства воздействуют на психику сложными путями; что важно не только содержание, но и художественный настрой¹⁸⁹.

Партийные работники могли возмущаться тем, что в одном из индустриальных центров Урала — Златоусте число зрителей-рабочих, посмотревших зарубежный фильм «Варьете», в три раза превосходило число посетителей революционного фильма «Октябрь», а в другом промышленном городе — Лысьве — большинство фильмов, показанных в рабочем клубе, были иностранного производства. Но и сами рабочие Златоустовского ме-

ханического завода в коллективных письмах через газеты стремились определять репертуар местного театра, требуя упрощения содержания спектаклей¹⁹⁰, а рабочие Кусинского завода, также используя прессу, хвалили труппу московского театра Пролеткульта за выбор пьес только советских авторов¹⁹¹. Анализ требований рабочих в сфере сценической деятельности говорит об узкоклассовом подходе, упрощенных оценках явлений культуры; отрицании тех жанров театрального искусства, которые были непонятны рабочим.

Это же можно высказать и в адрес драматургических пьес, написанных самими рабочими. При позитивном начале — появлении новых героев и жизненных коллизий социальных низов — рабочие-драматурги, не имея специальной подготовки, не зная законов творчества, не умея строить пьесу, как правило, писали беспомощные вещи в форме диалога, лишённого действия, драматической напряженности, конфликта. Не помогала и поддержка местных властей. Так, в Вятке более тысячи раз прошел спектакль по написанной И. Новожиловым пьесе «Классовая борьба в Вятской губернии». Но и он оказался временным в жизни театра¹⁹².

Фактически цензура была частью идеологического пресса, под которым оказался рабочий класс России. Не только культурная отсталость части рабочих, но и политика правящей партии по отношению к культуре прошлого, к интеллигенции усиливали антиинтеллектуальные настроения в рабочей среде, и прежде всего «спецеество»¹⁹³. Заметим, что «спецеество» рождало ответную реакцию интеллигенции, направленную на защиту своей чести и достоинства. В условиях советского государства в 20-е гг. это были, как правило, публикации специалистов, из которых рабочие могли почерпнуть информацию о подлинном состоянии дел в экономической и социальной сфере¹⁹⁴.

Новым явлением в рабочей среде стало появление социальной группы, характерные признаки которой определялись не ведомственными, квалификационными или имущественными признаками, а возрастными критериями. Заметим, что рабочий социум помолодел: по переписи декабря 1926 г. молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет составляли 53% всех рабочих ценовой промышленности СССР¹⁹⁴. Доминирующую роль в данном случае играло государство, поскольку власть, изучив позицию кадровых промышленных рабочих, уже в 20-е гг. **именно рабочую молодежь рассматривала как свою основную социальную опору.** (В этом фактически было заключено сходство сталинизма и троцкизма.) В силу этого программы технического и общеобразовательного обучения, политической и физкультурной подго-

товки населения были обращены главным образом к молодежи. В данном случае феномен омоложения населения играл деструктивную роль, нарушая преемственность передачи квалификационного и жизненного опыта, но само по себе омоложение рабочих кадров не выступало базовой причиной перемен в социальном облике рабочих промышленности.

Таким образом, власть, провозглашая лозунг культурной революции, в качестве мерила и исходной позиции выставила социокультурные ценности малоквалифицированных рабочих, что заведомо сужало возможности модернизации в СССР. Упрощенный подход к созданию новой культуры — сложного и многоэтапного процесса, означающего коренное изменение содержания производимых культурных ценностей, потребностей, интересов, вкусов, ценностных ориентаций духовного мира потребителей культуры, — принес преимущественно разрушительные последствия для культурного потенциала советских рабочих. Думается, оценку событий первой четверти XX в. как «культурную катастрофу, произошедшую из-за отчуждения между цивилизацией и стихийной народной жизнью» следует в большей степени адресовать к бывшим элитным слоям общества. Что же касается рабочих СССР, *меньший масштаб разрушения мировоззренческих ценностей* объясняется преобладанием в рабочей среде многовековой традиционной культуры и быта.

Негативные тенденции в этой сфере очевидны и в наибольшей степени заметны у квалифицированных рабочих. Обследования бюджетов рабочих позволяют подчеркнуть значение сокращения удельного веса расходов на культурные нужды в общих расходах квалифицированных рабочих промышленности СССР с 5,4% в начале XX в. до 1,8% в ноябре 1927 г.¹⁹⁶ Скромно смотрелись культурно-просветительные расходы рабочих семей СССР на фоне аналогичных расходов США (4,7% в 1918 г.) и Германии (5,4% в 1926 г.)¹⁹⁷. Так, расходный бюджет рабочей семьи в Германии в 1927/28 хоз. г. включал в себя следующие статьи расходов на культурные нужды: 2% на образование; 0,9 — на развлечения; 2,3 — на отдых и поездки; всего же 5,2% всех расходов семьи¹⁹⁷.

Кроме того, в 1914—1928 гг. произошло сокращение абсолютных величин расходов рабочих на культурные нужды. Следует отметить и сокращение разрыва удельного веса расходов на культурные нужды в общих расходах квалифицированных и неквалифицированных рабочих. С учетом вышесказанного в 20-е гг. следует говорить не о подтягивании менее культурных слоев рабочих крупной промышленности СССР к более культурным, а (если мы говорим о массовом явлении) об обратном про-

цессе: нивелировании культурных знаний и потребностей рабочих к ориентациям малообразованных, малоквалифицированных пролетариев.

Вопрос об общекультурном уровне рабочих в период 1929—1941 гг. следует отнести к числу наиболее актуальных среди исследований, посвященных истории России советского периода. В литературе 30—80-х гг. XX в. не вызывал сомнений тезис о ведущей роли рабочего класса во всех областях социалистического строительства, в том числе и в сфере культуры¹⁹⁹. Следуя такому тезису, от культурного уровня рабочего класса зависели качественные характеристики того общества, которое создавалось в СССР.

В какой степени слой промышленных рабочих смог приобщиться к культурным богатствам, т. е. к совокупности накопленных обществом материальных и духовных ценностей? В чем конкретно выразилась роль рабочих в культурном строительстве, системе мероприятий, охватывавших систему образования, средства массовой информации и искусство, целью которых было воспитание человека, преданного «идеалам социализма»?

Ответы на заданные вопросы представляют интерес еще и потому, что в рассматриваемый период впервые на уровне государства была поставлена задача планомерного, всестороннего и гармоничного воспитания нового человека. Правящая партия в области культуры наметила и возвела в ранг закона программы общеобразовательного, идейно-политического, технического обучения; воспитание антирелигиозных убеждений и нового отношения к труду; физической и эстетической подготовки²⁰⁰. Диалектическое сочетание названных программ должно было в ходе культурной революции как сформировать в рабочей среде устойчивые признаки социалистической культуры, так и обеспечить социальную однородность самого рабочего социума.

Антирелигиозные программы с конца 20-х гг. рассматривались властью как приоритетные. Антирелигиозная деятельность потеряла последние элементы позитивного содержания, приняв жестко конфронтационный характер²⁰¹. Такие перемены не могли не отразиться на рабочей среде. Если в 1917—1921 гг. 90% всех браков в рабочей среде Уральского региона были церковными, а в 20-е гг. таковых было около половины, то в 1934—1935 гг., судя по официальной статистике, — всего 2,4%²⁰².

Однако архивные материалы сообщают и об иной тенденции. В частности, в 1930 г. только по Свердловскому округу от общин верующих в Уральский облисполком поступили 20 прошений об открытии церквей, в том числе от ряда рабочих поселков. Борьба верующих за сохранение культовых зданий свидетельствовала о

сохранении между ними прочных связей, нравственного влияния религии. Подлинный масштаб такого влияния показали данные Всесоюзной переписи 1937 г.: 53% взрослого населения СССР (старше 16 лет) признали себя верующими. Среди *грамотных* советских граждан этот показатель был ниже — 45%, но тем не менее высоким²⁰³. Выскажем предположение, что близость величины массива грамотных рабочих и грамотных советских граждан позволяет допустить и известное тождество границ слоя верующих в названных социальных категориях. Тем более, что даже среди грамотной советской *молодежи в возрасте 20—29 лет* верующими себя признали четверть мужчин и половина женщин²⁰⁴.

Итоги переписи стали не только показателем определенной оппозиции рабочих по отношению к власти, но и свидетельствовали о влиянии религиозных атрибутов на трансформацию духовно-нравственного облика людей 20—30-х гг., например на переход христианских моральных ценностей (вера, любовь, терпение, жертвенность и др.) в разряд моральных ценностей советского общества²⁰⁵.

На сохранение религиозного восприятия мира влиял и тот факт, что коммунистический режим, нуждавшийся в новых мифологемах, новых сакральных образцах, способных удовлетворить потребности масс в высших ценностях и в то же время помочь обеспечить единство общества, преодолеть его социально-классовую и национально-вероисповедную неоднородность, использовал элементы религиозного сознания, внешние формы религиозного культа в своих политических интересах. В 30-е гг. XX в. коммунистическая идеологическая доктрина приобрела качества, дававшие возможность квалифицировать ее как светскую разновидность религии, воинствующе настроенную и монологично сориентированную²⁰⁶.

Рассмотрим реализацию этих планов в той сфере, которая в первую очередь должна была подвести рабочих к уровню знаний интеллигенции: в сфере культурно-просветительных организаций; в области высшего и среднего специального образования. Новым явлением в рабочей среде стало появление социальной группы, признаки которой определялись не ведомственными, квалификационными или имущественными признаками, а возрастными критериями.

Часть рабочей молодежи принимала активное участие в работе клубов, политических и общественных организаций, находясь под влиянием романтизированных ценностей революции и Гражданской войны. Материалы профсоюзной переписи 1929 г. показали: среди промышленных рабочих СССР от 15 до 22 лет

процент участвовавших в работе клубов (19,4%) был в 2,3 раза больше, чем в категории 23—29 лет и в 3,8 раза — в категории 30—39 лет²⁰⁷. Однако вряд ли эти показатели радовали властные структуры: следуя терминологии тех лет, охваченной являлась только $\frac{1}{5}$ часть рабочей молодежи. К неудовольствию партийных органов **четверо из пяти молодых рабочих самостоятельно решали, как проводить свободное время**. Кроме того, совокупный молодой человек 20-х гг. устал от политики и классовых битв. Лишь 0,6% юношей и 1,5% девушек к концу 20-х гг. стремились подражать героям революции. Идеалами подростков становились собственное благополучие и материальные блага²⁰⁸.

Увеличение свободного времени, без сомнения, позитивный сдвиг в положении рабочих, позволил части трудящихся активнее заняться культурным досугом. Однако за 30-е гг. удельный вес рабочих СССР, занимающихся в клубных кружках, прежде всего в художественной самодеятельности, *мало изменился с 20-х гг.* В конце 1936 г. при фабрично-заводских клубах и красных уголках насчитывалось более 15 тыс. самодеятельных театров и драматических кружков, в них занимались более 400 тыс. человек²⁰⁹, в начале 1938 г. — 746 тыс. человек²¹⁰. Даже с учетом допущения весьма сомнительной 90%-ной нормы рабочих в составе самодеятельных театров и профсоюзных драматических кружков²¹¹, в них могли участвовать 680 тыс. человек., или **6% промышленных рабочих**. Сказывались тяжелые жилищно-бытовые условия, низкая оплата труда, перебои с питанием, порожденная этими факторами высокая текучесть рабочих кадров.

Обращала на себя внимание структура кружков фабрично-заводских клубов. К 1935 г. общественно-политические кружки охватили 16,4% работников предприятий промышленности СССР — *членов профсоюзных кружков*²¹². Под нажимом властей этот показатель был за 1935—1937 гг. увеличен и к 1938 г. в общественно-политических кружках участвовали более 22% членов профсоюзов промышленности из посещающих профсоюзные кружки²¹³. Однако и в такой ситуации рабочие предпочитали «политику искусству»: в драматических, хоровых, географических и музыкальных профсоюзных кружках занимались почти $\frac{2}{5}$ участников, т. е. **массив промышленных рабочих СССР — «полкonnиков искусства» был немногочисленным, но все-таки вдвое больше сторонников политических мероприятий**.

До второй половины 30-х гг. в СССР активно действовали театры рабочей молодежи (трамы). Истоки трамовского движения, возникшего в середине 20-х гг., коренились в самодеятельной клубной сцене, в рабочем театре и рабочих клубах. К 1932 г. 300 трамов объединяли несколько тысяч молодых рабочих²¹⁴.

Исследователи театров рабочей молодежи отмечают как пренебрежение молодыми артистами профессиональной подготовкой, овладением основ актерского мастерства, так и искусное использование света, музыки, кинокадров в подчеркнута агитационных целях²¹⁵.

В первой половине 30-х гг. театр рабочей молодежи завоевал известность среди рабочих Магнитогорска, поставив агитационные скетчи о трудовой дисциплине, чистоте в бараках и выполнении плана. Поскольку у труппы не было своего помещения, то многие спектакли ставились в бараках, жилых домах, в клубах, а когда погода позволяла, то и на улице. Большинство актеров были вчерашние рабочие; узнавая о конфликтных ситуациях на комбинате между рабочими и администрацией, они превращали их в драматические постановки²¹⁶.

С середины 30-х гг. стал очевиден невысокий агитационный потенциал театров рабочей молодежи. Часть трамбов была превращена в театры юного зрителя, часть стала обычными профессиональными театрами; большинство же указанных рабочих театров превратились в любительские кружки, а наиболее перспективные стали профессиональными, но как явление самодеятельного искусства трамвы прекратили свое существование²¹⁷. К позитивным моментам их деятельности следует отнести практику выездных гастролей в рабочих районах, бесплатных спектаклей для рабочих. Окончание эксперимента с созданием рабочих театров и театров рабочей молодежи обычно связывается с повышением культурного уровня зрителей, неудовлетворенных агитационными пьесами, уступающими по качеству профессиональному театру²¹⁸. Как нам представляется, это был частный случай осознания властными структурами несовпадения собственных интересов и устремлений рабочих СССР; утрата руководством страны иллюзий в отношении рабочего класса.

В этой связи утверждение о том, что «деятельность рабочего класса в области театра была камертоном для профессионального театрального искусства, настраивала его на тон современности, революционности»²¹⁹, следует отнести к идеологическим штампам своего времени, должное которым отдали и авторы этих строк.

Характерно и то, что посещение профессионального театра для подавляющего большинства рабочих и к концу 30-х гг. было редкостью. Очевидец событий середины 30-х гг. вспоминает, что для большинства рабочих с их крестьянским прошлым цирк был более популярным заведением, чем театр. Однако и в цирке «время от времени делались попытки увязать номера программы со строительством социализма в одной стране или с выполне-

нием плана на комбинате, что выглядело весьма нелепо и смешотворно»²²⁰.

Неудачными следует назвать и попытки создать другие орабоченные сферы искусства. В масштабах всей страны анализ состава и творчества 4 тыс. рабочих, откликнувшихся на призыв рабочих-ударников в литературу РАПП в октябре 1930 г., показывает следующее. На призыв пополнить ряды литераторов откликнулись прежде всего рабкоровские кадры. Первые литературные опыты рабочих-ударников обычно выходили в издательстве ВЦСПС и представляли собой небольшие книжки о жизни завода, фабрики, о борьбе за промфинплан, о трудностях и успехах. Они были документальны, построены на цифрах, протоколах, выдержках из стенгазет, заводских многотиражек. Общей чертой творчества являлась его острая классовая направленность. В нем было много слабого, поверхностного, схематического, подражательского. Качество произведений пролетарских писателей было низким, так как многие рабочие не имели не только литературного таланта, но зачастую и элементарной грамотности²²¹. Цензурную проверку проходило и все творчество рабочих, призванных в литературу. Кроме того, даже талант индивидуальностей не мог скрыть профессиональной неподготовленности к литературному творчеству, и литературные опыты рабочих превращались в вульгаризаторские агитки.

Из группы в более чем 4 тыс. рабочих СССР, «мобилизованных в литературу» в 20-е гг. по указанию местных партийных органов, в литературе, включая журналистику, остались единицы²²². Пласт созданной рабочими литературы из 700 книг, тысяч статей, написанных к 1934 г., прошел на сегодняшний день только частичную источниковедческую обработку. Но уже сейчас ясно: при искусственном формировании событий сама по себе нужная идея пополнения рядов художественной интеллигенции выходцами из рабочей среды была на практике извращена. Лозунг орабочивания литературы (в течение нескольких лет повысить удельный вес рабочих в писательских организациях до 60—70%²²³) был обречен на провал.

Призыв рабочих СССР в литературу за 20—30-е гг. привел к созданию местных писательских кружков, журналов, росту интереса небольшой части рабочих к литературному творчеству. Однако в силу отсутствия таланта, а то и просто невысокого общеобразовательного и культурного уровня, только немногие рабочие стали писателями-профессионалами (А. Авдеенко, В. Ажаев, В. Беляев, Е. Долматовский, Л. Ошанин, К. Симонов, Я. Смеляков)²²⁴.

Ярким примером можно считать биографию рабочего, ставшего уральским писателем, — Алексея Петровича Бондина. Творчество А.П. Бондина получило сравнительно широкое отражение в литературоведении Урала²²⁵. Однако анализ его творческого наследия как исследователя облика уральских рабочих требует новой оценки и определенного переосмысления. А.П. Бондин, писатель-рабочий, был своеобразным явлением в уральской литературе 30-х гг. XX в. Его творческий путь (литератора с 1923 г. и профессионального писателя с 1932 г.) был неразрывно связан с судьбой обыкновенного рабочего: слесаря, старшего слесаря, бригадира в Нижнем Тагиле в 1897—1932 гг., современника и активного участника бурных событий и противоречивых процессов, происходивших в России в первой трети XX столетия — от предгрозовых лет начала 1900-х до первых пятилеток советской эпохи. Разумеется, в центре внимания пролетарского писателя был человек труда, рабочий со всеми его жизненными катаклизмами, особым восприятием жизни, своеобразным бытом, культурой и менталитетом.

Перу А.П. Бондина принадлежит несколько произведений, частично или полностью посвященных рабочей тематике. Это повести и романы «Моя школа», «Лога», «Матвей Коренистов», «Ольга Ермолаевна», «Связчики».

В автобиографической повести «Моя школа» А.П. Бондин показал историю формирования личности в условиях предреволюционной эпохи; труд и быт уральских рабочих на рубеже XIX—XX вв. Автор, описывая дореволюционное прошлое, не скрывает своей ненависти к трудному и нищему детству и юношеству. Отсюда, возможно, следует тот факт, что в повести фактически **нет положительных героев**. Даже лидер сормовских рабочих П. Заломов выражает, как правило, банальные идеи, выхваченные из отдельных прокламаций. Стремление к правдивому изображению событий приводит к неожиданным для самого автора зарисовкам. Хрестоматийный герой П. Заломов вместе со своим окружением подготовил и организовал первомайскую демонстрацию так, что, по сути, внес раскол в рабочее движение. Демонстрация рабочих не достигла поставленных целей, закончилась разгоном и новыми увольнениями рабочих с завода.

Да и главный герой повести — Алексей Бондин — участвует в революционном движении скорее *бессознательно*, вовлекаясь в него стихийно, волей случая или под давлением конкретных жизненных обстоятельств. Характерно, что многие персонажи повести, которым автор симпатизирует, заканчивают свою жизнь **трагично**: «изобретатель» спивается и залезает в петлю, а

«настоящий пролетарий» убивает в драке прямо на заводе такого же пролетария, только несимпатичного автору.

Скитания автора по многим заводам Урала в первые годы XX в. закономерно сделали объектом его внимания тот слой рабочих, который повторял собственную бондинскую судьбу. Это был слой *пришлых* рабочих, бездомных пролетариев. А.П. Бондин удивительно метко и глубоко показал такие черты социального слоя «пришлых», уральских пролетариев, характеризующие их социокультурный облик, как правовой нигилизм, ненависть к хозяевам и инженерам-управляющим и в то же время боязнь лишиться работы, распространение стихийного атеизма. При этом Бондин не осуждает процветавшее на заводе воровство хозяйского добра и даже сам в этом участвует под предлогом помощи «изобретателю», строившему «чудо-машину». Обычный рабочий, по мнению автора, безразличен к заводскому имуществу. Об этом убедительно свидетельствует сцена о пожаре на Демидовском заводе: почти никто не переживал, что гибнет оборудование и сырье, не задумываясь, что сокращение объемов производства на предприятии в результате пожара приведет к новым увольнениям рабочих.

Существовали ли другие рабочие? В повести «Матвей Коренистов» А.П. Бондин сделал попытку показать трудный процесс перевоплощения личности кадрового рабочего в первые 15 лет советской власти. Герой повести Матвей Коренистов, воспитанный на патриархальных традициях, с трудом воспринимает новую послереволюционную жизнь. Революцию он встретил мрачным раздумьем: «Что это?» Матвей не мог понять, что происходило на Урале. Он только заметил, что жизнь на производстве потеряла стройность. В людях появилась какая-то растерянность, небрежность к своим обязанностям, и ему стало жаль добра, которое начали растаскивать.

Постепенно под влиянием разрушения патриархального уклада жизни Матвей Коренистов меняется: шире становится его кругозор, более терпимым отношение к неверующим в Бога, лояльным отношение к новой власти. Но самое парадоксальное заключается в том, что, всю жизнь (как до революции, так и после нее) добросовестно исполняя свои служебные обязанности, Матвей Коренистов никогда не считал себя передовиком производства, однако стал им, получив высокую правительственную награду — орден Красного Знамени. Непроизвольно напрашивается следующее суждение: чтобы стать знатным рабочим-передовиком, при советской власти достаточно было честно и квалифицированно выполнять свои прямые обязанности, тем самым отличаясь от поведения на производстве основной массы

рабочих. Получается, что внутри рабочего класса существовали весьма различные социальные группы рабочих. Вряд ли вывод читателя совпадал с замыслом автора. Во второй половине 30-х гг. главным содержанием бондинских повестей становится изображение духовного возмужания человека из рабочей среды с использованием социальных, этнографических и фольклорных мотивов. Бондин оказался в числе немногих писателей пролетарского призыва, сумевших преодолеть приземленность бытовизма²²⁶.

Малоизученным явлением следует считать совместное написание рабочими и специалистами книг, раскрывающих биографию и секреты мастерства рабочих-стахановцев. Книги издавались Центральным институтом труда и составляли часть общесоюзной серии «Стахановская библиотека». Такие публикации рабочих помимо чисто производственных текстов содержали биографические очерки, повествовали о причинах вступления в ряды стахановцев; фиксировали изменение материального положения и социального статуса²²⁷. Как видно, внутри рабочего социума формировалась весьма немногочисленная группа людей, культурный уровень которых имел тенденцию к сближению с культурным уровнем интеллигенции.

Посещение клубов, театров, кинотеатров, конечно, оказывало влияние на культурный облик рабочих 30-х гг. Если говорить о внешней стороне, то во второй половине 30-х гг. в моду вошли фотографии рабочих в костюмах и галстуках и появление в таком виде в дни праздников, а у рабочей молодежи — и в дни отдыха²²⁸. Слой городских рабочих, не связанный с огородами, не имевших возможности и необходимости заниматься собственным домом, часть свободного времени стал проводить в парках отдыха по схеме развлечений, близкой к деревенской гулянке, и, к радости властей, позволяющей *контролировать и направлять времяпровождение отдыхающих*. Помимо этого, парк привлекал рабочих возможностью побыть на природе, отдохнуть от тяжелых жилищно-бытовых условий. Для части рабочих по традиции сельского досуга отдыхом было и пребывание на улицах городов. Например, в Магнитогорске в выходной день «дорожки были заполнены рабочими всех возрастов, вышедшими подышать свежим воздухом. Все скамейки были заняты мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, читающими и разговаривающими»²²⁹.

Свободное время позволяло брать в руки музыкальные инструменты. Среди рабочих-металлургов ВИЗа музыкальные инструменты имелись в 1913 г. в 10%, а в 1934 г. — в 24% семьях. Наиболее распространенными музыкальными инструментами в

рабочих семьях были: балалайка — 41%; гармонь — 23; гитара — 15%. К числу музыкальных инструментов был отнесен и патефон. Однако в середине 30-х гг. в рабочей среде патефон относился к разряду дорогостоящих и редких вещей. Патефоном в 1934 г. владели 3,5% рабочих семей ВИЗа²³⁰.

Современник, описывая события 1935 г., отмечает, что в рабочем бараке в Красном уголке систематически молодые рабочие по вечерам играли на балалайках и гитарах. Исполнялись рабочие революционные песни, народные напевы, русские лирические романсы. Американский рабочий Д. Скотт, живший в СССР в 30-е гг., вспоминал: «Я никогда не переставал удивляться, что так много русских рабочих умеют играть на балалайке. Они учились играть длинными зимними вечерами в домиках-избушках в своих деревнях». В летнее время рабочие часто выносили гитары и балалайки на улицу и, «казалось, что ты находишься в каком-нибудь маленьком городке в Италии»²³¹.

О переменах в культурных запросах рабочих за годы первых пятилеток можно судить по уже приводимым данным обследования мартеновцев ВИЗа. За 1926—1934 гг. удельный вес рабочих, когда-либо посещавших все виды театров, вырос с 19 до 30% (11% рабочих, судя по опубликованным данным, посещали театр относительно часто), а кинотеатры — с 33 до 44%²³². Однако к театральным спектаклям, судя по тексту источника, отнесены представления *детских, передвижных и самодеятельных театров*.

Что же касается кино, распространенность кинематографа была ограничена: в 1940 г. в среднем на одного городского жителя приходилось менее одного посещения в месяц²³³. Еще более микроскопичными следует считать масштабы посещения театров: даже в крупных городах на тысячу человек населения приходилось всего два посещения театра в год²³⁴.

Для основной же массы рабочих время досуга было сопряжено с каким-нибудь делом: хозяйственными заботами по дому, поиском дополнительной возможности заработка. Усложнение бытовых условий проживания рабочей семьи, колоссальные изменения в составе самого рабочего класса СССР (по сути, его окрестьянивание) в первой половине 30-х гг. имели вполне определенные негативные последствия: в сравнении с 1923/24 хоз. г. затраты городских рабочих на повседневные культурные мероприятия в 1936 г. *сократились* с 6,7 часа до 5,5 часа в неделю²³⁵.

Какова же была структура повседневной культурной жизни рабочих СССР? В сравнении с рабочим 1923/24 хоз. г., рабочий 1936 г. *стал меньше читать*: чтение книг в неделю стало занимать только 1 час вместо 2,1 часа. Чтение газет и журналов — 1,8 часа вместо 2,9 часа. Как видно, при сокращении общего вре-

мени чтения у рабочих с 5 до 2,8 часа, чтение газет и журналов забирало большую часть времени²³⁶. Практически не изменилось время на посещение кино, театра: с 0,6 до 0,7 часа. Новым явлением стало прослушивание радиопередач: на это уходило до 1 часа в неделю²³⁷. Как видно, плата за форсированную индустриализацию может измеряться не только материальными и демографическими показателями.

Новым, без сомнения позитивным, явлением в культурной жизни рабочих СССР стало проведение отпуска в домах отдыха и на курортах. Анализ проведения отпусков промышленных рабочих в годы второй пятилетки показывает: ежегодно порядка миллиона рабочих могли провести отпуск в домах отдыха²³⁸. Это означало, что для среднестатистического рабочего народного хозяйства СССР посещение домов отдыха в основном носило разовый характер. Что касается более престижного отдыха — санаториев, из официальной статистики следует, что ежегодно там могли лечиться около 240 тыс. рабочих²³⁹. Однако мы не располагаем данными по точному социальному составу посещавших санатории, включая ответ на вопрос: какую часть из категории «рабочие» составляли выдвиженцы из рабочей среды — работники профсоюзных, партийных, комсомольских организаций, хозяйственники.

Начало индустриального рывка ознаменовалось и усилением идеологического воздействия на рабочую молодежь. Именно этот возрастной слой был вовлечен в школы ФЗУ, на рабфаки, подготовительные курсы, где программа обучения с 1928 г. была заметно идеологизирована²⁴⁰. О масштабах вовлечения можно судить по такому факту: контингент учащихся школ ФЗУ в 1928—1932 гг. вырос с 178 до 959 тыс. человек²⁴¹. Уже к 1929 г. до 40% рабочей молодежи являлись членами ВЛКСМ²⁴². Таким образом, рабочая молодежь в большей степени оказалась в поле зрения идейного прессинга власти. Отталкиваясь от приведенных выше материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г., можно, например, говорить о двойном разрыве сохранения элементов религиозности у молодых советских граждан (20—29 лет) и всего населения.

Несоответствие мечтаний и реальной жизни (о чем уже говорилось) подкрепляло враждебные настроения по отношению к интеллигенции, готовность обвинить специалиста во вредительстве²⁴³. Подобные настроения отсутствовали у той части рабочих, включая молодежь, которая росла в семьях потомственных квалифицированных рабочих, хранила гордость за свою профессию, требующую в ряде случаев высокого мастерства²⁴⁴.

Разрыв в уровне общеобразовательных знаний, о котором мы говорили в предыдущей главе, был только одним из направлений социальной дифференциации внутри рабочего социума. Архивные документы раскрывают необычный ракурс биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев: 60,7% из них являлись выходцами из деревни; 73,5% — моложе 35 лет, причем 35,8% не исполнилось и 25 лет; почти половина приступила к работе в годы первой — начале второй пятилетки, т. е. имела стаж не более 6 лет²⁴⁵. В этом заключалась глубокая закономерность: после драматических коллизий первой половины 30-х гг. правящая партия в большей степени могла получить политическую поддержку от рабочих, не отягощенных опытом выживания в городских поселениях, грузом городской культуры; защищенностью от трескучих лозунгов и обещаний. Малограмотные рабочие, чей круг чтения (или только слушания) ограничивался газетной информацией, становились благодатной средой для поддержки стахановского движения.

Но выделим и чисто житейскую фабулу: именно эта часть рабочих — жильцов бараков, малограмотных, занятых тяжелым физическим трудом, — более всего мечтала вырваться из постылой жизни.

Рассмотрим и другую сторону проблемы. Правящий режим для самовыражения людей фактически оставлял единственную область — сферу труда. Здесь в ряде случаев совпадали интересы государства и рабочего класса в целом. Назовем, например, прославление рабочих-умельцев; поддержку движения рабочих-рационализаторов. Сколь велик был слой рабочих, занимающихся техническим творчеством? Статистика 30-х гг., приводя массу примеров о количестве рационализаторских предложений и их экономическом эффекте, не дает ответа на поставленный вопрос. Попробуем использовать косвенные данные.

Передовым предприятием в плане развития творческой активности рабочих в конце 30-х гг. считался Пермский (Мотовилихинский) оружейный завод, где в начале 1941 г. насчитывался 1341 рационализатор, или 5,6% заводского коллектива. Рабочие составляли 45% рационализаторов. (О типичности приведенного примера говорят следующие факты: среди рационализаторов Челябинского тракторного завода удельный вес рабочих составлял 36%; Уралэлектротяжмаша — 42; Синарского трубного — 47; Верх-Исетского — 55; Магнитки — 56%.) Таким образом, среди 17 203 рабочих ведущего оружейного завода СССР было 603 ра-

ционализатора, или 3,5% от общей численности рабочих. Этот показатель можно рассматривать как типичный для крупных и средних предприятий²⁴⁶.

За отсутствием других данных по промышленности СССР используем расчетный показатель — 3,5%. В этом случае к 1941 г. слой рабочих-рационализаторов представлял массив порядка 400 тыс. человек, занятых в промышленности СССР.

Следует, конечно, учитывать расхождение сведений официальных отчетов, приукрашивающих положение дел в рационализаторском движении, и реальной жизни. Но положительный сдвиг в деле развития творческой активности рабочих к 1941 г., формировании не только квалифицированных, но и технически думающих рабочих был очевиден.

Вдумаемся в слова кузнеца Уралмаша Г. Коваленко, относящиеся к 1939 г. и раскрывающие процесс рождения распродложения: «Когда я представил деталь в работе, вник в технологию сборки всего узла, часть которого мне предстояло ковать, то уяснил, что фаски, снимаемые токарем, могут быть сняты мною. Начальник цеха и технологи одобрили мой проект и направили его в конструкторский отдел»²⁴⁷. Как видно, в трудовых коллективах появился слой рабочих, способных как к техническому творчеству, так и, по крайней мере потенциально, к нелинейному мышлению. Интересна судьба самого Григория Коваленко, отдавшего Уралмашу четыре десятилетия трудовой деятельности. Обласканный властью: получивший большую квартиру и личный автомобиль; избранный депутатом Верховного Совета СССР; написавший книгу о своей жизни образцового рабочего, он тем не менее, по воспоминаниям современников, отличался периодами пьяных загулов, за что неоднократно исключался из партии, но благополучно восстанавливался по указанию сверху²⁴⁸.

Политизация всех сфер общественной и личной жизни была особенно заметной в формировании представлений о социальном идеале — новом советском человеке. Власть, официальная пресса и искусство создавали образы героев, которые должны были быть примером для остальных людей. В течение 30-х гг. этим идеалом стали летчики, полярники, пограничники. В начале 30-х гг. в роли героических «маленьких людей» выступали заводские и колхозные ударники. Затем, в середине десятилетия, новый размах прославлению простого человека придало стахановское движение. Наиболее видные стахановцы получили новый социальный статус, войдя в группу «знатных людей». Теоретически их выбирали благодаря достижениям, однако на практике куда большую роль играло покровительство местного партийного работника²⁴⁹. Власть использовала миф о «лучших

людях социалистической индустрии» и как фактор мобилизации трудящихся, и как средство героизации повседневного производственного процесса. Трудовые подвиги и самоотверженность воспринимались как высшая форма советского патриотизма, сознательности и социальной активности²⁵⁰.

Привлекательность образов героев дня основывалась на принципиально возможном повторении их судьбы. При описании жизненного пути таких героев-символов официальной пропагандой подчеркивалась его типичность. Примечательна эволюция использования уральцами словосочетания «новые люди»: если в начале 30-х гг. так обозначали тех, кто раньше не работал на производстве, не имел навыков индустриального труда и элементарных технических знаний, по неопытности допускал аварии, то во второй половине десятилетия «новый человек» — символ высокой производительности труда, сознательности и политической активности²⁵¹.

Не только в этой связи укажем на, казалось бы, парадоксальное явление: после кампании террора 1937—1938 гг., связанной с поиском врагов народа, архивные и опубликованные материалы не содержат *массовых* высказываний рабочих против интеллигенции. На наш взгляд, перед нами глубинное и причинно обусловленное явление. И до 1917 г., и особенно после интеллигенция и рабочий класс находились в положении податных условий в обществе, где государство прямо или косвенно распоряжалось личностью человека. Охарактеризуем это положение как общую незащищенность в социально-политической и правовой сфере. Духовно-культурный мир рабочих представлял собой подсистему общей культуры сначала индустриально-капиталистического, затем индустриально-этатистского общества. Общими характеристиками для интеллигенции и рабочего класса стали влияние технократических концепций переустройства страны и, как следствие, постановка проблем и набор решений в процессе индустриализации СССР.

Тема религиозной, национальной, производственной общности интеллигентов и рабочих раскрыта полнее в художественной²⁵², чем в научной литературе, и ждет своего исследователя. Эпоха 20—30-х гг. привнесла принципиально новые моменты в рассматриваемую проблему. Произошла определенная нивелировка советского общества, в частности орабочивание интеллигенции. В силу названных факторов социально-психологический опыт кадровых, квалифицированных рабочих крупной промышленности к началу 40-х гг. отвергал признание интеллигенции в качестве виновника трудностей.

Если техническое обучение рабочих носило обязательный характер с элементами принуждения, то система идеологического воспитания на протяжении 30-х гг. все более приобретала тотальный характер. Расширяя масштаб охвата рабочих различными формами политучебы, властные структуры к концу 30-х гг. добились принудительного участия в систематическом изучении партийно-политических документов большинством рабочих. Типичным можно считать пример Урала, где в политкружках 1938—1939 гг., по официальным данным, занимались 70—72% рабочих и служащих региона²⁵³. Параллельно рабочие коллективы насыщались лекциями идейно-политического содержания. В 1938—1939 гг. в Свердловской и Пермской областях лекции по «Краткому курсу истории ВКП(б)» были прочитаны более 3 млн человек, т. е. практически всему взрослому населению²⁵⁴.

Фронтальное изучение материалов журнала ВЦСПС «Вопросы труда» показывает, что с 1928 г. цензура перестала пропускать сколько-нибудь критические статьи. В целом с конца 20-х гг. периодическая печать, принадлежавшая партийным комитетам различного уровня, за редким исключением (заметим, быстро наказуемым)²⁵⁵, действовала строго по идеологическим канонам. Информативность как главная функция газет, журналов, радио уходит на второй план, уступив место агитации и пропаганде. Из средств массовой информации, из произведений искусства, деятельности клубов, работы библиотек рабочие могли почерпнуть сведения, утверждающие приоритет классовых ценностей в деятельности отдельного человека и общества в целом.

В начале 30-х гг. вновь была предпринята атака на русскую и зарубежную классику, проводилась чистка массовых книгохранилищ. В 1932 г. Наркоматом просвещения была издана инструкция по отбору книг. Изъятию подлежала вся литература для детей, вышедшая в свет до 1926 г. и по каким-то причинам не переизданная в 1927—1932 гг.²⁵⁶

Но всегда ли доминирование идеологических стереотипов в информационной и культурной сфере напрямую проецировалось в сознании рабочих? В силу того, что источники массового характера, позволяющие найти правдивый ответ на поставленный вопрос, отсутствуют, обратимся к косвенным свидетельствам. Общественно-политическая литература составляла на 1 января 1935 г. 26,5% *состава* книг профсоюзных библиотек СССР, но 16,5% единиц *выданной* в 1934 г. литературы. При этом если среднестатистическая художественная книга в 1934 г. «нашла» 3,4 читателя, то общественно-политическая — только 1,4²⁵⁷. Низкая величина оборачиваемости книг объяснялась еще и тем, что в 1940 г. на одного жителя городских поселений прихо-

дилось не более двух экземпляров книг и журналов в фондах массовых библиотек²⁵⁸.

Сравнение показателей 1934 г. с началом 30-х гг. говорит о стабильности указанного явления: в 1931 г. из всех выданных книг в библиотеках профсоюза рабочих общего машиностроения на долю *востребованной* рабочими общественно-политической литературы пришлось 16%; в библиотеках профсоюза рабочих электротехнической промышленности — 18%. На художественную литературу пришлось соответственно 47 и 44%; на техническую 12 и 11%²⁵⁹.

Ситуация на промышленных предприятиях была еще более выразительной. Политическая тематика в составе книг библиотеки крупного оборонного Пермского завода им. Дзержинского составляла 20,4%; художественная тематика — 17,2%. Однако в течение 1936 г. читаемые книги политической тематики составили 7,3% от всех прочитанных книг, тогда как художественной — 48,9%. Знаменательно, что **44% книг политической направленности оказались вообще не востребованными рабочими**. Судя по отчетам профсоюзных организаций предприятий ценовой промышленности Урала, такая структура чтения рабочих была характерным явлением²⁶⁰.

Обследование на ВИЗе (1934—1935 гг.) показало, что на вопрос о том, какие книги больше всего интересуют, смогли ответить только **29%** опрошенных рабочих. Из давших определенный ответ, высказались за художественную литературу — 12%; за техническую — 11; за общественно-политическую — 6%, т. е. $\frac{1}{5}$ высказавшихся определенно²⁶¹. Таким образом, **власть могла формировать круг рекомендованной для рабочих литературы, но регламентировать круг чтения рабочих оказалось более сложным делом**.

Решение данной проблемы руководство страны видело, во-первых, в дальнейшем насыщении книжных полок политической литературой²⁶², во-вторых, в удалении из библиотек «неугодных книг», в-третьих, в росте тиражей художественной литературы, прославляющей советскую историю. И это приносило определенные плоды. Опросы ленинградских молодых рабочих 1934—1935 гг. показали, что такие книги, как «Чапаев» Фурманова, «Мать» Горького, «Железный поток» Серафимовича, были известны большинству рабочих. Так, горьковская «Мать» занимала первое место в списке книг, прочитанных молодыми рабочими в 1935 г.; с ней были знакомы 60% юношей и девушек. Вместе с тем опросы показали фрагментарное знание молодежью произведений русской классики²⁶³.

Рассмотрим подробнее круг чтения рабочих 30-х гг. на примере рабочих-стахановцев Кировоградского медеплавильного завода — одного из крупнейших в отрасли предприятий. В 1936 г. структура литературы, прочитанной стахановцами, на 30% состояла из книг дореволюционного издания (т. е. более чем за 10 веков русской письменности), а на 70% из книг, выпущенных за 19 лет советской власти. 62% литературы советского периода были посвящены трем темам: Гражданской войне, колхозному строительству и индустриализации. Именно эти категории книг, рекомендованных сверху, обязательные для чтения в школьном курсе, составляли главный арсенал чтения советских рабочих второй половины 30-х гг. Неравнозначность подходов к современности и культурному наследию прошлого очевидна так же, как и идеологическая подоплека такого явления. Обращает внимание и еще один аспект. Из 1285 стахановцев — передовых рабочих Кировоградского завода только 508 (40%) являлись читателями библиотек, каждый из которых прочитал за 1936 г. в среднем две книги²⁶⁴.

Сколь велик был слой рабочих, являющихся читателями библиотек? Советская историография крайне осторожно подходила к этому вопросу. В труде историков Сибири, изданном в 1984 г., численность рабочих, бравших книги по индивидуальным абонементом, определялась в треть миллиона²⁶⁵. Сопоставление с численностью рабочих Сибири (2,9 млн человек) показывает: речь идет о массиве в 11,5% от всех рабочих.

Опубликованные (т. е. носящие официальный характер) результаты обследования рабочих промышленности Свердловской области в 1937 г. показали: 16% рабочих являлись читателями библиотек; в среднем один рабочий прочитывал в год 7,5 книги, 240 экземпляров газет, 8 раз посещал кино²⁶⁶. Высокий показатель разницы (почти в 4 раза) темпа чтения книг у стахановцев, записанных в библиотеки Кировограда (2 книги в год), и у среднего рабочего Свердловской обл. (в год 7,5 книги) при сохранении невысокого общеобразовательного уровня рабочих Урала в целом наводит на мысль о завышенности результатов обследования 1937 г. В подтверждение данной гипотезы заметим, что из числа квалифицированных, кадровых, потомственных рабочих ВИЗа в 1935 г. регулярно пользовались книгами общественных библиотек члены 11% рабочих семей²⁶⁷.

Согласно упомянутому обследованию 1937 г., ориентируясь на количественные характеристики культурных запросов рабочих (качественные в данном случае отсутствуют), отметим, что они в 2—3 раза уступают аналогичным показателям ИТР²⁶⁸. Кроме того, получалось, например, что 84% рабочих в год заверше-

ния культурной революции и не заглядывали в библиотеки. Между тем, согласно материалам историко-социологического обследования, опубликованного в 1977 г., опрос 450 молодых рабочих 30-х гг. показал: **чтение входило в круг основных занятий только у 5,6% опрошенных** (6,3% мужчин и 4,4% женщин)²⁶⁹. Это еще раз подтверждает умозрительность лозунга о рабочем классе как ведущей силе культурной революции.

Культурные запросы квалифицированной части рабочих к концу 30-х гг. требовали постоянного роста знаний. В наибольшей степени эта потребность удовлетворялась в рамках технической учебы. В наименьшей степени — в области познания мировоззренческих дисциплин. Что же касается духовного мира человека — при всей разрушительности запретов религии мировоззрение рабочих во многом формировалось вековым укладом жизни.

Заметным элементом этого уклада оставался алкоголизм значительного числа рабочих. Помимо давней традиции на развитие пьянства влияли и те социально-политические потрясения, которые выпали на долю промышленных рабочих в 20—30-х гг. Потрясением стало и несоответствие советской действительности тому, что было обещано правящей партией.

О размахе пьянства наиболее полно можно судить по результатам обследований, проводимых в 20-е гг. По данным статистики, влияние пьянства на производительность труда в СССР в 1927 г. выражалось в красноречивых цифрах: прогулы на почве пьянства принесли 135 млн руб. убытка, понижение производительности труда — 600 млн руб. убытка. Сохранение масштабов среднегодового потребления спиртных напитков на душу населения (8,6 л в 1913 г. и 8,7 л в 1927 г.)²⁷⁰ свидетельствовало о сохранении одной из самых печальных российских традиций в рабочей среде, зафиксированной историками²⁷¹.

Потребление рабочими РСФСР алкоголя с 1924 по 1928 г. увеличилось в 8 раз. По материалам обследования 1927 г. в крупных городах Европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16—17% заработка и в 1,5 раза превышали затраты на книги. Для большинства рабочих основным местом проведения досуга стала пивная, где было разрешено торговать водкой. Исследователи видели в этом проявление чувства социальной нестабильности, желание уйти от необходимости решения целого ряда проблем²⁷².

Весьма показательным для промышленных рабочих СССР можно считать обследование 1929 г., охватившее 4% рабочих металлургической и 27,2% полиграфической промышленности Урала. Оно показало наличие трех, достаточно отличающихся

групп рабочих: **непьющих** (19,6% металлургов и 27,8% полиграфистов), **малопьющих** (44,7% металлургов и 48,8% полиграфистов) и **сильно пьющих** (35% металлургов и 23,4% полиграфистов). При этом отказ от алкоголя зависел не только от квалификации рабочих, а от более широкого круга общекультурных характеристик. Обращает внимание высокая доля расходов на пьянство: около трети рабочих тратили на алкоголь до 15% заработка всей семьи²⁷³. Причисление около трети рабочих к разряду **сильно пьющих** — весьма выразительная характеристика социокультурного облика рабочих конца 20-х гг.

Сопоставим материалы по Уралу с данными обследования в Ленинграде 1927 г., где в систематическом потреблении алкоголя признались 58% молодых рабочих-мужчин и 23% женщин-работниц, а водочный алкоголизм будет зафиксирован как широкомасштабное явление в рабочей среде²⁷⁴, — и картина социального неблагополучия советских рабочих межвоенного периода станет более зримой и показательной как для столиц, так и для провинций.

В отличие от дореволюционного времени, в 30-е гг. в употреблении алкоголя рабочие поселки бывших казенных заводов ничем не отличались от общей массы заводских поселений. В день получения бывший центр казенной промышленности — Златоуст превращался в город дикого пьяного разгула, где трудно пройти по улице даже в центре, не говоря уже об окраинах²⁷⁵. Ежемесячно в Златоусте милиция задерживала и штрафовала около 270 рабочих — 80% от всех задержанных в городе; расходы на выпивку здесь в 6 раз превосходили расходы на культурные нужды²⁷⁶. «Партийцы и комсомольцы в выпивке ни в чем не уступают беспартийным рабочим. Выпивка среди значительной части партийно-комсомольской массы считается вполне нормальным явлением»²⁷⁷.

Орган Уральского обкома ВКП(б) журнал «Уральский коммунист» в 1929 г. приводил следующие данные: до 10 раз в году напиваются 71,6% обследованных рабочих; до 50 раз — 23,9%; свыше 50 раз — 4,5%; запоем пьют — 3,7%. Среди причин пьянства сами рабочие отвечали, «что культурные развлечения им недоступны, клубы тесны и грязны, занять себя там нечем, театры и кино дороги». В результате **расходы на алкоголь почти втрое превосходили культурно-просветительные нужды**. «Эти данные сами за себя говорят», — резюмировал «Уральский коммунист»²⁷⁸.

Вряд ли подобные откровения говорили о высоком культурном уровне как «наиболее политически активной части рабочих», так и всего рабочего класса. В 30-е гг. тема пьянства

рабочих как массовый феномен становится запретной, что затрудняет выявление масштабов этого явления.

Противоположной гранью культуры быта рабочих можно считать занятия физкультурой и спортом. Как свидетельствуют данные 1936 г., 14,3 % молодых рабочих крупных городов СССР являлись членами физкультурных кружков, 8,4% — входили в состав спортивных обществ. Приведенные показатели можно рассматривать как верхнюю планку слоя рабочих, занимающихся регулярно физкультурой и спортом в 30-е гг. Что касается удельного веса молодых рабочих, принявших участие в сдаче норм ГТО (38,1 %), в данном случае речь идет о нерегулярных физкультурных занятиях. Не случайно нормы ГТО смогли сдать немногим больше половины вышедших на старты ГТО — 22,8%²⁷⁹.

Несовпадение процессов общеобразовательного и профессионально-технического обучения рабочих, насильственный характер идеологического воспитания, вовлечение в рабочий социум сотен тысяч вчерашних крестьян; различия в бытовых условиях жизни — все это усилило внутреннюю неоднородность рабочего класса СССР. В наибольшей степени о росте культурного уровня можно говорить применительно к кадровым квалифицированным рабочим крупных городских поселений, где и были созданы основные центры рабочего образования. О численности этого слоя в определенной степени можно судить по удельному весу группы рабочих с общим стажем более 10 лет: он составлял на рубеже 30—40-х гг. около 20% (18,4% в 1936 г. и 22,2% в 1940 г.)²⁸⁰.

Сокращение слоя кадровых рабочих объяснялось притоком новых рабочих, а также таким явлением, как выдвигенчество. Для кадровых рабочих было характерно и сохранение земельных участков (в виде огородов), и большая приверженность традициям культурного уклада. Сокращение слоя кадровых рабочих затрудняло передачу культурных традиций, особенно в тех коллективах, где был высокий процент молодежи. Слой кадровых рабочих, проживающих в крупных городах, проявил большую активность, чем остальные слои рабочего класса, в обучении своих детей в неполной и средней школе. Иными были семейные и дружеские связи кадровых рабочих, в которых наряду с типичным для советских рабочих общением с непролетарскими слоями населения все большее значение приобретали контакты с местной интеллигенцией.

Подчеркнем нелинейность процесса роста культурных ценностей у среднеквалифицированных, неквалифицированных рабочих и особенно у **новых пополнений** рабочих коллективов из деревни, составлявших большинство рабочего класса. В области

общеобразовательной подготовки главным достижением у названных категорий рабочих стало преодоление неграмотности и малограмотности и частично получение начального образования. В сфере технического образования — сдача техминимума и (опять-таки частично) учеба на курсах повышения квалификации. Однако преимущественно этот массив рабочих, желая улучшить жизненные условия, поверив в социалистическую мечту, устремился в ряды ВЛКСМ и ВКП(б); наиболее активно поддерживал движение ударников и стахановский почин.

Проблема заключалась в том, что масса новых рабочих оказалась в городских поселениях вне привычного уклада жизни, на положении маргиналов. Закрывшиеся церкви, мест религиозных культов; неустроенность городской жизни, жилья и социальной сферы затрудняли приобщение к культурным ценностям. Отсутствие у большинства из них собственного личного хозяйства делало новых рабочих более зависимыми от государства, чем местных жителей, и, как следствие, более послушными. Такой социальный статус подталкивал к консервации крестьянских культурных ценностей.

Еще одной социальной группой промышленных рабочих являлись спецпереселенцы и заключенные, постоянно занятые на работах в промышленности. Общей характеристикой этого слоя стал приоритет тех черт традиционной культуры, которые были нацелены на выживание. Контингент заключенных, используемых на работе в крупной промышленности, представлял собой еще более специфическую социальную группу, черты которой получили только частичное отражение в исторической литературе.

Конечно, существовали общие черты культурного уровня рабочих, определяемые невысоким в целом уровнем механизации, степенью благоустройства жилья, традициями отдыха, общностью традиций труда: выживали трудолюбивые. Эти черты усиливались укреплением патриотических чувств, видимо, главным достижением пропаганды советского времени.

Мутация противоречивых элементов традиционной и инновационной культуры затягивала процесс модернизации, а социальная и культурная неоднородность рабочего социума ширила масштаб противоречий советского общества. Социокультурное влияние рабочих носило противоречивый характер, было столь же неоднородно, как и сам рабочий класс. Высокое трудолюбие и мастеровитость, тяга к различным знаниям, к восприятию городской культуры у одной части рабочих соседствовали с примитивным восприятием культурных ценностей, враждебным отношением и отторжением незнакомых культурных богатств у другой, более многочисленной части рабочих.

Формирование узкого слоя рабочих, окончивших вузы, составлявшего менее 1% процента от численности рабочего класса СССР, ни в коей мере не отвечало задаче (безусловно, завышенной), сформулированной руководителями ВКП(б): поднять культурно-технический уровень рабочего класса до уровня интеллигенции. Завершение образования рассматривалось рабочими как возможность покинуть тяжелую, вредную для здоровья прежнюю профессию, прежнее низшее положение в обществе. Мы негативно оцениваем в целом институт выдвиженчества как *искусственный* механизм социальной мобильности, ослабляющий кадровый потенциал рабочего класса. Позитивный момент заключался в формировании у части рабочих тенденции к учебе как обязательной части продвижения по социальной лестнице.

Невелик был и слой рабочих, имевших 7-летнее и полное среднее образование. Для всего рабочего класса СССР этот показатель не превышал 8,4%. В силу высочайшей текучести рабочих кадров, безудержного роста рабочих рядов за счет крестьянских пополнений и лиц принудительного труда в составе рабочих промышленности доминировал рабочий с незаконченным начальным образованием. Называя вещи своими именами, для конца 30-х гг. это означало преобладание в составе класса-гегемона малограмотных людей. Новым явлением стало появление категории молодых рабочих, для которых получение 7-летнего, реже 10-летнего образования стало обыденной нормой, возможностью не уступать ровесникам из других слоев общества.

Определенная часть рабочих промышленности СССР (по оптимальным оценкам официальной статистики, до 16% состава рабочих промышленности) стала читателями библиотек. Круг рабочих, относительно часто посещавших театры всех видов, включая самодеятельные, был существенно уже. Даже у кадровых, квалифицированных рабочих в областном городе к поклонникам театра можно было отнести только каждого десятого. Примерно такой же слой рабочих занимался в клубных кружках, прежде всего, в художественной самодеятельности. По нашим наблюдениям, большинство в трех названных социальных группах составляли одни и те же рабочие.

Основная масса рабочих сохраняла прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, что во многом определило и сохранение традиционного социокультурного уклада промышленных рабочих. Сохранение религиозных убеждений у более половины советских граждан, в том числе значительной части рабочих; сохранение земельных участков у кадровых тружеников промышленности; отчуждение рабочих от чтения общественно-политической литературы свидетельство-

вали о сопротивлении народной культуры коммунистическим догмам. **Вряд ли эту, весьма значительную, часть рабочего класса можно отнести к разряду покорных людей.** Да и не выигрывают великие войны покорные люди.

В этом мы видим прочность и основательность социокультурных характеристик советских рабочих. Характеристик, основанных на верности заводскому ремеслу, уважении к профессиональному мастерству, понимании личного хозяйства не только как хозяйственного механизма, но и в как объекта культуры, передающего традиции отношения к земле и природе, к смыслу жизни. К сожалению, только у меньшей части рабочих СССР сохранилась способность критически оценивать технические, общеобразовательные знания и художественные ценности, приобщиться к самостоятельному созданию элементов культуры городского общества индустриального типа.

Рабочий-умелец и безразличный к своему делу, жилью, земле пролетарий возродились в послереволюционной России, но уже на более массовой основе, на более масштабном уровне восприятия и формирования культурных ценностей.

Потеря собственности и даже права на собственность, отказ от религиозных убеждений и традиций значительной части рабочих обусловили проявление разрушительных тенденций в процессах формирования социокультурного облика современных рабочих. Близость ценностей социалистического реализма и криминального или полукриминального мира становилась фундаментом формирования особого типа культуры, характерного для тоталитарного общества. Антигуманные акции в жизни советского общества 30-х гг. порождали готовность к безусловному признанию и одобрению всех кирпичиков социалистической культуры, которые одобрила власть, для другой, большей части рабочего класса.

Зависимость тоталитарного режима от технического прогресса порождала двойственность культурной политики советской власти: государство должно было поддерживать обе, столь не схожие части рабочего класса.

Примечания

¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 352. Вкл. III.

² Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 282.

³ См. об этом: Поликарпов В.В. «Новое направление» 50—70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 380—385.

⁴ См. например: История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1984. С. 64—65. Фото рабочих московского завода Михельсона 27 апреля 1918 г.

⁵ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 282.

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Бугаева С.Я. Интеллигенция горнозаводского Урала в пореформенный период (численность, состав, положение) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII—XX вв. Свердловск, 1987. С. 55, 58.

⁸ Абрамовский А.П. Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917 — май 1918 г.) // Урал в событиях 1917—1921 гг. С. 127.

⁹ Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861—1917. СПб., 1997. С. 128.

¹⁰ См., например: Дмитриев П.Н. Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.: социально-бытовые, производственные, политические аспекты // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. Вып. 4. М., 2004. С. 149—164; Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 172—177.

¹¹ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX—XX в. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 51.

¹² См., например: Садаков М.А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции. С. 33—36; Железкин В.Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 95—101.

¹³ Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 309.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 54. С. 310—311.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 286.

¹⁸ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 61—62.

¹⁹ Уральское хозяйство. 1918. № 4. С. 16.

²⁰ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 283.

²¹ См.: Алеврас Н.Н. Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры. С. 167; Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 285.

²² Мионов Б.Н. Социальная история России (XVIII—XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 95.

²³ Вестник статистики. 1919. № 8—12. С. 103.

²⁴ Изменения социальной структуры советского общества 1921 — середина 30-х гг. М., 1979. С. 42—43.

²⁵ См.: Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—1917 гг. С. 153.

²⁶ См.: Хлопин Г. Казенные заводы и рудники Урала в санитарно-врачебном отношении. // Горный журнал. 1916. № 6, 7—8.

²⁷ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) С. 154—155.

²⁸ Взято из: там же. С. 127.

²⁹ Там же. С. 126, 128.

³⁰ См. например: Розенталь И.С. Культурно-просветительные организации и углубление классового сознания российского пролетариата (1907—1917 гг.) // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. М., 1979.

³¹ Подсч. по: Производственно-технический журнал завода им. Молотова. 1932. № 16—17. С. 8—9.

³² Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 354.

³³ Там же. С. 318—319.

³⁴ Там же. С. 320—321.

³⁵ См.: Андреева Т.А. Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями. (1906—1916) // Народное образование на Урале в XVIII—XX вв. Свердловск, 1990. С. 140; Ольховая Л.В., Калугина Г.В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С. 121.

³⁶ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. С. 342.

³⁷ Ольховая Л.В. Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 269.

³⁸ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. С. 331—334, 344.

³⁹ Эти данные использовались во всех хрестоматийных изданиях. См., например: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 25.

⁴⁰ Подсч. по: Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. С. 351.

⁴¹ Там же. С. 328, 347.

⁴² См.: Вестник народных университетов. 1910. № 1. С. 28—29; 1911. № 5. С. 223, 225.

⁴³ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. С. 336, 352—353.

⁴⁴ Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М., 1918. С. 40.

⁴⁵ Там же. С. 128.

⁴⁶ Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Свердловск, 1936. С. 102.

⁴⁷ Свифт В. Рабочий театр и «пролетарская культура» в предреволюционной России. 1905—1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 167.

⁴⁸ Хеллман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 310—311.

⁴⁹ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 344.

⁵⁰ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). С. 154. Любопытно, что в советской историографии встречались оценки, превышающие на порядок приведенный показатель. См.: Рябухин Е.И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связи с массами (1907—1914 гг.). Ч. 1. С. 334.

⁵¹ Коган Л.Н. Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. Л., 1969. С. 6.

⁵² Андреева Т.А. Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1906—1916) // Народное образование на Урале в XVIII — XX вв. Свердловск, 1990. С. 136.

⁵³ См.: Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 317—355.

⁵⁴ См.: Левин И.Д. Рабочие клубы в Петербурге. 1907—1914 гг. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 3. М., 1925. С. 88—112.

⁵⁵ Там же. С. 88—89.

⁵⁶ Там же. С. 89, 94.

⁵⁷ Подсч. по: там же. С. 98.

⁵⁸ Там же. С. 108.

⁵⁹ Там же. С. 97.

⁶⁰ Современный мир. 1913. № 10. С. 159.

⁶¹ Подсч. по: Левин И.Д. Рабочие клубы в Петербурге. 1907—1914 гг. С. 101—107.

⁶² Там же. С. 108.

⁶³ Клейнборт Л. Очерки рабочей демократии. Современный мир. 1913. № 4. С. 92—93.

⁶⁴ Там же. № 12. С. 155.

⁶⁵ Там же. № 11. С. 173, 175; № 12. С. 155.

⁶⁶ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 288.

⁶⁷ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. С. 341.

⁶⁸ Ольховая Л.В. Из истории рабочих культурно-просветительных организаций на Урале (1905—1914 гг.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1983. С. 130—135.

⁶⁹ См.: Ольховая Л.В. Из истории рабочих культурно-просветительных организаций на Урале. (1905—1914 гг.). С. 134.; Загайнова В.Л. К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX — начале XX в.). С. 48.

⁷⁰ Свифт В. Рабочий театр и «пролетарская культура» в предреволюционной России. 1905—1917 гг. С. 169, 179, 194.

⁷¹ Там же. С. 179, 194.

⁷² Загайнова В.Л. К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX — начале XX в.) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII — начала XX вв. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1987.

⁷³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 256.

⁷⁴ Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих. С. 287—288.

⁷⁵ Ольховский Е.Р. Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX — начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 81—82.

⁷⁶ Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 209—210, 216.

⁷⁷ Подсч. по: Труды первого совещания заведующих народным и внешкольным образованием в уездах Пермской губ. 23—28 июня 1915 г. Пермь, 1916. С. 75, 82.

⁷⁸ Там же. С. 82.

⁷⁹ См.: Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 76—77.

⁸⁰ Юсупов М.Р. Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864—1917 гг.). Автореф канд. дисс. Челябинск, 1999. С. 16.

⁸¹ Рабочий класс Удмуртии. 1861—1986. Ижевск, 1987. С. 15.

⁸² Гуськова Т.К. Облик рабочих Урала. С. 286.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 134.

⁸⁵ Там же. С. 135.

⁸⁶ Там же. С. 134—135.

⁸⁷ Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX—XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. С. 72.

⁸⁸ См.: Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Автореф докт. дисс. Екатеринбург, 2000.

⁸⁹ См., например: Львов В. Бюджеты населения горнозаводского Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 7. С. 41, 43; Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). С. 68, 75.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: Щацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX — начало XX в.). М., 1992. С. 49.

⁹² Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата. М., 1930. С. 37.

⁹³ Там же. С. 35.

⁹⁴ Степанов П. Наделение землей горнозаводского населения Урала. С. 64.

⁹⁵ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г). С. 161.

⁹⁶ Там же. С. 161—162.

⁹⁷ Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX—XX вв. С. 72.

⁹⁸ Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 99—108.

⁹⁹ Ермаков В.Т. Культура предреволюционной России (к постановке проблемы) // Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 203.

¹⁰⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII—XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 343.

¹⁰¹ Поршнева О.С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914—1918 // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 438.

¹⁰² Там же. С. 170.

¹⁰³ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции. С. 164.

¹⁰⁴ См., например: Рабочий класс Удмуртии 1861—1986 гг. С. 30—31.

¹⁰⁵ См.: Булдаков В.П. От войны к революции: рождение человека с ружьем // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

¹⁰⁶ Шишкин В.Ф. 1917 год в нравственном развитии пролетариата // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. С. 246.

¹⁰⁷ Там же. С. 244.

¹⁰⁸ Долгушин Н.П. Искусство и народ // Уральское хозяйство. 1918. № 4. С. 16.

¹⁰⁹ О социокультурных последствиях Гражданской войны см.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг.; Яров С.В. Горожанин как политик. СПб., 1999.

¹¹⁰ Безансон А. Советское и русское прошлое. М., 1998. С. 8.

¹¹¹ Гусев А. О культурной революции // Уральский коммунист. 1928. № 1. С. 10.

¹¹² Лейбович О.А. Социокультурный контекст отечественных модернизаций. С. 89.

¹¹³ См.: Михайлов И.В. Рецензия на «Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению» // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 156.

¹¹⁴ Скоробогатский В.В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997. С. 70.

¹¹⁵ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. Т. I. М., 1928. С. 189.

¹¹⁶ Там же. С. 190.

¹¹⁷ Там же. С. 191.

¹¹⁸ Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. М., 1984. С. 164.

¹¹⁹ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. С. 193, 199.

¹²⁰ Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. М., 1984. С. 168.

¹²¹ Материалы о культурном строительстве на Урале. Свердловск, 1928. С. 8.

¹²² Там же. С. 10, 12.

¹²³ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. С. 199.

¹²⁴ Там же. С. 190.

¹²⁵ Там же. С. 190, 192.

¹²⁶ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). С. 152, 182.

¹²⁷ Бехтерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 20-е гг. С. 19.

¹²⁸ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. С. 200.

¹²⁹ Там же. С. 194.

¹³⁰ См.: Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С.208.

¹³¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 412—413.

¹³² Подсч. по: ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 101. Л. 202 об.

¹³³ Просвещение на Урале. 1928. № 5. С. 14.

¹³⁴ Трудовые конфликты в СССР. 1918—1929 гг. С. 230.

¹³⁵ Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922—1925 гг. М., 1997. С. 82—83.

¹³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 63. Л. 51, 70; Оп. 7. Д. 433. Л. 3; Уральский коммунист. 1929. № 15. С. 38.

¹³⁷ Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. С. 172.

¹³⁸ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. С. 200. В тексте дословно: «Что-то иное вытеснило церковь у половины обследованных рабочих и у ²/₅ их жен». См.: Там же. С. 200.

¹³⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 100. Л. 3, 29.

¹⁴⁰ Там же. Л. 29.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. Л. 29 об.

¹⁴³ Татулов Г. Опыт изучения одной анкеты. Свободная мысль. 2004. № 4. С. 8.

¹⁴⁴ Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества. (Окт. 1917 — конец 20-х гг.). Автореф. докт. дисс. СПб., 1999. С. 35.

¹⁴⁵ Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 236—237.

¹⁴⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 173.

¹⁴⁷ Памятники Отечества. Альманах ВООПИиК. 1991. № 2. С. 152—153.

¹⁴⁸ Постников С.П. Модернизация и социокультурные процессы в городах Урала (конец 1920-х — 1930-е гг.) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 112—113.

¹⁴⁹ Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 191.

¹⁵⁰ Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917—1927 гг. (на примере Урала). С. 210.

¹⁵¹ Чуфаров В.Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся советского Урала // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С. 142.

¹⁵² См.: ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 653. Л. 41—42.

¹⁵³ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта. С. 193, 199.

¹⁵⁴ Подсч. по: Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата в СССР. С. 141.

¹⁵⁵ Подсч. по: Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата в СССР. С. 141.

¹⁵⁶ См.: Рабочие Урала — рабочим Москвы. (Памятка о положении труда на Урале). С. 15; Уральский коммунист. 1928. № 1. С. 35.

¹⁵⁷ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 419.

¹⁵⁸ Скорняков С. Из истории рабочего клуба (рабочий клуб им. Вайнера). Свердловск, 1924. С. 38—40.

¹⁵⁹ Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата в СССР. С. 149.

¹⁶⁰ Там же. С. 149, 151.

¹⁶¹ Подсч. по: там же. С. 151.

¹⁶² Подсч. по: там же. С. 150.

¹⁶³ Подсч. по: ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 101. Л. 202.

¹⁶⁴ Лебина С.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930-х гг. С. 235.

¹⁶⁵ Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. С. 195—196.

¹⁶⁶ Скорняков С. Из истории рабочего клуба. С. 45.

¹⁶⁷ По мысли В.И. Ленина рабочие клубы должны были превратиться в «одну из важнейших позиций для просвещения рабочих». См.: Ленин В.И.. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 271.

¹⁶⁸ См.: Медынский Е.Н. Внешкольное образование в РСФСР. С. 11—12.

¹⁶⁹ Чуфаров В.Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920—1927 гг. // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Свердловск, 1982. С. 60.

¹⁷⁰ Рабочий журнал. 1924. № 5. С. 10.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Хелман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 310—312.

¹⁷³ Подсч. по: Уральское хозяйство в цифрах. Труд на Урале в 1930 г. Вып. 3. Свердловск, 1930. С. 84—85, 87.

¹⁷⁴ Там же. С. 85.

¹⁷⁵ Фишпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: Западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 354.

¹⁷⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 620. Оп. 10. Д. 19. Л. 25.

¹⁷⁷ См.: Уральский коммунист. 1928. №. 10. С. 56—57; Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение // Социс. 1999. № 7. С. 112.

¹⁷⁸ Подсч. по: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Социальная статистика. С. 72.

¹⁷⁹ Уральский коммунист. 1928. №. 10. С. 48—49.

¹⁸⁰ Материалы о культурном строительстве на Урале. Свердловск, 1928. С. 29.

¹⁸¹ Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. (1917—1970 гг.) С. 255.

¹⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 10. Л. 26; Д. 172. Л. 1.

¹⁸³ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 2. Д. 57. Л. 28—29.

¹⁸⁴ См., например: Звезда. 1922. 25 июля. Статья «Правда ли, что Мотовилихинские рабочие — мелкие хозяйчики?»; 28 июля. Статья «Сытые не хотят работать».

¹⁸⁵ Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М., 1928. С. 504, 506, 514.

¹⁸⁶ ГАНИОПДПО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 91. Л. 1; ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 118. Л. 94.

¹⁸⁷ Пинегина Л. А. Рабочий класс и художественная культура. С. 171.

¹⁸⁸ Там же. С. 172.

¹⁸⁹ Там же. С. 173.

¹⁹⁰ См.: Сергеев С. За качество культработы, за коммунистическое воспитание масс // Уральский коммунист. 1928. № 10. С. 54—55; № 9. С. 62.

¹⁹¹ Андрианова Г.С. Творческое содружество рабочего класса и художественной интеллигенции Урала (1919—1941 гг.) // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989. С. 58.

¹⁹² Пинегина Л. А. Рабочий класс и художественная культура. С. 185—186.

¹⁹³ См.: Делицой А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919—1931 гг.: проблема взаимоотношений. Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 1998. С. 16—17.

¹⁹⁴ Фельдман М.А. Рабочие Урала и старые специалисты в 20-е гг. XX в. // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества. Екатеринбург, 2000.

¹⁹⁵ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 34. С. 16.

¹⁹⁶ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922—1927 гг. С. 28.

¹⁹⁷ Там же. С. 76.

¹⁹⁸ Маркузон Ф.Д. Новые материалы о бюджетах рабочих в Германии в 1927/28 г. // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 255.

¹⁹⁹ См., например: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 9.

²⁰⁰ См., например: Труд и социально-культурное строительство Урала в пятилетнем плане 1928/29—1932/33 гг. Свердловск, 1929. С. 16—18, 42—63.

²⁰¹ См.: Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества. С. 35.

²⁰² Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 191.

²⁰³ Подсч. по: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 106—107.

²⁰⁴ Подсч. по: там же. С. 111—115.

²⁰⁵ Загребин С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Южном Урале в 1900—1940 гг. Автореф. канд. дисс. Челябинск, 1999. С. 36.

²⁰⁶ Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества. С. 35.

²⁰⁷ Подсч. по: Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 149.

²⁰⁸ Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение // Социс. 1999. № 7. С. 112.

²⁰⁹ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 418.

²¹⁰ Стат. справочник ВЦСПС. 1938. Вып. 3. С. 30.

²¹¹ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 419.

²¹² Труд в СССР. Стат. справочник. 1936. С. 355.

²¹³ Стат. справочник ВЦСПС. 1938. Вып. 3. С. 30.

²¹⁴ Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. С. 204, 208.

²¹⁵ Там же. С. 206—207.

²¹⁶ Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. С. 241—242.

²¹⁷ Калистратов Ю.К. Рабочий класс и советская культура в 20—30-е гг. Автореф. докт. дисс. Н.Новгород, 1998. С. 40—41.

²¹⁸ Андрианова Г.С. Художественная интеллигенция Урала в 30-е гг. Екатеринбург, 1992. С. 37, 39, 69.

219 Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. С. 208. Сказанное не умаляет вклад Л.А. Пинегиной в комплексное освещение данной темы.

220 Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. С. 241.

221 Калистратов Ю.К. Рабочий класс и советская культура в 20—30-е гг. С. 38.

222 Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. С. 150—160; Андрианова Г.С. Художественная интеллигенция Урала. 30-е гг. Свердловск, 1992. С. 20—22.

223 Пинегина Л.А. Рабочий класс и художественная культура. С. 152.

224 Там же. С. 39.; Андрианова Г.С. Художественная интеллигенция Урала в 30-е гг. С. 93.

225 Бондин А.П.: Сб. воспоминаний о писателе. Свердловск, 1957; Боголюбов К. Писатель-рабочий // Бондин А.П. Собр. соч.: В 3 т. Т.1. Свердловск, 1948; Боголюбов К. Годы и встречи. Свердловск, 1975; Боровинский М.Т. Писатель горьковской школы // Урал. 1982. № 8; А.П. Бондин // Литература Урала. Очерки и портреты. Екатеринбург, 1998.

226 Литература Урала. Очерки и портреты. Екатеринбург, 1998. С. 235.

227 Стахановец. 1940. № 12. С. 30; Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 174—175.

228 См.: Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С. 236—237.

229 Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. С. 215.

230 Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 103.

231 Скотт Д. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. С. 65, 215.

232 Подсч. по: Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 103.

233 Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 56.

234 Подсч. по: там же. С. 156.

235 Там же. С. 149.

236 Подсч. по: там же.

237 Там же.

238 Подсч. по: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 247.

239 Подсч. по: там же.

240 Постников С.П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале. С. 87, 89.

241 Там же. С. 225, 229.

242 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 3 б. Л. 70.

243 Делицой А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919—1931 гг.: проблема взаимоотношений. С. 18.

²⁴⁴ Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. (1917—1970 гг.). С. 39, 55.

²⁴⁵ Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. С. 153—154.

²⁴⁶ Подсч. по: ГАПО. Ф. 33. Оп. 5. Д. 348. Л. 2—7; Д. 568. Л. 4—6; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 348. Л. 10 об; ГАСО. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 7. Л. 17—17 об; Ф. 2337. Оп. 1. Д. 88. Л. 26—27; Ф. 122. Оп. 2. Д. 830. Л. 193; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 7. Д. 838. Л. 131.

²⁴⁷ Коваленко Г. Записки кузнеца. М., 1952. С. 19—20.

²⁴⁸ Сведения сообщены М.А. Фельдману в 1981 г. работницей Урал-маша в 30—60-е гг.; сотрудником музея УЗТМ в 70—80-е гг. Марией Аникеевой, близко знавшей Г. Коваленко.

²⁴⁹ См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 91—92.

²⁵⁰ Быкова С.И. Политические представления советских людей в 1930-е гг. (на материалах уральского региона). Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 2003. С. 14.

²⁵¹ Там же. С. 15.

²⁵² См.: Залыгин С.П. После бури. Иркутск, 1984.

²⁵³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 219. Л. 7, 15; Секачева Л.М. Партийное руководство деятельностью профсоюзных организаций промышленных предприятий Урала в годы третьей пятилетки. (1938—1941). Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1981. С. 17.

²⁵⁴ Подсч. по: Уральский рабочий. 1940. 15 марта, 14 ноября; Звезда. 1940. 14 ноября; ЦДНИЧО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 4. Л. 22.

²⁵⁵ См.: Фельдман М.А. Последнее предупреждение: статьи А.П. Тяньева в уральской печати в 30-х гг. // Третьи татищевские чтения. Свердловск, 2000. С. 388—391.

²⁵⁶ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930-х гг. С. 242.

²⁵⁷ Труд в СССР. Стат. справочник. 1936. С. 356.

²⁵⁸ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1974. С. 55.

²⁵⁹ Рассохин Л.Т. Участие рабочего класса в развитии социалистической культуры в период построения фундамента социализма // Роль рабочего класса в развитии социалистической культуры. М., 1967. С. 108.

²⁶⁰ Подсч. по: ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 302. Л. 9—17.

²⁶¹ Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода. С. 98—99.

²⁶² В 1937 г. доля политической литературы в книжном фонде массовых библиотек СССР составляла 23,2%. В 1938—1940 гг. произошло увеличение масштабов выпуска литературы этого рода. См.: Культурное строительство СССР. Стат. сборник. М.; Л., 1940; Партийное строительство. 1940. № 18. С. 13.

²⁶³ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930-х гг. С. 243.

²⁶⁴ Подсч. по: ГАСО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 302. Л. 9—17.

²⁶⁵ Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 55.

²⁶⁶ Чуфаров В.Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся Советского Урала // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С. 142—143.

²⁶⁷ Величкин В.И. Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода С. 98—99.

²⁶⁸ Чуфаров В.Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся Советского Урала. С. 142—143.

²⁶⁹ Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера и сегодня. С. 123.

²⁷⁰ Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 30-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 23.

²⁷¹ См. например: Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избр. труды. М., 1983. С. 253.

²⁷² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-е — 1930-х гг. С. 35—36.

²⁷³ Уральский коммунист. 1929. № 4. С. 31—32. В первом случае — данные по рабочим-металлургам. Во втором — по рабочим-полиграфистам.

²⁷⁴ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920—1930-х гг. С. 34—35.

²⁷⁵ Уральский коммунист. 1928. № 9. С. 65.

²⁷⁶ Там же. 1928. № 10. С. 57.

²⁷⁷ Там же. № 9. С. 64 — 65; № 10. С. 57.

²⁷⁸ Уральский коммунист. 1929. № 4. С. 31—33.

²⁷⁹ Социальный облик рабочей молодежи. С. 241.

²⁸⁰ Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. С. 113—114.

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА РАБОЧИХ В 1900—1940 годах

§1. Политические настроения и самооценка рабочих России в 1900—1917 годах

Проблемы изучения политических взглядов рабочих России в первые десятилетия XX в. традиционно привлекали внимание большого числа исследователей. Не стали исключением и 90-е гг., несмотря на заметное общее снижение интереса к тематике истории рабочего класса. Вместе с тем существует ряд принципиальных вопросов, ответы на которые в современной исторической литературе либо отсутствуют, либо нуждаются в дополнительном изучении.

Обозначим некоторые из них. Какова была степень политизации, политической активности российских рабочих в начале XX в.? Какая часть рабочих поддержала Октябрьскую революцию? Как проходила линия раскола в рабочем социуме в годы Гражданской войны? Наконец, каковы были политические пристрастия советских рабочих в 20—30-е гг.? С совокупность ответов на поставленные вопросы подводит к оценке научности одного из основополагающих постулатов в советской литературе: **о рабочем классе как наиболее сознательной и организованной части общества и в силу этого носителе политической власти.**

Обратимся к первому из вопросов.

В советской историографии политические взгляды и интересы относились к наиболее существенным чертам класса. Аксиомой являлось то, что только марксизм выступает единственно верной основой идейно-политических представлений рабочих о мире¹. При этом историки советской эпохи, детально изучающие проблемы рабочей истории, например Ю.И. Кирьянов, констатировали общую «культурную слабость» городских рабочих России, недостаточную политическую развитость и грамотность пролетарских масс; обращали внимание на *завышенные оценки уровня сознательности и организованности пролетариата*, утвердившиеся в историографии с самого начала 30-х гг. XX в. С этого времени исследование истории пролетариата в значительной мере свелось к изучению лишь его политических вы-

ступлений². Добавим: и трактовке последних в марксистской парадигме.

В статье, опубликованной в 1970 г. в знаковом сборнике докладов и сообщений «Российский пролетариат»³, Ю.И. Кирьянов сделал крайне важное историографическое обобщение: «Произошел отход от всестороннего изучения облика рабочих. **Вопросы идеологии, психологии, морали рабочего класса на долгое время** или были сняты с повестки дня, или получили одностороннюю трактовку»⁴ (выделено нами. — *М.Ф., С.П.*). Если верхняя хронологическая граница такого явления была Ю.И. Кирьяновым обозначена 30-ми гг. XX в., то нижнюю границу исследователь датировал концом 50-х гг.⁵ По нашему мнению, в значительной степени это была итоговая оценка научных исследований проблемы политических настроений рабочих дореволюционной России. Исследований, активизировавшихся в 60-е гг. и прерванных, как уже отмечалось, на полтора десятилетия, в начале 70-х гг.

Спустя более четверти века Ю.И. Кирьянов вновь обратился к данной теме⁶. Задавшись вопросом, каковы же были представления рабочих России по кардинальным вопросам социальной, экономической и политической жизни, которыми определялось их поведение, Ю.И. Кирьянов, опираясь на анализ статистически обобщенных требований и пожеланий рабочих, пришел к ряду обоснованных и разделяемых нами выводов. Во-первых, о приоритете экономических над политическими требованиями рабочих. Так, вопросы правового положения рабочих, создания просветительных учреждений занимали 8-е и 10-е места в требованиях пролетариев в революционном январе 1905 г.⁷ Во-вторых, осуждение гнета, испытываемого рабочими от чиновников, от капиталистической эксплуатации, не переносилось на царя. Монархическое устройство государства, власть царя не подлежали обсуждению со стороны подавляющей части рабочих. Эта тема в абсолютном большинстве документов, исходящих от рабочих, просто не обсуждалась: пролетарская масса, в отличие от рабочих, связанных с социалистами, сохраняла монархические настроения. До событий 9 января 1905 г. за десятками тысяч распропагандированных пролетариев стояли миллионы рабочих, у которых вера в царя оставалась нерушимой. Но и в ходе революции 1905—1907 гг. значительная часть рабочих сохраняла монархические убеждения⁸.

Преобладание в массе рабочих традиционалистских установок и моделей поведения определялось устойчивостью архетипов крестьянской ментальности, общинной психологии и традиций в ситуации, когда подавляющее большинство рабочих имело

крестьянское происхождение⁹. Чувство социальной приниженности, несправедливости в распределении богатств в обществе, трансформировавшееся под воздействием революционного кризиса в России в настроения социального протеста¹⁰, без сомнения, присутствовало в рабочей среде, но, как правило, оно было сфокусировано в неимущих, пролетарских слоях рабочих промышленности.

Многие представления рабочих: отношение к вере, монарху, отечеству, нормы общественно-бытового поведения — освящались религией. Немало документов, исходивших от рабочих, особенно после издания закона 1897 г., зафиксировали требования не проводить работ в религиозные праздники. В начале XX в. лишь политизированные рабочие, связанные с леворадикальными партийными организациями, являлись атеистами¹¹.

Но сколь велик был слой политизированных рабочих? Под термином «политизированный» обычно понимается человек, интересующийся политическими новостями и высказывающий политические суждения¹². В начале XX в. рабочие составляли в социал-демократических организациях примерно 5 тыс. человек, или менее 0,2% от общего числа промышленных рабочих России, а к 1914 г. этот показатель составлял 18—30 тыс. рабочих, или от 0,5 до 0,8% численности российского пролетариата¹³. С учетом того, что социал-демократы имели наибольшее представительство среди рабочих-партийцев, можно говорить о незначительности слоя политизированных рабочих. В среднем один из ста рабочих являлся членом политических партий. Признание самими социал-демократами минимальности своих связей с рабочими даже в столицах¹⁴ наглядно показывает всю локальность воздействия партийных структур на рабочую массу.

Незначительность участия рабочих в деятельности партийных организаций не могла не отразиться на уровне мировоззрения рабочих. У большинства рабочих представление о справедливом обществе было весьма расплывчатым. Мы разделяем мнение Б.Н. Миронова о том, что в своем большинстве в конце XIX — начале XX в. рабочие промышленности России были религиозны, в принципе лояльны существующему строю и хотели улучшения своей жизни в его рамках. Они понимали самодержавие как произвол администрации, а не как государственное устройство. Представления о социализме в их среде были неопределенны¹⁵.

Неясность идей социализма даже для российских рабочих — участников стачек, т. е. сознательных, по марксистской терминологии, признавал осенью 1903 г. Г.В. Плеханов. Для политизированных рабочих с леворадикальными взглядами осуществление

социалистического идеала предполагало ликвидацию не только монархии в России, но и уничтожение частной собственности и уравнительный раздел земли и капитала, продуктов труда¹⁶. Хорошо известно, что воспитание и утверждение подобных взглядов рабочих было главным делом революционных партий¹⁷.

Вместе с тем утверждение о «нескрываемом негативном отношении рабочих к чужой собственности», об «отсутствии сколько-нибудь сильного частнособственнического начала в среде рабочих»¹⁸ следует адресовать к тем слоям рабочих, которые были лишены своего жилья, земельных наделов, но далеко не ко всем рабочим промышленности России¹⁹.

Не многим больше было влияние профсоюзов. По разным оценкам, профсоюзы охватили в конце 1913 — первой половине 1914 г. от 40 до 150 тыс. человек, или от 1,2 до 4,6% от общего числа промышленных рабочих России²⁰. В данном случае преимущественно следует говорить о немногочисленности организованных сторонников умеренных политических направлений в рабочей среде²¹. В целом показательны итоги голосования рабочих на выборах в четвертую Государственную думу: в них приняли участие не более 10% рабочих, имевших на это право²².

Потребность в улучшении условий труда и быта, в обустройстве своей жизни, в достойном обращении побуждала рабочих искать выход из создавшегося положения. Часть рабочих по-прежнему уповала на петиции, просьбы, адресованные предпринимателям и администрации всех уровней. Другая часть рассчитывала на стачки, предъявления требований, сопровождавшихся прекращением работ. Доля стачечников вплоть до 1905 г. была невелика, не превышая 5% от общего числа промышленных рабочих²³. Собственно говоря, уже приведенная статистика позволяет говорить, во-первых, о **трех социокультурных типах рабочих**, проявившихся в сфере политических настроений в начале XX в.: сторонников умеренных политических взглядов; приверженцев леворадикальных убеждений; пролетариев, не имевших сложившихся политических представлений. Во-вторых, о преобладании в массе рабочих последнего социокультурного типа, отличающегося доминированием традиционалистских установок и моделей поведения.

Промедление власти с решением реальных проблем неполноправного гражданского статуса рабочих (урезанные избирательные права, ограниченные возможности создания профсоюзов и т. д.) облегчало распространение радикального варианта социалистических идей в рабочей среде в экстремальной ситуации войн и революций. Длительность, масштабность и ожесточенность империалистических войн первых десятилетий XX в.

ослабляла патриотические умонастроения рабочей среды, первоначально широко распространенные не только в период Русско-японской войны, но и по крайней мере в начале Первой мировой войны (1914—1915 гг.). Антивоенные демонстрации в России были единичны²⁴.

Всплеск стачечной борьбы в 1905—1907 гг. сменился спадом в 1908—1911 гг. Но и предвоенный подъем стачечного движения носил во многом локальный характер: так, половина всех стачечников России в 1912—1914 гг. приходилась на один город — Петербург²⁵. Особенности положения питерского пролетариата, о которых мы говорили в первой главе, обусловили широкую политизацию требований рабочих столицы, в частности слияние всех элементов трудовых и бытовых конфликтов, и, как следствие, перерастание экономических забастовок в действия явно политической направленности против всех органов управления²⁶.

Следует заметить, что утверждение о «политизации сознания не только передовых, но и значительной части средних слоев рабочих, активно усваивающих социал-демократические лозунги и идеалы²⁷», нуждается в корректировке. Во-первых, оно мало применимо к 1914 г. Трудно рассматривать 18—30 тыс. рабочих, связанных с РСДРП, как солидную базу партийной поддержки. Во-вторых, у нас вызывает сомнение *обязательность и безусловность* связи передовых рабочих с социал-демократическими лозунгами и идеалами. Немалая часть рабочих на крупных предприятиях шла за эсерами. Даже в столице на выборах во вторую Государственную думу по рабочей курии в 1907 г. из 272 уполномоченных 147 являлись социал-демократами, а 109 — эсерами²⁸. В-третьих, среди сторонников РСДРП квалифицированные, кадровые рабочие поддерживали, прежде всего, определенное крыло РСДРП — меньшевистское²⁹.

Таким образом, к 1914 г., несмотря на происходившие сдвиги и изменения во взглядах и стереотипах поведения у части пролетариев, большинство рабочих в общем и целом не выходило за рамки прежних мировоззренческих представлений, освященных религией и официальной идеологией.

Совпадая в общих чертах с закономерностями развития советской историографии рабочего класса, региональная историческая наука имела и некоторые отличия. В частности, до начала 30-х гг. на Урале выходили труды, продолжавшие научные поиски исследователей дореволюционного времени и 20-х гг. В качестве примера можно назвать работы А.П. Тянчева³⁰, Ф.П. Макарова³¹, А.А. Савича³². Их общей чертой, особенно на рубеже

20—30-х гг., можно назвать меньшую степень политической ангажированности.

Анализ материалов вышедшей в 1931 г. монографии А.А. Савича «Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв.», касающихся требований первого в России Совета рабочих депутатов — Алапаевского в 1905 г. — позволяет сделать важный вывод: Совет выдвинул **общедемократические** (а не пролетарские) требования. Алапаевская стачка рабочих была тесно увязана с местным крестьянским движением, в результате чего «специфические черты крестьянской идеологии могли неблагоприятным образом сказаться на чистоте революционных лозунгов»³³. Правда, вопрос с чистотой революционных (читай: пролетарских) лозунгов оставался загадкой, если «отношения уральских рабочих к заводовладельцам в значительной степени определялись земельным вопросом»³⁴.

Общедемократический характер был присущ и аналогичным документам, сформулированным рабочими Урала в 1905 г. Анализ требований мотовилихинских рабочих в 1905 г., подготовленных комитетом РСДРП, говорит о доминировании чисто экономических положений: 8-часовой рабочий день, пенсии по старости, нетрудоспособности. Из требований рабочих в сфере культуры выделялись также: пожелание свободного пользования книгами из заводской библиотеки и приобретение литературы с учетом мнения рабочих. Рабочие требовали обращения на «вы». Отметим наличие *маловыполнимых*, как нам представляется, навеянных социалистической литературой требований: выдачи заработной платы за время стачки, учреждение смешанной комиссии из представителей от рабочих и администрации поровну для установления заработной платы³⁵.

Близки по содержанию строки «Постановления общего собрания рабочих Надеждинского завода 12 мая 1905 г.». К разряду маловыполнимых, идеологизированных требований в этом документе следует отнести пункты о невозможности увольнения рабочих без разбора дела рабочим судом, а также о предоставлении каждой семье отдельной комнаты³⁶. Выдвижение нереальных, неосуществимых лозунгов блокировало поиск компромисса между рабочими и предпринимателями.

Попыткой переосмысления политических взглядов рабочих России стали усилия историков «нового направления». Научной заслугой В.В. Адамова следует считать аргументированную мысль о **глубоком воздействии административно-правовых факторов на динамику формирования рабочего класса, в частности на зависимость социокультурных характеристик рабочих от типа гор-**

нозаводского округа (частных, посессионных, казенных). Если труженики казенных горнозаводских округов оказались ближе других соотносимы с категорией индустриальных рабочих, то именно они же, став земельными **собственниками**, оказались менее восприимчивы к леворадикальным взглядам, к чисто пролетарской идеологии. Этот факт совершенно не увязывался с господствовавшими представлениями о развитии рабочего класса после революции 1905 г., подчеркивал В.В. Адамов³⁷. Заметим: эти слова были произнесены на Всесоюзной юбилейной научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября (14—17 ноября 1967 г.).

Еще более выразительными и неожиданными для советских историков стали слова В.В. Адамова на другой Всесоюзной юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию свержения самодержавия в России, проходившей в феврале 1967 г. (Ленинград). По его словам, незавершенность превращения горнозаводских рабочих в класс, сохранение и преобладание сословных характеристик обусловили **равнодушие определенной части рабочих к советской форме управления весной 1917 г.**³⁸ (выделено нами. — М.Ф., С.П.). Предпосылки такого поведения В.В. Адамов видел в слабости рабочего движения на Урале; в выдвижении уральскими рабочими таких своеобразных требований, как увеличение и передача в юридическую собственность земельных и лесных наделов, свобода промыслов. Характерно, что конфликты на этой почве большей частью не выливались в форму забастовок. К сожалению, разгром историков «нового направления» в начале 70-х гг. XX в. привел к тому, что в СССР на полтора десятилетия было приостановлено осмысление одного из важнейших направлений отечественной истории.

Рабочее движение на Урале, по мнению современного историка И.В. Нарского, по своим формам в политическом отношении стояло на более низком уровне, чем в других регионах. Даже в 1905—1907 гг. 90% забастовок носили экономический характер³⁹. Вывод И.В. Нарского подтверждает и специальное исследование Л.С. Юдиной. По ее данным, забастовочное движение в 1911—1914 гг. носило чисто экономический характер, а сами стачки продолжались короткий срок⁴⁰. Сопоставление данных о количестве стачечников с численностью рабочих цензовой промышленности Урала показывает: в 1911—1913 гг. в забастовках принимали участие, по нашим подсчетам, от 7 до 10% пролетариев. Исключением стала забастовка в мае 1914 г., в которой приняли участие около 20% рабочих Уральского региона⁴¹.

Раскрывая специфику рабочих бунтов — излюбленной темы советских историков — И.В. Нарский доказал, что бунты, как правило, возникали из-за угрозы закрытия заводов. Общими чертами бунтарских акций уральских рабочих являлись экономические мотивы. Отмечен большой удельный вес стихийности при видимой организованности выступления, склонность к самосуду в виде погромов квартир и избиения людей, в ряде случаев непосредственно связанных с администрацией завода; ненависть и жестокость по отношению к начальству, выдвижение весьма архаичных требований⁴².

Однако бунты рабочих в начале XX в. были редкостью. Горно-заводское население лишь в крайних случаях прибегало к прямым столкновениям с представителями властей и администрации заводов, предпочитая пользоваться легальной формой отстаивания своих интересов — ходатайством⁴³. Возражение вызывает оценка И.В. Нарским ходатайств как *довольно архаичной* формы отстаивания интересов рабочих. Если же мы рассматриваем промышленных рабочих как составную часть общества, то в этом случае петиции, жалобы, прошения рабочих не являются пассивными формами борьбы или «архаичной формой отстаивания своих нужд».

С кем же встречались рабочие делегации в 1909—1910 гг.? Судя по данным И.В. Нарского, с министром торговли и промышленности С.И. Тимашевым дважды (делегации Баранчинского и Холуницких заводов), министром земледелия и землеустройства А.В. Кривошеиным (делегация Павловского завода); с премьер-министром П.А. Столыпиным дважды (делегации Воткинского и Кыновского заводов). Как видим, уровень встреч достаточно высокий. Интерес представляют и сами ходатайства: просьбы о наделении земель по наличным душам на закрытых заводах; о передаче рабочим артелям закрытых предприятий⁴⁴.

Нам представляется возможным в данном случае сделать вывод о попытках уральских рабочих цивилизованным путем решать возникшие проблемы. Что же касается поддержки (как фактической, так и потенциальной) радикальных настроений, обратим внимание на точность политической и психологической оценки уральских рабочих, данной пермским губернатором в 1907 г. В документе — докладной записке пермского губернатора, введенном в литературу И.В. Нарским, *революционные взгляды* адресованы рабочим, **не имеющим собственного жилья и прочных связей с данной местностью**⁴⁵. При этом к социалистической пропаганде основная масса рабочих относилась достаточно разбор-

чиво, выбирая из нее те положения, которые соответствовали их собственным представлениям⁴⁶.

По оценке И.В. Нарского, в 1911—1916 гг. на Урале насчитывалось не более 2,2 тыс. членов политических партий, в том числе 1200 в РСДРП⁴⁷. Для 13-миллионного населения Урала (Вятской, Оренбургской, Пермской, Уфимской губерний) это было ничтожно мало, и вывод о том, что политические партии являлись чужеродным телом в уральской действительности⁴⁸, представляется в целом обоснованным. Невелико было число подписчиков общероссийских политических газет: у крупнейшей в регионе партии — РСДРП оно составляло около 300 человек⁴⁹. Однако необходимо учитывать ряд факторов.

Во-первых, если леворадикальные партии в последние предвоенные годы поддерживали примерно 10% населения Урала, то в среде рабочих этот показатель, судя по выборам в IV Государственную думу, составил 42,9%⁵⁰. Во-вторых, степень политизации рабочего класса превосходила степень вовлеченности рабочих в политические партии, и приведенный И.В. Нарским материал о широком использовании РСДРП легальных общественных организаций и объединений для революционной пропаганды весомое тому подтверждение. В-третьих, на долю РСДРП приходилось в 1911—1916 гг. 55% членов всех партий на Урале, но более $\frac{2}{3}$ политических организаций в заводских поселках⁵¹. Это позволяло небольшому числу социалистов (1200 социал-демократов и 800 эсеров) удерживать определенное влияние в рабочей среде. Распространение политическими партиями среди рабочих легальной и нелегальной литературы, вовлечение пролетариев в кружки, где изучались политические вопросы, можно было бы назвать школой политического воспитания, если бы не одно «но»: политизированный слой рабочих настраивался на разрушение государства.

Результаты наших исследований, изложенные в предшествующих главах, показывают, что различия в правовой, имущественной, образовательной, квалификационной сферах у рабочих России были столь велики, что влияли на формирование определенных линий политического поведения у различных социальных групп внутри рабочего социума.

Таким образом, раскол имущественный, культурный дополнялся расколом в области политического сознания. В целом мировосприятие различных слоев рабочего социума России представляло собой сочетание элементов консервативных, патриархальных, реформистских и революционных воззрений⁵². При общем преобладании консервативно-патриархальных представлений у пролетариев диапазон влияния леворадикалов в

1914 г. сводился к «тесному кругу членов подпольных организаций и связанных с ними рабочих»⁵³. К выводу о **небольшом слое рабочих, связанных с социалистами**, пришел и известный исследователь рабочей тематики Ю.И. Кирьянов⁵⁴.

Первая мировая война привела к деформациям в политическом сознании, углубила раскол в среде рабочих России. Однако начальный этап войны продемонстрировал скорее противоположные явления. С момента объявления первой мобилизации 16—17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной активной антивоенной стачки⁵⁵. Неправомочными следует считать попытки историков в прошлом рассматривать прекращение работы из-за проводов в армию, как антивоенные забастовки⁵⁶. Мы разделяем точку зрения о том, что патриотические настроения в 1914 г. в разных формах были присущи всем слоям рабочих⁵⁷.

Малочисленность забастовок неэкономического характера была более чем очевидна: по данным фабричной инспекции, в России в августе—декабре 1914 г. состоялись четыре забастовки, носящие классово-политический характер с 822 участниками⁵⁸. Проблема для исследователей заключается в другом. Возникает вопрос: можно ли без оговорок отнести к разряду *патриотических* забастовки, имевшие антинемецкую и антиавстрийскую направленность, с учетом активного участия рабочих в погромных акциях?⁵⁹ Нам представляется, что участие в погромах чужестранцев сотен тысяч рабочих⁶⁰ могло вдохновить историков советского периода на воспевание пролетарской мощи. Но у современных историков должны доминировать иные оценки. Справедливо указание О.С. Поршневой на участие в погромных акциях в основном малоквалифицированных, малограмотных рабочих. Среди сознательных, культурно развитых рабочих преобладали иные формы политического поведения: осуждение германского милитаризма сочеталось с поддержкой действий государственных структур в рамках правопорядка. Об этом говорит и резкое сокращение в 1914 г. количества жалоб рабочих, поданных в фабричную инспекцию, по сравнению с 1913 г. Вступление в войну и начало мобилизации актуализировали комплекс традиционных ценностей и установок в менталитете рабочих. В городах широкие слои рабочих переживали подъем религиозных чувств; более усердным, чем до войны, стало посещение ими церкви и исполнение обрядов⁶¹.

Согласие рабочих с идеей единения с другими слоями общества в условиях начавшейся войны базировалось не только на подъеме патриотических чувств, но и на представлении о справедливом распределении обязанностей по несению тягот войны между классами и социальными слоями. Однако в реаль-

ности картина была иной. Рост дороговизны, эгоистическое поведение буржуазии, масштаб потерь на фронте были восприняты рабочими как отказ от принципов патриотического единства, будировали подъем рабочего забастовочного движения. Закономерно, что наибольший размах стачек в 1915 г. пришелся на «текстильные» губернии — Московскую, Владимирскую, Костромскую⁶²: именно в этих отраслях был зафиксирован наименьший рост заработной платы; слабее других действовал механизм отсрочек от призыва. Идея патриотического единения с другими классами общества дала трещину раньше всего у наименее социально защищенных рабочих.

1915 г. стал начальной точкой массового участия рабочих в продовольственных волнениях в городских поселениях, носивших характер погромов лавок и магазинов. И вновь участниками подобных акций стали пролетарские слои рабочего класса⁶³. Однако осознанно отрицательное отношение к войне было присуще только рабочим, тесно связанным с большевистскими партийными организациями⁶⁴. Противоположностью подобным настроениям следует считать поведение высококвалифицированных рабочих, тонкую, но *политически сильную* верхушку рабочего класса⁶⁵.

Появление погромных форм массовых выступлений рабочих на почве дороговизны и нехватки продуктов — голодных бунтов — было важным и опасным симптомом нарастания кризисных явлений в социальной жизни общества и его социально-психологической атмосфере. Эти явления были признаками болезненных изменений в психике беднейших слоев рабочих под влиянием войны и чрезвычайных бедствий. Угроза голода реанимировала традиционные формы ментальных реакций на ухудшение социального положения. Продовольственные беспорядки стали началом перехода части рабочих к активной антиправительственной деятельности, к нарушению классового мира⁶⁶.

Война вырвала из привычной среды, ожесточила, приучила к насилию значительную часть рабочих (по различным оценкам, от 600 тыс. до 1 млн человек), призванных в армию. Стремительное изменение состава усилило воздействие маргинальных слоев на основную массу рабочих. И только социальный слой кадровых рабочих казенных предприятий, в массе своей оставшихся дома⁶⁷, мало пострадал от тягот войны. Как видно, степень обновления, маргинализации различных отрядов рабочих России была далеко не одинаковой. За годы Первой мировой войны разрыв в уровне профессиональной, квалификационной подготовки, социальной защищенности — важных составляющих

социокультурного облика рабочих казенных заводов и остальных предприятий заметно вырос.

Все это обостряло и ранее непростые отношения между рабочими различных социокультурных типов и вносило свою лепту в приближение общероссийского революционного кризиса. Вывод С.В. Тютюкина о том, что на оборонных предприятиях (а к ним в первую очередь относились казенные заводы) стачки происходили реже, чем на фабриках и заводах, работавших на гражданские нужды⁶⁸, подтверждается на региональном материале. Помимо казенных горнозаводских округов, наибольшее распространение представлений о первостепенности защиты отечества, легальных газет оборонческого направления в 1914—1916 гг. зафиксировано на крупнейших предприятиях частновладельческих округов Урала (Надеждинском, Лысьвенском заводах)⁶⁹. С другой стороны, заметно худшие, чем в казенных округах, условия жизни, поток похоронок в рабочие семьи на частновладельческих предприятиях имели вполне предсказуемые последствия: уже в 1916 г. на ряде заводов вспыхнули острые социальные конфликты. В ряде случаев эти конфликты носили национальный характер⁷⁰.

Центральной проблемой первых военных месяцев для рабочих стали протесты против грубого, хамского отношения к ним со стороны администрации, предпринимателей, мастеров. За довоенный период рабочим многих предприятий удалось добиться, чтобы с ними разговаривали на «вы», было прекращено рукоприкладство. Однако в годы Первой мировой войны изменился статус рабочих (их перевели в разряд военнообязанных); некоторые представители администрации стали смотреть на рабочих как на крепостных, угрожая им отправкой на фронт. Правительство практически превратило в казармы целый ряд заводов, оставив там тысячи запасных и ратников. В августе 1915 г. ряд рабочих Ижевского завода был отправлен на фронт якобы за нерадение на производстве. Угроза отправки на фронт висела над рабочими и позволяла администрации обращаться с ними как угодно⁷¹.

Возражение, однако, вызывает утверждение о том, что о трудовой морали к 1916 г. говорить уже было нельзя, так как с 1916 г. рабочие были охвачены настроениями апатии, ненависти к правящему режиму⁷². Подобный вывод сделан на основе нескольких примеров, а главное, он не учитывает глубокие различия в уровне профессиональной, квалификационной подготовки, общей культуры различных социальных слоев внутри рабочего класса.

В условиях войны происходили процессы как сближающие, так и разъединяющие рабочих России. В исторической литерату-

ре факт возвращения на заводы солдат, откомандированных на заводы из воинских частей, традиционно рассматривался как положительное явление. Аргументами служили и квалификация, и революционный потенциал бывших рабочих⁷³. На наш взгляд, правы авторы, заявившие о нарастающей преступности, возникшей после возвращения солдат Первой мировой войны⁷⁴. Приток солдат с фронта стал еще одним каналом изменения привычных норм поведения в среде российских рабочих, требующим специального исследования.

Одним из вариантов сплочения общества в условиях войны могли стать выборы в рабочие секции военно-промышленных комитетов (ВПК). Однако предпринимательские круги не проявили должной активности для проведения повсеместных выборов в рабочие секции ВПК. Пропагандистская кампания сверху оказалась значительно слабее контрпропаганды леворадикальных сил. Сказался и низкий уровень культуры большинства рабочих. Бойкотистская тактика большевиков включала активное участие в собраниях по выдвижению выборщиков на первом этапе, проведении своих кандидатов и последующем срыве выборов на решающем, втором этапе. Показателен уровень участия рабочих в выборах: на призыв буржуазных общественных организаций принять активное участие в деле мобилизации промышленности для нужд фронта откликнулась примерно **третья часть рабочих**. Этот уровень участия в выборах совпадает с показателем активности рабочих во время выборов в IV Государственную думу и свидетельствовал об устойчивости в условиях войны соотношения политически активных и пассивных рабочих как 1:3⁷⁵. Отметим и **логически связанное совпадение показателей массивов политически активных и квалифицированных рабочих в промышленности России**⁷⁶. Так, например, не была реализована возможность уменьшить раскол в обществе в годы войны, отвлечь рабочих от восприятия революционных лозунгов. В результате в 1917 г. национальную идею в рабочей среде потеснила социалистическая парадигма.

Экономический подъем 1909—1913 гг., рост занятости, принятие законов о труде 1912 г., с одной стороны, национальная и религиозная общность, сходство ряда черт быта, совместное проживание в одном регионе — с другой, создавали предпосылки для сближения положения различных категорий рабочих России. Первая мировая война остановила эту тенденцию на уровне предпосылок. В ходе войны был задан темп и масштаб дегуманизации мирового сообщества, по крайней мере на первую половину XX в. Прослеживалась закономерность: чем ниже была степень индустриализации, тем выше была плата за участие в

мировой войне. В военной индустрии было занято 76% промышленных российских рабочих, 58,3 германских, 57 французских, 64,2 итальянских, 46% — английских⁷⁷. Как видно, в России степень милитаризации труда оказалась выше, чем в других воюющих странах, что объективно вело к более высоким социальным нагрузкам на рабочих промышленности.

Длительная война вела к сокращению удельного веса кадровых индустриальных рабочих, способных сдерживать радикализм маргинальных слоев пролетариата. Отсюда лежал российский путь к революции и Гражданской войне, где одна часть рабочих воевала против другой.

§ 2. Политические настроения рабочих в первые годы советской власти (1917—1928 годы)

Только на первый взгляд существует противоречие между двумя современными подходами к оценке политических настроений рабочих России в октябре 1917 г. Мы имеем в виду высказывания известных исследователей рабочей тематики: Д.О. Чуракова, определившего осень 1917 г. как «наивысший за всю историю страны накат протестной активности рабочих»⁷⁸, а также утверждение С.В. Ярова о падении интереса в рабочей среде к политическим событиям, равно как и о нежелании участвовать в них на стороне какой-либо партии уже с середины осени 1917 г.⁷⁹ Противоречие исчезает, если мы будем рассматривать рабочий класс не как единый монолитный блок, а совокупность различных социальных слоев с различными политическими настроениями и линией поведения, о чем говорилось в первой части главы. Указаниями на социальную неоднородность насыщены и упомянутые работы Д.О. Чуракова и С.В. Ярова, открывающие новый этап рабочей истории. Осенью 1917 г. каждый из социальных слоев рабочего социума продемонстрировал свое видение политической ситуации.

Представляются дискуссионными слова о том, что в массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, петроградский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании⁸⁰. Если по России к октябрю 1917 г. около 5% промышленных рабочих были членами большевистской партии, то в Петрограде — 7%⁸¹. По неполным данным, численность Красной гвардии накануне Октября составляла в России 75 тыс. человек, а в дни восстания — 200 тыс., в том числе 40 тыс. — в Петрограде⁸².

Рабочие доминировали в отрядах Красной гвардии: 95,9% красногвардейцев Петрограда, 81,1 — ЦПР (с Москвой), 75,6 —

на Урале, 96,7% — в Екатеринославе — приходилось на рабочих⁸³. Это означало, что подавляющее число рабочих — членов партии большевиков участвовало в отрядах Красной гвардии. **Судя по приведенным выше данным, около 10 % промышленных рабочих Петрограда, 5% — промышленных рабочих России в октябре 1917 г. приняли участие в Октябрьском вооруженном восстании.** Активное политизированное леворадикальное меньшинство рабочих вскоре получило *пассивную* поддержку большинства пролетариев столиц на выборах в Учредительное собрание: за меньшевиков проголосовали 3% жителей Петрограда и Москвы; за большевиков соответственно 45 и 50%⁸⁴.

Выход России из войны *потенциально* означал прекращение процесса деклассирования рабочих промышленности, усиление воздействия маргинальных слоев на основную массу рабочих, появление в рабочей среде случайных социальных элементов (не говоря уже о подневольном труде военнопленных). Создание Советов в центре и на местах, Комитетов общественной безопасности открывало возможность для сохранения хотя бы относительной стабилизации в отношениях как внутри рабочего социума, так и в обществе в целом. Представители столичных крупнейших предприятий первыми высказали свою политическую волю, призвав большевиков к созданию однородного социалистического правительства. Идея коалиции социалистов была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и рабочего контроля — фабзавкомками. Вместе с тем, проявляя заметную политическую неустойчивость, рабочие были готовы отказаться от политических требований взамен на компенсацию в экономической сфере: например, на узаконивание крайне радикальных требований рабочих о повсеместном введении рабочего контроля на предприятиях⁸⁵.

По мнению Д.О. Чуракова, это объяснялось тем, что «революционный подъем в рабочем классе достиг своего пика и теперь постепенно угасал, долгосрочные политические цели теряли свою привлекательность»⁸⁶. Однако следует учитывать и такой весомый фактор, как неясность и неопределенность идей социализма для подавляющего числа рабочих. В такой ситуации опора большевиков на леворадикальные слои пролетариата с мощными антибуржуазными, эгалитаристскими настроениями имела далеко идущие последствия: новая власть легитимизировала политические настроения отсталых, малограмотных, пролетарских слоев в рабочем классе России. Формой государственной власти, утверждающей господство менее развитых в культурном отноше-

нии слоев над более развитыми, мог быть только чрезвычайный режим правления.

Серьезным испытанием отношений промышленных рабочих и советского режима, проверкой степени политической активности российского пролетариата стала история с рождением и драматическим концом Учредительного собрания. В целом отношение рабочих к Учредительному собранию было сдержанно-благосклонным, а для тех отрядов рабочего класса, которые оказались ущемлены уравнительной политикой новых властей, оно давало шанс быть услышанными. Не в последнюю очередь такое отношение рабочих к Учредительному собранию являлось следствием предшествующей пропагандистской деятельности всех центристских и левых политических партий⁸⁷.

Однако явную или скрытую поддержку Учредительного собрания могло обеспечить то **меньшинство** культурно развитых рабочих, которое и было связано с профсоюзами, легальными партиями дореволюционного периода, было способно ценить парламентские свободы. Анализ политических настроений и позиций рабочих России говорит о том, что в большинстве случаев рабочие отказывались противопоставлять Учредительное собрание Советам и другим органам своего самоуправления⁸⁸.

Проиграв в целом по стране, РСДРП(б), как уже говорилось, победила в пролетарских центрах. Однако ситуация вокруг выборов в Учредительное собрание нам представляется неоднозначной. В условиях крушения монархических политических сил, разграничения сфер деятельности буржуазных и социалистических партий в 1917 г. произошел сдвиг симпатий рабочих индустриального типа вообще и казенных заводов в частности к представителям умеренных левых партий. Так, в Златоусте, Ижевске, Мотовилихе, некоторых других рабочих центрах казенных горнозаводских округов крупнейшими партийными организациями располагали эсеры⁸⁹.

Поляризация в рабочей среде была усилена в ходе выборов в Учредительное собрание. В ряде промышленных центров большевики остались в меньшинстве даже среди пролетарских слоев, собрав от 5 до 11% голосов (Харьков, Курск, Пенза, Томск, Уфа, Казань и др.)⁹⁰. С другой стороны, наивысший процент голосов большевики собрали на тех частновладельческих заводах Южного Урала, где и в годы экономического подъема сохранялись кризисные явления, а рекордсменом (90%) стал Миньярский завод, где так и не были созданы больничные кассы, а напряженность в отношениях рабочих и администрации в 1916 г. вылилась в полугодовую забастовку⁹¹. Не случайно Миньярский завод стал подлинной колыбелью большевизма, дав в 20-е гг. ряд

руководителей Уральского обкома ВКП(б) (Д. и А. Сулимовых, К. Рындина и др.). Не только деятельность профсоюза, но и потребительского кооператива, духового оркестра, певческого хора были пронизаны марксистской пропагандой, находившей адресат среди миньярских рабочих⁹². Подобная политизация культурно-просветительных организаций была нередким явлением в рабочих центрах, но в данном случае сказался масштаб пропагандистской деятельности большевиков.

Иная картина сложилась на выборах в Учредительное собрание в заводских поселках казенных предприятий: уровень влияния левых здесь был иной: от 50% на Ижевском, Мотовилихинском, Кушвинском заводах до 20% на Воткинском. Выскажем мнение, что и этот относительно высокий показатель поддержки левых объясняется притоком значительного количества пришлых рабочих на казенные заводы в годы Первой мировой войны. Аналогичная картина сдержанного доверия к левым партиям сложилась в ряде старинных горнозаводских центров с устоявшейся социальной структурой, наличием земельных наделов у большинства рабочих (Чусовой, Ревда и др.)⁹³. Характерно, что и в исторических исследованиях советского периода, правда, в приглушенной форме, отмечались весьма сдержанные успехи большевиков среди названной категории рабочих⁹⁴.

Различия политического поведения рабочих в ходе выборной кампании были усилены в январе 1918 г., после разгона Учредительного собрания. Если большинство рабочих вновь поддержали политику советской власти, то принципиально иную позицию заняли рабочие ряда крупнейших предприятий России. Знаменательно, что принципиальное различие в рабочей среде по вопросу роспуска Учредительного собрания в современной историографии квалифицируется как процесс нарастания размежевания в рядах рабочего класса⁹⁵.

Как представлялось лидерам левых партий, такие процессы, как крушение старого государства, законодательства, кадровое обновление в ходе бурного 1917 г., должны были открыть принципиально новую страницу истории. При всей фундаментальности перемен после Октября 1917 г. реальный ход событий определяли не только декреты советской власти. Существовали определенные экономические условия, опыт организации управления производством и трудовыми отношениями, наконец, кадры, сформировавшиеся в период Первой мировой войны. Каждый из этих факторов по-своему определял далеко не однолинейное развитие рабочих России в послеоктябрьский период.

Революционный 1917 г. дал толчок новым процессам в развитии рабочего класса России. Часть социального слоя полити-

чески активных рабочих покинула производство и вошла в различные управленческие структуры. Заметим, что разница между управленческими и общественными органами в конце 1917 — начале 1918 г. носила еще довольно условный характер. Так, представители профсоюзов по статусу входили в состав совнархозов и советов рабочего контроля, других формировавшихся звеньев госаппарата, выступали в качестве резерва для пополнения управленческого корпуса.

Вызывает особый интерес показатель удельного веса рабочих в органах общественного управления. По данным профессиональной переписи августа 1918 г., доля занятых в общественном управлении составляла в Ярославской губернии — 3,2%, в Иваново-Вознесенской — 1,5, в Тульской — 2%. На Урале (материалы были представлены только по Вятской губернии) этот показатель составил 4%⁹⁶. Характерно, что к концу Гражданской войны показатель удельного веса рабочих Вятской губернии, покинувших производство и работавших в различных управленческих структурах, составляет также 4%⁹⁷. Таким образом, можно допустить, что, по крайней мере, 4% рабочих промышленности России (т. е. порядка 120 тыс. человек) покинули трудовые коллективы и влились в управленческую элиту всех уровней советского общества в первые годы советской власти.

Основу этого слоя рабочих, как свидетельствует мемуарная и биографическая литература, составили люди, искренне верившие в справедливость нового строя, внесшие немалый вклад в реализацию социальных программ советской власти. Вместе с тем материалы профессиональной переписи 1918 г. показывают доминирование среди рабочих, поддержавших советскую власть, лиц, не относящихся к категории потомственных, кадровых, квалифицированных. Так, в Петрограде среди рабочих-активистов лиц деревенского происхождения насчитывалось 76%⁹⁸.

Немногочисленность сохранившихся источников, несущих информацию по социальному составу рабочих — членов деловых советов предприятий, вызывает особый интерес к коллективному портрету членов делового совета Очерского завода (Пермская губерния), составленному нами на основе проделанного контент-анализа 187 биографий рабочих. В январе 1918 г. 81% членов делового совета являлись рабочими по социальному происхождению; 88% — уроженцами Очерского уезда; все члены совета приступили к работе на предприятии в годы Первой мировой войны, из них 86% — в 1915—1917 гг. Таким образом, **членом делового совета, как правило, являлся пролетарий с небольшим производственным стажем, выходец из местной рабочей семьи**⁹⁹.

В исторической литературе последнего десятилетия утвердилось мнение о том, что рабочие приносили в деятельность органов власти не только решительность и настойчивость, но и некомпетентность, узкоклассовый подход¹⁰⁰. В качестве подтверждающего примера приведем такие акции, как открытие по требованию рабочих ряда устаревших законсервированных заводов, **изгнание** большого числа представителей административно-технического персонала, введение уравнительной тарифной сетки и, конечно же, национализация предприятий¹⁰¹. В этой связи заслуживает внимания как обоснованное мнение, опубликованное летом 1918 г. в литературно-политическом еженедельнике «Уральское хозяйство», о том, что «рабочие делают невыносимой жизнь инженерно-технических работников». Подлинной причиной такого явления называлось отсутствие культуры у рабочих¹⁰². Тем самым леворадикальное крыло рабочих, реализуя как марксистские доктрины, так и импульсы, идущие от уравнилельно настроенных слоев трудящихся России, вносило свою лепту в приближение Гражданской войны.

Следует отметить относительную немногочисленность массива промышленных рабочих в масштабах всей России, вошедшего после октября 1917 г. в высший эшелон советских руководящих кадров. Проведенная в июле 1921 г. перепись ответственных работников советских, хозяйственных, партийных, профсоюзных органов, армии и фабрично-заводских предприятий 45 губерний и областей охватила 14 828 человек. 34,6% из них составили бывшие рабочие фабрично-заводской и кустарной промышленности¹⁰³. Таким образом, **из 5 тыс. высокопоставленных управленцев из рабочей среды только часть являлась действительно рабочими индустрии.**

Что же касается *хозяйственной* элиты в данном случае в составе работников народных комиссариатов, то, по обследованию 1922 г., среди 10 661 *руководящих работников* рабочих было только 2,4% (две с половиной сотни). Среди массива 10 466 *специалистов* (среднего звена наркоматовских управленцев) рабочих насчитывалось 5,7%. Даже среди младших специалистов (29 965 человек) рабочими в прошлом были 3,5%¹⁰⁴.

Не оправдались расчеты на то, что участие рабочих в государственном управлении станет преградой для бюрократизации советского аппарата. Осталась почва, питавшая бюрократизм: монополия государства в экономике, жестко централизованная административная система с командными методами управления. Правящая партия по-прежнему выдвигала рабочих на руководящие посты, не считаясь с уровнем их образования, профессиональной управленческой подготовкой. Согласно партийным

установкам, нужно было, прежде всего, учитывать производственный стаж и общественную активность кандидата на выдвижение¹⁰⁵.

Неоднородность политических симпатий рабочих России привела и к различным линиям политического поведения в годы Гражданской войны. В первые месяцы 1918 г. предметом и причиной рабочего активизма стали экономические неурядицы. Имеющаяся статистика рабочих протестных выступлений говорит о волнениях на примерно 210—220 предприятиях страны, в том числе обширном списке крупных предприятий. Только в Петрограде рабочих, участвовавших в массовых выступлениях протеста, насчитывалось 40—45 тыс.¹⁰⁶ Наш анализ списка предприятий, приведенных Д.О. Чураковым, позволяет утверждать: перед нами *большинство крупных казенных заводов России*, производивших военную продукцию!¹⁰⁷

Взрывчатая смесь экономических неурядиц, недовольства разгоном Учредительного собрания и подписанием Брестского мира усиливалась перегибами местных советов типа запретов рабочим пользоваться землей. Отсюда первые очаги повстанчества рабочих возникают, прежде всего, на Урале и в ЦПР. В предшествующих главах мы указывали на близость социокультурных признаков рабочих Урала и ЦПР. Эти два промышленных района по важнейшим характеристикам имели много общего: сильное крестьянское, традиционалистское влияние на рабочих. Но только на Урале дело дошло до многомесячного вооруженного сопротивления рабочих советской власти. Именно в Уральском регионе в наибольшей степени нашла свое воплощение отмеченная социальная неоднородность рабочего класса России. Неоднородность, отрицавшая общероссийское единство рабочих как особой социальной группы российского общества.

Дифференциация в формах и методах рабочего протеста была обусловлена **в первую очередь социальными различиями внутри самого рабочего класса**. Специфика в политике местных властей, на которую сделан акцент в интересной и содержательной монографии Д.О. Чуракова¹⁰⁸, при всей своей значимости носила *вторичный* характер. Не вызывает сомнения, что государственная политика в рабочем вопросе носила патерналистский характер. Но патернализм был обращен не в одинаковой мере ко всем слоям рабочих. Его острое — уравнительность оплаты труда, вне зависимости от производительности, уравнительность распределения скудных материальных благ могла вызвать поддержку прежде всего у малоквалифицированных пролетариев.

Лояльную позицию кадровых рабочих к осени 1918 г. советская власть обеспечила другими методами: организовала реше-

ние продовольственного вопроса (в сравнении с бедственным положением других городских слоев населения); ликвидировала угрозу полной безработицы; ввела рабочий контроль на предприятиях и другими мерами, выдаваемыми как единственное спасение от остановки промышленной жизни; наконец, пропагандой безусловной власти рабочего класса¹⁰⁹.

Но имело значение не только это. Соотнесение себя с лагерем победителей расценивалось рабочими как элементы повышения своего социального статуса. Идентичность рабочих, отнесение себя к пролетарскому классу определялись не столько специфическим «классовым сознанием», сколько тем, что рабочие в социальной советской иерархии, согласно официальным документам, стали обладать высшим статусом по сравнению с другими слоями населения¹¹⁰. Подлинность такого классовобразования («класса-гегемона» в советской терминологии; социального слоя, способного влиять на решения власти) была ограничена рамками массива рабочих, пришедшего во власть; реально улучшившего свои жилищно-бытовые условия. Однако именно этот слой и отрывался от своего прошлого, покидая ряды рабочего класса.

И в современной литературе бытует утверждение о том, что рабочие редко поддерживали в 1918—1920 гг. вооруженные восстания против Советской власти, а подобные акции ограничивались кругом Ижевско-Воткинского и Астраханского выступлений¹¹¹. На наш взгляд, подобное утверждение, в данном случае одного из самых проникательных исследователей рабочей тематики С.В. Ярова, отражает общий уровень изученности данной проблемы. Историки (по понятным причинам) не рассматривали вопрос об участии промышленных рабочих в вооруженных анти-советских выступлениях на казенных предприятиях Центра России. Мало изучены восстания рабочих 1918 г. в Златоусте, Перми (Мотовилихе), Сибири, политическое поведение рабочих в Прибалтике, русской Польше.

За годы Гражданской войны примерно 460 тыс. промышленных рабочих были призваны (или ушли добровольно) в Красную армию. По приблизительным подсчетам, 61 тыс. из них погибли¹¹². Сокращение численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в 1917—1920 гг. с 3,6 до 1,5 млн человек (или на 2,1 млн)¹¹³ означало, что в Красной армии оказались около 13% промышленных рабочих, имевшихся в стране в 1917 г.

Более правильным будет подсчет по массиву рабочих-мужчин: в фабрично-заводской промышленности 1917 г. *всех муж-*

чин насчитывалось 59,9%¹¹⁴. С учетом горнозаводской и горной промышленности этот показатель повышался до 65%. В этом случае в Красной армии оказалась примерно **пятая часть промышленных рабочих-мужчин** (460 тыс. из 2,34 млн человек).

В исторической литературе давно известны сведения о 55—76% рабочих, покинувших свои предприятия в годы Гражданской войны¹¹⁵. Сравнение численности рабочих цензовой промышленности за 1917 г. — 3,6 млн человек и за 1920 г. — 1,5 млн человек¹¹⁶ — позволяет сделать вывод об уходе с предприятий примерно $\frac{3}{5}$ промышленного пролетариата (58%).

Эти данные советскими историками рассматривались как безусловное свидетельство, говорящее о политической активности рабочих в формировании Красной армии¹¹⁷. Однако только менее **четверти рабочих, оставивших промышленность**, оказались в рядах Красной армии (460 тыс. из 2,1 млн человек). Картина не меняется даже с учетом 20—30 тыс. рабочих, ставших милиционерами и работниками ВЧК¹¹⁸; более 9 тыс. рабочих, занятых на ответственных должностях в советских учреждениях в 1920 г.; 3,5 тыс. рабочих, выдвинутых на командные должности на производстве¹¹⁹; около тысячи вошедших в наркоматы РСФСР и возглавивших промышленные предприятия¹²⁰.

Часть рабочих (судя по металлистам и текстильщикам, этот массив составлял **треть ушедших**, т. е. приблизительно 20% всех промышленных рабочих) в годы Гражданской войны *уходила в деревню*¹²¹. Получается, что примерно 55% рабочих из числа покинувших свои предприятия в годы Гражданской войны приходилось на следующие группы: многочисленный массив лиц, занявшийся ремесленным трудом; участников белого движения; бойцов партизанских отрядов всех разновидностей; безработных¹²²; деклассированных элементов. Собственно говоря, перед нами **картина глубокого расслоения (и деклассирования) промышленных рабочих России**. И современная историческая наука довольно далека от ответа на вопрос о конкретном соотношении указанных выше социальных слоев рабочих промышленности, оказавшихся между красным и белым движениями.

Рассмотрим данные об участии рабочих Урала в строительстве Красной армии в первой половине 1918 г., в так называемый добровольческий период, на котором преобладала *собственная активность* социальных слоев и групп. Сопоставление численности добровольцев из рабочих, ушедших в Красную армию, с численностью пролетариата по губерниям Урала приводит к выводу о неравнозначности поддержки рабочими красного лагеря в зависимости от экономико-географического района и ведомственной принадлежности предприятия. Так, на Южном Урале

(Оренбургская и Уфимская губернии), где преобладали частновладельческие округа, а среди предприятий существовало немалое количество устарелых заводов, в Красную армию вступили **21,3% рабочих**. На Западном Урале, в Пермской и Вятской губерниях, где располагались *крупные казенные заводы*, этот показатель составил соответственно **3,9%** в Пермской и **6,8%** в Вятской губерниях, а в целом по Уралу — 8%. Характерно, что на крупнейшем на Урале бывшем казенном Ижевском заводе в Красную армию добровольцами записались около 1% рабочих¹²³. На Среднем Урале известны сведения об участии рабочих в Красной армии, но к моменту *окончания военных действий на Урале*: по данным с 28 заводов (апрель 1920 г.), число семей красноармейцев составляло примерно $\frac{1}{5}$ от числа семей всех рабочих¹²⁴. Несложно заметить, что длительное фокусирование различных вариантов государственной политики на однородные группы районов одного региона дало закономерный эффект: степень поддержки Красной армии (а с ней и советской власти) на Южном и Среднем Урале, с одной стороны, и Западном Урале — с другой, отличалась примерно в 3 раза.

Мы располагаем отрывочными данными о поддержке рабочими белого движения. Относительно ясную картину дают сведения по крупным казенным заводам. Так, из 19 тыс. рабочих бывшего казенного Ижевского завода, трудившихся в 1928 г., 4243 (**22,3%**) — воевали у белых; 4000 (**21,1%**) — у красных. Обследование того же года на Мотовилихинском заводе показало, что более 26% рабочих «либо служили у белых, либо были неизвестно где»¹²⁵. Выскажем предположение, что в 1928 г. за уклончивой формулировкой «неизвестно где» скрывалась также служба в той или иной форме в белой армии. Сводка ОГПУ (1922 г.) сообщала, что «35% рабочих Воткинского завода имеют плохое прошлое и смотрят на все проводимое с критической стороны»¹²⁶. **Как видно, минимум четверть рабочих казенных заводов Урала поддерживали белых.** Известно о формировании частей Народной армии Комуча из рабочих Оренбурга, Златоуста, Сатки¹²⁷. По данным С. Воробьева, проанализировавшего материалы партийной переписи 1922 г., 12 % коммунистов Урала в годы гражданской войны служили в белой армии (!)¹²⁸. В целом же вопрос об участии рабочих в белом лагере требует дополнительного изучения. Мы надеемся вернуться к этой проблеме.

Заметив, что значительная часть рабочих России стремилась не принимать участия в войне, укажем, в частности, на недостаточную изученность такой темы, как участие рабочих-мусульман в Гражданской войне. Мнению об активном участии рабочих-башкир и татар в политических событиях 1917—1922 гг. сегодня

противопоставлена другая оценка — о стремлении мусульман быть в стороне от политики¹²⁹. Точка зрения, к сожалению, не подкрепленная каким-либо статистическим материалом.

Традиция разрешения социальных конфликтов путем подачи жалоб и петиций сменилась в годы Гражданской войны преобладанием насильственных методов. В целом драматический период российской истории сузил возможности для культурной трансформации всех социальных групп рабочих в рамках индустриальной модернизации.

Если участие рабочих России в Гражданской войне на стороне красных отражено в научной литературе, то изученные нами материалы позволяют очертить только нижнюю границу участия рабочих казенных заводов в белом движении — примерно $\frac{1}{4}$ состава рабочих коллективов. Таким образом, раскол в рабочем социуме дошел до вооруженного противоборства полярных слоев рабочего класса. **От последствий Первой мировой и Гражданской войн наиболее заметно пострадал социальный слой, ближе всего приблизившийся к характеристикам рабочих индустриального общества, чьими усилиями сдерживался радикализм маргинальных слоев пролетариата¹³⁰.** В ходе Гражданской войны в социокультурном облике рабочих России усилились те черты, которые исследователи относили к архетипам крестьянской ментальности, общинной психологии и традиций.

Итоги Гражданской войны давали определенную почву для переоценки рабочими политических взглядов. Та часть рабочих, которая влилась в правящую элиту, выступала наиболее рьяным сторонником советской власти. Речь идет о довольно многочисленной социальной группе. Но существовал и массив рабочих, с недоверием относящихся к новой власти. Еще более значительной была социальная группа внутри рабочего класса, вынужденная самими суровыми условиями жизни думать о выживании и в силу этого индифферентно относиться к сменам политических режимов.

Политические настроения каждой социальной группы внутри рабочего класса необходимо оценивать с учетом того, что к началу 20-х гг. усилиями агитационно-пропагандистских структур в значительной мере были идеологизированы и производственные коллективы на заводах и фабриках, и даже формы бытовой жизни рабочих. Идеологизация политического поведения широких масс промышленных рабочих нашла выражение в практике использования элементов «организованного» манипулирования — одобрении коллективных просоветских постановлений, участии в коллективных демонстрациях, подписании коллективных писем. При этом любые отклонения и изменения во взглядах рабо-

чих скрупулезно регистрировались политическими сводками партийных, профсоюзных и чекистских структур с такой интенсивностью, аналог которой трудно было найти в дореволюционной государственной практике¹³¹.

Вместе с тем, по глубокому замечанию С.В. Ярова, зафиксированная в первые годы советской власти политическая апатия, характерная для большинства рабочих, обнаружилась не столько в силу проявления интереса к политическим событиям, сколько оттого, что рабочих стали чаще спрашивать об этом. Выявленная политическая индифферентность пролетариев имела прочную российскую историческую традицию. Социальная апатия рабочих свидетельствовала не столько об ориентации в политике, сколько о выключенности из нее. Политическая реакция рабочих была дискретна: они откликались не на все политические действия властей, а на те, которые могли интересовать рабочую массу непосредственно, меняя их быт и уровень жизни¹³².

Что же касается участия рабочих в общественных мероприятиях (демонстрациях, митингах, собраниях), следует отметить либо обязательность подобного посещения (как тест на политическую лояльность); либо возможность обсуждения бытовых вопросов; либо привлечение красочностью и зрелищностью. Невиданный прежде размах ритуальных мероприятий, имевший централизованный и монопартийный (т. е. ярко выдержанный большевистский) характер, превращал политические идеи в массовый ритуал. Но и участников политических мероприятий отличала психологическая неустойчивость, быстрота психологических перемен, элементарность политических лозунгов ввиду отсутствия стержневых основ политических знаний. В массовой среде, в условиях разобщенности рабочих, в силу фактического отсутствия коллективных форм защиты ослабевала индивидуальная сопротивляемость рабочего, сначала ориентирующегося на позиции других, а затем начинавшего думать как другие. Как видно, идеологизация рабочей среды шла параллельно с противоположной тенденцией — деполитизацией фабрично-заводских коллективов¹³³.

Стремясь контролировать ситуацию, правящая партия обратила внимание на возможности рабочих клубов, имевших место до революции и широко возникавших в советское время. Клубные формы изначально являлись нестабильными, но важнее было то, что они зачастую не насаждались сверху, а возникали спонтанно, удовлетворяя насущные потребности горожан, имея собственный, во многих случаях автономный код развития. Они прижились в городской среде, преимущественно фабрично-заводской и молодежной¹³⁴. Циркуляр Главполитпросвета «О бли-

жайших задачах клубов» (1922 г.) нацеливал клубы на изучение производственных и политических задач на крупных и средних предприятиях. В остальных случаях клубы заменяли красные уголки. Однако в любом варианте «нормальный устав» рабочего клуба должен был включать *регламентированный* набор кружков политического образования¹³⁵.

Издержки совмещения пропаганды с развлечениями показали, что специфическая структура клубов отторгает политику в тех масштабах и в тех формах, которые соответствовали планам политработников. Однако **прецедент политизации досуга** возник, и партийные и комсомольские органы с начала 20-х гг. систематически стремились усилить свое идеологическое присутствие в деятельности клубов, не считаясь ни с инертностью и апатией взрослых рабочих, ни с малым процентом охвата клубами рабочих, ни с очевидным предпочтением рабочими развлекательных мероприятий¹³⁶.

Конечно, дискуссии в рабочей среде в 20-е гг. характеризовались преобладанием экономических требований. О сколько-нибудь осознанном политическом выступлении можно говорить применительно к событиям марта 1922 г. на бывшем казенном Мотовилихинском заводе. Более высокий культурный потенциал рабочих бывших казенных заводов проявился в данном случае в том, что рабочие пушечного завода (и конференция трудового коллектива, и партийная организация) поддержали требование рабочего-коммуниста Г.И. Мясникова о необходимости свободы слова и печати. Примечательный момент: в обращении рабочих-коммунистов Мотовилихи в ЦК РКП(б) это требование в силу внутренней цензуры было сужено до введения внутрипартийных свобод¹³⁷.

Взгляды Мясникова, сложившиеся к 1921 г., базировались на критике бюрократизма, заостренности партийно-государственного аппарата и отстранении рабочих от участия в управлении обществом как главных источниках экономического и социального кризиса в Советской России. По его мнению, Советы рабочих депутатов должны были стать и производственными, и территориальными органами управления¹³⁸. Современные исследователи отмечают, что помимо объективной основы для критики к публичным выступлениям подталкивала и амбициозность, маргинальная психопатичность Мясникова¹³⁹ — признаки социальной психологии, весьма характерные для части рабочих, «вкусивших власти».

Вольномыслие рабочих одного из крупнейших заводов Урала показалось чрезмерным: решением Политбюро ЦК РКП(б) Г.И. Мясников был исключен из партии. Однако в начале 20-х гг.

в отдельных сферах политической жизни рабочие еще могли выразить свой протест. В резолюции общезаводского партсобрания говорилось: «Мы стоим на платформе Мясникова, и его исключение из партии равносильно исключению всех нас». В знак солидарности с Мясниковым 164 рабочих-коммуниста Мотовилихи (44% членов парторганизации) вышли из РКП(б)¹⁴⁰.

И все же, несмотря на яркость выступления рабочих Мотовилихи, перед нами исключительный случай из политической практики рабочих России. Даже в Петрограде, городе с традициями рабочей активности, в 1922—1923 гг. происходит исчезновение политических дискуссий в рабочей среде: на фабрично-заводских собраниях не принимаются оппозиционные политические постановления, прекращаются политические рабочие демонстрации¹⁴¹. Политический протест рабочего мог теперь звучать чаще всего в форме обращений к вождю или вождям. Достаточно символичны в этом отношении строки из письма рабочего Мотовилихинского оружейного завода С. Клименко И. Сталину (1926 г.). «Я по духу рабочий и философствовать не умею...» — писал уралец вождю. Однако после такого самоуничижительного объявления письмо рабочего содержало весьма серьезные предложения. Во-первых, о передаче профсоюзам части предприятий для более полного развертывания самостоятельности рабочих масс. Во-вторых, о создании кооперативно-промышленного банка (инвестиционного) для поддержки предприятий всех форм собственности¹⁴². Комплексное изучение сводок ОГПУ и НКВД, хранящихся в архивах, позволяет сделать вывод о приоритете экономической тематики в письмах и требованиях рабочих¹⁴³.

С конца 20-х гг. обращения в столицу все чаще приобретали анонимный характер, например в виде анонимного заявления рабочего Путиловского завода («Красного путиловца») в ЦК партии от 27 марта 1929 г. В нем прозвучали такие слова: «...рабочий сейчас смотрит на государство как на такого же эксплуататора, как и раньше». Характерно, что партком предприятия признал распространенность подобных взглядов среди рабочих-путиловцев¹⁴⁴.

Социально-политический голос рабочих в годы нэпа наиболее выпукло проявлял себя в проведении экономических стачек. Что же касается выступлений «рабочей оппозиции», справедливое замечание о специфическом профессионалистском смысле ее требований¹⁴⁵ следует дополнить указанием на верхушечный характер дискуссий, не затронувший широкие массы рабочих.

Несмотря на масштабный характер изменений в составе рабочих России в 1914—1922 гг., прежде всего сокращение численности промышленных рабочих, пролетариат СССР в начале

20-х гг. представлял собой достаточно заметную социально-политическую величину. Это объясняется тем, что рабочие в начале 20-х гг. рассматривались РКП(б) в качестве основной социальной опоры власти. Не оборвалась еще и пуповина, связывавшая основную массу рабочих и пролетариев, вошедших в новую элиту: решение Оргбюро ЦК ВКП(б) о постоянной системе материальных благ и привилегий для активных партийных работников было принято только 31 июля 1922 г.¹⁴⁶ Сама возможность политического прозрения рабочих волновала власть в центре и на местах. В феврале 1922 г. было опубликовано выступление Г.Е. Зиновьева во Всероссийском партийном клубе, раскрывающее умонастроения большевистских вождей. «Сейчас настроение рабочих не такое, что стоит пообещать — и тогда он за тебя; многострадальные годы Гражданской войны выработали в рядах рабочих в этом смысле критическое отношение»¹⁴⁷.

Но рабочие СССР самой жизнью были вынуждены сверять лозунги и обещания большевиков и реалии 20-х гг., и подобная сверка выливалась в различные формы давления на власть. О формах и масштабах такого давления можно судить, например, по жалобе партийной фракции ВЦСПС на действия уральского профсоюза металлистов летом 1922 г. Последний был обвинен в подготовке общеуральской забастовки и создании стачечного фонда. Любопытны и адресаты критики самих рабочих-металлистов: хозяйственные органы как регионального, так и общероссийского уровня, где широко были представлены «старые специалисты»¹⁴⁸.

Власти (а вопрос разбирался на Оргбюро ЦК РКП(б) 24 июля 1922 г.), категорически осуждая в принципе саму идею общеуральской забастовки, были не прочь локализовать недовольство рабочих рамками частных и концессионных предприятий или фигурами отдельных буржуазных специалистов¹⁴⁹. Характерно, что пожар на уральском заводе мог уже в начале 20-х гг. вызвать вопрос на оргбюро о «вредительстве» специалистов¹⁵⁰. К сказанному следует добавить, что на ряде предприятий отношения рабочих со специалистами носили напряженный характер, а в целом «спецеество» было явлением более распространенным и в других районах СССР¹⁵¹.

Подготовка металлистов Урала к общерегиональной забастовке означала не только то, что металлисты выдвинули на повестку дня вопрос: кто виноват в бедствиях населения? Не подтверждался миф о металлистах как самой «большевизированной» части рабочих. Реальные черты рабочих (например, металлистов, печатников) проглядывали сквозь абстрактно-идеальные характеристики, рожденные пропагандой, и соотнесенность культурного уровня

политической лояльности становилась не только неявной или временами отсутствующей¹⁵². Исследования С.В. Ярова, Д.О. Чуракова, наши собственные доказывают как раз обратное: в 20-е гг. **политическая активность снижалась по мере возрастания культурного уровня рабочих**. Как будет показано ниже, такая закономерность прослеживалась до конца 30-х гг., до тех пор, пока правящая партия в широком масштабе не подключила к пропаганде патриотические мотивы защиты Родины.

Конечно, в условиях диктатуры одной партии ответ на вопрос о причинах бедствий рабочих мог звучать только в плоскости вины какой-то социальной группы, а логика деления народа на «трудовые» и «нетрудовые» слои суживала диапазон поиска виноватых. Тем значимее был ответ, данный самыми старыми специалистами. Мы рассматриваем огромный массив статей специалистов, опубликованных в 1922—1928 гг. в журналах «Плановое хозяйство», «Проблемы экономики», «Вопросы труда», региональных изданиях, не только как источник правдивой информации о положении рабочих в СССР и за рубежом, но и как своеобразную школу для рабочих-выдвиженцев, культурно развитых, привыкших или приобщенных к чтению пролетариев¹⁵³.

В статьях специалистов прямо говорилось о неумении руководителей трестов наладить сбыт товаров, значительных масштабах хищений на производстве, низкой культуре быта в рабочих поселках. Таким образом, на первый план в анализе причин выдвигались объективные факторы, а не вредительство отдельных лиц. Судя по отсутствию ответных критических выпадов, публикации специалистов в газетах и журналах 20-х гг. (по крайней мере до 1928 г.) влияли на эволюцию общественного сознания, в большей степени хозяйственной, в меньшей — политической элиты, в которую вошли вчерашние рабочие.

В качестве примера приведем вводную статью В.А. Овсянникова «Положение труда на Урале в 1923 году» к статистическому сборнику с аналогичным названием. Не только масштаб (55 с.), но и обстоятельность и глубина выводов в подчеркнуто нейтральной манере изложения позволяют рассматривать эту статью как самостоятельное исследование монографического характера. «Современный рабочий, — подчеркивал известный уральский экономист В.А. Овсянников, — отдает работе времени больше, чем в довоенное время, а отдыхает вдвое меньше». В.А. Овсянников отмечал, что Советское государство является почти монополистом в области использования живого труда¹⁵⁴.

Правящая партия приняла меры, по-своему услышав голос специалистов. Бралась на учет и прорабатывались наиболее принципиальные специалисты. С 1929 г. в названных журналах исче-

зают или становятся редкими остро критические материалы. Аналитические статьи вводного характера, типа публикации В.А. Овсянникова, перестали открывать статистические сборники. Однако зерна прозрения были посеяны: статьи ученых стали образцом аналитического подхода к проблемам экономики для думающей части рабочих СССР, формируя рациональную линию внутри весьма неоднородной советской политики хозяйствования.

Справедливо будет говорить не об исчезновении политической оппозиции среди рабочих, а о ее маскировке, включавшей не только умолчание о своей позиции, характерные отмежевания от действий врагов советской власти, но и упрочение конформистских настроений и установок рабочих¹⁵⁵.

Запретительные меры властей не могли остановить протест рабочих. Насколько масштабными были забастовочные выступления рабочих СССР? Судя по динамике числа забастовок и их участников, в Советской стране шло снижение этих показателей. Если в 1922—1923 гг. бастовал каждый десятый промышленный рабочий, то в 1926—1927 гг. — не более 2%¹⁵⁶. По мнению Ю.И. Кирьянова, речь идет о впечатляющих цифрах, превышающих показатели 1895—1904 гг., т. е. кануна революции, 1908—1911 гг., 1915 г.¹⁵⁷ В литературе встречаются и иные оценки, например, по данным А. Поспеловского, в 1925—1928 гг. в забастовках приняли участие 3% индустриальных рабочих СССР¹⁵⁸. При этом известно, что источники отражают, мягко говоря, неполную информацию о масштабе забастовочных выступлений. Так, установлено, что по Московской губернии в 1923—1924 гг. источники отражали не более 4% всех рабочих конфликтов, а с конца 20-х гг. заметно сокращаются сведения о трудовых конфликтах в официальных справочных и профсоюзных изданиях¹⁵⁹.

В советское время в документах наряду со стачками стал фигурировать такой термин, как «трудовые конфликты», под которым понимались *незабастовочные* столкновения рабочих с администрацией предприятий. Число участников трудовых конфликтов значительно превышало число забастовщиков. По официальным данным, число забастовщиков в СССР за два года — в 1924 и 1925 гг. — не превышало 70 тыс. человек, а число участников трудовых конфликтов приближалось к 600 тыс.¹⁶⁰ Однако официоз не выдерживает критики при рассмотрении отдельных региональных показателей. Например, в Уральской области в 1925/26 хоз. г. в трудовых конфликтах участвовали 411 558 человек, в том числе 404 800 — на госпредприятиях. Это означало, что

степень конфликтности на госпредприятиях была выше, чем на частных и концессионных¹⁶¹.

Объективной основой трудовых конфликтов (помимо условий труда) являлись волокита и нарастающая бюрократизация советской промышленности и профсоюзов, раздражавшие рабочих; враждебные отношения между фабричной администрацией, отдельными представителями профсоюзов, с одной стороны, и отдельными рабочими или членами рабочих групп — с другой. Кроме того, рабочие не могли не знать, что в их пользу завершалась меньшая часть забастовок, а сами забастовки квалифицируются властными структурами как «контрреволюционные»¹⁶². В силу этого участие в забастовках грозило лишением социальных благ, носящих сословный характер, возможности стать выдвинутым. Прямое участие в стачке для советского рабочего к концу 20-х гг. стало либо непозволительной роскошью, либо делом исключительного случая. Недовольство советских рабочих с конца 20-х гг. переходило в такие формы протестной деятельности, как опоздания и невыходы на работу; замедления производства и другие формы поведения, указывавшие на профессиональную адаптацию механизмов протеста¹⁶³. Таким образом, социальный протест рабочих загонялся внутрь и искал выход в более скрытых формах.

Болезненно негативное отношение советского руководства к забастовкам рабочих, начиная со второй половины 20-х гг., вело к закономерным последствиям: участие в забастовках, возникшее как следствие трудовых конфликтов в экономической сфере, приобретало *политический подтекст*, будучи вызовом механизму власти в СССР. Характерна реакция властных органов на однодневную забастовку мартеновцев Верх-Исетского завода 12 мая 1927 г. Забастовка на одном из старейших промышленных предприятий Урала — Верх-Исетском металлургическом заводе (ВИЗе) заведомо приобретала особое значение. Забастовка проходила в административном центре Уральской области, на крупнейшем в Свердловске предприятии. ВИЗ играл в столице горного Урала ту же роль, что и Путиловский завод в Петербурге: немалая часть рабочих-визовцев активно поддерживала революционные партии. Группа визовских рабочих принимала участие в расстреле последнего русского царя. Вот почему забастовка на подобном предприятии на десятом году советской власти не могла не приобрести политического значения. Существуют два основных источника, несущих информацию о событиях забастовки на ВИЗе. В докладе члена пропагандистской группы ЦК И.Г. Топузиса на бюро Уральского обкома ВКП(б) 22 мая 1927 г. (т. е. через 8 дней после забастовки) отмечалось, что причинами

стачки стали *несправедливые* требования рабочих на получение всех выгод от переоборудования мартеновских печей. Приближение лета усиливало желание рабочих уйти на полевые работы, а близость Пасхи подогревала желание отдохнуть. Как о вторичных причинах, упоминалось об ошибках счетоводов в определении расценок оплаты труда, технической отсталости предприятия, а также о нечуткости хозяйственных руководителей к нуждам рабочих¹⁶⁴.

Забастовка показала, утверждал докладчик, что в критические моменты рабочие оказались под влиянием чуждых элементов. Однако оппозиционные настроения были заметны и среди коммунистов. Так, старый большевик сталевар Левантных оказывал негативное влияние на остальных. Идейным вдохновителем, по мнению И.Г. Топузиса, была группа рабочих с небольшим производственным стажем, недавних выходцев из деревни. Эта группа опиралась на низко- и среднеоплачиваемых рабочих. Но требованиям забастовщиков сочувствовали и квалифицированные рабочие. Лидерами бастующих выступили рабочие Шалин — бывший красноармеец, герой Гражданской войны, а также служивший у белых Рыков — член церковного совета заводского поселка¹⁶⁵.

Более конкретным и достоверным источником информации следует считать сводку ОГПУ о забастовках на промышленных предприятиях (май—июнь 1927 г.). Трудовому конфликту, говорилось в сводке, предшествовало обсуждение ситуации с оплатой труда рабочих на профсоюзном комитете ВИЗа, где выступили будущие лидеры забастовки. Рабочие *доказали*, что, хотя вопрос о расценках разбирался администрацией 3 месяца, точного подсчета расценок работ металлургов не существует¹⁶⁶. Здесь же, на профкоме, был выдвинут лозунг: прекратить работу и двух делегатов отправить в Москву, в ВЦСПС. С 6 часов утра 12 мая работа в мартеновском цехе была остановлена. Из 216 рабочих только 15 вышли на работу. Заводоуправление выставило рабочим ультиматум: кто не выйдет на работу — будет уволен на следующий день, т. е. 13 мая. В этой связи рабочие ряда других цехов просили администрацию созвать общезаводское собрание, но получили отказ. Действия администрации были поддержаны партийной и комсомольской организациями предприятия. К часу дня 13 мая почти все бастующие собрались у заводоуправления, заявив, что они согласны возобновить работу, если их лидеры будут приняты обратно на работу. Однако и на сей раз просьбы рабочих были отвергнуты. В среде забастовщиков произошел раскол, и 13 мая, начиная с 3-й смены, рабочие вышли на работу. 14 мая выход металлургов был полный. Тем не менее 9 рабочих-мартеновцев, ру-

ководителей забастовки, были уволены¹⁶⁷. События 12—13 мая 1927 г. подтверждают наблюдения С.В. Ярова о том, что настроения рабочих в 20-е гг. отличались крайней неустойчивостью и стремлением к конформизму с властями¹⁶⁸. Политическая лояльность объяснялась не только угрозами репрессий, но и глубоким расколом в среде самих промышленных рабочих.

Характерно, что только партийный работник оценивал стачку как контрреволюционное по своей сути выступление («рабочие оказались под влиянием чуждых элементов»)¹⁶⁹. Сводка ОГПУ, во-первых, оценивала забастовку рабочих ВИЗа как только *один из многочисленных трудовых конфликтов рабочих СССР*. Так, летом 1927 г. в СССР в среднем проходило более трех забастовок в день, и 75% трудовых конфликтов были связаны с требованием повысить заниженные расценки оплаты труда¹⁷⁰. (Отметим весьма показательное расхождение: согласно сводке ОГПУ, в СССР в день в среднем проходило более трех забастовок; по официальным данным профсоюзов — немногим более одной¹⁷¹.)

Во-вторых, в документе ОГПУ нет упоминания о каких-либо политических требованиях рабочих ВИЗа. Заметим, что чекисты, внимательно отслеживающие высказывания рабочих, владели информацией о куда более резких оценках своего положения уральскими пролетариями. В том же 1927 г., как свидетельствовало оперативное донесение, группа из 25 машинистов паровых молотов Усть-Катавского вагоностроительного завода, находясь в конторке мастеров, заявила, что получает гроши, намного меньше, чем до революции. Аналогичные заявления были зафиксированы агентами ОГПУ на металлургическом и машиностроительном заводах Златоуста¹⁷². Вопреки принятой в советской историографии концепции, забастовка на ВИЗе была организована не отсталыми группами рабочих, а практически всем трудовым коллективом мартеновского цеха — головного подразделения предприятия. В основе выступления сталеваров ВИЗа лежал протест против низкого уровня жизни, т. е. чисто экономические требования.

К аналогичным выводам пришли и Ю.И. Кирьянов и М.Ю. Русакова, проанализировавшие материалы фонда ЦК профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности. По их мнению, во-первых, практически все забастовки на государственных предприятиях возникали стихийно. Инициаторами были сами рабочие, причем, как правило, **наиболее грамотные и сознательные** (выделено нами. — М.Ф., С.П.), лучше других понимавшие положение дел на предприятиях. Во-вторых, возникновение забастовок без ведома и санкции профсоюзов свидетельствовало

(пусть и в косвенной форме) о формальном подходе профсоюзных организаций к нуждам и потребностям рабочих¹⁷³.

Какова же была реакция власти? Для промышленных районов это означало: такова реакция рабочих-выдвиженцев, ставших партийными лидерами. Рассмотрим материалы стенограммы бюро Уральского обкома ВКП(б) от 31 мая 1927 г. Убыточность уральской промышленности бесспорна, говорилось в выступлении члена бюро, бывшего рабочего С. Лобова. Себестоимость в 1926/27 хоз. г. вместо понижения повысилась на 5%, и решение проблемы перекладывается на плечи рабочих¹⁷⁴. Другой выходец из рабочей среды — Ф. Локацков подчеркивал: при низкой заработной плате только личное хозяйство выручает уральского рабочего, но такой двойной труд дается ему «страшно тяжело». Еще один бывший рабочий, профсоюзный лидер И. Толстопятков (назначенный вскоре заместителем наркома труда РСФСР), прямо заявил, что политика заработной платы по отношению к уральским рабочим носит порочный характер¹⁷⁵. Уралобком дважды отправлял в Москву, в ЦК ВКП(б) и ВСНХ, телеграммы о критическом положении дел с зарплатой, о хронической задолженности с выплатой зарплаты в уральской промышленности, однако ситуация не менялась¹⁷⁶.

С обращениями уральских функционеров к советскому руководству переключается и письмо секретаря Полтавского губкома Компартии (б) Украины Б.И. Магидова Сталину от 10 ноября 1923 г. В письме обращалось внимание на то, что в октябре 1923 г. «бастовал почти поголовно весь Донбасс», протестуя против задержек с выплатой зарплаты и жилищных условий горняков, охарактеризованных как «хуже скотских»¹⁷⁷. Письмо Ленинградского обкома партии от 11 апреля 1928 г. вину за забастовки на текстильных предприятиях города возлагало на низовые партийные и профсоюзные организации, хозяйственников, не сумевших в должной мере и тактичной форме (!) провести «разъяснительную работу вокруг реформы заработной платы»¹⁷⁸.

Анализ обращений региональных лидеров свидетельствует: среднее звено управленческого аппарата СССР хорошо знало реальное положение дел с условиями труда рабочих промышленности, понимало характер подлинных экономических и политических настроений пролетариев. Но тогда почему же забастовки рабочих 20-х гг. расценивались как контрреволюционные и фактически подавлялись силой? Думается, к середине 20-гг. у правящей элиты всех уровней выработалась устойчивая привычка: владея точной информацией, оставлять право на критику только самим себе. Критика же снизу, даже от представителей рабочих («правлящего класса»), рассматривалась как недопустимая. Так

усиливалась линия раскола между правящим слоем и основной массой населения.

Резкий рост недовольства рабочих экономической политикой советской власти наблюдался на рубеже 20—30-х гг. Об этом, в частности, свидетельствует служебная записка первого секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника от 16 июля 1930 г.¹⁷⁹

«Докладная записка в Уральский обком ВКП(б) управления ОГПУ по Уралу (1929 г.)¹⁸⁰ конкретизирует протест рабочих, касающийся вопросов зарплаты, норм выработки, расценок, спецодежды». Материалы данного документа не лишены определенных элементов анализа и систематизации фактов. Причины недовольства рабочих были разбиты на несколько групп:

1) низкая зарплата отдельных групп рабочих, несвоевременная выдача зарплаты, обсчеты и «разнобойность» в ставках; 2) высокие нормы выработки; 3) низкие расценки; 4) несвоевременная выдача спецодежды и ее недоброкачественность; 5) тяжелые условия труда. За последние три месяца 1928 г. органами ОГПУ было зафиксировано 196 фактов резкого проявления недовольства рабочих, которые по отраслям промышленности распределялись таким образом: металлопромышленность — 86 фактов, горная отрасль — 51, остальные отрасли — 59. О нарастании недовольства рабочих говорит динамика этих фактов по месяцам: сентябрь — 26, октябрь — 52, ноябрь — 75, декабрь — 69 фактов.

Негодование рабочих по поводу низкой заработной платы трансформировалось в высказывания, несущие политическую окраску. В указанном выше документе приводятся весьма яркие факты, раскрывающие настроения советских рабочих. Так, рабочий Златоустовского керамического завода Смирнов делился своими мыслями с товарищами: «Мы участвовали в Гражданской войне, защищали власть Советов, а теперь сидим на 30 рублях, вот и поживи на них. Ну придет же время, все рабочие восстанут и начнут щелкать этих правителей, только повертывайся». Рабочий Саткинского завода Завьялов выразил свой протест тарифной политике такими словами: «Советская власть недооценивает труд чернорабочего и платит ему гроши. Партия поговорила о подтягивании зарплаты низшим группам, но ничего не сделала. Коммунисты только и смотрят, как бы сорвать с рабочего». Наряду с единичными случаями проявления недовольства рабочими имели место и групповые. Так, машинисты паровых молотов Усть-Катавского завода в количестве 25 человек во время рабочей смены зашли в контору мастера и стали требовать от него повышения зарплаты. Машинист Рябов заявил: «Многие из нас работают по 10—20 лет на этой работе, а получаем жалкие гроши.

Когда завод принадлежал бельгийцам, то и платили больше и ежегодно повышали зарплату, при советской же власти с каждым годом увеличивают только норму выработки, берут займы». На предложение мастера: «Идите в Наркомат рабоче-крестьянского контроля (РКК)», рабочие отвечали: «От РКК как от козла молока»¹⁸¹.

Публикация документов, раскрывающих подлинные оценки политических настроений рабочих, характеристики рабочих-коммунистов, вносит существенные коррективы в историографию рабочей проблематики.

Не менее интересны и оценки социокультурного уровня рабочих лидерами правящей партии. Так, в стенограмме заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 ноября 1923 г. можно отметить слова Г. Зиновьева о том, что на Путиловском заводе коммунисты ниже по культурному уровню, чем рабочие, пришедшие только теперь на завод. Тут же последовала реплика Сталина: **«Не только теперь, в данный момент в связи с ослаблением культурного состояния рабочего класса, но и до настоящего момента положение было таково, что в 99 случаях (из ста. — М.Ф., С.П.) уровень наших членов партии стоял ниже культурного уровня беспартийных рабочих.** Причина — опустошение рабочих рядов выдвижением на руководящую работу. Рабочий класс малочисленен, он не очень культурен»¹⁸². Зафиксируем хронологически этот момент: в разгар пропагандистской кампании в связи с попыткой организации революции в Германии высшее руководство СССР откровенно высказало свою оценку, свое отношение к культурному потенциалу класса-гегемона.

Более того, рост подлинной политической зрелости рабочих вызывал тревогу партийных лидеров. В письме секретаря Уральского обкома ВКП(б) М.М. Харитоновы окружкам партии (1924 г.) подчеркивалось: «Рабочие стали сознательнее и все острее стали реагировать на наши недостатки и упущения»¹⁸³. Сводка ОГПУ, направленная в обком ВКП(б), сообщала о примечательном случае: на собрании трудящихся Сарапула в январе 1924 г. **рабочие выступили против исключения** тех, кто служил у белых¹⁸⁴. Приведенный документ, пожалуй, уникален, но его значимость и типичность подтверждается поразительным явлением в уральской истории 20-х гг.: отсутствием видимых признаков вражды между рабочими, воевавшими у красных и белых. Информация о сведении счетов вчерашними врагами не заметна ни в архивных материалах, ни в публикациях.

Что перед нами? Осознание «что ж мы братцы наделали»? Опустошение после братоубийства? Временное затишье перед бурей? Авторы не готовы к ответу. Но в 20-е гг. запустить на

полную мощность военные заводы страны без привлечения кадровых, квалифицированных рабочих было невозможно. И до поры до времени компетентные органы только фиксировали: ядро рабочих коллективов военных заводов составляют люди, служившие у белых.

Источники начала 20-х гг. еще не скрывали процесса отдаления вчерашних рабочих от основной массы пролетариев, указывая, например, в отчете Уральского обкома РКП(б) на областной конференции (1923 г.) на высокомерие выдвиженцев по отношению к рядовым коммунистам и беспартийным рабочим¹⁸⁵. «Наши выдвиженцы скоро обюрокрачиваются; дай ему хорошую квартиру, хорошую ставку, а дальше — семейственность, отрыв от рабочих, которые его выдвигали»¹⁸⁶ — эти строки из обследования Надеждинской партийной организации 1927 г. достаточно типичны для документов периода нэпа.

Выход партийным лидерам виделся в максимальном вовлечении рабочих в партию. Однако рабочие в своей массе не спешили пополнять ряды правящей партии. В закрытом письме Уралобкома Сталину (1925 г.) признавалось, что наименьшим влиянием партия пользуется на **крупнейших** на Урале Надеждинском и Мотовилихинском заводах. В отчете Уралобкома на областной конференции (1927 г.) отмечалось: только **43,7% пролетариев-коммунистов являлись квалифицированными рабочими**¹⁸⁷. Массовое обследование рабочих Урала (1924 г.) на пяти крупных предприятиях показало, что **20% рабочих вообще не желают вступить в партию, еще 57% свой отказ объясняли малограмотностью**, что, по нашему мнению, также являлось скрытой формой отказа¹⁸⁸. К 1928 г. ситуация несколько изменилась. Коммунистами являлись 28 тыс. рабочих, однако большинство из них составляли молодежь и малоквалифицированные рабочие. Такая картина была наиболее характерна для крупных предприятий¹⁸⁹.

Было ли это локальным либо региональным явлением? Информационная сводка ЦК, поступившая в 1927 г. в губернские комитеты партии, сообщала: **партийная прослойка среди рабочих промышленности СССР снижалась по мере роста численности трудовых коллективов (!)**, составляя, например, на предприятиях от 100 до 500 рабочих — 13,1%; от 1000 до 3000 рабочих — 8,5; от 3000 и выше — 6,4%¹⁹⁰. Такое политическое поведение рабочих вообще, рабочих крупных предприятий в частности, противоречило ленинским выводам, было определенной неожиданностью для руководства СССР. Иллюзии советских лидеров в отношении квалифицированных рабочих крупных предприятий, как авангарда самого революционного класса, исчезали.

На кого же тогда можно было опираться? Наш анализ биографий 32 уральских рабочих, представленных к званию «герой труда» в 1925 г., показывает: из 32 рабочих 12 имели начальное образование, 8 являлись малограмотными, а 12 — неграмотными; только 5 рабочих являлись членами партии¹⁹¹. Приведенные данные дают основание предполагать, что обобщенный социальный портрет «героя труда» представлял собой преимущественно беспартийного, не имеющего школьной подготовки рабочего. Немаловажен и другой вывод, от обратного: моральные стимулы мало затрагивали квалифицированных, образованных рабочих как принадлежащих к партии, так и находящихся вне ее рядов.

Еще одним моментом истины стали результаты выборов в городские Советы СССР: в 1925 г. участие в выборах горожан составило 48,9%. Явка на выборные собрания в трудовых коллективах, несмотря на мощную пропагандистскую кампанию, была невелика: у рабочих-текстильщиков — 56,6%; у металлистов — 63,9%¹⁹². Потребовалась массивная идеологическая обработка рабочих коллективов для того, чтобы на выборах 1927 г. власти могли отчитаться об участии 70% рабочих¹⁹³.

Идеологизация и деполитизация имели в социуме советских рабочих конкретные последствия и результаты у различных слоев промышленных рабочих. К идеологической обработке оказались более восприимчивы такие социальные группы, как рабочие-коммунисты, а также обездоленные рабочие, готовые поверить в чудо. У остальной массы рабочих преобладали настроения политического индифферентизма. Показательна фраза из сводки Мотовилихинского РК ВКП(б) в ЦК в январе 1928 г.: «Реализация займов среди рабочих показала: самый неактивный — высокооплачиваемый (читай: квалифицированный рабочий)»¹⁹⁴. Кроме того, анализ архивных материалов 20-х гг. позволяет выделить еще одну закономерность: участие рабочих цензовой промышленности в выборах зависело от статуса городского поселения и возможности контроля со стороны властей за населением. В Уральской области в 1927 г. в заводских поселках приняли участие в выборах 54% рабочих; в районных центрах — 68,7%; в окружных городах — 75%¹⁹⁵.

Десятилетие советской власти не изменило качественных характеристик рабочих промышленности СССР. Квалифицированная часть рабочих по-прежнему отличалась собственным видением мира, определенной независимостью суждений, несмотря на заигрывание и запугивание со стороны правящей партии; на массовый призыв «во власть». Политические взгляды этой категории рабочих отталкивались от прагматического понимания происходящих событий. Цензурные ограничения не по-

зволюали догадкам и суждениям рабочих вылиться в цельное мировоззрение. Владение собственностью (земельными участками и собственными домами) не способствовало распространению уравнилельных настроений; готовности обогатиться за счет иных социальных групп.

Малоквалифицированные пролетарии оказались более восприимчивы к марксистским доктринам, точнее, к их уравнилельным постулатам. Программные обещания советской власти, получение партийного билета позволяли рабочим надеяться на быстрое улучшение своего положения и социального статуса, даже если «обогащение» было связано с изъятием имущества у соседей, интеллигенции, служащих, предпринимателей.

§ 3. Политические взгляды рабочих СССР в годы первых пятилеток

Общепринятым местом в советской историографии стало указание на возрастание идейно-политического уровня рабочих и ведущей роли рабочего класса в политической, социальной и духовной жизни общества в годы первых пятилеток. Статистика, казалось бы, приводит убедительные примеры: рост партийной, профсоюзной и комсомольской прослойки в рабочем социуме; высокий удельный вес рабочих в составе Советов; активное участие рабочих в оборонно-массовых организациях¹⁹⁶. Уже в первой половине 1927 г. в партии было 10% рабочих, занятых на промышленных предприятиях. Это означало, что 280 тыс. промышленных рабочих являлись членами ВКП(б). Еще 300 тыс. рабочих пополнили самые различные ступени управленческой пирамиды¹⁹⁷. Конечно, в архивных материалах, тем более в публикациях конца 20—30-х гг., невозможно найти данные социологических опросов в рабочей среде по вопросу о *доверии к ВКП(б)*. Однако существуют косвенные данные, на основании которых можно делать определенные выводы.

Перепись советского государственного аппарата по состоянию на 1 октября 1929 г., охватившая 825 086 человек, в том числе административных и хозяйственных органов, позволяет получить представление о социальном спектре основных управленческих структур¹⁹⁸. В высшем руководящем персонале общего управления СССР из 11 696 человек насчитывалось **3567 рабочих, или 30,5% от общего состава**; в управлении наркоматами — **74 человека из 341, или 21,6%**; в управлении областями — **264 из 1342, или 19,7%**; в окружном звене — **2834 из 5557, или 51%**; в районном звене — **1870 из 2548, или 20,5%**; в руководстве предприятиями — **981 из 1833 чел., или 53%**¹⁹⁹.

Значительный массив рабочих, даже уступающий по численности служащим, *потенциально* мог влиять на принимаемые решения советского руководства; служил напоминанием о необходимости произносить ритуальные слова о роли рабочего класса; использовался пропагандой для создания стереотипа «рабочего государства» и руководителя «из рабочих». Однако к этому времени сформировались типичные черты руководителя-коммуниста, попавшего в номенклатурную обойму.

Речь идет, во-первых, об идеологическом единомыслии, выраженном в обязательной приверженности марксистско-большевистским догмам. Любое отступление от генеральной линии ВКП(б) воспринималось как подрыв партийного единства. Во-вторых, со времен Гражданской войны в среде управленцев укоренился правовой нигилизм, готовность пойти на любые репрессии ради коммунистических идей. Войны (включая мировую) выработали душевный тип большевика, готового практиковать методическое насилие. Немалую роль играла трактовка диктатуры пролетариата как подавление всех несогласных с ней, а отношение к человеку формировалось в зависимости от его классовой принадлежности. Вместе с тем часть рабочих-управленцев сплавляло искреннее убеждение в возможности построения справедливого общества; других объединял карьеризм, стремление занять высокие посты²⁰⁰. Общим явлением было доминирование у рабочих-выдвиженцев начального и ниже образования. Прослеживалась и возрастная составляющая: преобладание в высших эшелонах власти работников старше 35 лет, имеющих большой партийный стаж, очевидцев и участников революции и Гражданской войны; сохранивших связи в рабочей среде, а в низших эшелонах — доминирование более молодых возрастов, сформировавшихся в «сталинскую эпоху», — приводило к различным оценкам преобразований первых пятилеток²⁰¹.

По мнению Н.А. Бердяева, «новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотными, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям было свойственно и злопамятство по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести»²⁰². Заметим, что немалую часть рабочих, пришедших во власть, трудно упрекнуть в отсутствии всякой культуры: традиции крестьянской общины, устои заводского поселка оставались, невзирая на должности. Более того, хозяйственников 30-х гг. отличало замедленное, но постепенное изучение основ экономической жизни, а значит, и необходи-

мость постижения опыта старых специалистов; известная самостоятельность, по крайней мере до 1937 г. Лучшее всего об этом свидетельствует стенограмма Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности 25—29 июня 1936 г. — форума экономической элиты СССР, зафиксировавшая большое число выступлений, *расходящихся со сталинским курсом*. Значительная часть директорского корпуса, состоящего из рабочих-выдвиженцев, высказалась за рациональную модель хозяйствования²⁰³.

Документы конца 20-х гг. указывают на политическую индифферентность рабочих средних и старших возрастов, т. е. возрастной категории, к которой относились большинство кадровых, квалифицированных рабочих. В двух постановлениях ЦК ВКП(б) — «О регулировании роста партии» (декабрь 1926 г.) и «О партийной работе на крупных предприятиях» (август 1927 г.) — говорилось, что партийная прослойка на крупных предприятиях меньше, чем на мелких и средних; отмечены *трудности привлечения в партийные ряды* кадровых, квалифицированных рабочих²⁰⁴. Характерно, что в последующих документах ЦК ВКП(б) вопрос о привлечении кадровых, квалифицированных рабочих отходит на второй план, уступив место привлечению рабочих вообще²⁰⁵. Ситуация с привлечением рабочих в партию наводит на мысль о невысокой степени покорности власти (в данном случае — к концу 20-х гг.) того слоя населения, именем которого каждодневно клялась власть.

Судя по всему, руководство ВКП(б) отдавало себе отчет в том, какая категория рабочих стремится в партию: прежде всего те, кто рассматривал членство в партии как форму изменения своего социального статуса, форму доступа к социальным привилегиям. Для «скачка к социализму» оказался востребованным послушный человеческий материал. На рубеже 20—30-х гг. ЦК ВКП(б) неоднократно подгонял руководителей на местах, требуя увеличить массовый приток (целыми цехами и даже заводами) рабочих в коммунистическую партию²⁰⁶.

Мотивы такого действия в конце 20 — начале 30-х гг. соответствовали ставке на «скачок к социализму», создавали иллюзию сопричастности рабочих к разработке и реализации политики власти. Вместе с тем невиданная прежде масштабность массового приема рабочих в ряды ВКП(б) в косвенной форме свидетельствовала о неудаче пропагандистских и агитационных методов воздействия на рабочих в предшествующий период. Руководство СССР сознательно пошло на снижение интеллектуального уровня правящей партии ради большевизации социокультурного облика *массового* рабочего. Среди промышленных рабочих, при-

нятых в партию в 1930—1932 гг., кадровых, начавших работу до начала 20-х гг., насчитывалось менее трети²⁰⁷.

К 1933 г. из 3210,6 тыс. коммунистов в рядах ВКП(б) насчитывалось около 2138 тыс. рабочих по социальному происхождению и 1419 тыс. — с производства²⁰⁸. Конечно, речь идет о рабочих всех отраслей народного хозяйства. По материалам профсоюзной переписи 1932—1933 гг., в СССР членом партии стал каждый **6—7-й рабочий крупной промышленности**²⁰⁹, и это подавалось как великое достижение страны Советов. Эти же данные подтверждает «официальный летописец» КПСС — И.Н. Юдин. По его подсчетам, к концу 1933 г. среди рабочих крупной промышленности насчитывалось 13,6% представителей правящей партии²¹¹.

Разница двух показателей (по социальному происхождению и по роду занятий) примечательна: из 719 тыс. рабочих, занявших какие-либо управленческие посты, только треть действительно можно было отнести к руководителям²¹². **Полумиллионная армия рабочих превратилась в мелких чиновников с низкой зарплатой, неясными перспективами, затаенной обидой.** Характерно, что из числа исключенных «за пассивность» из ВКП(б) в 1933 г. половину составляли рабочие²¹³.

Чем же можно объяснить столь же массовое исключение рабочих из партии в 1933—1938 гг.? В указанный период в СССР партийных билетов лишились более 1,5 млн человек, в том числе около *миллиона рабочих-коммунистов* (992 тыс.)²¹⁴. Это означало, что **рабочая прослойка в партийных организациях СССР сокращалась быстрее, чем общая численность коммунистов** (уменьшение соответственно в 1,87 и 1,67 раза). Несложно подсчитать, что $\frac{2}{3}$ лишившихся партбилетов (в условиях середины 30-х гг. это зачастую означало и лишение свободы) составляли представители класса-гегемона. Несколько иные подсчеты позволяют сделать статистические выводы о численном и социальном составе партийных рядов в «Истории советского рабочего класса»: за 1933—1937 гг. партийных билетов лишились 1,29 млн человек, в том числе 904 тыс. рабочих²¹⁵. В данном случае на долю рабочих приходится **70%** пострадавших коммунистов. Трудно найти более яркие свидетельства, раскрывающие подлинное отношение сталинского окружения к советским рабочим.

В партийных документах встречаются различные трактовки таких итогов кампании по укреплению пролетарского ядра в партии. Наиболее распространенными объяснениями были следующие: малограмотность и политическая незрелость рабочих. Правда, в публикациях 30-х гг. можно найти и другие причины. Так, орган обкома ВКП(б) Уральской области журнал «Уральский

коммунист» в декабре 1933 г. отмечал: для многих организаций прием в партию являлся гонкой за числом. «Коммунизировались» целые коллективы цехов, забоев, предприятий²¹⁶.

Зачем же нужно было сначала в массовом порядке целыми цехами и заводами принимать в партию, чтобы затем сразу же исключать из нее? Видимо, ответ заключается в следующем. Режим создавал принципиально новую схему социальной поддержки: механизм *индивидуального* подключения коммуниста к властным структурам. Анализ архивных документов, и прежде всего информационных сводок ОГПУ, а затем НКВД, позволяет выделить в качестве главных причин стремление партийных органов избавиться от рабочих, не способных к жесточайшей партийной дисциплине; разочарование части рабочих, ставших коммунистами, в реалиях начала 30-х гг., в мизерности полученных благ²¹⁷. Закономерность такого явления была очевидна: в условиях массового голода и карточной системы привилегии были закреплены за быстро растущей номенклатурой.

По мнению американского историка С. Коткина, чистки в партии 1933 г. объяснялись тем, что в условиях дефицита и нужды партийцы получали различные привилегии. Но прежде чем получить эти привилегии, член партии должен был гарантировать свою политическую благонадежность²¹⁸. В условиях тотального дефицита, массовой текучести рабочих кадров подтвердить свою безусловную политическую благонадежность могли далеко не все рабочие. Поддержав власть в момент начала масштабных репрессий, масса рабочих-маргиналов выполнила свою политическую роль и в силу слабой управляемости оказалась ненужной в таких масштабах. Обследование молодых рабочих промышленности (до 28 лет) в крупных городах страны в 1936 г. показало, что только 2,2% из них являлись членами партии. Правда, в возрастной категории 25—28 лет членами ВКП(б) стали 12,4% рабочих²¹⁹, но это был верхний предел партийной прослойки в рядах рабочих промышленности.

Ситуация не изменилась к 1941 г. Характерен пример Свердловской областной партийной организации, где из 49 313 коммунистов только 5485 (или 11,1%) являлись рабочими промышленности. Это означало, что к 1941 г. партийная прослойка среди промышленных рабочих составляла менее 5,5%, или в два раза меньше, чем до начала первой пятилетки²²⁰. Факт, достаточно четко показывающий реальные итоги курса на расширение партийной прослойки в рабочем социуме. Факт, вновь подтверждающий невысокую степень покорности рабочих власти и к началу 40-х гг.

Контраргументом могло бы быть утверждение о выдвижении из рядов рабочих значительного числа управленцев. Однако еще до начала массовых репрессий численность рабочих-выдвиженцев в Уральской области 1933—1937 гг. сократилась с 42 583 до 29 078 человек, или в 1,5 раза²²¹. К сожалению, мы не располагаем сведениями: какая часть рабочих-выдвиженцев пережила репрессии 1937—1938 гг. Для выяснения этого вопроса требуются специальные исследования и составление электронной базы данных. Заметим, что собственно промышленные рабочие составляли немногим более половины из числа рабочих-выдвиженцев.

Выдвиженчество, став в 20-х гг. каналом изоляции от основной массы пролетариев наиболее активных рабочих, выродилось в 30-е гг. в жесточайшую форму отбора послушных и исполнительных солдат партии. Все это вело к тому, что рабочий класс не мог играть роль самостоятельного субъекта политической жизни и непосредственно влиять на курс правящей партии. Анализ документов пленумов партийных комитетов, партийных и профсоюзных собраний показывает отсутствие заявлений рабочих на политические темы, не считая зачитываемых по бумажке осуждений «врагов народа», нередко из числа бывших рабочих.

Кроме того, выдвиженчество приводило к сокращению слоя кадровых рабочих. К началу 30-х гг. правящая партия действительно выдвинула на руководящую работу значительное число рабочих: например, в народном хозяйстве в СССР около 240 тыс. человек²²². Если судить по Уралу, рабочие составляли $\frac{1}{3}$ всего управленческого аппарата, но только $\frac{1}{6}$ верхнего слоя управленцев (уровня трестов и объединений союзного значения); 32,4% от состава управленцев районного, но 21,2% — областного звена²²³. Как видно, удельный вес рабочих снижался по мере продвижения по управленческой лестнице. В самом же административном аппарате 87,4% бывших рабочих, выдвиженцев-руководителей осели на уровне районных органов управления²²⁴.

Вектор и динамика выдвижения рабочих на руководящие должности очевидны: в наибольшей степени «орабочивание» коснулось низового звена административного аппарата. Тем не менее само явление выдвиженчества служило для широких масс рабочих подтверждением того, что при всех тяготах жизни — «власть-то у нас рабочая». В 30-е гг. рабочие-выдвиженцы растворились в бюрократическом аппарате, а рабочие-партийцы в своей массе вошли в слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев. Сумма отличий в оплате труда, бытовых условиях, положении в коллективе выросла настолько, что в первом случае можно говорить о том, что чиновничий корпус поглотил актив-

ную часть рабочего класса. Во втором случае справедливо отметить становление сословия «советской рабочей аристократии».

Судя по всему, осознание ущербности массового выдвиженчества из рабочей среды пришло к руководству ВКП(б) уже в 1930 г. На XVI съезде ВКП(б) в выступлении С. Орджоникидзе прозвучали следующие слова: «Оздоровить наш аппарат только одним выдвиженчеством с фабрик и заводов нам не удастся при таком громадном голоде в квалифицированной рабочей силе, который сейчас имеется». На том же съезде нарком финансов В.Я. Яковлева говорила, что работа с кандидатами на госслужбу велась бессистемно²²⁵.

Власти были вынуждены считаться с тем, что выдвиженчество, усугубляя нехватку квалифицированных рабочих кадров на промышленных предприятиях, в то же время не решает тех задач, которые на него возлагались. 15 марта 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о полном прекращении мобилизаций рабочих от станка на нужды текущих кампаний и немедленном возвращении на производство тех, кто уже попал в госаппарат²²⁶. В 30-е гг. курс на выдвиженчество уступает идее формирования советской интеллигенции из рабочих.

Если техническое обучение рабочих носило обязательный характер с элементами принуждения, то система идеологического воспитания на протяжении 30-х гг. все более приобретала тотальный характер. Расширяя масштаб охвата рабочих различными формами политучебы, властные структуры к концу 30-х г. добились участия в систематическом изучении партийно-политических документов большинства рабочих СССР²²⁷. Например, по официальным данным, в политкружках 1938—1939 гг. занимались 70—72% рабочих и служащих Урала²²⁸. Параллельно рабочие коллективы «насыщались» лекциями идейно-политического содержания. В 1938—1939 гг. в Свердловской и Пермской областях лекции по «Краткому курсу истории ВКП(б)» были прочитаны более 3 млн. человек, т. е. практически всему взрослому населению²²⁹. Однако из тех же официальных источников следовало: изучение основы идеологического воспитания — «Краткого курса истории ВКП(б)» — идет крайне медленно. «Нельзя считать нормой, что многие товарищи за два года смогли изучить лишь первые три главы «Краткого курса», дошли до четвертой главы и остановились. При таких черепаших темпах на изучение «Краткого курса» потребуется минимум пять-шесть лет» — сетовал орган ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» осенью 1940 г.²³⁰ В этом признании как-то не просматривается констатация всплеска интереса советских граждан, включая рабочих, к «сокровищнице» марксистской пропаганды.

Нельзя недооценивать и влияние агитационно-пропагандистского механизма на формирование политических взглядов рабочих. С конца 20-х гг. прослеживается заметная разница двух показателей: удельного веса рабочих, регулярно читающих газеты и регулярно читающих книги. В 1929 г., например, 76,1% рабочих-металлургов постоянно читали газеты, в том числе в возрасте до 22 лет — 83,7%; у беспартийных рабочих этот показатель составлял 70,5%, тогда как у рабочих-коммунистов — 94,7%, а у рабочих-комсомольцев — 94,6%²³¹. К концу 30-х гг. читателями газет, по официальной статистике, читателями и слушателями газетных чтоток — в реальности — стало подавляющее большинство рабочих СССР.

Иную картину представляет статистика рабочих, регулярно читающих книги. В 1927 г. удельный вес рабочих — читателей районных библиотек составлял от 9 до 19%, а в 1936 г. — порядка 16%²³². Как видно, основной поток информации политического характера к рабочим поступал через газеты. Анализ же газетного материала 30-х гг. на примере центральных и областных изданий позволяет рассматривать данный вид публикаций как **ведущую форму формирования наиболее оторванных от жизни, искусственных, идеологизированных представлений в массовом сознании рабочих.**

Контент-анализ в исследовании облика положительного героя на страницах газет 30-х гг. позволил сделать следующий вывод. Рабочие составляли 42,3% положительных героев газетных публикаций. Четверть положительных героев представляли коммунисты и комсомольцы. Облик положительного героя был крайне стереотипен, шаблонен. Наиболее ценными качествами личности считались: ударный труд, заключающийся в постоянном перевыполнении плановых задач, принадлежность к партии, общественно-политическая активность и сознательность. То есть рабочий-коммунист и рабочий-ударник рассматривались пропагандой, предлагались обществу как особый тип личности, некий собирательный образ, накладывающий целую систему обязательных признаков на его носителя²³³.

Идеологическое воспитание рабочих осуществлялось через систему партийного и комсомольского просвещения, собрания, митинги, лекции и беседы. Эта тема нашла широкое освещение в советской литературе, разумеется, с максимально идеологизированных позиций. В начале 30-х гг. активно предпринимались попытки решить с помощью идеологического воздействия проблемы активизации труда, закрепления рабочих кадров.

Стержнем идеологических программ стал «Краткий курс истории ВКП(б)», который в обязательном порядке изучали рабо-

чие-коммунисты и комсомольцы, часть беспартийных стахановцев. Заметим, что в рассматриваемый период динамика роста комсомольской прослойки в рабочей среде представляла противоположную картину динамике роста партийной прослойки. Если среди молодых рабочих, начинавших трудовую деятельность в годы первой пятилетки, членов ВЛКСМ насчитывалось 36,1%, то в годы второй — 51,6, а в третьей пятилетке — 58,2%²³⁴. Молодые рабочие, лишенные исторической памяти, легче становились объектом манипуляций со стороны власти. Именно эта часть рабочего класса, чаще посещавшая клубы, кинотеатры, проходившая идеологизированное обучение в школах ФЗУ, отличалась большим доверием к пропагандистским лозунгам.

И молодых, и рабочих старших возрастов, особенно после 1937 г., объединяла обязательность участия (неучастие грозило арестом) в митингах и лекционных мероприятиях, демонстрациях с пением определенного круга песен, в выборах с заведомо определенным исходом. Выработывался определенный ритуал политического послушания. Мы разделяем мнение о том, что коллективная мимикрия суживала круг инакомыслящих, ограничивала оппозиционные выступления и препятствовала передаче альтернативной информации²³⁵. Отсюда в политической культуре рабочих наиболее зримыми были элементы массового конформизма.

Тоталитарный режим жестко контролировал все стороны жизни рабочих. Так, в октябре 1932 г. президиум Уралпрофсовета отметил, что проверкой на Верх-Исетском заводе выявлено 1348 рабочих, не подписавшихся на займ пятилетки. Через несколько дней «обработки» неподписавшихся остался 241 человек. Характерно и другое: профсоюзные работники признали, что разбор и анализ писем рабочих в газеты области идет стихийно, а чаще всего никем не проводится²³⁶. Как видно, взаимоотношения власти и рабочих приобретали все более односторонний характер — учитывалась точка зрения одной стороны.

Какова была реакция рабочих на призывы партии? Фронтальный анализ опубликованных писем рабочих в областные газеты с начала 30-х гг. свидетельствует о поддержке курса партии со стороны всех слоев рабочих. Однако сопоставим газетные публикации с другими источниками. Во-первых, как уже отмечалось, начало и конец 30-х гг. ознаменовалось «голосованием ногами», всплеском текучести. Закономерно, что всплеск текучести рабочих в начале 30-х гг. и в 1937—1939 гг. отразил вполне определенную реакцию рабочих: в одном случае — на резкое понижение уровня жизни; в другом — на жестокие репрессии.

Во-вторых, оставаясь до 1934 г. единственно возможной формой общественной активности, органы Рабкрина оказались буквально завалены острокритическими письмами рабочих²³⁷. Такая активность и обусловила известную судьбу Рабкрина.

О настроении рабочих партийные комитеты узнавали из сводок НКВД. Открытые антипартийные выступления рабочих вроде высказывания в 1935 г. уральского токаря М. Галактионова: «В СССР — диктатура партии, а не пролетариата»²³⁸ — во второй половине 30-х гг. стали редкостью. Практически единственными допустимыми формами выражения отношения рабочих к политике ВКП(б), в частности, к призывам добиваться «наивысшей в мире производительности труда», стало сокращение числа рабочих, откликнувшихся на такие призывы.

О переменах в общественном сознании рабочих региона можно судить и по такому факту. Если в движении ударников на рубеже 20—30-х гг. в СССР участвовали миллионы рабочих, то в конце 30-х гг. в рядах многостаночников и совместителей профессий оказались всего несколько десятков тысяч человек²³⁹.

Несистемность, конъюнктурность, зачастую противоречивость и лживость печатной и устной информации обуславливали и соответствующие характеристики представлений рабочих по политическим, социальным и экономическим проблемам. Они, по выражению С.В. Ярова, являлись скорее «бытовым» реагированием на различные явления в жизни страны, были неглубоки и несистематичны²⁴⁰, и характеристика, данная применительно к началу 20-х гг., по нашему убеждению, верна на всем протяжении 20—30-х годов.

Вместе с тем, несмотря на тотальную систему подавления инакомыслия, существовали и отдельные случаи борьбы рабочих против произвола. Так, в 1931 г., после остановки из-за нехватки чугуна Каслинского завода, в городе появились листовки следующего содержания: «2700 рабочих выброшены на улицу на голод. До чего довела пятилетка, за что мы боролись? Долой коммунистов! Все заводы в руки рабочих». ОГПУ сообщало о листовках близкого содержания в Нижних Серьгах, Надеждинске, Тавде²⁴¹. В 1936 г. в городах Челябинской области — Верхнем и Нижнем Уфалее — была предпринята попытка создания организации «Союза защиты рабочих», в одной из листовок которой говорилось: «Прошло 19 лет революции, а положение наше с каждым днем все ухудшается и ухудшается»²⁴².

Существовали, по крайней мере, два фактора, исподволь подтачивающих всемогущество власти. Появление в рабочих семьях молодых людей с неполным и полным средним образованием, окончивших вузы и техникумы, объективно заставляло задумать-

ся об иллюзорной и мифологической конструкции мира, созданной пропагандой. Приобщаясь к знаниям, рабочие узнавали и о многогранном, нелинейном мире, задумывались над его противоречиями. Интегрированные в инженерный корпус рабочие, носители иных культурных стандартов, оказались в маргинальной ситуации и были вынуждены приспосабливаться к доминирующей среде. Интеллигенция, прежде всего техническая, и рабочие находились в одной индустриальной сфере в тесном взаимодействии, усиливавшемся действием института выдвиженчества. Рабочее происхождение помогало инженерам и техникам преодолевать многочисленные социальные барьеры в профессиональном продвижении. В 1933 г. в составе руководящих кадров и специалистов крупной промышленности Урала насчитывалось 10 153 рабочих, что составляло 49,5% от общей численности ИТР, из них 59,1% оказались выдвинутыми после 1928 г.²⁴³

Кроме того, взаимодействие на производстве и за его пределами с представителями интеллигенции учило рабочих мыслить не только обыденными категориями. Самый яркий пример — статьи А.П. Танеева в журнале «Уральский коммунист» весной—летом 1930 г. с критикой плана «Большого Урала»²⁴⁴. Сравнение публикаций рабочих-выдвиженцев, выпускников советских вузов в 20-е гг. и в середине 30-х гг. показывает, что трескучие лозунги уступили место экономическим терминам. Не только в этой связи укажем на, казалось бы, парадоксальное явление: в период кампании террора 1937—1938 гг., связанной с поиском «врагов народа», архивные и опубликованные материалы не содержат *массовых* высказываний рабочих против интеллигенции.

На наш взгляд, перед нами глубинное и причинно обусловленное явление. И до 1917 г., и особенно после интеллигенция и рабочий класс находились в положении «податных сословий» в обществе, где государство прямо или косвенно распоряжалось личностью человека. Охарактеризуем это положение как «общую незащищенность в социально-политической и правовой сфере». Духовно-культурный мир рабочих представлял собой подсистему общей культуры сначала индустриально-капиталистического, затем индустриально-этакратического общества. Общими характеристиками для интеллигенции и рабочего класса стали влияние технократических концепций переустройства страны и, как следствие, постановка проблем и набор решений в процессе индустриализации СССР.

Тема религиозной, национальной, территориальной общности интеллигентов и рабочих раскрыта полнее в художественной²⁴⁵, чем в научной литературе, и ждет своего исследователя.

Эпоха 20—30-х гг. принесла принципиально новые моменты в рассматриваемую проблему. Произошла определенная нивелировка советского общества, в частности «орабочивание» интеллигенции. В силу названных факторов социально-психологический опыт рабочих крупной промышленности к началу 40-х гг. отвергал признание интеллигенции в качестве виновника трудностей.

Весь опыт советской политики в рабочем вопросе подталкивал Сталина и его окружение к сочетанию кнута и пряника. Лесть и славословие по адресу рабочего класса, усиленные идеологизацией всех сторон жизни, не могли не затронуть самосознание значительной части рабочих, особенно молодых. Однако значительная роль в рабочей политике отводилась репрессивным мерам.

Вал репрессий не щадил и рабочих. Так, в 1937 г. в СССР были осуждены 272 157 рабочих, 298 184 служащих, 306 548 колхозников²⁴⁶. Можно было бы говорить о примерно равной тяжести репрессий, выпавших на долю основных социальных слоев общества. Однако, как уже отмечалось, слой служащих подвергся «орабочиванию»²⁴⁷. Приведем такой факт: рабочие из числа репрессированных в 30-е гг. в Удмуртии составляли 23,7%. Однако и среди массива в 22,4% репрессированных — «лиц без определенного места» работы — насчитывалось большое число рабочих²⁴⁸.

Тоталитарный режим диктовал и особые нормы поведения рабочих. Обратимся к социальному составу категории рабочих крупной промышленности Свердловской области, репрессированных в 1937—1938 гг., а в ней — расстрелянных рабочих. Выделим в этом массиве как наиболее характерную группу расстрелянных русских рабочих. Анализ состава этой группы указывает на ряд закономерностей. Во-первых, на возраст: $\frac{2}{3}$ рабочих были старше 40 лет, в том числе $\frac{1}{4}$ — старше 50 лет. Во-вторых, на профессию: подавляющее большинство составляли рабочие вспомогательных цехов. В-третьих, почти 90% рабочих были выходцами из сельской местности²⁴⁹. Вывод, лежащий на поверхности, очевиден: наиболее тяжелые репрессии пришлось на долю тех рабочих, которым труднее всего пришлось приспособливаться к городской жизни, обреченным на жизнь в бараках и нищенскую зарплату.

Скрытая же информация заключается в том, что квалифицированные рабочие — жители городских поселений, как правило, владельцы огородов и жилья, стремились не совершать поступков, которые можно было бы расценить как противодействие режиму. Вряд ли можно назвать *конформистской единственную стратегию выживания*. Правда, и в этом случае гарантии от ареста

быть не могло. Выборочный анализ дел репрессированных квалифицированных рабочих показывает: обвинениями могли послужить наличие земельного участка и своей кузни; критика качества инструментов; участие в прошлом в партии эсеров²⁵⁰.

Оговоримся: наш анализ основан на материалах одной Свердловской области. Судя по приведенному выше примеру с репрессированными рабочими Мотовилихи, в районах расположения бывших казенных заводов картина репрессий была иная: здесь главным объектом арестов и преследований выступали местные жители — кадровые рабочие. Примечательной деталью является и то, что репрессии против кадровых рабочих бывших казенных заводов начались еще до 1937 г. Так, в 1935 г. были арестованы и осуждены семь потомственных, квалифицированных рабочих с большим стажем. Материалы следственного дела показывают, что рабочие критически оценивали советскую действительность. Об этом, в частности, говорят характеристики Сталина как диктатора, а положения рабочих — как кабалы. В вину рабочим ставилась и поддержка в начале 20-х гг. (т. е. почти полтора десятилетия назад!) Г.И. Мясникова. Почти все рабочие, кто преданно возглавлял трудное строительство Магнитогорского металлургического комбината, были с позором смещены с исторической сцены, обвинены в подлом предательстве делу, отмечает С. Коткин²⁵¹.

Существование в СССР многочисленного слоя лиц, занятых принудительным трудом — спецпереселенцев и заключенных, означало наличие в рабочем социуме социального слоя, даже в силу своего положения противопоставленного власти. В случае освобождения или бегства вчерашние обитатели лагерей, как правило, приходили в рабочие коллективы. Тем самым крепла и усиливалась неоднородность рабочего социума.

С другой стороны, тотальность пропаганды об особой миссии рабочего класса и под его руководством мессианской роли СССР; обращение к патриотическим чувствам рабочих ввиду приближения войны возрождали соборность в обществе. Милитаризация массового сознания в СССР со второй половины 20-х гг. нагнеталась через учебники, серийные научно-популярные издания («Массовая историческая библиотека», «Дешевая историко-революционная библиотека», «Массовая историко-партийная библиотека»), через массовое издание мемуаров о Первой мировой и Гражданской войнах, рассказы взрослых — участников войн²⁵². Процесс складывания идентичности советского человека можно представить как процесс ограничения и кристаллизации нового культурно семиотического пространства. Основами этого пространства становились ленинские оценки

мира, примитивизация картины мира на основе классовой борьбы угнетенных рабочих и угнетателей-капиталистов. Что касается текстов — они были адаптированы в связи с коммуникативными особенностями адресата — рабочих с низким общеобразовательным уровнем. Приемы речевой и жанровой стилизации ориентированы на сближение повествования со сказом²⁵³.

Подавляющее большинство рабочих, хотя и с разных позиций, одобрительно относились к деятельности оборонно-массовых организаций, ведущих активную патриотическую пропаганду. Рабочие составляли значительную часть членов Осоавиахима, охватившего к 1 апреля 1941 г. более 13,7 млн человек. О масштабе охвата рабочих промышленности оборонно-массовыми организациями можно судить по опубликованной отраслевой статистике. Так, на конец 1939 г. в Осоавиахиме состояло свыше 25% работавших в станкоинструментальной промышленности²⁵⁴. Только за 1934—1935 гг. в Осоавиахиме было подготовлено свыше 1 млн стрелков и 1 млн парашютистов.

Приведенные цифры позволяют говорить об активной поддержке рабочим классом СССР мер, направленных на укрепление обороноспособности страны. Длительность и прочность патриотических, соборных настроений у рабочих определялась весьма разными факторами: и традициями российской культуры, и тотальным характером пропаганды, и отсутствием подлинных знаний о мире, да и о собственной стране.

В силу сказанного можно сделать вывод: в отличие от 20-х гг., в 30-е гг. рабочий класс в своей массе являлся безмолвным, но не послушным большинством городского населения. Обязательное участие в митингах, собраниях трудящихся с заранее запланированным сценарием, прослушивание громких чтот газет и бесед агитаторов, сообщений по радио — все это вместе насыщало духовный мир рабочих промышленности идеологизированными ценностями и штампами и в меньшей мере информацией. Вместе с тем опубликованные в прессе фотографии митингов конца 30-х гг., не совпадая с заголовками газетных передовиц, фиксируют отсутствие улыбок и глубокое раздумье. Глаза рабочих зачастую смотрят не на ораторов, а в землю. Люди учились сопоставлять лозунги и реальность, но втайне, про себя.

Поддерживая антитоталитарную направленность публикаций современной исследовательницы И.В. Павловой²⁵⁵, мы расходимся с ее позицией абсолютизации отсутствия какой-либо свободы выбора у советских людей в 30-е гг. Масштаб вовлечения рабочих в ряды партии; участие в стахановском движении; отклик на призывы к самозакреплению за предприятиями; отношение к религии, и многое другое свидетельствовали о сохранении эле-

ментов самостоятельного мышления, неподвластного правящей партии политических настроений.

До революции государство, стремясь найти опору в рабочем классе, выход видело в создании особой социальной группы — рабочих казенных заводов. Тем же путем, но другими методами действовало и Советское государство, что объяснялось однотипностью имперской модели развития, военным характером государства до и после 1917 г. Сохранение социальной мобильности подталкивало власть к выделению таких опорных слоев в рабочем классе, как выдвиженцы, партийная прослойка в рабочих коллективах. С завершением формирования управленческого эшелона новой социальной опорой должны были стать стахановцы, сочетавшие квалифицированный труд с преданностью правящей партии.

Государство выстроило сложную иерархию в рабочем социуме по этакратическому принципу, т. е. разделило рабочих на социальные группы в зависимости от политической лояльности режиму, социального происхождения, места проживания. Логика индустриализации, однако, вынуждала лидеров государства корректировать свою социальную политику и учитывать не только принципы политической лояльности рабочих, но и род занятий, профессиональную квалификацию и мастерство, хотя эти критерии все-таки выступали как вторичные. Усиление репрессивных методов во внутренней политике государства на протяжении 30-х гг., венцом которых стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»), привело к своеобразной форме закрепощения рабочих, созданию в составе рабочих крупной промышленности многочисленного класса (до 17%) лиц подневольного труда. Прикрепив рабочих к месту проживания и месту работы, создав новую иерархию внутри рабочего класса, сталинский режим фактически превратил промышленных рабочих СССР в ряд сословных групп. Таким образом, после деформации традиционного сословного деления населения дореволюционной эпохи, в 30-е гг. произошло становление новой социальной иерархии, в том числе и в рядах рабочих крупной промышленности.

Подчеркнем нелинейность процесса роста культурных ценностей у высококвалифицированных, среднеквалифицированных и особенно у неквалифицированных рабочих, составлявших большинство рабочего класса СССР. Если в области общеобразовательной подготовки главным достижением для новых попол-

нений рабочих стало лишь преодоление неграмотности и малограмотности и частично получение начального образования, а в сфере технического образования — сдача техминимума и (опять-таки частично) учеба на курсах повышения квалификации, то именно данный слой, желая улучшить жизненные условия, поверив в социалистическую мечту, устремился в ряды ВЛКСМ и ВКП(б); наиболее активно поддержал движение ударников и стахановский почин. Проблема заключалась в том, что масса новых рабочих оказалась в городских поселениях вне привычного уклада жизни, на положении маргиналов. Сложность проблемы заключалась еще и в том, что даже в крупных городах места проживания рабочих представляли все те же обособленные рабочие поселки.

Что же касается 30-х гг. — ни один социальный слой в СССР не мог чувствовать себя в безопасности. В 1934—1938 гг. не менее $\frac{2}{3}$ рабочих-партийцев оказались вне партии, вне власти, вне правящей элиты, а нередко и за чертой жизни. **Репрессии стали формой устранения противоречий между политически активной частью промышленных рабочих и диктаторским режимом.** Гибель значительной части выдвиженцев в 1937—1938 гг., как представляется, стала следствием несовместимости раннебольшевистских лозунгов (несущих ряд общедемократических требований) и имперских задач сталинского государства. Следовательно, о повышении социального статуса советских рабочих можно говорить в контексте перехода в управленческий слой, но с учетом массового истребления выдвиженцев во второй половине 30-х гг.

Истребление значительной части большевизированного слоя рабочего класса лишило власть одного из носителей модернизации. Постоянное выдавливание из рабочего класса кадров для быстрорастущего аппарата усиливало некомпетентность управленцев и лишало трудовые коллективы опытных рабочих. Такой рабочий класс мог поддержать тот или иной вариант форсированной индустриализации; мог в час военных испытаний удивить мир своей выносливостью и выдержкой. Однако ни общеобразовательный кругозор, ни потенциал политических знаний не позволял рабочему классу стать самостоятельным творцом модернизации в стране.

Примечания

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 403—404.

² Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 107—108.

³ В сборнике были представлены статьи историков «нового направления».

⁴ Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России. С. 107—108.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XX—XX в. // Отечественная история. 1997. № 4. С.40—53.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 117.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX—XX в. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 44—45.

¹² Яров С.В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 6.

¹³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 126.

¹⁴ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX—XX в. С. 49.

¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII—XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 343.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 81.

¹⁸ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX—XX в. С. 47.

¹⁹ См.: Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в начале XX в. // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 20—35.

²⁰ См.: Хеймсон Л. Меншевики и большевизм (1903—1917 гг.): Формирование менталитетов и политической культуры // Меншевики в 1917 г.: В 3-х т. М., 1994. Т. 1. С. 34; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 222.

²¹ См.: Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 гг. М., 2004. С. 36.

²² Власть и оппозиция. Российский политический процесс. XX в. М., 1995. С. 78.

²³ Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XX—XX в. С. 48.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. С. 227.

²⁶ Хеймсон Л., Бриан Э. Стачечное движение в России во время Первой мировой войны: Количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX—XX в. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 88.

²⁷ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 132.

²⁸ Власть и оппозиция. Российский политический процесс. XX в. С. 76.

²⁹ См.: Хеймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XX — начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с

социал-демократической интеллигенцией // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 42 — 43.

³⁰ См., например: Танеев А.П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 1.

³¹ Макаров Ф.П. Октябрь и Гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932.

³² Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII — XX вв. М., 1931

³³ Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. С. 148, 150.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Лещинский Н. Мотовилиха. Свердловск, 1929. С.20—21.

³⁶ Чашин В.А. В суровые годы. Воспоминания старого большевика. Свердловск, 1967. С. 118 — 119.

³⁷ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года. Одесса, 1967. С. 162—164.

³⁸ Адамов В.В. Некоторые вопросы истории буржуазно-демократической революции на Урале // Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. М.; Л., 1967. С. 84.

³⁹ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 2. Челябинск, 1995. С. 224, 229.

⁴⁰ Юдина Л.С. Революционное движение на Урале. Челябинск, 1995. С. 180

⁴¹ Подсч. по: там же. С. 161, 171; Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. Материалы приложения 1.

⁴² Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 2. С. 228.

⁴³ Там же. С. 230.

⁴⁴ Там же. С. 231.

⁴⁵ Там же. С. 225.

⁴⁶ Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX — начало XX в.) Автореф. докт. дисс. Челябинск, 2003. С. 34.

⁴⁷ Нарский И.В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901—1916 гг.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII—XX вв. Челябинск, 1997. С. 128.

⁴⁸ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 2. С. 309.

⁴⁹ Уральский коммунист. 1932. № 4. С. 62.

⁵⁰ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 2. С. 284.

⁵¹ Нарский И.В. Политические партии в российской провинции (Урал, 1901—1916 гг.). С. 127—128.

⁵² Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 161.

⁵³ Там же. С. 161—162.

⁵⁴ Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XVIII—XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 72.

⁵⁵ Поршнева О.С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914—1918 // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 438.

⁵⁶ См.: Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблем // Первая мировая война: пролог мировой истории. М., 1998. С. 436—437.

⁵⁷ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). С. 170.

⁵⁸ Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 19—20, 27, 28.

⁵⁹ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 137—138.

⁶⁰ См.: Кирьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137—150.

⁶¹ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 139—140.

⁶² Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. С. 300.

⁶³ Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 8—9.

⁶⁴ Сидоров К. Рабочее движение в России в годы империалистической войны (1914 — 1917 гг.) // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 198.

⁶⁵ См.: Вардин Ил. Российский пролетариат и мировая война. М., 1925. С. 19.

⁶⁶ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 147—149.

⁶⁷ Адамов В.В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции. С. 164.

⁶⁸ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России // Первая мировая война: пролог XX века. С. 245.

⁶⁹ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) С. 199—200.

⁷⁰ ГАСО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 202. Л. 1—15; Ф. 24. Оп. 14. Д. 955. Л. 71—73.

⁷¹ Юдина Л.С. Трудовая этика на заводах Урала в годы Первой мировой войны // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 220—221.

⁷² Там же. С. 224—225.

⁷³ См., например: Рабочий класс Удмуртии. 1861—1986 г. С. 30—31.

⁷⁴ См.: Булдаков В.П. От войны к революции: рождение человека с ружьем // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

⁷⁵ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 156—157.

⁷⁶ См.: Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. С. 119.

⁷⁷ Первая мировая война: пролог XX в. С. 224—225.

⁷⁸ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917—1918 гг. М., 2004. С. 12.

⁷⁹ Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 7.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Степанов З.В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания М.; Л., 1965. С. 48—49.

⁸² История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1984. С. 81, 116.

⁸³ Там же. С. 116.

⁸⁴ См.: Спирин Л.М. Россия 1917 г.: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 252, 293—293, 298—300.

⁸⁵ См.: Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917—1918 гг. С. 26—27, 30, 36—39.

⁸⁶ Там же. С. 30.

⁸⁷ Там же. С. 43—44.

⁸⁸ Там же. С. 44—45.

⁸⁹ Попов Н.Н., Московкин В.В. Деятельность эсеров Урала и Западной Сибири после выхода из подполья весной 1917 г. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 228.

⁹⁰ Спирин Л.М. Россия 1917 г.: Из истории борьбы политических партий. С. 290—291, 296—300, 316, 318—320.

⁹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 955. Л. 71—72.

⁹² Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927. С. 2—3, 73—77.

⁹³ См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 311; Попов Н.Н., Бугров Д.В. Время упущенных возможностей: Урал в 1917 году. С. 110; Зауральский край. 1917. 6, 8, 12 декабря.

⁹⁴ См., например: Каплюков В.В. Борьба большевиков Урала с мелкобуржуазными партиями за влияние на массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции (март 1917 г. — февраль 1918 г.). Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1986.

⁹⁵ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 гг. С. 52—55.

⁹⁶ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 108, 147.

⁹⁷ Подсчитано по: Лахман А.И. Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.). Киров, 1981, С. 7, 12.

⁹⁸ См.: Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. С. 124.

⁹⁹ Подсч. по: ГАПО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 24. Л. 1—24.

¹⁰⁰ См.: Ильченко В.Н. К вопросу о рабочем контроле на Урале (историография проблемы) // История России первой трети XX века: Историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996.

¹⁰¹ Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 19.

¹⁰² Уральское хозяйство. 1918. № 32. С. 8.

¹⁰³ Гимпельсон Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 3. С. 38.

¹⁰⁴ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 гг. М., 1982. С. 180.

¹⁰⁵ Там же. С. 39.

¹⁰⁶ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917—1918 гг. С. 84—85.

¹⁰⁷ Там же. С. 84.

¹⁰⁸ Там же. С. 352.

¹⁰⁹ Там же. С. 354—355.

¹¹⁰ Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 22.

¹¹¹ Там же. С. 44.

¹¹² Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. С. 37—38.

¹¹³ Там же. С. 80.

¹¹⁴ Там же. С. 96—99.

¹¹⁵ Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. С. 12, 14.

¹¹⁶ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. С. 80.

¹¹⁷ См. например: Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. (1917—1921 гг.) С. 179.

¹¹⁸ Подсч. по: Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 г. М., 1982. С. 203.

¹¹⁹ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. С. 65.

¹²⁰ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. С. 180—181, 198, 203.

¹²¹ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. С. 116.

¹²² Свыше 200 тыс. промышленных рабочих в течение 1918 г. какое-то время являлись безработными. См.: Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. С. 27.

¹²³ Подсч. по: Дубленных В.В. Историки об участии рабочих и крестьян Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г. // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 41, 43, 45; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 528—529.

¹²⁴ Подсч. по: ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 51. Л. 94 об—95.

- ¹²⁵ Русанов В.И. Энтузиасты первой пятилетки. С. 20; ГАНИОПДПО. Ф. 620. Оп. 10. Л. 25.
- ¹²⁶ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп.1. Д. 83. Л. 121.
- ¹²⁷ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачество в трех веках. Челябинск, 1999. С. 318.
- ¹²⁸ Воробьев С. Социальный портрет коммунистов Урала начала 20-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 154
- ¹²⁹ Исаков С.М. Мусульмане России: особенности социального поведения // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. С. 15, 19.
- ¹³⁰ См. подробно: Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914—1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 110—120.
- ¹³¹ Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 8—9, 12.
- ¹³² Там же. С. 13.
- ¹³³ Там же. С. 13—15, 21, 47, 165.
- ¹³⁴ Яров С.В. Политизация досуга в 1917—1925 гг.: структура и формы клубов // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. (Вопросы истории Урала. Вып. 19). Екатеринбург, 2006. С. 30.
- ¹³⁵ Там же. С. 229—236.
- ¹³⁶ Там же. С. 238.
- ¹³⁷ См.: Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. № 18. С. 152—154.
- ¹³⁸ Власть и оппозиция. Российский политический процесс. XX в. М., 1995. С. 110.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 136—137.
- ¹⁴¹ Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 50.
- ¹⁴² Письмо С. Клименко И.В. Сталину. 3 октября 1926 // Письма во власть. 1917—1927. М., 1998. С. 539—540.
- ¹⁴³ См., например: ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 219. Л. 5—13, 33—35.
- ¹⁴⁴ Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. С. 102.
- ¹⁴⁵ Власть и оппозиция. Российский политический процесс. XX в. С. 98—99.
- ¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 357. Л. 4—7.
- ¹⁴⁷ Взято из: Уральский коммунист. 1922. №. 2. С. 18.
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 357. Л. 75—76; 83—86.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 359.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 450. Л. 13.
- ¹⁵¹ См.: Делицой А.И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1919—1931 гг.: проблема взаимоотношений. Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 1998.
- ¹⁵² Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 24.
- ¹⁵³ См. об этом: Фельдман М.А. Власть и труд: теоретические споры в верхнем эшелоне большевиков по рабочему вопросу (осень 1927 г.) // Уральский исторический вестник. (Власть и общество в российской провинции). 2005. № 10—11. С. 136—143.

- ¹⁵⁴ Положение труда на Урале в 1923 году // Труды Урал. обл. стат. бюро. Сер. 3. Т. 2. Екатеринбург, 1924. С. 50.
- ¹⁵⁵ См. подробно: Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 50—51, 164—165.
- ¹⁵⁶ Подсч. по: Кирьянов Ю.И. Литература о трудовых конфликтах // Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М., 1998. С. 23.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Отечественная история. 2002. № 2. С. 123.
- ¹⁵⁹ Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 г. С. 11, 20.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 23, 314.
- ¹⁶¹ Подсч. по: Вопросы труда. 1927. № 1. С. 114.
- ¹⁶² Подсч. по: Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. С. 13, 14, 25.
- ¹⁶³ Там же. С. 15
- ¹⁶⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 317. Л. 3—12.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32. Л. 3—5, 16—17.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ См.: Яров С.В. О пользе нового прочтения документов / Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история. 2002. № 2. С. 114.
- ¹⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 317. Л. 3.
- ¹⁷⁰ Подсч. по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 2—3.
- ¹⁷¹ Подсч. по: Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 г. С. 23.
- ¹⁷² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 71. Л. 5, 17.
- ¹⁷³ Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 г. С. 126.
- ¹⁷⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 304. Л. 3, 19—20.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 37.
- ¹⁷⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 11. Л. 241.
- ¹⁷⁷ См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 284—285.
- ¹⁷⁸ Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 г. С. 103.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 333.
- ¹⁸⁰ ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 6. Д. 70. Л. 17—18, 20.
- ¹⁸¹ Там же. Д. 71.
- ¹⁸² См.: Вопросы истории. 2005. № 2. Рождение партийной номенклатуры (публикация подготовлена М.В. Зеленовым). С. 11.
- ¹⁸³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 46. Л. 55.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 63. Л. 55.
- ¹⁸⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.
- ¹⁸⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 24. Л. 73.
- ¹⁸⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 5. Л. 429; ГАНИОПДО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 91. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 123. Л. 19; Д. 116. Л. 2.
- ¹⁸⁸ Уральский коммунист. 1924. №7—8. С. 45.
- ¹⁸⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 22; ГАНИОПДО. Ф. 557. Оп. 4. Д. 91. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 217. Л. 28.

- 190 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 45. Л. 3.
- 191 Подсч. по: ГАСО. Ф. 272. Оп. 4. Д. 88. Л. 88—90.
- 192 История советского рабочего класса. Т. 2. С. 117.
- 193 См.: Куликов В.М., Шевчикова В.А. Рост и улучшение качественного состава рядов Уральской областной партийной организации // Из истории партийных организаций Урала. Сб. 1. Свердловск, 1973. С. 73—76.
- 194 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 13. Л. 449—450.
- 195 Там же. Ф. 4. Оп. 6. Д. 64. Л. 3.
- 196 См. например: История советского рабочего класса. Т. 2. С. 301—320.
- 197 Подсч. по: там же. С. 301.
- 198 См.: Гимпельсон Е.Г. Руководящие советские кадры: 1917—20-е гг. // Отечественная история. 2004. № 6. С. 61—67.
- 199 Там же. С. 65.
- 200 Там же. С. 62—63.
- 201 Там же. С. 66.
- 202 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101—102.
- 203 Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25—29 июня 1936 г. М., 1936.
- 204 Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч. 1. М., 1928. С. 504, 506, 514.
- 205 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 677. Л. 63—65.
- 206 История советского рабочего класса. Т. 2. С. 302—303.
- 207 Подсч. по: Юдин И.Н. Социальная основа КПСС. М., 1973. С. 103.
- 208 Подсч. по: там же. С. 304.
- 209 Профсоюзная перепись 1932—1933 гг. М., 1934. С. 60.
- 210 Юдин И.Н. Социальная основа КПСС. С. 126.
- 211 Подсч. по: XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 83.
- 212 Подсч. по: Юдин И.Н. Социальная основа КПСС. М., 1973. С. 102.
- 213 Подсч. по: Что это было? М., 1989. С. 176; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 137—138.
- 214 Подсч. по: там же. Т. 2. С. 302—303; Т. 3. С. 137—138.
- 215 Уральский коммунист. 1933. № 12. С. 5. Там же указывалось и на соревнование между партийными комитетами Урала на предмет: кто больше примет рабочих в партию.
- 216 Москвина Р.Т. Чистка в партии как средство прекращения политического развития // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 209—210.
- 217 Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. London, 1995. P. 293.
- 218 Социальный облик рабочей молодежи по материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. М., 1980. С. 172.
- 219 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 186. Л. 3; Оп. 7. Д. 82. Л. 1.

- 220 Подсч. по: Бакунин А.В., Москвина Р.Т. Изменения в социальном составе партии в период индустриализации. С. 66; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 186. Л. 3; ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 15. Д. 191. Л. 2; ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 3. Л. 109.
- 221 Подсч. по: XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 83.
- 222 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 438. Л. 32.
- 223 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 24. Л. 73.
- 224 Гимпельсон Е.Г. Орабочивание советского государственного аппарата: иллюзии и реальность. С. 43—44.
- 225 Там же. С. 44.
- 226 См.: Большевик. 1940. № 21. С. 7—13.
- 227 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 219. Л. 7, 15; Секачева Л.М. Партийное руководство деятельностью профсоюзных организаций промышленных предприятий Урала в годы третьей пятилетки. (1938—1941). Автореф. докт. дисс. Свердловск, 1981. С. 17.
- 228 Подсч. по: Уральский рабочий. 1940. 15 марта, 14 ноября; Звезда. 1940. 14 ноября; ЦДНИЧО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 4. Л. 22.
- 229 Большевик. 1940. № 21. С. 12.
- 230 Рашин А.Г. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. С. 152, 156—157.
- 231 Чуфаров В. Г. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1920—1927 гг. // Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1917—1937). Свердловск, 1982. С. 60.
- 232 Попова С.М. Контент-анализ в исследовании облика положительного героя на страницах газет 30-х гг. // Количественные методы в исследовании истории рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 34, 43.
- 233 Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Свердловск, 1976. С. 149.
- 234 Яров С.В. Пролетарий как политик. С. 166.
- 235 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 280. Л. 1—2.
- 236 См.: Фельдман М.А. Вспоминая Рабкрин // Политическая агитация. 1989. № 3. С. 17—30.
- 237 Урал: век двадцатый. С. 107.
- 238 См. Фельдман М.А. К вопросу о возникновении и развитии движения за многостаночное обслуживание и совмещение профессий на предприятиях Урала // Социалистическое соревнование в народном хозяйстве Урала в условиях социализма. 1937—1975. Свердловск, 1984; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 79.
- 239 Яров С.В. Политические взгляды рабочих на раннем этапе нэпа: механизмы унификации и контроля (1921—1923 гг.) // Клио. 1997. № 3. С. 133.
- 240 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9 Д. 219. Л. 35, 37.
- 241 Бакунин А.В. Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение. Свердловск, 1993. С. 76.

- ²⁴² См.: Терехов В.С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003. С. 68.
- ²⁴³ См., например: Таяев А.П. Проблема промышленных кадров для «Большого Урала» // Уральский коммунист. 1930. № 3—4. С. 20—33. См. также: Фельдман М.А. Последнее предупреждение: статьи А.П. Таяева в уральской печати.
- ²⁴⁴ См.: Залыгин С.П. После бури. Иркутск, 1984.
- ²⁴⁵ Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 30-е годы XX в. Автореф. канд. дисс. ... ист. наук. М., 1996. С. 33.
- ²⁴⁶ См.: Гимпельсон Е.Г. Орабочивание советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5. С. 38—45.
- ²⁴⁷ Подшивалов А.А. Меч без щита. Ижевск, 1991. С. 16.
- ²⁴⁸ Подсч. по: Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская обл. Екатеринбург, 1999. Т. 1. С. 11—111; Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 7—138.
- ²⁴⁹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40 953. Л. 129; Д. 17 479. Л. 157—160 ; Д. 23 831. Л. 176—180.
- ²⁵⁰ ГАДПРПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26 710. Л. 1—159.
- ²⁵¹ Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. London, 1995. P. 305.
- ²⁵² Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 377, 379—383.
- ²⁵³ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 156.
- ²⁵⁴ Социальный облик рабочей молодежи. С.195.
- ²⁵⁵ См.: Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 51.
- ²⁵⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С.1 —14, 15, 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории изменений социокультурного облика рабочих в дореволюционный и послереволюционный периоды как единого исторического процесса позволяет сделать следующие выводы.

Эволюция социокультурного облика промышленных рабочих России отразила весь ход противоречивых процессов первых десятилетий XX в., в ходе которых российская и советская экономика решали задачи завершения раннеиндустриальной и осуществления позднеиндустриальной модернизации. Эпоху первых десятилетий XX в. следует рассматривать как переходную от *преимущественно* доиндустриального общества к индустриальному. Наш вывод отличен и от марксистской оценки уровня развития российского общества как преимущественно индустриального уже к началу XX в.

Но не только этим определялась сущность и содержание перемен в социальном и культурном потенциале рабочего класса. На масштабную социокультурную трансформацию российского и советского пролетариата в не меньшей степени влияли социальное происхождение и культурный уровень конкретных групп рабочих, направленность культурных преобразований в нашей стране в 1900—1940 гг. Кроме того, **тот природно-климатический фактор в истории России, о котором столь много писали С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, наглядно проявился в роли земельных участков, личного хозяйства рабочих России и СССР в целом.**

Причудливая проекция социальных катаклизмов первых десятилетий XX в. на взаимодействие традиционной и индустриальной культуры проходила в условиях войн и революций, «социалистического эксперимента», активными участниками которых выступали промышленные рабочие. В полуфеодальной России, а затем в СССР степень и быстрота перемен социокультурного облика промышленных рабочих зависели от близости к власти различных групп рабочих. Не только революционные потрясения, но и отдаление от властных структур грозили социальной группе и конкретному индивидуальному рабочему понижением социокультурного статуса.

В начале XX в. неоднородность структуры и технического состояния предприятий промышленности России, сохранение неравенства сословного характера внутри рабочего социума закономерно формировали качественно разнородный состав про-

мышленных рабочих. Вместе с тем существовал целый ряд общих структурообразующих признаков рабочих промышленности: низкий уровень механизации производственных процессов, преобладание тяжелого ручного труда, фрагментарный характер социальной защиты и, как следствие, незавершившийся процесс формирования рабочих индустриального типа. Квалификационный и общеобразовательный уровень рабочих крупной промышленности России не только в целом, но и на передовых предприятиях края не соответствовал техническому потенциалу индустрии.

Внутри массива квалифицированных рабочих России сформировалась социальная группа, отличавшаяся современным отношением к труду, **склонная адаптироваться к правилам жизни, диктуемых капитализмом**. Такая адаптация включала в себя и способность постепенного восприятия культурных ценностей индустриального общества, и сопричастность к ценностям общественно-политической жизни России.

Этот слой рабочих осуждал пьянство, недисциплинированность, невежество и бескультурье, участвовал в деятельности культурно-просветительных организаций. В первые десятилетия XX в. стали заметнее различия в одежде и быте внутри рабочего социума. Одежда, внешний вид, манера держаться мало отличали квалифицированных рабочих от низовых представителей интеллигенции и служащих. У наиболее развитых рабочих — квалифицированных, грамотных, социально активных — тяга к образованию была связана с надеждой на духовно богатую жизнь, повышение производственной квалификации, улучшение материального положения.

Квалифицированных рабочих (около трети всего промышленного пролетариата России), чаще всего местных, т. е. живущих длительный срок в одном поселении, отличали, если говорить о провинции, владение значительными земельными участками, собственным жильем, а в казенных горнозаводских округах — гарантии социальной защиты. Личное хозяйство рабочих, выступая в качестве сложного многофункционального института, пропитанного разноречивым множеством различных культурных функций, позволяло не только выжить в сложных климатических условиях, эпоху политических и социальных потрясений, но и являлось объектом культуры, так как передавало традиции отношения к земле и природе, давало средства на продолжение учебы и повышение квалификации. **В том классе, который рассматривался как обездоленный пролетариат, к 1914 г. возник относительно обширный слой рабочих-собственников, обладающих системой социальной защиты.**

Преобладание в составе промышленных рабочих России обширного массива малоквалифицированных, неграмотных, малограмотных пролетариев дает отрицательный ответ на вопрос о способности промышленных рабочих возглавить культурные преобразования в стране. Вторую социальную группу (примерно $\frac{2}{3}$ промышленного пролетариата страны) представляли рабочие переходного этапа от мануфактурной к индустриальной эпохе, обладающие целым рядом общих структурообразующих признаков, основанных на низком уровне механизации производственных процессов и, как следствие, на преобладании тяжелого ручного труда, обладающие фрагментарным характером социальной защиты.

Те местные рабочие, которые вплоть до 1917 г. владели земельными наделами на правах пользования, не ощущали себя хозяевами. Жизнь в поселках или на мало отличающихся от поселков городских окраинах обуславливала более долгое и полное сохранение обычаев и обрядов в их традиционной форме; удерживались и традиции земледелия. Среди рабочих этой категории преобладали местные труженики, но, как правило, в первом поколении. Большинство пролетариев, являясь малоквалифицированными рабочими, не интересовались событиями политической и культурной жизни страны.

Третью социальную группу, низшую группу внутри рабочего класса России, составляли классические пролетарии — неквалифицированные, низко оплачиваемые, частично — временные, сезонные рабочие, не имеющие ни своего жилья, ни земельных участков в городских поселениях. На их долю приходилась примерно четверть всех рабочих промышленности России. «Пришлые» рабочие заведомо оказывались в положении маргиналов не только городского, но и поселкового горнозаводского населения. Многое зависело от специфики конкретного завода, исторического и природного фактора. Знаменательно, что в советской историографии именно пришлые рабочие рассматривались как «чистые пролетарии», подлинные рабочие. Наши исследования показывают, что «пришлые» представляли собой наиболее обездоленную и наименее культурную в целом часть рабочих крупной промышленности. Этот социальный слой отличался высоким уровнем заболеваемости, психической неустойчивостью, готовностью к поддержке леворадикальных лозунгов. Иерархия социокультурных ценностей российских пролетариев отвергала поведенческие нормы, этические и политические устои буржуазного общества.

В ходе Первой мировой войны в результате ухода в армию части кадровых, местных рабочих, отката назад социальных заво-

еваний рамки социума обездоленных пролетариев и его воздействие на остальных рабочих возросло, что и обеспечило победу леворадикальных сил.

После Октябрьской революции **культурную политику государства стали определять представители социальных низов.** Изменилось и социальное пространство, в котором существовали рабочие России: с учетом гибели, эмиграции, деклассирования представителей бывших сословий произошло **упрощение социальной структуры советского общества, снижение его интеллектуального потенциала.** Если у местных рабочих старших возрастов, прошедших до революции школу повсеместного общения с представителями интеллигенции и служащих, сохранялись традиционно-консервативные, патриархальные убеждения, то после Гражданской войны молодежь и «пришлые» рабочие нередко были настроены на поддержку «социалистического эксперимента», радикальных методов решения проблем; на нигилистическое восприятие культурных традиций. Однако (волшебное слово российской истории!) представители властных структур были вынуждены учитывать требования модернизации, а с ними — продолжения традиционных программ культурного развития страны, естественно, окрашенных в идеологические цвета.

До Октябрьской революции 1917 г. государство проводило селективную патерналистскую политику, поощряя прежде всего коллективы казенных предприятий, квалифицированных рабочих. Такая политика позволяла сохранять на протяжении XVIII — начала XX в. потомственные рабочие кадры на предприятиях военного назначения, в рамках формирования, по сути, своеобразного «рабочего сословия».

Тем же путем, но другими методами действовало и Советское государство, что объяснялось однотипностью имперской модели развития, военным характером государства до и после 1917 г. Сохранение социальной мобильности подталкивало власть к выделению таких опорных слоев в рабочем классе СССР, как выдвиженцы, партийная прослойка в рабочих коллективах. Государство выстроило сложную иерархию в рабочем социуме по этатратическому принципу, т. е. разделило рабочих на социальные группы в зависимости от политической лояльности режиму, социального происхождения, места проживания. Логика индустриализации, однако, объективно вынуждала лидеров государства корректировать свою политику и учитывать в социальной политике (особенно ощущая приближение войны, на рубеже 30—40-х гг.) не только принципы политической лояльности рабочих, но и род занятий, профессиональные квалификацию и мастерство.

Таким образом, после деформации традиционного сословного деления населения дореволюционной эпохи, **в 30-е гг. произошло становление новой социальной иерархии, в том числе и в рядах рабочих крупной промышленности СССР.**

Следствием указанных процессов стало усиление разнородности рабочих советской крупной промышленности. Но если в начале XX в. в составе пролетариата преобладали рабочие переходного этапа (от мануфактурной к фабрично-заводской эпохе), то к 1941 г. преобладающим стал массив рабочих, характерных для раннеиндустриальной модернизации. Масштаб текучести промышленных рабочих, достигнув пика в начале 30-х гг., а затем в конце 30-х гг. затруднял формирование постоянных рабочих коллективов, повышение технического мастерства советских рабочих. Глобальное омоложение и обновление рабочих коллективов не могло не отразиться на уровне квалификации рабочих.

Со сложными заданиями могли справляться только рабочие 6—8-го разряда. Тем значимее было формирование к 1941 г. многочисленного слоя квалифицированных рабочих, связанных со сферой распространения индустриального труда; способных к выполнению сложных производственных заданий. К этому слою относились **около 20%** рабочих крупной промышленности СССР. Характерными чертами этого слоя трудящихся стали, как правило, законченное начальное образование у лиц среднего и старшего возраста; семилетнее — у молодых рабочих. Небольшой слой рабочих (2% от общей численности промышленных рабочих) обучался без отрыва от производства в техникумах и вузах. Такое явление не являлось сугубо социалистическим: аналогичные процессы проходили и в развитых капиталистических странах.

Как и до 1917 г., социальный облик большинства квалифицированных рабочих определяли наличие трудового стажа более пяти лет; высокий удельный вес потомственных рабочих; потребность в совершенстве технических и общеобразовательных знаний. Эти факторы подталкивали квалифицированных рабочих к общению и сближению с интеллигенцией и служащими как внешне, прежде всего в одежде, так и в проведении досуга, сфере культурных потребностей, например в техническом творчестве. Такому сближению способствовали (и это было новым явлением) заработки, близкие к оплате труда инженеров. Улучшение своего статуса квалифицированные, потомственные рабочие видели в повышении своего культурно-технического уровня, в продвижении в рамках производства.

Отличием от дореволюционной эпохи стало отсутствие некоторых сословных, т. е. передающихся в зависимости от ведомственной принадлежности и закреплённых в законодательном порядке, привилегий. К отличиям следует отнести и большую

разобщенность квалифицированных рабочих в силу отсутствия собственных независимых организаций и обращения государственного патернализма преимущественно к другим слоям рабочих. **Этот слой рабочих как в 20-е, так и в 30-е гг., в своей массе оказался вне рядов правящей партии.**

Материалы Всесоюзной переписи 1937 г. показали глубину нравственного влияния религии на рабочих старших и средних возрастов. Борьба верующих в рабочих центрах за неприкосновенность культовых зданий свидетельствовала о сохранении между ними прочных связей. Итоги переписи стали не только показателем определенной *оппозиции* рабочих по отношению к власти, но и свидетельствовали о влиянии религиозных атрибутов на трансформацию духовно-нравственного облика людей 20—30-х гг., например на переход христианских моральных ценностей (вера, любовь, терпение, жертвенность и др.) в разряд моральных ценностей советского общества. На сохранение религиозного восприятия мира влиял и тот факт, что коммунистический режим использовал элементы религиозного сознания, внешние формы религиозного культа в своих политических интересах. Сохранение религиозных верований у кадровых рабочих сочеталось с рациональным подходом к системе мотивации труда на производстве (в том числе и участием в различных формах социалистического соревнования), а также тщательно скрытой, но тем не менее весьма прагматичной оценкой коммунистической пропаганды и агитации.

О наличии специфической системы социокультурных ценностей у кадровых рабочих индустриального типа свидетельствуют и такие поведенческие нормы, как прагматизм поведения на производстве и в быту, связанный со стремлением сохранить и приумножить материальный достаток; *самостоятельный* интерес к повышению образовательных и технических знаний, к культурным ценностям городской цивилизации. Повышение уровня жизни и социального статуса связывалось прежде всего с ростом квалификации.

В рамках советской промышленности оставались незавершенными преобразования индустриального этапа модернизации. Частичная механизация топливно-энергетического комплекса, промышленности стройматериалов, деревообработки, легкой и пищевой привели к сохранению значительной армии раннеиндустриальных рабочих, составляющей подавляющую часть всего промышленного рабочего класса. Достижение высокой квалификации в названных отраслях, как правило, было связано с максимальной интенсификацией труда. Среди рабочих доминировали жители городских поселений в первом или втором поколениях.

Отличительными чертами этой социальной группы являлись, как правило, незаконченное начальное образование и обучение помимо техминимума на курсах повышения квалификации. Возможность трудиться, не повышая свой культурный уровень, препятствовала занятиям рабочих в системе технической и общеобразовательной учебы. Доминирование ручного труда, невысокие заработки, низкое качество жилья и питания, одежды в определенной степени компенсировались рядом форм социальной защиты: всеобщей занятостью, гарантированным минимумом товаров и услуг, бесплатным медицинским обслуживанием и образованием. Сохранялась и надежда на «лучшее завтра». Причудливое сочетание столь разных сторон бытия и сознания вырабатывало у этой категории рабочих стремление не потерять, а сохранить существующее положение на производстве. Ставка на количественные показатели гарантировала низкие требования к выполняемой работе. Отсюда многочисленность тружеников данной категории, длительность сохранения ее в рабочем социуме на всем протяжении советской истории. По сути, эта социальная группа находилась в процессе классообразования.

Улучшение своего социального положения эта категория рабочих видела либо в интенсификации своего труда, либо в продвижении по общественной лестнице. Этот слой активно участвовал в движении ударников, стахановском движении; в начале 30-х гг. откликнулся на призывы вступления в партию. Масштабное исключение сотен тысяч рабочих из рядов ВКП(б) в середине 30-х гг. может рассматриваться как явление несовпадения интересов политического режима и широких масс рабочих. При этом в сознании этой категории рабочих производственные задачи причудливо преломлялись как «социалистические».

Систему социокультурных ценностей этой группы рабочих определяли: готовность подчиниться установкам государства на выполнение конкретных общеобразовательных и производственно-технических программ обучения; несамостоятельный, направляемый сверху интерес к простейшим культурным ценностям городской и индустриальной цивилизации. Синтез коллективистских, крестьянских традиционных взглядов и норм поведения, рациональных взглядов индустриального общества и утопических, навязанных пропагандой представлений порождал особенности социальной психологии, способность к самым противоречивым и противоположным акциям в прямой зависимости от исторической ситуации. Например, анализ требований рабочих в духовной сфере говорит о преобладании узкоклассового подхода, упрощенных оценках явлений культуры; отрицании, например, тех жанров театрального искусства, которые были непонятны рабочим.

Низший слой в составе рабочего класса СССР представляли малоквалифицированные рабочие, связанные в своей массе с тяжелым физическим трудом в горнодобывающем и лесозаготовительном комплексах, вспомогательных цехах предприятий. Значительную часть этой категории рабочих составляли выходцы из деревни, т. е. жители городских поселений в первом поколении. Отсутствие собственного жилья и личного хозяйства, жизнь в бараках или домах барачного типа порождали зачастую порочный круг бедности, выходом из которого могли быть поиски лучшей работы (до 26 июня 1940 г.); асоциальное поведение либо вера в чудо и патронат государства. Отсутствие собственности, либо ничтожные ее размеры лишали рабочих зон автономного быта, усиливали как зависимость от государственной машины, так и осознание такой зависимости. Закрытие церквей, мест религиозных культов, непривычка к городской жизни, неблагоустроенность жилья и социальной сферы затрудняли приобщение рабочих к культурным ценностям. Такой социальный статус подталкивал к консервации культурных ценностей доиндустриальной эпохи.

Образовательный уровень этого слоя определялся начальной школой у молодежи и малограмотностью остальных рабочих. Техническая подготовка, как правило, ограничивалась курсами техминимума. Социальную психологию малоквалифицированных рабочих определяли осознание пребывания на низшей ступени городского социума, а также тесные связи с крестьянством. В силу этого среди представителей данной страты были сильны эгалитарные настроения, близкие к официальной идеологии. Общественно-политические взгляды характеризовались диапазоном от слепого доверия к государственной пропаганде и агитации, к слухам, бытовавшим в советском обществе, до упорного сохранения традиционных обычаев и верований, стереотипов поведения. Неустойчивость общественно-политических представлений позволяла власти манипулировать социальным поведением рабочих.

Внутри этой категории рабочих выделялись спецпереселенцы и заключенные, постоянно занятые на работах в промышленности. Общей характеристикой этого слоя стал приоритет тех черт традиционной культуры, которые были нацелены на выживание. Контингент заключенных, используемых на работе в крупной промышленности, представлял собой еще более специфическую социальную группу, черты которой получили только частичное отражение в исторической литературе.

В целом для системы социокультурных ценностей низшего слоя рабочих было характерно: отсутствие интереса (или крайне слабое его проявление) к культурным ценностям индустриального общества; упорное следование традициям прежней (деревен-

ской или мешчанской) жизни; индифферентное отношение к программам повышения культурно-технического уровня рабочих; готовность к смирению с условиями быта.

Конечно, существовали общие черты культурного уровня промышленных рабочих СССР, определяемые невысоким в целом уровнем механизации, степенью благоустройства жилья; традициями отдыха; общностью традиций труда: выживали трудолюбивые. Эти черты усиливались укреплением патриотических чувств — видимо, главным достижением пропаганды советского времени.

Мутация противоречивых элементов традиционной и инновационной культуры затягивала процесс модернизации, а социальная и культурная неоднородность рабочего социума ширила масштаб противоречий советского общества. Социокультурное влияние рабочих носило противоречивый характер; было столь же неоднородно, как и сам рабочий класс. Высокое трудолюбие и мастеровитость, тяга к различным знаниям, к восприятию городской культуры у одной части рабочих соседствовали с примитивным восприятием культурных ценностей, враждебным отношением и отторжением незнакомых культурных богатств у другой, более многочисленной части рабочих.

Формирование узкого слоя рабочих, окончивших вузы, составлявшего менее 1% от численности рабочего класса СССР, ни в коей мере не отвечало задаче (безусловно, завышенной), сформулированной руководителями ВКП(б): поднять культурно-технический уровень рабочего класса до уровня интеллигенции. Завершение образования рассматривалось рабочими как возможность покинуть тяжелую, вредную для здоровья прежнюю профессию, прежнее низшее положение в обществе. Мы негативно оцениваем в целом институт выдвигенчества как *искусственный* механизм социальной мобильности, ослабляющий кадровый потенциал рабочего класса. Более того, управленческий корпус получал малограмотное пополнение, способное прежде всего к безусловному выполнению указаний сверху. Позитивный момент заключался в формировании у части рабочих тенденции к учебе как обязательной части продвижения по социальной лестнице.

Невелик был и слой рабочих, имевших семилетнее и выше образование. Для всего рабочего класса СССР этот показатель не превышал 8,4% — на порядок ниже, чем, например, в Германии. В силу высочайшей текучести рабочих кадров, безудержного роста рабочих рядов за счет крестьянских пополнений и лиц принудительного труда в составе рабочих промышленности доминировал рабочий с незаконченным начальным образованием. Называя вещи своими именами, для конца 30-х гг. это означало преобладание в составе класса-гегемона малограмотных людей. Новым

явлением стало появление категории молодых рабочих, для которых получение 7-летнего образования стало обыденной нормой, возможностью не уступать ровесникам из других слоев общества.

К сожалению, только у меньшей части рабочих СССР вырабаталась (либо сохранилась) способность критически оценивать технические, общеобразовательные знания и художественные ценности; приобщение к самостоятельному созданию элементов культуры городского общества индустриального типа. Даже у кадровых, квалифицированных рабочих в областном городе к поклонникам театра можно было отнести только каждого десятого. Примерно такой же слой рабочих занимался в клубных кружках, прежде всего в художественной самодеятельности. По нашим наблюдениям, большинство в трех названных группах составляли одни и те же, зачастую молодые рабочие. Таким образом, к концу 30-х гг. отчетливо проявилась утопичность надежд советского руководства на легкость и быстроту сближения культурных характеристик рабочих и интеллигенции.

Основная масса рабочих сохраняла прочность традиций хозяйственного быта, повседневных занятий и привычек, что во многом определило и сохранение традиционного социокультурного уклада промышленных рабочих. Сохранение религиозных убеждений у более половины советских граждан, в том числе, значительной части рабочих; сохранение земельных участков у кадровых тружеников промышленности; отчуждение рабочих от чтения общественно-политической литературы свидетельствовало о сопротивлении народной культуры коммунистическим догмам. **Вряд ли эту весьма значительную часть рабочего класса можно отнести к разряду покорных людей.** *Да и не выигрывают великие войны покорные люди.*

В этом мы видим прочность и основательность социокультурных характеристик советских рабочих. Характеристик, основанных на верности заводскому ремеслу, уважении к профессиональному мастерству; понимания личного хозяйства не только как хозяйственного механизма, но и в качестве объекта культуры, передающего традиции отношения к земле и природе, к смыслу жизни.

Рабочий-умелец и безразличный к своему делу, жилью, земле пролетарий возродились в послереволюционной России, но уже на более массовой основе, на более масштабном уровне восприятия и формирования культурных ценностей. Возродились те антиномические свойства российского характера, о которых писал Н.А. Бердяев: приверженность государственному началу и анархизм, неразвитость национального самосознания и национализм, неслыханная покорность и бунтарство, бесконечные духовные искания и обрядоверие; неразвитость личностного самосознания и настрой на всеобщее спасение.

Волнообразный характер российской модернизации проявился в ряде общественных «откатов» назад. Эксперименты с культ-походами, рабфаками, укороченными формами школьной и вузовской подготовки породили массив рабочих, только формально приобщенных к знаниям и городской культуре.

Широкомасштабные репрессии, унесшие значительную часть рабочих-выдвиженцев, во-первых, сузили нити, связывавшие до середины 30-х гг. рабочий класс и управленческий аппарат. Во-вторых, понизили уровень социальной мобильности, объективно дававший импульс развитию СССР в 20-е — первую половину 30-х гг.

Неоднократное шараханье от рациональной к бездумной системе мотивации труда на производстве и обратно вели к девальвации стимулов к труду и повышению квалификации рабочих; закономерно обусловили преобладание социума малоквалифицированных работников. Протест рабочих наиболее полно проявился в многомиллионных всплесках текучести кадров в начале и конце 30-х гг., негативно отразившихся на состоянии рабочих коллективов.

Наконец, потеря собственности и даже права на собственность; отказ от религиозных убеждений и традиций значительной части рабочих обусловили проявление разрушительных тенденций в процессах формирования социокультурного облика современных рабочих. Близость ценностей социалистического реализма, криминального или полукриминального мира становилась фундаментом формирования особого типа культуры, характерного для тоталитарного общества. Антигуманные акции в жизни советского общества 30-х гг. порождали готовность к безусловному признанию и одобрению всех «кирпичиков» социалистической культуры, которые одобрила власть, для части рабочего класса. Зависимость тоталитарного режима от технического прогресса порождала двойственность культурной политики советской власти: государство должно было поддерживать весьма не схожие части рабочего класса.

Весьма сложно выглядела синтезирующая модель рабочих промышленности СССР к 1941 г. Доминирующее влияние определенного слоя рабочих (а с ним и определенного типа социокультурных представлений и поведенческих норм) по-разному проявлялось в конкретных сферах экономической (производственной), социально-бытовой, культурной и политической жизни общества. Если до революции доминанту общественно-политических настроений рабочих России определяли местные, квалифицированные, потомственные труженики, то в 30-е гг. (не без помощи правящей партии) на первый план в *общественно-политической* сфере вышли представления «новых» рабочих, зачастую выходцев из деревни: вера в приход социализма и

коммунизма, непоколебимая любыми жилищно-бытовыми и производственными условиями. В *производственной* сфере приближение войны на рубеже 30—40-х гг. объективно обозначило важность и значимость роли кадровых, квалифицированных рабочих. В *социально-бытовой* сфере преобладание «барачного царства», казалось бы, не оставляло иных вариантов, кроме жизни, не способствовавшей ни учебе в школах взрослых, ни в системе технического образования, ни тем более посещению учреждений культуры. Однако государство поднимало на щит, рекламировало как образцовый быт рабочего, способного прикладывать дополнительные волевые усилия, для того чтобы преодолеть бытовую неустроенность, усталость от тяжелого физического труда; осуждало распространенное пьянство; поощряло занятия физкультурой. Физических и моральных сил на подобные действия чаще всего хватало у молодежи. Значительная часть молодого поколения рабочих, выходя из бараков, устремлялась в учреждения общеобразовательной и технической учебы; на стадионы, в дома культуры.

Что же касается многогранной сферы *культуры*, то сознание подавляющей части рабочих оставалось в рамках привычных, традиционных представлений, привычного языка, стереотипности мышления. Религиозность рабочих, хранимая женщинами, в большей степени связывалась с памятью о православных и мусульманских праздниках, чем о церковных обрядах. Зависимость рабочего от земельного участка, от подработки «на стороне» приводила к тому, что рост культуры труда только частично приходился на фабрично-заводское производство.

По сути, советский рабочий выступал как двуликий Янус: в различной исторической обстановке и конкретной ситуации наиболее зримо могли выступать совершенно непохожие черты труженика доиндустриальной, индустриальной и даже поздней индустриальной эпохи.

Сближение общественно-политического поведения различных социальных групп рабочих промышленности СССР власть искала (и не без успеха) на основе широкомасштабной патриотической пропаганды. Традиция служения государству, столь знакомая пролетариям бывших казенных округов, становилась противовесом в сознании рабочих СССР недовольству бедностью жизни в заводских поселках и городах. Возможно, в силу этого изученные источники не содержат осуждения одного из самых жестоких в советской истории — Указа от 26 июня 1940 г.

Внешнеполитический фактор сплотил на определенное время рабочих и власть. В этом был залог победы на фронте и в тылу. Время показало и срок длительности союза политического режима в СССР и рабочего класса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Жизнь на производстве: условия труда и стимулы к труду у рабочих России в первые четыре десятилетия XX века . . .	31
§ 1. Условия труда промышленных рабочих	31
§ 2. Мотивация труда рабочих на производстве в 1900—1928 годах	51
§ 3. Мотивация труда на предприятиях промышленности СССР в 1929 — июне 1941 года	69
Глава 2. Формирование социокультурного облика в личном хозяйстве и в быту.	100
§ 1. К вопросу о землепользовании рабочих России в первые десятилетия XX века.	100
§ 2. Собственники и пролетарии: жилищный вопрос в рабочей среде	120
§ 3. Питание, бюджеты — компоненты социального облика рабочих России и СССР.	151
Глава 3. Общеобразовательные характеристики различных социальных групп рабочих промышленности России и СССР	177
§ 1. Мир грамоты рабочих в 1897—1926 годах.	177
§ 2. Уровень образования рабочих СССР в 1927—1941 годах	188
Глава 4. Отношение к культурным ценностям у рабочих России в первые десятилетия XX века	221
Глава 5. Политические взгляды и социально-коммуникативная культура рабочих в 1900—1940 годах.	291
§ 1. Политические настроения и самооценка рабочих России в 1900—1917 годах.	291
§ 2. Политические настроения рабочих в первые годы советской власти (1917—1928 годы)	304
§ 3. Политические взгляды рабочих СССР в годы первых пятилеток	329
Заключение	355

Научное издание

**Сергей Павлович Постников,
Михаил Аркадьевич Фельдман**

**Социокультурный облик промышленных рабочих России
в 1900—1941 гг.**

Редактор *Г.М. Соколова*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А.Ю. Никулин*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 05.11.2008. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,0. Тираж 800 экз. Заказ № 7426

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Экономическая история
Документы, исследования, переводы